

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

Арҗамак¹²⁺

ТАТАРСТАН

№2 (30)

СЕНТЯБРЬ 2019

Л. Юсупова. Символический автопортрет для фото

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

Аргамак

ТАТАРСТАН

Основан в августе 2009 года

*Главный редактор
Алешков Николай Петрович*

№ 2(30) • СЕНТЯБРЬ • 2019

Болдино и Тарханы — места сакральные, святые для русского человека.

Два русских гения творили в одно и то же историческое время. Один принял эстафету от другого, написав «На смерть поэта». Старший заметил младшего как возможного преемника. Оба были убиты при похожих обстоятельствах...

Прошлой осенью в Пятигорске я слышал, как Николай Бурляев говорил о том, что Пушкин и Лермонтов не только поэты. Они были посвящены и избраны. В том числе, и для того, чтобы явить миру два великих СТИХОТВОРЕНИЯ с одним и тем же названием — ПРОРОК. Оба шли за Христом, оба принесли себя в жертву...

«Я свет пришёл в мир, чтобы всякий верующий в меня не оставался во тьме» (От Иоанна 12–46).

В конце мая нынешнего года я был в Тарханах. Через неделю я был в Большом Болдине. Думаю, и эта случайность — дополнение необходимости сказать о том, о чём говорю и думаю не я один, побывавший в этих святых местах...

Николай АЛЕШКОВ

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ

Василенко Светлана Владимировна – первый секретарь
Правления Союза российских писателей;

Ларионова Татьяна Петровна – исполнительный директор
республиканского фонда «Возрождение» (Татарстан);

Зарипов Айрат Ринатович – руководитель
республиканского агентства по печати
и массовым коммуникациям «Татмедиа»;

Крупин Владимир Николаевич – русский писатель, академик,
член Президиума Академии Российской словесности;

Суворов Виктор Семёнович – директор Набережночелнинского технологического
техникума, доктор педагогических наук.

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Бабаев А. Н. – председатель попечительского Совета Русской православной церкви
в Набережных Челнах, член Союза российских писателей (Набережные Челны);

Валеев Н. М. – доктор филологических наук, член Союза писателей России (Казань);

Гайнетдинов Р. Б. – заведующий отделом Департамента Президента
Республики Татарстан по вопросам внутренней политики (Казань);

Ермаков В. А. – заслуженный работник культуры РФ, член Союза писателей России (Орёл);

Иванов А. Н. – директор Библиотеки Серебряного века в Елабуге, лауреат Всероссийского
конкурса «Культурная мозаика малых городов и сел»;

Кан Д. Е. – член Союза писателей России (Оренбург);

Лимонова И. В. – член Союза писателей СССР (Москва);

Кузнецихин С. Д. – член Союза российских писателей (Красноярск);

Кузьмичева-Дробышевская О. В. – член Союза российских писателей (Набережные Челны);

Морозов Г. С. – член Союза писателей России (Касимов, Рязанская обл.);

Муратов П. Ю. – публицист, предприниматель, кандидат биологических наук (Новосибирск);

Переяслов Н. В. – секретарь правления Союза писателей России (Москва);

Рачков Н. Б. – секретарь правления Союза писателей России (Тосно, Ленинградская обл.);

Сарчин Р. Ш. – доктор филологических наук, член Союза российских писателей (Казань);

Чванов М. А. – президент Международного Аксаковского фонда,
член Союза писателей России (Уфа).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-58009 от 08 мая 2014 г.

выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Заместитель главного редактора – Александр Воронин

Технический редактор – Сергей Алешков

Дизайнер-верстальщик – Виталий Павлов

Художник – Ольга Белова-Недовизий

НА ВСЕ ВРЕМЕНА

Иван ИЛЬИН

*(из лекции «Александр Пушкин
как человек и характер»)
1943 г.*

Пушкин был послан русскому народу, чтобы наделить его доверием к самому себе, продемонстрировать его чудесное предзнаменование и великое обетование, придать ему воли к совершенству, указать верное направление, заверить его в том, что он сможет даровано преодолеть все свои исторические превратности и невзгоды, а за свою широту, удаль и любовь к свободе получит возможность поисков и обретения совершенной формы.

Таким образом, Пушкин сделался лучеиспускающим центром в истории русской культуры, воплощением её закономерности.

Словно огромный духовный резервуар, он вобрал в себя все подземные источники русской души; и скопившиеся в нём воды пришли в состояние благословенного творческого кипения, очищения и чудесной целительной гармонии...

И когда мы сегодня, в мировом масштабе, спрашиваем – куда ж теперь? С чего нам начинать, осиротевшим детям нового времени, – если вдруг словно гигантские обломки вынырнем из дьявольской дробилки нынешней мировой войны – с чего начинать, куда идти? – то мы, русские по национальности, знаем, куда и как: мы будем и дальше жить в русле созидательной традиции Пушкина...

Ираклий АНДРОННИКОВ

(из лекций о Лермонтове).

Никогда, ни в одной литературе мира не было примера, чтобы один великий поэт подхватил знамя поэзии, выпавшее из рук другого, чтобы он нёс его по завещанному пути и сам пал на поединке с теми же силами.

АЛЕКСАНДР ПУШКИН**ПРОРОК**

Духовной жаждою томим,
 В пустыне мрачной я влачился, —
 И шестикрылый серафим
 На перепутье мне явился.
 Перстами лёгкими как сон
 Моих зениц коснулся он.
 Отверзлись вещие зеницы,
 Как у испуганной орлицы.
 Моих ушей коснулся он, —
 И их наполнил шум и звон:
 И внял я неба содроганье,
 И горний ангелов полёт,
 И гад морских подводный ход,
 И дольней лозы прозябанье.
 И он к устам моим приник,
 И вырвал грешный мой язык,
 И празднословный и лукавый,
 И жало мудрыя змеи

В уста замершие мои
 Вложил десницею кровавой.
 И он мне грудь рассёк мечом,
 И сердце трепетное вынул,
 И уголь, пылающий огнём,
 Во грудь отверстую водвинул.
 Как труп в пустыне я лежал,
 И бога глас ко мне воззвал:
 «Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
 Исполнись волею моей,
 И, обходя моря и земли,
 Глаголом жги сердца людей».

МИХАИЛ ЛЕРМОНТОВ**ПРОРОК**

С тех пор как вечный судия
 Мне дал всеведение пророка,
 В очах людей читаю я
 Страницы злобы и порока.

Провозглашать я стал любви
 И правды чистые ученья:
 В меня все ближние мои
 Бросали бешено каменья.

Посыпал пеплом я главу,
 Из городов бежал я нищий,
 И вот в пустыне я живу,
 Как птицы, даром божьей пищи;

Завет предвечного храня,
 Мне тварь покорна там земная;
 И звёзды слушают меня,
 Лучами радостно играя.

Когда же через шумный град
 Я пробираюсь торопливо,

То старцы детям говорят
 С улыбкою самолюбивой:

«Смотрите: вот пример для вас!
 Он горд был, не ужился с нами:
 Глупец, хотел уверить нас,
 Что бог гласит его устами!

Смотрите ж, дети, на него:
 Как он угрюм, и худ, и бледен!
 Смотрите, как он наг и беден,
 Как презирают все его!»

ЖИВОТВОРЯЩЕЕ СЛОВО

В Большом Болдине завершился 53-й Всероссийский Пушкинский праздник поэзии

53-й традиционный праздник поэзии в Пушкинском Болдине проходил в этом году 1–2 июня. Он стал поистине грандиозным и по-настоящему народным событием на болдинской земле. В нём приняли участие более пяти тысяч человек: жители Большеболдинского района, поклонники поэта из других российских областей и республик, известные писатели и поэты, десятки творческих профессиональных и самодеятельных коллективов. Прежде всего отмечалось, конечно, 220-летие великого поэта. Но не был забыт и юбилей знаменитого Болдинского государственного музея-заповедника — ему исполнилось 70 лет.

1 ИЮНЯ

Первый праздничный день начался с выставки-ярмарки народных промыслов и ремёсел на ул. Кооперативной близ усадьбы Пушкиных. А художественным прологом праздника стало выступление творческого коллектива Нижегородского областного колледжа культуры с театрализованной программой «Из вечности — в вечность!» на открытой сцене в самой усадьбе музея-заповедника. Яркое красочное театрализованное действие, включающее в себя постановку сцен из произведений А. С. Пушкина, написанных поэтом здесь, хореографические и вокальные зарисовки на сюжеты инсценируемых произведений, стали смысловым аккордом всего праздника. На болдинской земле поэт испытал небывалый взлёт творческого вдохновения, здесь были созданы гениальные произведения, ставшие мировой и отечественной классикой.

На территории усадьбы работали творческие площадки, мастер-классы. Здесь проходили пленэры профессиональных мастеров кисти и художников любителей, детская интерактивная программа, соревнования по шахматам — любимой игре Пушкина, конкурс на лучшее поздравление «С днём рождения, Александр Сергеевич!». Все желающие посетили ретро-фотосалон и поучаствовали в селфи-акции «Мода пушкинской эпохи».

У беседки сказок прошла выставка работ победителей конкурса детских рисунков в рамках проекта «Болдинская осень» среди стран Африки и Ближнего Востока.

Усадьба музея-заповедника стала местом проведения фестиваля литературных музеев России, связанных с именами классиков российской литературы: А. С. Пушкина, М. И. Цветаевой и др.

На площади у кинотеатра «Лира» многочисленную аудиторию собрал фестиваль гармонистов. В этом году в Большое Болдино они приехали из Нижнего Новгорода и Нижегородской области, из города Муром, из республики Крым, из Мордовии. Более двух часов звучала русская гармонь. В фестивальной программе зрителей радовали дуэты и трио, а также яркие танцевальные композиции. Болдинцы и гости праздника зарядились позитивом, слушая и исполняя новые озорные частушки.

Спустившийся на Болдино дождь помешал проведению запланированного парада-шествия литературных героев А. С. Пушкина от научно-культурного центра до музея-заповедника. Зато этот парад состоялся в ротонде научно-культурного центра. Праздничное шествие возглавил «сам» Александр Сергеевич (актёр Акульчик). В колонне вместе с ростовыми куклами прошли героини пушкинских произведений, написанных в Болдине. Прозвучали стихи А. С. Пушкина и отрывки из сказок.

В выставочном зале музея-заповедника состоялось открытие юбилейной выставки нижегородского художника-акварелиста, члена Союза художников России Валерия Хазова. Большинство произведений, представленных в экспозиции, созданы автором в последние пять лет. Они посвящены болдинской усадьбе, храму, а также прудам и беседкам. Ряд акварелей воспроизводит уголки другой усадьбы — сына поэта Александра Александровича — в деревне Львовка.

Большеболдинская картинная галерея стала площадкой для открытия выставки «Слух обо мне пройдёт по всей Руси великой...». Её экспозиция сформирована из фондов самой картинной галереи и музея-заповедника «Болдино». Более 100 произведений 54 авторов, представленных на выставке, принадлежат к разным жанрам и стилистическим направлениям, и все они так или иначе связаны с Пушкиным, с его жизнью и творчеством. Многие из работ известных современных живописцев, графиков, мастеров декоративно-прикладного искусства были представлены впервые.

Украшением 53-го Пушкинского праздника поэзии стало выступление камерного хора «Преображение» из города Казань. Хор выступил с отдельной программой в ротонде и на открытии Пушкинского праздника поэзии.

*Всё в нём Россия обрела –
Свой древний гений человечий,
Живую прелесть русской речи,
Что с детских лет нам так мила, —
Всё в нём Россия обрела*

С этих слов поэта Николая Доризо в зрительном зале НКЦ и начался торжественный вечер, посвящённый 220-й годовщине со дня рождения А. С. Пушкина.

Церемонии открытия 53-го Всероссийского Пушкинского праздника поэзии было посвящено и выступления камерного хора «Преображение», исполнившего миниатюру «Мороз и солнце» на известные всем с детства стихи Александра Сергеевича.

— Этот праздник — событие, которое объединяет всех, в чьих сердцах находит отклик животворящее слово Пушкина, — начала вечер ведущая Елена Туркова, актриса Нижегородского академического театра драмы им. Горького.

Праздник посетили почётные гости: председатель Законодательного Собрания Нижегородской области Е. В. Лебедев, депутат Государственной Думы Федерального Собрания РФ Д. В. Сватковский, заместитель губернатора, заместитель Председателя правительства Нижегородской области А. С. Югов и президент Российской академии наук А. М. Сергеев, оказавшийся земляком болдинцев, ибо его родное село Бутурлино находится в восьмидесяти километрах отсюда. На церемонии присутствовали также депутат Законодательного Собрания Нижегородской области, Почётный гражданин Большеболдинского района Н. П. Шкилёв, депутат Законодательного Собрания Нижегородской области А. В. Ефремцев, Почётный гражданин села Большое Болдино В. Н. Горин, Почётный гражданин Большеболдинского района В. Л. Жариков, депутат городской думы Нижнего Новгорода С. А. Горин.

Выступающие акцентировали внимание на том, насколько важно сохранять и развивать Болдино для потомков, сохранять и развивать литературный русский язык, созданный Пушкиным. Гость праздника, председатель правления Союза писателей России Николай Иванов сравнил Болдино с родником, к которому поэты припадают, стоя на коленях.

Затем на сцену ведущая пригласила членов писательской делегации. Они приехали из Москвы, Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода, Набережных Челнов, Ярославля, Кстова, Оренбурга, Ижевска, Чебоксар, Владимира и Горловки (Донецкая Народная Республика). Среди них — поэт, главный редактор литературного журнала «Аргмак» Николай Алешков, журналист, культуролог, историк литературы В. Ю. Белогова, кандидат филологических наук, славист, докторант кафедры русского языка Донецкого национального университета О. В. Блюмина, поэтесса, старший научный сотрудник московского Дома-музея Марины Цветаевой Галина Данильева, поэт из Санкт-Петербурга Николай Еремин, председатель Нижегородского отделения Союза писателей России Валерий Сдобняков, главный редактор журнала «Роман-журнал» Юрий Козлов, поэты Диана Кан из Оренбурга, Людмила Калинина из Нижнего Новгорода, поэт, прозаик и публицист А. В. Полубока из Москвы, народный писатель Республики Удмуртия В. В. Ар-Серги, народный поэт Чувашии Валерий Тургай, тележурналист, писатель-публицист А. М. Цирульников, поэты М. Шувалова, И. Колесникова, Н. Красюкова, Д. Терентьев. Вёл поэтический вечер поэт, публицист, болдинец, один из тех, кто постоянно заботится о творческом наследии великого Пушкина, его тёзка Александр Сергеевич Чеснов. А директор музея-заповедника А. С. Пушкина «Болдино» Нина Анатольевна Жиркова тепло приветствовала прибывших на болдинскую землю гостей. Затем для зрителей была представлена концертная программа Нижегородского камерного театра им. В. Степанова.

Мощный энергетический посыл задали зрителям поэты, писатели и артисты.

2 ИЮНЯ

Второй день торжеств начался с заупокойной литии по А. С. Пушкину, проведённой в церкви Успения Божией Матери в сопровождении камерного хора «Преображение» (г. Казань) и церковного хора.

Затем гости праздника приняли участие в церемонии возложения цветов к памятнику поэту.

А в роще Лучинник с самого утра расположилась выставка-ярмарка народных мастеров промыслов и ремесленников, где каждый посетитель смог купить себе на память полюбившийся сувенир.

«Здесь русский дух, здесь Русью пахнет». Под таким девизом состоялось торжественное шествие от автостоянки до праздничной поляны и выступление гостей 53-го Всероссийского пушкинского праздника. Шуточными песнями, играми и плясками порадовали всех пришедших, фольклорные коллективы Большеболдинского и соседних районов. Ровно в полдень началась творческая встреча и выступление поэтов и писателей на сцене в роще Лучинник. Гостей и участников праздника приветствовал исполняющий обязанности главы районной администрации В. К. Кузнецов.

Один за другим выходили на сцену поэты и писатели из Москвы, Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода, Удмуртии, Чувашии, Татарстана, Донецка, Оренбурга и других городов и мест России. Вновь и вновь над заповедной пушкинской рощей звучали стихи и песни, посвящённые Пушкину и его 220-летию юбилею.

Закончился праздник в Лучиннике концертной программой с участием Государственного ансамбля песни и танца «Казачья застава» (г. Пенза).

Болдинский обозреватель

ТАМ, ГДЕ ЦВЕТЫ И СТИХИ

Приятной неожиданностью праздника стал день рождения генерального директора Пушкинского Государственного музея-заповедника в Болдино Нины Анатольевны Жирковой. Нина Анатольевна не только уникально разносторонний человек, но и уникально скромный при этом! Есть нечто символическое в том, что день рождения этой неотразимо красивой женщины, посвятившей свою жизнь служению Пушкинскому наследию, практически совпадает с днём рождения самого поэта и как бы традиционно остаётся в его тени.

Дата дня рождения Нины Анатольевны открылась совершенно случайно. И как бы именинница не пыталась уйти в знаменитую тень, ей не позволили это сделать. Первые лица административного управления Болдино и присоединившиеся к ним писатели торжественно поздравили Нину Анатольевну. Слава Богу, что не все цветы в Болдино были раскуплены для возложения к памятнику поэта! Мало того, я почему-то уверена, что будь Пушкин среди нас, он не преминул бы все свои цветы вручить Нине Анатольевне. А я решила подарить ей своё стихотворение, родившееся у меня по пути на Пушкинский праздник. Тем более, что оно не только о Пушкине, но и о замечательных русских женщинах, верных светлomu имени Пушкина.

Нине Анатольевне Жирковой

Когда бы про столичность не спросили,
Я вспоминаю вовсе не Москву!
Столицей вдохновения России
Я Пушкинское Болдино зову.

Нет-нет, не надо пафоса о вечном!
О вечном, право, лучше помолчать...
Но здесь я в каждом встречном-поперечном
Всегда готова Пушкина узнать.

В каком бы веке, возрасте и чине
Сюда я не приехала опять,
Я босиком по рощице Лучинник
Люблю, подобно Пушкину, гулять.

Ведь разве равнодушным мог остаться
К девчатам здешним, коих краше нет,
Дававший фору записным красавцам
Любвеобильный солнечный поэт?

В той роще, как поэт непредсказуем,
К моим устам таинственно приник,
Меня сжигая страстным поцелуем,
Кипящий, как Кастальский ключ, родник.

Здесь, в Болдине, такие царь-девицы
На улицах встречаются порой,
Что разом забываешь про столицы,
И все столицы кажутся дырой!

Диана Кан

СВЕТ ПУШКИНА СЯЕТ НАД РОССИЕЙ

ФОТОВЕРНИСАЖ

СВЕТ ПУШКИНА СИЯЕТ НАД РОССИЕЙ

ФОТОВЕРНИСАЖ

СВЕТ ПУШКИНА СИЯЕТ НАД РОССИЕЙ

ФОТОВЕРНИСАЖ

СВЕТ ПУШКИНА СИЯЕТ НАД РОССИЕЙ

ФОТОВЕРНИСАЖ

ЮБИЛЕЙНЫЙ ЗАЕЗД «АРГАМАКА»

КАЗАНЬ

16 марта в Доме дружбы народов РТ состоялся III межрегиональный поэтический фестиваль «Рукопожатие пяти республик», посвящённый 20-летию Татарстанского отделения Союза российских писателей и 10-летию литературного журнала «Аргамак. Татарстан». В Казань приехали представители писательских организаций из Марий Эл, Чувашии и Удмуртии, а поэты и барды Севастополя и Евпатории приняли участие в фестивале по видеосвязи. Дело не только в том, что из Крыма ехать далеко. Просто тогда, в середине марта, по всей стране шёл фестиваль «Крымская весна», посвящённый пятой годовщине вхождения Республики Крым в состав РФ. Этому важнейшему историческому событию также посвящалось немало выступлений на нашем «Рукопожатии».

К гостям фестиваля, казанским участникам и многочисленным зрителям обратилась с приветственным словом Ирина Александровская — заместитель председателя Совета Ассамблеи народов Татарстана, заместитель председателя Правления Республиканского русского национально-культурного объединения, член Общественной палаты РТ. В частности, Ирина Алексеевна предложила следующий фестиваль провести уже в Культурном центре имени А. С. Пушкина (его открыли в июне, к 220-летию поэта, но об этом мы расскажем позже). Возможно, и количество его участников расширится — за счёт Башкортостана и Мордовии, Дагестана и других регионов? Тогда, наверное, придётся подкорректировать и название фестиваля. Ведь и первый — в 2017 году — был «Рукопожатием трёх республик». Придумавшая такой формат поэтесса Ольга Левадная — художественный руководитель поэтического театра «Диалог», лауреат Державинской премии, заслуженный работник культуры РТ, пригласила в Казань поэтов из Чувашии и Марий Эл. Через год к ним присоединились удмуртские коллеги — это было уже «Рукопожатие четырёх республик». Не исключено, что в будущем к фестивалю пожелают присоединиться и соседние области: Кировская, Ульяновская, Нижегородская... Тогда придётся подредактировать название снова, разумеется, оставив главное — рукопожатие.

Ольга Левадная ещё до начала фестиваля дефилировала по зрительному залу в шикарнейшем платье, достойном императрицы! В таком наряде она участвовала в селфи и флешмобе, когда гостям праздника предложили сфотографироваться на ступенях, ведущих к сцене, в виде римской цифры V (она же символ «виктории»). Вскоре стало понятно, к чему на поэтессе сие одеяние. Вместе со своими партнёрами по поэтическому театру «Диалог» Ольга Левадная подготовила костюмированный пролог по произведениям Г. Р. Державина. Вели фестиваль также артисты

«Диалога» — Альбина Измаилова и Руслан Юсупов. Кстати, в тот день театр отметил день рождения, ему тоже, как и фестивалю исполнилось три года!

Затем на большой сцене Дома дружбы народов гостей фестиваля приветствовали: руководитель Марийского отделения Русского литературного клуба, лауреат Государственной молодежной премии Республики Марий Эл имени Олыка Ипая, старший научный сотрудник Национального музея РМЭ Андрей Шурыгин (Йошкар-Ола), академик Академии науки, культуры и литературы Чувашской Республики, председатель Чувашского отделения Российского Союза писателей, член Союза писателей ЧР Дмитрий Поздеев (Чебоксары) и лауреат Национальной литературной премии «Золотое перо Руси» и Миловской премии «Хрустальное яблоко», международных поэтических конкурсов «Золотая строфа» и «Русский Stil», председатель Удмуртского отделения Российского союза писателей Светлана Бурашникова (Сарапул). Они и представили участников от своих республик — приятно было видеть среди гостей много молодых поэтов.

От Казани выступили барды Владимир Нежданов и Владимир Антонов, а также поэты: литературный редактор молодежного журнала «Идель» Галина Булатова и руководитель литературного объединения имени В.С. Мустафина Филипп Пираев. Добавим, именно они позже предложат переименовать наше лито. «ПРИМУС» (Поэтический Рабфак имени Мустафина), надеемся, будет больше ориентирован на молодых сочинителей.

Завершился поэтический марафон торжественным гимном, написанным специально к фестивалю, и разумеется — рукопожатием всех его участников.

Само собой, гостей не отпустили без угощения. За чаепитием не обошлось без дружеских объятий, обмена визитками и обещаниями ответных визитов (что и было выполнено вскоре). А мы подарили нашим друзьям 29-й номер «Аргамак», ещё пахнущий типографской краской.

НАБЕРЕЖНЫЕ ЧЕЛНЫ

24 апреля в Набережных Челнах состоялся литературно-музыкальный вечер «От сердца к сердцу», посвящённый 20-летию Татарстанского отделения Союза российских писателей и 10-летию литературного журнала «Аргмак. Татарстан».

В фойе Дворца культуры «Энергетик» в тот вечер открывалась очередная фото-выставка «В объективе — история города», где отдельной экспозицией была представлена фотолетопись литературных объединений «Орфей» и «Лейсан», сыгравших важную роль в литературной жизни автограда. Экскурсию провела и подробно прокомментировала директор ДК «Энергетик», коренная челнинка Гульзада Мухаметгараевна Рзаева. Она же в большом зале открывала поэтический вечер «От сердца к сердцу», на котором выступили поэты из Казани — Елена Бурундуковская, Ольга Левадная, Филипп Пираев, елабужская поэтесса Светлана Попова, а также челнинские авторы Светлана Летяга, Олег Лоншаков, Алла Орехова, Елена Степанова.

Свои песни исполнили популярные в Набережных Челнах авторы Александр Тарасов, Сергей Бычков, Елена Емалтынова. С юбилеем редакцию журнала «Аргмак» поздравили заслуженный строитель РФ, почётный гражданин города Набережные Челны, председатель общественной организации «Челнинское землячество» Альберт Петров и руководитель Набережночелнинского отделения СП РТ Факиль Сафин. По традиции открывали и завершали вечер песни на стихи Николая Алешкова — председателя Татарстанского отделения СРП, главного редактора журнала «Аргмак». В завершение вечера он прочитал свои стихи.

Мне довелось поучаствовать в этом празднике в роли конферансье, а на следующий день выступить модератором на встрече казанских поэтов со студентами Набережночелнинского технологического техникума. Стоит отметить, что с этим учебным заведением челнинских писателей во главе с Николаем Алешковым связывает многолетнее творческое сотрудничество. В частности, они (писатели) регулярно выступают здесь перед студентами в рамках необходимого для молодёжи гуманитарного факультатива «В мире искусств».

Признаться, не думал, что поэты будут так волноваться! Казалось бы, только вчера они стояли на огромной сцене Дворца культуры... Впрочем, Елене Бурундуковской было проще установить контакт с аудиторией, ведь она сама преподаёт в Казанской консерватории. Ольга Левадная и Филипп Пираев в Набережных Челнах выступали впервые, но тоже быстро нашли «ключик к студентам». Всё оказалось просто: искренность сразу стирает границы между поколениями.

ПЕНЗА

С 23 по 25 мая в Пензе прошёл VI очередной отчетно-выборный съезд Общероссийской общественной организации «Союз российских писателей». Свыше 70-ти делегатов из 64-х отделений и представительств СРП — от Калининграда до Владивостока, от Мурманска до Махачкалы — собрались в местном санатории имени В. Володарского (в городской черте, но в парковой зоне). Там мы чувствовали себя, как дома, поскольку фасадами зданий и цветущей флорой пензенский санаторий напоминал нашу здравницу в посёлке Васильево. С балкона открывалась панорама центрального района Пензы. Высоченные сосны напоили воздух майским смоляным ароматом... Погода писателей явно побаловала.

На открытии съезда делегатов приветствовали мэр города Виктор Кувайцев, заместитель министра культуры Пензенской области Владимир Карпов, начальник городского управления культуры Вера Фейгина, которая создавала и возглавляет Пензенское отделение Союза российских писателей. Данное обстоятельство многое объясняет — городская команда провела мероприятие на высоком представительском уровне.

Заслушав отчётный доклад первого секретаря Правления СРП Светланы Василенко, делегаты приступили в выборам руководящих органов. Сопредседателями Союза российских писателей были переизбраны Олег Глушкин (Калининград), Юрий Кублановский (Москва), Михаил Кураев (Санкт-Петербург), Арсен Титов (Екатеринбург). Вместо омича Александра Лейфера (выпускника Казанского университета, недавно покинувшего сей мир) сопредседателем по сибирскому округу избрали тюменского поэта и переводчика Николая Шамсутдинова, уже известного читателям «Аргмака».

В Правление Союза российских писателей избраны Светлана Василенко (Первый секретарь Правления), Геннадий Калашников (Москва), Валентина Кизило (Санкт-Петербург), Левон Осемян (Оргсекретарь Правления), Владислав Отрошенко (Москва), Борис Скотневский (Тольятти), Галина Умывакина (Воронеж). Особенно приятно отметить, что председателем Комиссии по детской литературе СРП была избрана Вера Хамидулина (Набережные Челны), ваш покорный слуга стал зампредом Комиссии по издательской деятельности Союза российских писателей, а Николай Алешков вошёл в Комиссию по социальным вопросам.

В целом создалось впечатление, что наш Союз на верном пути, а Татарстанское отделение СРП на хорошем счету. Разумеется, главные события разворачивались в кулуарах съезда. Знакомства, встречи старых друзей, новые контакты и творческие связи. Согласитесь, так здорово встретить незнакомого человека, черты которого напоминают... а он тоже приглядывается, наконец, подходит. Слово за слово — и я вспоминаю Ваню Бессонова, который учился в Литинституте на курсе младше нас! Ныне Иван Аркадьевич возглавляет Мурманское отделение СРП, вид имеет солидный, как и подобает литератору, хотя стихи пишет всё так же задиристо и читает их соответствующе.

На следующий день мы оба выступали на Координационном совете, который прошёл в Тарханах. Как оказалось, за полярным кругом литература выживает точно так же, как и в солнечном Татарстане. И загигаться не собирается. Об этом примерно, хотя и с разными деталями, говорили представители и других регионов. Скажем, читателям журнала «Аргмак» мы хотим в ближайших номерах представить творчество Олега Вороного — председателя Приморского отделения СРП, много лет занимающегося сохранением и приумножением популяции амурского тигра, поэта с профессионально таёжным загаром.

В День славянской письменности и культуры делегаты съезда побывали в главной литературной жемчужине Пензенской области — посетили родину Михаила Юрьевича Лермонтова, возложили гвоздики на его могилу в фамильной усыпальнице, поставили свечи в церкви архангела Михаила, построенной бабушкой великого поэта Елизаветой Алексеевной Арсеньевой, урождённой Столыпиной. Участников Координационного Совета СРП приветствовала Тамара Михайловна Мельникова — директор Государственного Лермонтовского музея-заповедника «Тарханы», одного из лучших литературных музеев страны, сравнимого с Большим Болдино и Ясной Поляной.

25 мая писатели разъезжались по домам, но прежде побывали на экскурсиях в разных пензенских музеях, например Василия Ключевского или Всеволода Мейерхольда. Вера Хамидуллина успешно выступила на встрече с юными читателями городской библиотеки имени В. Г. Белинского (лермонтовского земляка и ровесника). А мы с Николаем Петровичем тем временем прошли по центральной пешеходной улице, которую в Пензе тоже называют «Арбатом», пообщались с пензенским поэтом, лауреатом Лермонтовской премии, автором «Аргмака» Валерием Суховым. И тепло попрощались на центральной площади.

УЛЬЯНОВСК

В середине июня в Ульяновске состоялся всероссийский фестиваль литературных журналов «Волжская пристань», на который пригласили и наш «Аргмак. Татарстан».

Съехались представители из двадцати регионов страны, главные редакторы старейших литературных журналов «Роман-газета» и «Молодая гвардия», региональных изданий нового времени — «Берега» (Калининград), «Волга XXI век» (Саратов), «День и ночь» (Красноярск), «Русское эхо» (Самара), «Странник» (Саранск) и других изданий.

Особенностью фестиваля стали совместные мероприятия с молодыми поэтами из разных городов страны. И очень показательно, что первый же круглый стол начался словами главного редактора газеты «Российский писатель» Николая Дорошенко, что ему молодые авторы не нужны... а завершился моим предложением к ним же — присылать в «Аргмак» свои стихи. Не знаю, сумел ли я донести до высокого собрания

простую мысль, что начинающие поэты — это будущее отечественной словесности. Но потом ко мне подходили молодые и благодарили, а заодно интересовались нашим журналом.

Заявить об «Аргамак» на фестивале — было главной задачей. И если на Руси встречаются по одежке, то многие отдавали должное, что наш журнал на фоне остальных, особенно московских, действительно выглядел «толстым и красивым»! Особенно приятно было слышать, как сотрудники Аксаковской библиотеки, получив в подарок наш номер, уже на следующий день восторженно отзывались о содержании «Аргамака».

На Большом собрании «Литературный журнал в современной России» министр искусства и культурной политики Ульяновской области Евгения Сидорова отметила, что «по инициативе губернатора Сергея Морозова мы впервые проводим всероссийский фестиваль „Волжская пристань“, на который пригласили литераторов из разных уголков России. Мероприятие нацелено на объединение и взаимодействие столичных и региональных журналов, обмен опытом деятельности, обсуждение вопросов развития литературного изданий».

Хотелось бы уточнить, редакция литературного журнала «Аргамак» уже проводила круглые столы главных редакторов региональных литературных журналов в Казани (2013) и Елабуге (2016). Круглый стол в Ульяновске оказался более представительным. Достаточно сказать, что фестиваль литературных журналов в Ульяновске проводился в рамках 41-го Всероссийского Гончаровского праздника. Открывая его во Дворце книги (Областная научная библиотека имени В. И. Ленина), губернатор Сергей Морозов вручил работникам культуры премии «Обломовское яблоко», а затем обратился с речью к участникам и гостям фестиваля:

— Ульяновск вошёл в сеть креативных городов ЮНЕСКО по направлению «Литература» в 2015 году и является единственным представителем России в этой сети. Но мы не должны останавливаться на достигнутом и ставим перед собой новую цель — стать Всемирной столицей книги по программе ЮНЕСКО, — торжественно, под бурные аплодисменты, объявил Сергей Иванович. — За последние годы наш регион стал площадкой для проведения многих литературных фестивалей, премий, проектов, форумов, которые помогают нам объединить как российское, так и мировое литературное сообщество. Звание Всемирной столицы книги в рамках программы ЮНЕСКО — это новый шаг в развитии инфраструктуры, литературы, чтения и творчества. Это проект, направленный на развитие городской среды. Его реализация является главным приоритетом всей гуманитарной политики руководства региона. Мы планируем преобразить улицу Минаева в литературный центр, создать новые общественные пространства. Наша задача — сделать так, чтобы жители региона с удовольствием посещали по вечерам и выходным дням общественные пространства, где проводили бы время за чтением книг...

Признаться, позиция главы большого волжского региона мне не показалась маниловщиной. Морозов обещал до конца лета согласовать финансовую составляющую нового литературного проекта и внести соответствующие позиции в областной бюджет будущего года. Даже на предложение писателей — почитать их произведения по местному телевидению Сергей Иванович ответил положительно. Дескать, если губернатор читает художественную литературу, может, и жители области к ней проявят интерес?

На не прозвучавший вопрос, а зачем ему, крупному российскому политику, собственно, нужна литература и писатели, книга и библиотеки, глава региона ответил

просто: российская литература — это мировой тренд, предмет национальной гордости, пожалуй, покруче космических ракет. Собственно, и в космос мы вряд ли полетели бы первыми, не будь наследниками Пушкина, Толстого, Чехова...

А вообще-то Морозов — кандидат экономических наук и, как минимум, сдавал кандидатский минимум. Значит, знает азы экономики. Поэтому понимает, что вложения в человеческий капитал начинаются с культуры. С литературы и искусства. И окупается такой капитал, пусть не сразу, зато сторицей! Никакие дефолты ему не страшны. Вот почему местный минкульт тут именуется иначе, чем в соседних регионах (см. выше). А литературный журнал «Симбирскъ» издаётся ежемесячно. Хочется верить, что не всё ещё в России потеряно.

После торжественного открытия мастера пера снова уселись за круглый стол «Современный литературный журнал: проблемы, смыслы, траектории движения», а молодые поэты отправились на мастер-класс по организации и развитию молодёжных литературных объединений. Его проводил председатель Совета молодых литераторов России Андрей Тимофеев, прозаик, родившийся в башкирском Салавате и проживающий ныне в Подмоскowie, автор романа «Пробуждение», опубликованном этой весной в «Нашем современнике».

В это же время на бульваре «Новый венец» развернулся традиционный Обломовский фестиваль, проводилась городская акция «Читаем Гончарова», после праздничного концерта для гуляющей по бульвару публики показывали фильм Никиты Михалкова «Несколько дней из жизни И. И. Обломова». Народ не расходился до темноты.

А на следующий день участники фестиваля встречались с читателями в различных библиотеках Ульяновска, Димитровграда, Карсуна и Новоульяновска. Нас с главным редактором саранского журнала «Странник» Константином Смородиным пригласили в специализированную библиотеку № 17 «Содружество», в которой собирают литературу и подписные издания на татарском, чувашском, мордовском языке. И читательский актив в ней соответствующий. В Симбирском крае, как и во всём Поволжье, проживают представители десятков национальностей. Само собой, и литературные журналы из республик попросили представить именно там.

Встреча получилась живой и содержательной. Константин Владимирович, как мы выяснили ещё до начала встречи, тоже выпускник Литературного института

имени А. М. Горького, то есть у нас сразу установились доверительные отношения. Мы постоянно передавали слово друг другу, отвечали на вопросы читателей вместе — и во многом наши мнения совпадали. Народный писатель Мордовии, создавший в Саранске молодёжный литературный журнал «Странник» ровно четверть века назад, Константин Смородин читал свои стихи... Пьесы я читать и не думал, но с удовольствием представил свою новую книгу «Трилогия non-fiction» (о прозе Рустема Кутуя, драмах Диаса Валеева и поэзии Виля Мустафина). Узнать побольше о татарских авторах нашлось немало желающих, так что мой подарок библиотеке пришёлся кстати.

Правда, пришлось смириться с общим мнением, что миллионная Казань и нефтяной Татарстан по экономической мощи намного обгоняет сопредельные депрессивные регионы. А значит, у нас «всё в шоколаде».

Не стал разочаровывать аудиторию...

КАЗАНЬ

1 июля, в день рождения известного писателя, драматурга и философа Диаса Валеева (1938-2010), журнал «Идель» объявил победителей международного литературного конкурса «ДИАС». Его лауреатами стали Александр Воронин в номинации «Дело», Ирина Коротеева и Андрей Дмитриев — в номинации «Имя», Рустем Сабилов (Казань), Марина Полунина (г. Балашиха Московской области) и Елена Крюкова (Нижний Новгород) — в номинации «Абсолют», а также Сергей Никулин (Иркутск), Илгиз Ахметов (Башкортостан), Нугзар Башелейшвили (Тбилиси) и Наталья Ершова (Москва) — в номинации «Судьба».

Награждение состоялось 19 июля в Казанском литературном кафе «КалитКа». «КалитКа» открыла таким образом новый сезон.

Премии, конечно, получать приятно. Однако мне было куда более радостно смотреть на Галину Булатову, литературного редактора журнала «Идель», сумевшую не смотря ни на что воплотить эту замечательную идею.

— Увековечить имя Диаса Валеева мне хотелось давно, с момента знакомства с его книгами, совершившими переворот в моём сознании, — призналась Галина Ивановна, открывая церемонию. — Жалею, что так мало удалось пообщаться при жизни с этим удивительным человеком, пророком новой объединяющей религии. В прошлом году, когда мы отмечали 80-летие со дня его рождения, снова мелькнула мысль: как сделать, чтобы это имя не забыли? Почему бы не организовать литературный конкурс его имени? Старшая дочь Диаса Назиховича, известный прозаик, лауреат Державинской премии Майя Валеева, согласилась войти в жюри. В конкурсе приняли участие 117 человек из одиннадцати стран! Это было неожиданно, поскольку премия учреждена впервые, призы символические, инициатива частная...

В новом начинании у Галины Булатовой был верный помощник. Вместе с Эдуардом Учаровым они организовали и уже третий год подряд проводят Всероссийский Каменевский конкурс «Хжицы», благодаря которому многие в Казани узнали имя замечательного земляка, казанского бургомистра и предвестника отечественного романтизма Гавриила Петровича Каменева (1773–1803), которого по приезду в Казань вспоминал, как своего поэтического предшественника, Александр Сергеевич Пушкин.

Кроме того, Галина Булатова с 2013 года является куратором международного поэтического турнира «ПТИЦА», который проводится в память о замечательном поэте и барде, прозаике и ответственном редакторе еженедельника «Российская газета – Неделя» Игоре Царёве (1955–2013). Так что успех нового литературного конкурса был вполне ожидаем. Однако уровень присланных работ оказался настолько высоким, что

вместо четырёх победителей жюри решило отметить званием лауреата сразу 10 победителей и 7 дипломантов. По примеру поэтического турнира имени Царёва (аббревиатура — «ПТИЦА»), название конкурса «ДИАС» тоже стало символичным. Мою документальную повесть «Драма диасизма», ставшую центральной частью «Трилогии non-fiction» (2019) отметили в номинации «Дело». В номинацию «Имя» попали произведения, сюжет которых напрямую связан с именем. Например, герой

Андрея Дмитриева берёт имя брата («Брат»), а рассказ ростовчанки Ирины Коротеевой называется «Два Петра». В номинации «Абсолют» лауреатами стали Рустем Сабиров, Елена Крюкова и Марина Полунина, их произведения точно соответствовали художественно-этическому послы премии. Наконец, никого не оставят равнодушными судьбы героев произведений, авторы которых победили в номинации «Судьба». К сожалению, москвичка Наталья Ершова и тбилисец Нугзар Башелейшвили не смогли приехать в Казань, им призы выслали почтой. А Сергею Никулину диплом вручили ранее — в Иркутске, где Эдуард Учаров и Галина Булатова побывали в отпуске, став участниками XVIII Международного фестиваля поэзии на Байкале имени А.И. Кобенкова (1948–2006).

Церемония награждения много времени не заняла, но сам литературный праздник длился аж пять часов! После творческих встреч Ирины Коротеевой из Ростова-Дону и Марины Полуниной из подмосковной Балашихи с большим музыкально-поэтическим моноспектаклем «Небо. Простор. Вера» выступила Елена Крюкова из Нижнего Новгорода. А её земляк Андрей Дмитриев подготовил программу «Двоячие» вместе с супругой Натальей Емельяновой, поэтом и прозаиком, лауреатом конкурса «Мой город». Так что открытие сезона в «Калитке» по размаху вполне тянуло на фестиваль поэзии и прозы. И в этом тоже главная заслуга Эдуарда Учарова и Галины Булатовой.

Но всё же главными бенефициарами праздника стали вдова и дочь прославленного драматурга — Дина Каримовна Валеева и Дина Диасовна Хисамова. Их участие придавало всему действу особенный смысл и настроение. Выступление дочери Дины в завершение праздника всем запомнилось своей эмоциональностью и искренностью. Они поздравили победителей конкурса «ДИАС» и подарили им книгу воспоминаний «Окно, горящее в ночи», которую издали к 80-летию писателя.

Р.С. 16 августа в Алуште, в рамках V Международного литературно-музыкального фестиваля «Интеллигентный сезон», были объявлены победители литературного конкурса имени С.Н. Сергеева-Ценского, который проводят Союз писателей Республики Крым и издательство «Доля» при поддержке «Литературной газеты». Редакция литературного журнала «Аргмак. Татарстан» поздравляет Александра Воронина, ставшего его лауреатом — в номинации «Историческая миниатюра».

С ЮБИЛЕЕМ, «АРГАМАК»!

КОГДА ПОЭТЫ, РАСПРИ ПОЗАБЫВ * ...

С главным редактором нашего журнала беседует поэтесса Диана Кан.

— Свой десятилетний юбилей отмечает литературный журнал «Аргамак», издаваемый в Татарстане на русском языке. Не скрою, это приятный повод поговорить с главным редактором — известным поэтом Николаем Алешиковым: подвести некоторые итоги, проанализировать события и обстоятельства, так или иначе связанные с журналом, да и с самым литературным процессом в России-матушке.

Для меня оказалось большой честью стать членом редколлегии этого замечательного издания, о котором я слышала и слышу много самых уважительных отзывов от коллег-писателей и — куда как важнее — от читателей. Многие говорят, что «Аргамак» едва ли не лучший среди региональных журналов России. Почивать на лаврах, пусть даже и заслуженных, и в юбилей негоже, но озвучить факт наличия лавров — не грех. В 2010 году журнал был признан как лучшая книга года в своей республике, а в 2013-м он стал серебряным призёром на международном литературном конкурсе в Берлине. Моё знакомство с «Аргамаком» началось с выпуска его первого номера, затем оно переросло в творческое содружество, ставшее особым знаком причастности к общему делу. Как всё начиналось, с чем встречает своё десятилетие «Аргамак»? С этого вопроса, Николай Петрович, и хочется начать нашу беседу.

— Благодарю Вас за добрые слова, Диана Елисеевна! Ваше творчество в современной России стало заслуженно признанным, Вы — ученица великого Юрия Кузнецова. Это особая честь для журнала. Спасибо и за то, что Вы стали одним из самых верных моих помощников из членов редколлегии. Смеею полагать, что наши взгляды на литературный процесс в России во многом совпадают. Не беда, если не во всём.

Редакторское поприще мне знакомо ещё по газетной работе. В 1998 году мне удалось выпускать ежемесячную литературную «толстушку» (24 полосы третьего формата) со знаковым для того времени названием «Звезда полей». Финансировать издание согласился набережночелнинский бизнесмен Ринат Багдалов, которому я и сегодня благодарен за этот старт. Уже тогда мы объявили, что издание будет не челнинским, не татарстанским, а общероссийским. Существовали полгода, выпустили шесть номеров. А потом огромной стране, поменявшей коммунистическую идеологию на рыночную, пришлось испытать финансовый кризис или дефолт, названный в честь тогдашнего премьер-министра кириенковским. Ринат Харисович, мой искренний благодетель, развёл руками — извини, в этих условиях самому бы выжить...

* Переиначенная строка Пушкина из послания Мицкевичу.

«Аргамак», по сути дела, — продолжение того самого проекта, начатого со «Звезды полей». В смутную эпоху наступившего раздора, парада суверенитетов, уничтожения уникального и мощного сообщества под названием «Союз писателей СССР» это была попытка наряду с другими отчаянными коллегами объединить талантливых литераторов, живущих не только рядом с тобой, но и на огромных пространствах от Калининграда до Владивостока, сохранив тем самым читательское пространство хотя бы под обложкой одного из журналов. Сегодня мне не стыдно за каждый из тридцати «Аргамак», выпущенных на издательский ипподром. Согласитесь, это держит на плаву? Исхожу из того, что литературных журналов ныне (и столичных, и региональных) издаётся немало, а свой я смею числить в первой десятке...

Мы живём в эпоху парадоксов. Критики пишут о литературном безвременье. Россия якобы перестала быть самой читающей страной, а литература перестала быть государственным делом. Власть полюбила спорт, но оказалась равнодушной к современной словесности. Футболисты становятся миллиардерами, а поэты уходят из жизни нищими и незамеченными. Преференции получают только те литераторы, которые ездят по международным книжным ярмаркам за государственный (то есть, за наш с вами) счёт. Они же по странному стечению обстоятельств нередко оказываются в оппозиции к власти. А те, которые невыездные (абсолютное большинство), называют выездных кремлёвским союзом писателей.

Да, новые отношения в обществе диктуют новые условия. Кто платит, тот и музыку заказывает. Но может ли в этих условиях выжить подлинная литература, исторически ставшая в нашем Отечестве едва ли не самым приоритетным видом искусств? Тимур Зулфикаров, которого называют дервишем современной восточной поэзии, на вопрос, как должна относиться литература к рынку, ответил однажды в «Литературной газете» исчерпывающе: примерно так же, как порядочная женщина должна относиться к публичному дому. Россия же вопреки всему упрямо продолжает являть на свет всё новых и новых стихотворцев и романистов. Самых разных. Зачем-то ей это надо. **«Россия пишет стихи и прозу // Как никогда ещё не писала!»** — в этих строках поэта Станислава Золотцева есть что-то сакральное, а написал он их перед своей кончиной в 2008 году...

Журналу «Аргамак» повезло на настоящего правителя-государственника. Им оказался первый президент республики Татарстан Минтимер Шарипович Шаймиев. Именно он распорядился десять лет назад о выпуске русского литературного журнала в нашей республике. Он сделал это, болея, в том числе, за свою родную — татарскую — литературу, которая может существовать и развиваться в России только наравне с русской. И дело не только в том, что без хороших переводов произведений современных национальных писателей на русский язык не обойтись. Шаймиев осознаёт, что не менее сорока процентов населения Татарстана — русские, а все сто процентов общаются между собой на государственном и общенациональном русском языке, и все жители Татарстана платят налоги, а вместе мы уже не население, а народ. Также, к счастью, считает и Рустам Нургалиевич Минниханов, нынешний президент республики, пару лет назад заступившийся за «Аргамак». Тогда журнал не в первый уже раз хотели закрыть некоторые ретивые чиновники, чей кругозор более узок, чем у республиканских лидеров. Правда, ныне журнал выходит только два раза в год, а не четыре, как было при Шаймиеве, но мы смеем надеяться, что это дело поправимое.

А неплодотворным я считаю поведение не Казанского, а Московского Кремля, остающегося равнодушным к литературному процессу вообще и к судьбе литературных журналов, в частности. Литературное пространство огромной страны разорвано на куски, творческие союзы (ныне их не менее десятка), низведены до уровня

общественных организаций, но и среди них прав имеют меньше, чем общество некоторых редких животных, например. Чиновники и депутаты перестали считать литературное дело профессией. До сих пор нет закона о статусе писателя, художника, музыканта. Творческий стаж не учитывается при оформлении пенсии. Эти проблемы общеизвестны уже четверть века, а воз и ныне там. Вопрос — почему — остаётся без ответа. А надо-то, может быть, всего ничего. Если бы Владимир Владимирович Путин хоть однажды официально заявил, что литературу необходимо ввести в число национальных проектов, поскольку (повторюсь) это дело государственной важности, все губернаторы и лидеры национальных республик стали бы открывать региональные издательства и оказывать поддержку журналам. Некоторые, к счастью, делают это и сейчас. Но не благодаря Москве, а вопреки.

— *Читатели знают, что «Аргамак» финансируется из республиканского бюджета, как и татарские журналы. Но ведь Вы сами помянули — кто платит, тот и музыку заказывает. Литература была и остаётся основным рычагом воздействия на умы. Не музыка, не пение, не танцы. Идеология — это в первую очередь — литература. Не мешает ли бюджетное финансирование говорить правду? Должен ли редактор во имя спасения журнала находить с властью компромисс?*

— Вы не заметили, Диана Елисеевна, что споры о свободе слова, о независимости СМИ, бушевавшие в начале нулевых, как-то попричихли? Назовите мне хоть одно некоммерческое издание, независимое от источников финансирования? Я, например, не знаю таких. Да и что такое ныне идеология, в чём она? Идеологию, как нечто вредное, в тех же нулевых отменил Виталий Коротич в журнале «Огонёк», ставшем рупором новоявленных демократов. Образовалась пустота, которую речистые политологи пытаются заполнить теледебатами о необходимости национальной идеи, как будто никогда ранее этой идеи у России не существовало. Уместно это или нет, но я выскажусь на данную тему своим восьмистишием:

*За свободу слова все мы сдуру
Бились, закусивши удила.
Но за толерантностью цензура
К нам неукоснительно пришла.
И теперь цензура вне закона,
Будь хоть патриот, хоть либерал.
Правила обком из Вашингтона
Через интернет надиктовал.*

Ныне за попытку освободиться от этого диктата нас пытаются задавить санкциями. Но мы, слава Богу, сопротивляемся. Пора обществу возвращаться к собственным, а не навязываемым, чужим ценностям. Недурно бы и писателю проникнуться этой мыслью.

А теперь попытаюсь продолжить рассуждения о своих взаимоотношениях с властью нашей республики. Вы, конечно, понимаете: отвечать на добро взаимностью и «прогибаться» — это разные вещи. Особая приближённость к власти опасна для писателя. Меня иногда называют личностью поперечной. Я никогда не был в КПСС, не состою ни в одной из нынешних партий, не стремлюсь в депутаты или в госслужащие, но считаю себя гражданином Татарстана, в котором родился и вырос. И как гражданин, совершенно искренне уважаю Минтимера Шариповича Шаймиева за всё, что он сделал и делает в нашей республике, оставаясь после своего президентского срока государственным советником. Благодаря его огромному авторитету,

благодаря его усилиям создан фонд «Возрождение», осуществивший комплексный проект «Древний город Болгар и остров-град Свияжск». Целью проекта стало сохранение и восстановление двух национальных святынь: родины ислама на нашей земле и оплота православия, установленного на Волге в непростую эпоху завоевания Казани Иоанном Грозным. Ныне государственный музей-заповедник «Болгар», а также Успенский собор острова-града Свияжск включены комитетом ЮНЕСКО в список всемирного наследия. Тысячи и тысячи туристов ежегодно посещают и Болгар, и остров. А главное — великое дело, затеянное и осуществлённое Шаймиевым, стало символом межнационального согласия в Татарстане. Разве мы могли остаться в стороне? «Аргамак» из номера в номер рассказывал об этом, выражая чаяния всего народа Татарстана. В начале нынешнего года стало известно, что Шаймиев выступил с новой инициативой — в области преподавания языков. Суть предложения — начиная с детского сада обучать ребёнка родному татарскому, государственному русскому и международному английскому одновременно. Оцените, сколько проблем это сразу снимает! И этических, и этнических. Особенно для молодёжи. Журналу «Аргамак» это очень интересно — будем следить за процессом. Вижу в этом, если хотите, свой долг. Во всём остальном никакого диктата (что печатать, что не печатать) не испытываю.

— *«Аргамак» выходит в республике Татарстан, где региональный аспект дифференциации авторов по принципу «свой-чужие» осложнён ещё и национальной составляющей. То есть баланс сохранять надо в Вашем случае с ювелирной точностью. Как Вам удаётся эта система географических сдержек и творческих противовесов?*

— Сдержки и противовесы оказываются ненужными, если следовать золотому правилу — публиковать качественные художественные тексты. О неместечковости «Аргамака» я уже сказал в начале беседы. Скажу и о том, что наши коллеги, пишущие на родном татарском языке, такие же авторы «Аргамака», как и пишущие на родном русском. По-другому в многонациональной России никогда не было и, надеюсь, не будет. Национальные литературы — богатство России. Школа художественного перевода на русский язык всегда была общим достоянием. Ныне и она, к сожалению, разваливается, но «Аргамак», как и другие литературные журналы, публиковал и будет публиковать достойные по качеству переводы наших татарских (а при случае чувашских, марийских, мордовских, удмуртских) писателей. Повторюсь, я вырос в Татарстане. И всегда помню гениальную есенинскую строку: «Затерялась Русь в мордве и чуди». Это — про нас. Русский мир настоян на тысячелетней ассимиляции.

— *Николай Петрович, в нашей беседе нельзя обойти вниманием и тот факт, что нынешний юбилей как бы — двойной: 10 лет «Аргамаку» и 20 лет Татарстанскому отделению Союза российских писателей, председателем которого опять-таки являетесь Вы. Связка журнала и регионального отделения СРП оказалась нерасторжимой. Если республиканский медиахолдинг «Татмедиа» зарегистрирован, как учредитель журнала «Аргамак. Татарстан», то ТО СРП является его издателем. А я, как Вы знаете, была и остаюсь в составе другого творческого союза — Союза писателей России. Вы (это общеизвестно) публикуете и тех, и других. Да и мы с Вами дружим, несмотря на некоторые разногласия между нашими двумя самыми крупными писательскими сообществами...*

— Диана Елисеевна, тут в пору и посмеяться и погоревать, вспомнив поговорку: «Паны дерутся, а у холопов чубы трещат». Как известно, в 1991 году единый и неделимый Союз писателей СССР разделился не на два, а на три литературных сообщества. Третье, на мой взгляд, было самым разумным в той ситуации. Оно обрело аббревиатуру МСПС (Международное сообщество писательских союзов). Мудро поступил,

основав его, Сергей Владимирович Михалков, известный не только, как автор трёх российских гимнов, но и как автор прекрасных детских стихов и как крупный общественный деятель. Сегодня с идеей МСПС (по сути дела, и с завещанием Михалкова) расправляется федеральное агентство «Росимущество», изъяв через суды из общеписательской собственности сначала городок «Переделкино», а совсем недавно и знаменитый Дом Ростовых на улице Поварской, принадлежавший в советском прошлом Союзу писателей. Это ли не пример того, что писатели мешают нынешним государственным мужам — уж больно дороги по цене подмосковные угодья и столичные особняки, чтобы их писателям оставлять...

Вернёмся к Союзу писателей России и Союзу российских писателей. Их разделение было как раз идеологическим: на якобы патриотов и на якобы либералов. Одни остались с Юрием Васильевичем Бондаревым, другие пошли за Евгением Александровичем Евтушенко. В 1994 году Союз писателей России возглавил Валерий Николаевич Ганичев. В 1999 году у меня и моих челнинских друзей, выпускников Литературного института Валерия Новикова и Владимира Кирилёва, возникла необходимость государственной регистрации регионального отделения одного из этих союзов. И приехав в Москву, я первым делом пришёл в приёмную В. Н. Ганичева. Валерия Николаевича на месте не оказалось. Меня попросили оставить подробное заявление и ждать ответа. Мы ждали месяц — не дождались. Вновь оказавшись в Москве, я встретил С. В. Василенко, с которой был знаком по Литинституту. Светлана Владимировна к тому времени стала первым секретарём правления Союза российских писателей. Остаётся на этом боевом посту и по сей день. Нам, челнинцам, задумавшим коммерческий издательский проект «На стыке тысячелетий. Деловая элита республики Татарстан», юридическая крыша к тому времени стала крайне необходима. Разрешение на регистрацию отделения было получено сразу, документы оформили без проволочек.

Минуло с тех пор 20 лет. О своём выборе не пожалели ни челнинцы, ни я, избранный и не раз переизбранный председателем отделения. Коммерческий проект удался, на заработанные деньги в лихие нулевые мы выжили сами, а некоторым друзьям-коллегам помогли издать книги, точнее, сами их издали. Первой оказалась посмертная книга талантливого поэта из города Нижнекамска Владимира Лёушкина «Птицы падают в небо». Вслед за ней последовали скромные, но необходимые в лихую безденежную пору сборники стихов Виля Мустафина («Стихи о стихах» и «Сонетные вариации»), Николая Перовского («Звезда упала»), Николая Беляева («След ласточки»), Романа Солнцева («Письмо на родину») — все четверо были тогда ещё живы.

Ныне Татарстанское отделение Союза российских писателей — вторая по численности писательская организация на территории республики. В ней 62 человека. Большинству из них именно наша организация позволила наиболее полно реализовать свой потенциал, поскольку вступить в Союз писателей республики Татарстан удаётся далеко не всем. Назову для примера трёх казанских поэтов — Эдуарда Учарова, Филиппа Пираева, Галину Булатову. Их творчество, не чураясь эксперимента, остаётся в русле пушкинской традиции («...чувства добрые я лирой пробуждал»), и служит «смягчению нравов», в чём видел одну из целей художественного творчества парадоксальный между золотым и серебряным веком Василий Розанов. Эта казанская троица известна и другими благими делами. Они вернули из забвения имена нескольких земляков-казанцев: поэта-романтика предпушкинской эпохи Гавриила Каменева (ежегодно проводят конкурс «Хижицы» его имени), а также нашего современника Ивана Данилова, бескорыстно издав их книги. Они придумали

и организовали ни на что другое непохожее кафе «КалитКа», где по воскресеньям встречаются большей частью поэты, а также художники, музыканты, артисты. Мало сказать, что кафе, где угощают чаем и кофе, стало популярным, оно становится любимым. «Содержит» кафе Эдуард Учаров на правах сотрудника Центральной городской библиотеки Казани, где оно и существует не первый год. По нашим рекомендациям все трое были приняты в Союз российских писателей, получили государственные стипендии и выпустили свои сборники, о которых шли дружеские дискуссии в той же «КалитКе».

Под началом ТО СРП действует несколько литературных объединений. Самые крупные: в Казани «Примус» (имени нашего покойного наставника Виля Салаховича Мустафина, руководитель, поэт Филипп Пираев) и в Набережных Челнах при ДК «КАМАЗ» литобъединение «Лебедь» (руководитель Ольга Кузьмичева-Дробышевская). Помимо Набережных Челнов и Казани открыты представительства и ячейки в некоторых других городах и посёлках республики.

Более подробный рассказ о нашей деятельности занял бы в интервью слишком много места, но я надеюсь, что он будет продолжен в других материалах этого номера. Да и я в течение минувших лет не раз писал об этом. А сейчас заострить внимание хочется на двух вещах. Во-первых, благодаря содействию правления Союза российских писателей и лично Светланы Владимировны Василенко наше отделение стало получать ежегодно по четыре государственных стипендии от Министерства культуры Российской Федерации на издание новых книг. Две стипендии по номинации «Мастер» и ещё две по номинации «Молодой автор» с возрастным ограничением до 35 лет (чаще всего ещё не член СРП, но кандидат в него). Таких стипендий получено около 20-ти, значит, выпущено столько же книг — самых первых или очередных. Кандидатов на стипендии избирает общее собрание по рекомендации бюро ТО СРП, состоящее из семи человек.

А разногласия между двумя писательскими союзами я считаю пустыми и глупыми. Не слишком патриотично выглядит ныне СПР, поскольку выборы его правления на съезде в феврале минувшего года после кончины В. Н. Ганичева оказались скандальными. Не настолько либерален СРП в своём нынешнем составе. Неприятие друг друга осталось у московской верхушки. А в провинции происходит нечто обратное. Нищенствуют и те, и другие, они же чаще всего вместе, сообща делают наше «бесполезное» дело, ибо тяга к нему неистребима. За примерами далеко ходить не надо. Вы, Диана, уже опередили меня, сказав, что «Аргамак» публикует и тех, и этих (был бы текст хорош). Также поступают другие издания российской провинции, с которыми «Аргамак» дружит, а не конфликтует. Я с удовольствием назову альманахи Союза российских писателей «Лёд и пламень» и «Паровоз» (Москва), «Под часами» (Смоленск), ваш журнал «Гостинный двор» (Оренбург), пензенскую «Суру», йошкар-олинскую «Литеру», саратовскую «Волгу XXI век», красноярский «День и ночь», иркутскую «Сибирь», калининградские «Берега», воронежский «Подъём» (один из старейших). Возобновились тёплые отношения со знаменитым московским журналом «Молодая гвардия», ибо его главный редактор Валерий Хатюшин в молодости «правил перо» вместе со мной в легендарном литературном объединении «Орфей» (Набережные Челны, КАМАЗ, семидесятые годы прошлого столетия).

В том же Оренбурге совместно устраиваете фестивали, конкурсы, семинары молодых Вы, Диана Кан (СПР) и Виталий Молчанов (СРП), в Екатеринбурге тем же самым занимаются Александр Кердан (СПР) и Арсен Титов (СРП). О чём это говорит? В низах появилась тяга к объединению. Рано или поздно верхи должны это услышать. Возможно, и государство тогда обратит внимание на писателей.

— Николай Петрович, каков Ваш взгляд на будущее развитие художественной литературы в России — и как редактора, и как активно публикующегося поэта — оптимистический или пессимистический?

— От прогнозов воздержусь, ибо не только Россия, но и весь мир замер в тревожных предчувствиях. До светлых дней, когда кроме частных появятся государственные или общественные издательства, поддерживаемые бюджетом, когда возобновятся на былом уровне книготорговля и библиотечное дело, когда писатели будут получать за свой труд достойное вознаграждение, я, пожалуй, не доживу — мне уже 74. Но — хочется надеяться, что это случится. Я даже наивно верю, что мои стихи когда-нибудь будут переиздаваться достойными тиражами, так как помню тиражи двух своих первых тоненьких книжек: 8000 экземпляров и 15000 экземпляров (сравните с нынешними 1000 или 500). Что любопытно, обе книжки были раскуплены в течение месяца (первая выпущена в 1983 году, вторая через пять лет). То есть спрос на них был без моего личного участия — хорошо работала отлаженная система. Не сомневаюсь, что есть спрос на наши книги и сейчас. Только продавать их должны не сами поэты, а профессионалы торгового дела, равнодушные к литературе.

*Стихи, ей-богу удаются
И душу радуют мою.
Стихи всё реже издаются,
Стихи совсем не продаются,
«Поэтам деньги не даются».
Как соловей — за «так» пою.
Да! Божий дар всего дороже,
И я внимать ему готов.
Лишь об одном молю: «О, Боже,
Избавь поэта от долгов».*

Проблема не в нас. В России сегодня отсутствует организация литературного дела. В Советском Союзе она была. И писатель был социально защищён. Не только за книги, за каждую публикацию (даже в районной газете) платились гонорары. При отделениях Союза писателей работали бюро пропаганды художественной литературы, заключавшие договора с профсоюзами. По путёвкам бюро мы выступали на предприятиях, на стройках, в рабочих общежитиях, в сельских клубах, и каждый получал за выступление по 18 надёжных советских рублей. Оттого и книги не залеживались. Я был принят в СП СССР в 1984 году. На следующий год мне была предложена творческая командировка на Дальний Восток. Оказалось, что в Хабаровском крае, на берегу Амура есть село Елабуга с крупным рыболовецким совхозом, а в 18 километрах от Елабуги есть село Челны. Таким образом, я встретил там своих земляков, переселившихся сюда из Нижнего Прикамья ещё в эпоху столыпинских реформ, и написал о них очерк. Для государства такое сотрудничество было само собой разумеющимся. И вдобавок — моё литературное поколение помнит, что Союз писателей СССР был не только творческой, но и мощной хозяйственной структурой, существовавшей отнюдь не на подачки государства — если они и были, то смею предположить, что не превышали нынешних. Не пора ли вспомнить об этом?

— У каждого литературного журнала есть собственные принципы, исходящие из вкусов редактора и редколлегии. По-моему, заметны они и у журнала «Аргамак». Что скажете по этому поводу?

— У моего друга-поэта Юрия Кучумова есть такие строки: «Я не за красных, не за белых, Я просто рядом тут живу». Я с ним согласен в самом широком смысле. На мой взгляд, хватит ориентироваться на коммунизм, социализм, тем более, на не оправдавший себя демократический централизм-глобализм американского пошиба. Пора строить российское общество здравого смысла, иначе пропадём.

Извините, что чуть отвлёкся. Я уже не раз писал о предпочтениях журнала «Аргамак». В гражданском смысле они исходят из интересов Отечества. А при отборе материалов главное — качество художественного текста и неприятие дурного вкуса. Меня почему-то считают замшелым традиционалистом. А я всегда с надеждой читаю экспериментальные стихи и прозу — вдруг мелькнёт что-то подлинное. Дурным вкусом же считаю, когда книгу стихов называют, например, «Вишнёвый сайт», потому что ничего кроме издёвки над классикой в этом названии не вижу. Как и в самих стихах, в которых кроме цинизма и жажды самоутверждения тоже ничего не вижу. От разбора конкретных произведений тех или иных авторов нашего журнала давайте воздержимся. Всё, что опубликовано в «Аргамаке» — читайте, делайте выводы.

— *Не сомневаюсь, Николай Петрович, что читать Вам как редактору приходится очень много. Не только авторов аргамаковцев, но и коллег-современников, без этого не обойтись. Каковы Ваши предпочтения в текущем литературном процессе? Какие имена вызывают надежды?*

— Из журналов — знакомлюсь со всеми, которые перечислил выше. Предпочтительнее других — «Наш современник», подписчиком которого являюсь более сорока лет. Почти все любимые авторы, на коих в той или иной степени складывались мои вкусы и моё мировоззрение (Рубцов, Шукшин, Юрий Кузнецов, Астафьев, Белов, Распутин, Кожин, Селезнёв) — оттуда. «НС» открывает и авторов, за которыми, на мой взгляд будущее русской литературы. Это прозаики Михаил Тарковский, Захар Прилепин, Сергей Шаргунов — люди Вашего поколения, Диана Елисеевна. Это, конечно, и Вы сами, как автор и лауреат того же журнала, в подтверждение чему в нашем юбилейном номере публикуется отклик на Ваши стихи Эдуарда Анашкина, напечатанный ранее как раз в «Нашем современнике». Назову и поэта из Смоленска Владимира Макаренко, своего коллегу по сопредседательству в региональном отделении Союза российских писателей. Огромный интерес у меня не только как у читателя, но и как у редактора вызывают новые русские реалисты: иркутянин Андрей Антипин, москвичка Елена Тулушева. Это уже поколение, следующее за Вами. В числе этого поколения Ваша ученица Карина Сейдаметова, возглавляющая теперь в «НС» отдел поэзии, и поэтесса Елизавета Мартынова, главный редактор журнала «Волга XXI век» — обе они уже публиковались в нашем «Аргамаке», и сотрудничество с ними, я надеюсь, будет продолжаться.

Конечно, не могу не назвать поэтов своего, теперь уже уходящего — военного и послевоенного — поколения. Некоторые из нас — ровесники великой Победы, это мои одногодки Владимир Скиф (Иркутск) и Хайдар Бедретдинов (Москва), дождавшиеся с фронта своих отцов, а также Разиль Валеев (Казань), родившийся в 1947 году, и тот же Валерий Хатюшин, отпраздновавший осенью прошлого года семидесятилетие. Ребята чуть постарше нас — это Николай Рачков (Ленинградская область) и Геннадий Морозов (Касимов, Рязанской области) — своих отцов не дождались, вслед за Юрием Кузнецовым познали безотцовщину. «В пятидесятых рождены» (в первых словах этого предложения — название одной из книг покойного и всеми любимого Коли Дмитриева) и, слава Богу, ныне здравствующие Евгений Семичев (Самарская область), Юрий Перминов (Новосибирск), Александр Нестругин (Воронеж). Таков

мой личный список близких по духу участников современного литературного процесса в России. По художественному уровню он не уступает прикормленным «амбивалентным» авторам, а, на мой взгляд, превосходит их.

Дальнейшее развитие отечественной словесности невозможно без сохранения традиции. Моё поколение ещё помнит, что оно выросло на хорошо удобренной почве. Почти у каждого из нас были бескорыстные наставники. Для меня лично это Николай Беляев и Рустем Кутуй, а также голосовавшие за меня в 1984 году при приёме в Союз писателей татарские классики Хасан Туфан и Гариф Ахунов. В числе моих друзей и верных помощников при выпуске «Звезды полей», а затем и «Аргамака» были и остаются в сердце и в памяти казанец Виль Мустафин и его ровесник, поэт из города Орла Николай Перовский. Их объединяла помимо поэзии и похожая судьба. Оба они — сыновья «врагов народа». Их отцы были репрессированы и расстреляны. Помимо мастерства и ремесла тот и другой являли пример, как при любых обстоятельствах оставаться поэтом и порядочным человеком.

Все они — живые и мёртвые — остаются опорой. А о собственном «месте в рабочем строю», тем более, о регалиях думать не хочется. В одном из стихотворений мною написано так:

*...А слава что? А слава — дым.
Оставь-ка рейтинги другим —
Быть модным некрасиво.*

*Ищи себя в черновиках
И в недописанных стихах —
Да будет поиск сладок!
И продолжай пером водить,
А перед тем, как уходить,
Всё приведи в порядок.*

— Благодарю за беседу, Николай Петрович! В завершении хочется выразить надежду, что «Аргамак» продолжит свой победный бег на издательском ипподроме не два, а четыре раза в год, а разнообразные писательские сообщества когда-нибудь снова объединятся в единый творческий Союз, ибо такая необходимость назрела.

В юбилейные дни главному редактору приятно осознать, что к журналу «Аргмак» неравнодушны красивые и талантливые женщины. Я рад представить читателю три своих беседы с ними. Впрочем, одну из бесед — с несравненной Дианой Кан — вы уже, надеюсь, прочли только что. А вот ещё знаки внимания и грани сотрудничества: с несравненной Татьяной Окоменюк, проживающей ныне в Германии, но остающейся по сути своей русской писательницей; и с несравненной Лилией Юсуповой из Горно-алтайска, лауреатом Цветаевской премии, гостьей Елабуги и Казани, публикующей в «Аргмаке» не только свои стихи, восходящие по традиции к русской классике, но и оригинальные художественные работы, которые так уместны под нашей традиционной рубрикой «Любите живопись. поэты!». Разумеется, я польщён!

Не сомневаюсь, что Александр Сергеевич Пушкин одобрил бы внимание редакции к прекрасным дамам!

Николай АЛЕШКОВ

ТАТЬЯНА ОКОМЕНИЮК: «САМЫЕ ТАЛАНТЛИВЫЕ ПИСАТЕЛИ ЖИВУТ В РОССИИ»

Сегодня журнал «Аргмак» и его главного редактора поздравляет с юбилеем известный немецкий прозаик и публицист, автор семнадцати книг художественной прозы, изданных в России, Германии и США, лауреат многих литературных премий, обладатель звания «Золотое перо Руси», организатор международного литературного конкурса «Лучшая книга года», давний друг нашего журнала Татьяна Окоменюк

Недавно из-под пера писательницы вышла новая книга — сборник рассказов «Смех и слёзы». Об этом и о многом другом мы и поговорим сегодня с нашей гостьей.

— Вы уже более 20 лет живёте в Германии, а пишете, как правило, о России. События всех ваших романов проходят в Москве, Санкт-Петербурге, Самаре, Энске — обобщённом российском областном центре. В качестве событийного фона Германия вас больше не удовлетворяет?

— Почему же? В Германии живут героини моих повестей «Замужем за немцем», «Вечерние новости», «Одинокие женщины желают...», сборников рассказов «Отдам жену в хорошие руки», «Перекасти-поле», «Возвращение блудной души», романа «О Ване и пуТане». Что касается более поздних произведений, то они, действительно, «прописаны» в России. Это связано с тем, что интерес к жизни эмиграции у российского читателя значительно ослабел. Сегодня его больше волнуют собственные проблемы, чем мытарства тех, кто «отправился за лучшей жизнью». Российские издательства сразу дают авторам установку: «не Джон и Мэри», а «Ваня и Таня», не «Фридрихштрассе», а «улица Гагарина» — чтобы сопереживать героям, читатель должен себя с ними идентифицировать.

— Темы для романов тоже навязывают издательства?

— Не навязывают, а рекомендуют. Иногда. Но у меня как-то не получается следовать по проложенной колее. Я пишу только о том, что интересно мне самой. В этом вопросе я полностью солидарна с Галиной Щербаковой, сказавшей однажды: «Писатель ни с кем не должен идти в ногу: ни с партией, ни с читателями, ни со временем. Он должен жить своей жизнью и писать именно о том, что в нём кричит».

— На прилавках книжных магазинов появилась ваша новая книга «Смех и слёзы». О чём она?

— Это — микс из юмористических и драматических рассказов, повествующих о судьбах наших современников, проживающих, как в России, так и в Германии. Попытка взглянуть на происходящее с нами через увеличительное стекло. Взглянуть и понять: у Вселенной — свои законы, и все совершаемые нами поступки бумерангом возвращаются обратно.

— Реальны ли события, которые вы описываете в своих произведениях? Есть ли прототипы у ваших героев? С кого вы «рисуете» характеры?

— Конечно, есть герои и события, которые списаны с природы, как, например, в повести «Замужем за немцем», но их гораздо меньше, чем вымышленных и собирательных. Любое своё произведение я строю из кубиков-элементов. Какие-то из них буквально вчера подсмотрены «из окна», какие-то выужены из глубин памяти, какие-то полностью придуманы. Что называется, с миру по нитке. А характеры я «рисую», внимательно всматриваясь в окружающий мир. Как говаривал Исаак Бабель: «Если хотите что-нибудь наблюдать из жизни, то зайдите к нам на двор — есть с чего посмеяться».

— В одном из интервью вы говорили, что ваш любимый автор — Чехов. Согласны ли вы с мнением классика, что краткость — сестра таланта?

— Нет. Краткость — это сестра недостатка словарного запаса и теща гонорара.

— Предполагали ли вы на старте писательской карьеры, что напишете такое количество книг, и сочинительство станет делом вашей жизни?

— Да что вы! Писатели всегда были для меня небожителями, промежуточной инстанцией между Создателем и человеком. Божьей дудкой, как когда-то назвал их Сергей Есенин. Много лет я была педагогом, прививала старшеклассникам любовь к классике, восхищалась творениями столпов современной литературы. Ценила тонкий юмор миниатюр Жванецкого, обожала повести Владимира Кунина, была увлечена романами Фридриха Незнанского. Предположить, что когда-то буду сидеть с ними за одним столом, не могла даже в самых буйных фантазиях. Я и сейчас не считаю себя писателем. Писатель — это человек, который в состоянии содержать свою семью на гонорары за изданные им книги. В отличие от них, я — беллетрист, который в свободное от основной работы время занимается любимым хобби.

— Как вы пришли к написанию своих первых рассказов?

— За перо я взялась по необходимости. Когда в лихие девяностые педагогам перестали платить зарплату, мне пришлось подрабатывать очеркистом во многих всеукраинских изданиях. Тогда-то женские журналы и предложили мне писать небольшие рассказы на темы любви, измены, семейных отношений. Так появились на свет первые рассказы «Экстрасекс», «Червонцы в перчатке», «Одна коза», «Рабочий день Королевы Марго», «Гуляй, Вася!», «Охота на самца». Редакторы оценили мои творения, появились постоянные заказы, и гонорары позволили нам с дочерью без отчаяния дотянуть до эмиграции. В Германии я сразу же обратилась к уже проверенному виду трудовой деятельности — разослала свои очерки и рассказы в русскоязычные газеты Германии. Все они были опубликованы. И пока я предпринимала попытки

устроиться на педагогическую работу, получила приглашение от русскоязычной газеты «Районка». Став ведущим журналистом этого издания, я начала робко расширять дистанцию для пробега. Набив руку на рассказах, написала наконец свой первый роман «О Ване и пуТане». Вначале это был репортаж о работающих в Гамбурге русских проститутках, который я сделала по заказу американской газеты «Новое русское слово». Потом он оформился в повесть, а со временем разросся до романа. Убедившись, что не святые горшки обжигают, я написала ещё один роман — «Иуда», который был отмечен несколькими высокими литературными наградами, как в Германии, так и в России. А дальше уже понеслось...

— *Над чем работаете сейчас?*

— Заканчиваю роман «Заочница», повествующий о судьбе студентки, работающей репортёром в региональном печатном издании «Криминальный вестник». Заочница факультета журналистики Тоня Фомина примерила на себя роль супруги зэка, с которым познакомилась по переписке и стала «заочницей в квадрате». Ничего хорошего из этой авантюры у неё не получилось, но три года регулярных поездок на зону строгого режима и «жизни» на вулкане с типом, у которого разрушена психика, она не забудет никогда.

— *Вы уже много лет возглавляете Берлинский международный литературный конкурс «Лучшая книга года». Как вы пришли к идее его создания?*

— Конкурс существует уже почти десять лет. Его организовала Берлинская библиотека современной литературы. В 2009 году я стала победителем «Лучшей книги года» с книгой «Замужем за немцем», и руководство библиотеки попросило меня возглавить жюри, а спустя пару лет — взять на себя бразды правления. С тех пор много воды утекло. Конкурс стал международным, ежегодным и довольно популярным. На сегодняшний день его география представлена тридцатью шестью странами. В литературных состязаниях участвуют, как опытные, так и начинающие авторы, выпустившие в свет свою первую книгу. Некоторые из наших конкурсантов являются его ежегодными участниками. По их словам, «Книга года» — мощный стимул для написания и издания новых произведений.

— *В какой стране, по вашему мнению, самые талантливые писатели?*

— Я не отслеживаю литературный процесс в глобальном масштабе. Судить о нём могу лишь, опираясь на статистику нашего конкурса. И если мы с вами говорим о современной русской литературе, то, конечно, в России. Из 100% конкурсантов, вышедших в финал, добрая половина является жителями Российской Федерации. Следом за ними идут авторы из Израиля, где, как известно, — «на четверть бывший наш народ», и Германии, имеющей самую крупную среди Западных стран русскоязычную диаспору. Третье место делят Украина и США.

— *Ваши детские книги переведены на несколько языков, в том числе и на татарский. Правда ли, что одна из них рекомендована Министерством образования Татарстана к изучению на уроках внеклассного чтения?*

— Правда, в ряду других книг серии «Современные авторы — детям». Но не на русском, а на татарском языке в переводе замечательного набережночелнинского писателя Факиля Сафина. Это — книга «Сокровища викингов», вышедшая в казанском издательстве «Идел-Пресс». Пользуясь случаем, хочу поблагодарить Республиканскую детскую библиотеку Республики Татарстан за популяризацию моей книги, а также ученицу казанской школы № 1 Ульяну Кузнецову, занявшую с «Сокровищами викингов» призовое место в конкурсе презентаций «Моя любимая книга».

Говоря о Татарстане, хочу отметить, что эта земля подарила литературному миру массу ярких талантов, которые обратили на себя внимание жюри «Лучшей книги

года». Это — Вера Хамидуллина, получившая в 2012 году высшую награду конкурса за поэтический сборник «В поисках Шамбалы». Завоевавшие золото Сания Шавалиева с детской книгой «Шушпанки» (2014 год) и Николай Алешков с поэтическим сборником «Дальние луга» (2018 год). Это — Ахат Мушинский, Нурия Беломоина, Эдуард Учаров. Замечательные литературные переводчики Б. Хайрутдинов, А. Ситдикова, Ф. Сафин, награждённые в 2013 году призом «Переводческий Олимп». Потрясающий художник-иллюстратор Ольга Белова-Недовизий, признанная «Лучшим художником 2013-го года». В разное время нами были награждены татарстанские литературные издания «Аргамак», «Казанский альманах», Набережночелнинская детская газета «Серебряный колокольчик». Уверена, что авторам Татарстана и дальше будут сопутствовать успех и удача.

— *И в завершение нашей беседы: что бы вы хотели пожелать начинающим писателям с высоты своего литературного опыта?*

— Дорогие коллеги, не отчаивайтесь, если не сразу всё получается. Не разочаровывайтесь в своих способностях, не падайте духом при жёсткой оценке вашего труда редакторами, критиками, издателями. Следуйте совету моей любимой поэтессы Юнны Мориц:

*Пишите для себя — как пишут дети,
Как дети для себя рисуют звуки,
Не думая о том, что есть на свете
Хрестоматийно творческие муки.*

ЛИЛИЯ ЮСУПОВА: «КОГДА ТАК КРАТОК ПУТЬ ЗЕМНОЙ...»

— *Лилия Джигангеровна, с тех Цветаевских чтений, где Вы стали лауреатом Литературной премии имени Марины Цветаевой прошло уже 7 лет. Что нового произошло в Вашей жизни?*

— Когда получала премию, я была кандидатом медицинских наук, теперь стала доктором. Над диссертацией работала как раз последние семь лет:

*Мои семь лет — суровые тиски,
Где был запрет на краски и стихи,
Где дан обет аскезы и работы,
Где нет забав, а есть одни заботы.*

И всё же, несмотря на большую загруженность, появлялись новые стихи и изданы две новые книги. Последняя называется «Моя политика — поэзия», своеобразный итог литературной деятельности. Конечно, я не могла не вспомнить важное событие — получение в 2012 году упомянутой Вами литературной премии, поэтому в начале книги размещена статья Натальи Александровны Вердеревской о поэзии, а в конце книги — наша предыдущая с Вами беседа о живописи. Поездка в Елабугу и организаторы Цветаевских чтений навсегда останутся в душе светлым и ярким воспоминанием.

— *Кстати, о живописи...*

— Летом в Горно-Алтайске открылась моя персональная выставка картин «Интеллектуальный натюрморт». Я не часто показываю свои работы, потому что картины требуют наличия свободного времени и свободных рук, чем я редко располагаю. Для

экспозиции были отобраны именно натюрморты — мой любимый жанр, где через предметы, являющиеся символами, можно показать человеческие отношения и выразить свой взгляд на события и явления. Я стараюсь вовлечь зрителя в пространство холста, как соучастника моих переживаний. А изображаю то, что вокруг меня, часто — кухонную посуду. И это не случайно.

*Один секрет от публики скрываю:
Мне кухня — кабинет и мастерская.
И я в ней, как заправская стряпуха,
Готовлю и для тела, и для духа.*

— *Прослеживаются серии работ — со свечами, розами, часами.*

— Это Вы верно отметили. Очень часто приходит сразу несколько сюжетов одновременно, где предметы обыгрываются с разных сторон. У меня много картин с часами. Есть часы с горящими стрелками, потому что очень быстро сгорает наше человеческое время. Есть часы, наколотые на вилку в картине «Пренебрежение временем». А есть часы, заключённые в колбу («Непостижимость времени»), потому что мы не можем потрогать время и не можем до конца понять его, можем только ощутить:

*Оно незримо правит белым светом —
Лишь признаки улавливает взгляд:
Ночная тьма меняется рассветом,
А за дождём приходит снегопад.*

*Мы замолчим — другие разговоры
Тревожить будут души и сердца.
Но, слушай, как ничтожны наши ссоры
На фоне неизбежного конца!*

*Не сыпь на сердце острые иголки.
Дай руку мне — забудем все размолвки,
Наполним только радостью года.*

*Что времени — людские отношения,
Когда оно одним своим движеньем
Возводит и стирает города...*

— *Звучит как манифест.*

— Наверное. Но я и в самом деле стараюсь жить так: прощая людей, не замечая промахов, потому что все мы смертны... Да и других людей призываю к такому же отношению:

*Какая власть у слов беспечных!
Неточный тон, неверный слог
И вместо радостей сердечных —
Обиды долгий монолог.*

*О, пусть я трижды виновата,
Но укорять нельзя виной:*

*Я знаю — ссориться не надо,
Когда так краток срок земной.*

— *Стихи и картины. Какой вид творчества Вам ближе?*

— На открытии моей выставки выступали знакомые художники, подчёркивая особо, что мои живописные работы — это художественное отображение стихов. Однако это не так. Я ставлю в поэзии и в живописи абсолютно разные задачи и по-разному их решаю. Две грани творчества дополняют друг друга, но они не идентичны. Похожесть только в простоте изложения (стихов) и простоте изображения (картин): в них нет никаких украшательств и лишних деталей.

*Мои стихи бранят за простоту,
Считая скромность их — большим изъяном,
А я считаю — портят красоту
Излишние белила и румяна...*

В живописи этот минимализм тоже прослеживается. Но в картинах я более озорная и оптимистичная, чем в поэзии.

Надо заметить, что в современном искусстве в моде эпатаж и заумь, но надеюсь, что это — временное явление:

*Обмельчала душевная мерка —
Не в ходу стала истины суть:
За шедевр выдаётся подделка,
А за мудрость — словесная муть.*

*Только верю, что Вечность сурово
Отсечёт новомодную блажь —
И останется вещее Слово,
А не жалкий словесный муляж...*

— *Вы сказали, что живопись требует времени, а стихи?*

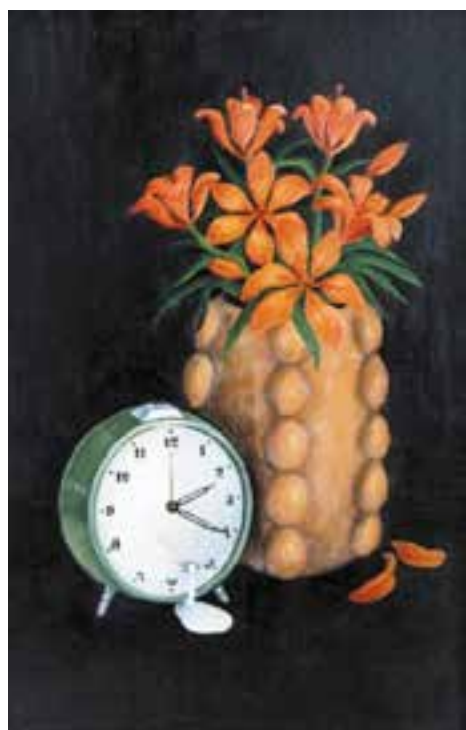
— А стихи — нет. Они появляются между делом, невзначай, как внутренний ответ незримому собеседнику. Часто эти собеседники — гении минувших веков. Например, я периодически перечитываю нравственные письма древнеримского философа Сенеки, который призывал беречь время и тратить его только на добрые дела:

*От предков достались нам сотни заветов,
Умножить должны мы наследие это.*

Я стараюсь жить в соответствии с этим советом...

КАРТИНЫ ЛИЛИИ ЮСУПОВОЙ

Мои часы

Свеча

ЛЮБИТЕ ЖИВОПИСЬ, ПОЭТЫ!

Запретный плод

Яблоки

КАРТИНЫ ЛИЛИИ ЮСУПОВОЙ

Нежность

ЛЮБИТЕ ЖИВОПИСЬ, ПОЭТЫ!

Покорность

Свеча сгоревшая

Совмещение

Пренебрежение временем

Гранаты

ЛЮБИТЕ ЖИВОПИСЬ, ПОЭТЫ!

Время-деньги

Время-деньги-2

Левитация

Экологический этюд

ЛЮБИТЕ ЖИВОПИСЬ, ПОЭТЫ!

Старость

КАСТАЛЬСКИЙ КЛЮЧ

От редакции. Татарстанское отделение Союза российских писателей, насчитывающее более 60 человек, ежегодно получает от Министерства культуры Российской Федерации по четыре государственных стипендии, предназначенных для издания новых книг, за которые необходимо потом отчитываться. Поэты, опубликованные в данной подборке, и прозаик Дмитрий Цыганков со своим рассказом удостоились этой чести. Под рубрикой «Стипендиаты» публикуется также развёрнутая рецензия Людмилы Пахомовой на книгу документальных повестей Александра Воронина, выпущенную также благодаря стипендиям. За содействие в получении этих грантов авторы сердечно благодарят правление Союза российских писателей, особенно его первого секретаря Светлану Владимировну Василенко.

Николай АЛЕШКОВ

АЛЕШКОВ Николай Петрович родился в 1945 году в селе Орловка Челнинского района ТАССР. В 1982 году закончил заочное отделение Литературного института имени А.М. Горького (семинар Н.Н. Сидоренко). В 1984 году принят в Союз писателей СССР. Автор двенадцати книг стихов. Лауреат нескольких литературных премий). Председатель Татарстанского отделения СРП. Главный редактор литературного журнала «Аргамак. Татарстан».

Заслуженный деятель искусств республики Татарстан, почётный гражданин города Набережные Челны.

ИМЕНИНЫ В БОЛДИНО

Сердца открыты, чудо будет,
Огонь священный не потух,
Горластый болдинский петух
Пусть снова Пушкина разбудит!
К нему приехали поэты! —
Светла планиды полоса!
Июньским солнышком согреты
Вокруг Лучинника* леса.
Узнав Его, в любимой роще
На миг замолкли соловьи.
— Ах, господа, пишите прощче,
Как Белкин повести свои!
И благодатью Пушкин дышит,
К ручью студёному приник:
— Всяк, слух имеющий, услышит
Журчащий болдинский родник—
Ведь он и есть мой ключ Кастальский!
А в листьях ангел шелестит:
— Ты лучше б здесь навек остался,
Ты — барин наш и наш пиит!
На летнем болдинском крылечке
Встречал бы к празднику гостей,

* Лучинник — заветная, любимая Пушкиным поляна в трёх километрах от болдинской усадьбы поэта

Зимой грелся бы у печки
С капризной музозю своей.
Ты ей писал — как было б славно
С тобою вместе да с детьми
Жить здесь, Наталья Николавна,
С простыми русскими людьми!
Казалось бы, какая малость
Из уст её услышать — да!..

Всего три года оставалось
До Чёрной речки, господа...

МАЛЬЧИШНИК

Хлеба горбушку да сала шматок
С кружкой холодного кваса —
Лучшей еды и не будет, браток,
Вплоть до последнего часа.
Кто-то добавит зелёный лучок
И огурец малосольный
Рядом с картошкой. Про водку — молчок
В нашей беседе застойной.
Лучше не дома, а возле реки —
Ласточки чтобы кружили.
Али не русские мы мужики,
Али друг другу чужие?

Песню старинную вспомним – споём.
 Годы, как быстрые реки.
 Вовсе не страшно, что скоро уйдём
 Все – друг за дружкой – навеки.
 Витька да Санька, да тёзка – Колян,
 Васька, приехавший в гости.
 Песня не ладится? Бросьте баян,
 Просто обнимемся, бросьте!
 Детство ли вспомним: герань у окна,
 Складки отцовской шинели.
 Послевоенная рвань и шпана,
 Что же вы так поседели?
 Живы покуда. И память остра
 Вплоть до последнего часа.
 Ну-ка, старшой, разливай у костра
 Из фронтowego запаса...

ОСЕННИЕ СТИХИ

Александрю Нестругину

Спасибо, сторонка родная!
 С тобой всё на свете стерплю.
 А что за пределом – не знаю,
 Но землю, где вырос, люблю.

Люблю это мокрое поле
 И эту туманную взвесь.
 Была бы на то моя воля –
 И душу оставил бы здесь.
 Под мелким дождём морозящим
 В лесочке за тёмной рекой
 Сыграл бы нечаянно «в ящик»
 С оборванной этой строкой...
 И вспомнится счастье такое –
 В миру оказаться никем,
 Чтоб вместе с текущей рекою
 Уйти в небеса насовсем!
 А чем не финал для поэта?
 И пусть зарастёт колея!
 Найдут ли, отыщут ли – это
 Забота уже не моя.
 Зато меж берёзок осенних –
 Откуда? Из ангельских снов
 Мелькнут ненароком Есенин
 И с грустной улыбкой Рубцов.
 Под тихую музыку – шелест
 Дождя и летящей листвы
 Коснётся языческий Велес
 Пропашей моей головы...

Наталья ПЕРВОВА

ПЕРВОВА Наталья Ивановна родилась в 1938 году в Мурманске. Закончила факультет журналистики Ленинградского университета. Работала в городе Череповце в городской газете. В начале 1970-х приехала с семьёй в Набережные Челны. Работала в редакции радиовещания автомобильного комплекса, затем – на литейном заводе редактором объединённой редакции радиовещания и газеты. Член Союза российских писателей, автор трёх книг стихотворений; «Моя параллель» (2007 г.), «Китежанка» (2009 г.), «Прапамять» (2016 г.). Живёт в Набережных Челнах.

* * *

Поведать о любви припело мне.
 Все ль высказать?
 Себе ль оставить малость?
 В прокорм душе, чтобы на самом дне
 От тайны тайн заветное плескалось...

И новые взрастило бы слова.
 Те, верные, из Ветхого Завета.
 И чтобы закружилась голова
 От силы, целомудрия и света.

ОГЛЯНУСЬ

Не сегодня, чай, и не завтра
 Я звана на Калинов мост:

Не допета молитва – мантра,
 Сколь земных не пройдено вёрст!

Что долгов не оплачено сродным
 За любовь, за ласку, за кров!
 Что краях не дано голодным,
 Не разгадано вещей снов.

Не обласкано нищих с паперти,
 Не поддержано невезух...
 Не звано за белые скатерти
 Самых преданнейших подруг.

Сколько близких душ да не встреченных,
 Или встреченных невпопад!
 Сколь желаний вот этим вечером
 Не загаданных в звездопад.

Не долюблено, не додружено,
Перечислить всего невмочь
Среди строк стихотворных кружева,
Недовязанных в эту ночь.

Не качайся ты, мост Калиновый,
Припозднившись, но я приду.
Только встречу того, единого,
У ворот в городском саду...

* * *

Иду ль деревней, городом большим-
Мне русские слова тревожат душу...
И местный говор с облачных вершин
Спускается, чтоб сказы мне послушать.

Олег ЛОНШАКОВ

ЛОНШАКОВ Олег Николаевич. Родился в 1975 году в городе Набережные Челны. В 1992 году поступил на филологический факультет Набережночелнинского государственного педагогического института, по окончании которого работал преподавателем на кафедре русского языка и литературы. Впоследствии трудился регистратором торжеств в городском ЗАГСе, телеведущим, журналистом, специалистом по организации досуга. В настоящее время работает звукооператором. Автор сборников стихов «По обе стороны окна» и «Чёрным по белому». Лауреат международного этнокультурного фестиваля-конкурса «Алтын Майдан – Крым, 2017». С 2015 года член Союза российских писателей.

* * *

Сыну Максиму

Жизнь тянулась, как сигарета:
и себе, и другим во вред.
Вдруг призвал меня Бог к ответу:
«Что ты сделал за столько лет?»

«Я писал!» – «Это может каждый!»
«Но я в рифму!» – «А всё равно,
никому поэтической жажды
от рождения не дано.

Предназначенность каждого в мире
не в стихах, а в чём-то ином.
Дом построил?» – «Живу в квартире...»
«Но квартира, увы, не дом.

Сына вырастил?» – «Только дочку...»
«Всё, порвалась фамилии нить!
Почему ты поставил точку?
Мог бы сына теперь растить!»

Чтоб развеять мой сон и скуку,
чтоб я понял, зачем я жил,

В них точность непреложная звенит,
Коль не «морозка» скажут, а «команка» –
Комочек жёлтый... Сладостью налит
Янтарь, чтоб не пристала лихоманка.

Не одеяльцем старым обогнусь,
А – бабка улыбнётся – «обогнушкой».
На край печи подвинута и грусть
Под ухо мне подsunутой подушкой.

Из этих слов, не сразу видных глазу,
Но почему-то выбранных твореньем
Клубочек я сплету – пускай, не сразу –
И назову своим стихотвореньем.

Бог в мою грубоватую руку
вдруг ладонь малыша положил.

И в ладони ладонь сжимая,
принимая благую весть,
постепенно я понимаю:
смысл в жизни всё-таки есть.

ПОЭТУ

Быть может, мы не поняли его.
Быть может, мы поймём его едва ли.
Но он писал совсем не для того,
чтоб мы его сегодня понимали,
а для того, чтоб мы его читали,
почувствовав суть истины иной,
той, о которой – не подозревали.
Но в нас она натянута струной.
Чтоб он сумел, пройдя через века,
пусть до конца не понятый, быть может,
струны любой дотронувшись слегка,
вдруг сделать нас и чище, и моложе.

* * *

Мы с тобою странная пара:
Ты татарка, я – русский поэт.
Ах, как часто влюблялись в татарок
Мужики, не предчувствуя бед.

У тебя в каждом сказанном слове
Десять смыслов – попробуй понять.
То от злости нахмуришь брови,
То заплачешь – захочешь обнять.

Светлана ЛЕТЯГА

ЛЕТЯГА (Кашеварова) Светлана Николаевна. Родилась в Пензенской области. Окончила филологический факультет Елабужского государственного педагогического института. Работает учителем русского языка и литературы. Победитель конкурса поэтов «Непризнанный гений» (г. Набережные Челны, 2014), финалист конкурса второго Международного форума «Славянская лира» (2015). Автор поэтического сборника «Стихотерапия». Член Союза российских писателей. Публикации в журналах «Аргамак. Татарстан», «Идель», на сайте «Русский писатель», в газете «День литературы», альманахе «Академия поэзии» и др. Живёт в Набережных Челнах.

* * *

Разве, скажи, обидишь малую птаху?
Она, радуясь, тельцем дрожа,

А ты знаешь, мне нравится это!
Вот такую ты мне и нужна!
Потому что жена поэта
Быть, наверно, такой и должна.

Я любить тебя буду и там,
Где тебя со мной рядышком нету...
На могильном кресте поэта
Напиши «Мин сине яратам» *

* Я тебя люблю (пер. с тат.)

трелью – зарю венчает!
А колокольчик в траве?
Как он, гляди, качает
нежной головкой, словно
шепчет тебе: «Привет...»
И под рубахой – тише! –
вот уже бьётся – слышишь? –
тихий ему ответ.

А по зиме, ты помнишь, с неба слетало
чудо? Ангелов белый пух
нас укрывал покоем...
Только смотри – невольно
чуда не тронь рукою:
миг – и уйдёт, растает
светлое торжество...
И от тепла земного
варежкой шерстяною
мы берегли его.

* * *

Жара-а... Расплавленный автобус
развозит липкие тела.
У раскалённого стекла
обречена и таю, чтобы

себя доставить... Но куда?
И что за мука – эти лица!..
Уйти... Исчезнуть. Застрелиться!
И там воскреснуть, где вода

так нежно трогает колени,
Где воздух – как из родника!
И в белом – смуглая рука...
И там девчонкой, от волнения

смеясь, кружиться на бегу,
влюбляться в лесенки крутые.
И в Вас... Неважно, что «на ты» я
пока решиться не могу.

Вдруг, не раздумывая, с Вами
в пустую улочку свернуть
и... в поцелуях утонуть,
едва разбавленных словами.

И под бессвязное «о Боже...»
сойти отчаянно с ума,

вдыхая пряный аромат
вобравшей море тёплой кожи.

* * *

Время, решу я, наверное, лечит,
и постучусь в дверь, обитую грустью...
Впустят ли?
Впрочем, конечно же, впустят.
Вспомнят ли?
Ну, а вот это едва ли.

Голос... проём и ... знакомые плечи...
Взгляд!.. Нет, не вспомнили.

Не забывали...

Ольга КУЗЬМИЧЕВА-ДРОБЫШЕВСКАЯ

КУЗЬМИЧЕВА-ДРОБЫШЕВСКАЯ Ольга Владимировна родилась в городе Волжском Волгоградской области. С 8-ми лет живёт в Набережных Челнах, куда переехала вместе с родителями в начале строительства КАМАЗа и нового города.

В 2009 году поступила на Высшие литературные курсы при Литинституте им. А. М. Горького, где впоследствии закончила и редакторские курсы. Член Союза российских писателей. Автор трёх книг поэзии и двух книг художественно-документальной прозы. Автор-исполнитель песен и романсов. Имеет ряд званий и наград.

* * *

Попросила:
– Богатства дай, Бог...
И отмерил мне Бог сто дорог.
Я их в косу тугую вплела
и торить своё счастье пошла.
Каждый пройденный путь-волосок
словом падал в большой туюсок,
что судьбою зовётся моей –
он с годами полней и полней:
превращается слово в добро,
а коса от щедрот – в серебро.
Только звона не слышно монет,
только не было денег и нет.
Что ж, махнула рукой: ну и пусть,
с ними пути одни, а не путь.
А богатство такое в душе,
что и денег не надо уже:
выше гор золотых мой полёт –
не монетой там платят за вход.

ХРАМ

Я прошу тебя, милый, запомни:
тот осенний загадочный лес
был как храм, что крестом колокольни
дотянулся до синих небес;
и в бездонную высь куполами
кроны сосен над нами взметнулись,
и любовь пела колоколами –
в эту песню с тобой окунулись;
крепче юности зрелость пьянила
и дарила нам нежность и боль –
ты запомни всё это, мой милый,
всё, что было со мной и с тобой.
Не зови нашу встречу случайной,
даже если по воле небес
не наденем колец обручальных:
храмом поздней любви стал нам лес.

* * *

Клавиши рояля перекрашу –
чёрные в зелёный, жёлтый цвет.
И на белых – лепестках ромашек –
разыграю: любит или нет...
Разольётся звуками былое:

жёлтый мне вина измен плеснёт;
а зелёный — вечною тоскою —
жгучей лапой хвойной полоснёт.
Я сама ломала хвои эти,
траурный чинила отворот:
от судьбы — долой;
пугали сети
и манили — взгляд твой,
жаркий рот.
И вскипали жилы зельем ржавым,
будто реки, рвущиеся с гор:

Вера ХАМИДУЛЛИНА

ХАМИДУЛЛИНА Вера Петровна — писатель, переводчик, издатель. Заслуженный деятель искусств Республики Татарстан. Руководитель литературно-издательского проекта «Современные авторы — детям». Родилась 28 мая 1960 года в городе Краснотуйринске Свердловской области. Окончила Горьковскую школу-интернат спортивного профиля, факультет физического воспитания Казанского педагогического института, магистратуру Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского (Приволжского) федерального университета. Автор более 20 научно-популярных изданий, сборников стихов, прозы и переводов, в том числе для детей. Член Союза российских писателей (2008), Литфонда России (2010), Союза писателей Республики Татарстан (2010), Союза писателей XXI века (2012).

* * *

Я за благость принимаю данное.
Почитаю, как отца и мать,
Берендеев край, где утра раннего
Красоту в словах не передать.

Радуюсь ребёнком-несмышлёнышем
И налюбоваться не могу:
Небо, поле, рощицы зелёные
Камушки на камском берегу.

Берегу лубочными картинками
Лето, зиму, осень и весну.
Длинная дорожка ли не длинная,
Не пролить бы, то что Бог плеснул!

Утреннею зорькой мне предписано
Начинать с молитвы новый день,
Да кормить с оконного карниза
Божьих пташек — сизых голубей.

Будто это ангелы небесные
Мне воркуют, отправляя в путь.
И взбираться на гору отвесную
С ними, вроде, легче мне чуть-чуть...

* * *

Ангел вчера подарил мне своё крыло:
— На, — говорит, — шальная душа, пари!

пала, князь, к ногам твоим держава,
Промысел верша, как приговор...
Маковки ромашек зазвенели —
сводов золотых колокола.
Мой родной!.. Ведь я и в самом деле,
в перезвоне — вздохом — ожила.
Ожила. И клавиши не крашу
чёрные в зелёный, жёлтый цвет, —
я узнала, Господи, ответ.
Ожила. И умереть — не страшно.

Я бы с любым заключила любое пари,
Что и с одним взлечу! Только что потом?

Монокрыло — бесполезная, в общем, вещь!
Таинства неба оно не даёт постичь.
Что мне с ним делать?

В лопатку впилося, как клещ,
Встану-пойду — принимается пыль мести...

Лебеди, пролетая, курлычут вслед,
Будто жалеют, подранка видят во мне.
Сколько ещё крыло мне доставит бед
Видно им, сердобольным, видней извне.

Ангел и я горюем на берегу —
 Лодки, и те бесполезны с одним веслом...
 Ангел, ты знаешь, я без крыла смогу!
 Мне и бескрылой с крылатым тобой везло!

ДОРОЖНОЕ

— Осторожно! Двери закрываются!...
 Втиснусь в жизнь,
 как в поезд переполненный,
 Жаждающая остановки странница,
 Чей проезд оценён в грошик ломаный.

В тесноте не различаю лица я...
 Всё слилось в одно сплошное месиво:
 Шелест шёлка, пот рубахи ситцевой,
 Там рыдают, здесь кому-то весело.

Эдуард УЧАРОВ

УЧАРОВ Эдуард Раимович. Родился в г. Тольятти в 1978 г. Окончил Академию труда и социальных отношений (юридический факультет). Живёт в Казани. Его стихи неоднократно публиковались в региональных и московских журналах. Эдуард Учаров представлен и в интернет-изданиях России, Финляндии, США, он удостоен грамоты в литературно-поэтическом конкурсе «Малая родина», дипломов в рамках проекта конкурса «Политическая поэзия современности» и литературного конкурса «Дебют года». В 2010 г. вошёл в шорт-лист международного поэтического конкурса «Согласование Времён» (Германия), шорт-лист международного литературного конкурса «Национальное возрождение Руси» (Проект Хронос). Член Союза российских писателей.

ГОРОДСКОЙ ДИПТИХ

1. ПАРК ЧЁРНОЕ ОЗЕРО

Живёшь и печёную осень
 подносишь к измятым губам,
 а жёлтое крошево сосен
 бескрылым хранишь голубям.

Пройдя через Арку влюблённых,
 спускаясь за дождичком вниз,
 сквозь цепь искалеченных клёнов
 ты озера видишь карниз.

И так обрываешься сердцем,
 что с тяжким пакетом в руках
 торопишься где-то усесться,
 у парочки место укрыв.

Задумчиво и виновато
 твой взгляд переулку открыт —
 Пассажу киваешь приватно,
 рассыпав по лавке дары.

Мой багаж, пожалуйста, не трогайте!
 Уж по швам трещит сума дорожная.
 В ней псалмы, попса и свежий рок идей —
 Долгих лет полифония сложная...

Станции мелькают. Поезд катится.
 Еду дальше с умыслом намеренным.
 Выйду, где надежда в старом платице
 Мирно хороводит с ветром северным.

Там на полустанке без названия
 Мы с судьбой ещё пройдемся гоголем,
 Вдоль перрона к залу ожидания...
 — Осторожно!.. Значит, дальше трогаем?

Стук колёс зовёт грешить и каяться...
 Но не буду пассажиром вечно я...
 — Осторожно! Двери закрываются!..
 Следующая станция — конечная!

И Чёрное озеро примет
 (пока ты ещё не домок)
 заветное тление «примы»
 и пива ершистый дымок.

Вот так вот — сидишь на скамейке,
 корнями ушедшей в погост,
 а годы проносятся мельком
 в аллеях, где ты произрос;

где бегал на лыжах и с горки
 ледянками мучил асфальт,
 где летом от корки до корки
 читался мячами офсайд;

где в марте, отважный и робкий,
 в стремнине коварного льда
 на досках хоккейной коробки
 ты плыл неизвестно куда...

Сидишь и под баночку пива
печёную осень жуёшь –
и вроде не так уж тоскливо,
и даже как будто живёшь.

2. ПАРК ГОРЬКОГО

Крутнёшь колесо обозренье,
поставив мгновенья на чёт –
и выпадет день озаренья,
и сердце стихом пропечёт.

За корочкой тёплого неба,
упрямо карабкаясь ввысь,
ты колокол высмотри слепо
и словом его вдохновись.

Взмывай над тропею овражьей
и над стадионом Труда,
пиши, как заходится в раже
в разбитом фонтане вода,

о старой канатной дороге,
детьми изнуряющей пляж,
и летнем кафе на отроге,
взрезающем беличий кряж.

И пусть уничтожена местность,
но там, где аллеи свежи,
всё так же гранитно известный
солдат неизвестный лежит.

На вечном огне отогреешь
военную память отца
и горькие звёзды хореев
украдкой прогонишь с лица.

Филипп ПИРАЕВ

ПИРАЕВ Филипп Константинович родился в 1965 году в Тбилиси, с 1993 проживает в Казани. Окончил Грузинский государственный институт физкультуры по специальности «шахматный тренер». Публиковался в татарстанских и российских изданиях. Автор поэтического сборника «Угол взлёта» (Казань, 2015).

* * *

Рыдать мужчине зрелому к лицу ли?
Но под вскруживший комнату мотив,
сынишку на руках держа, танцую
и плачу, вдруг о детстве загрузив –

В захлёбе, мятущейся птицей,
в себе прорастив голоса,
захочешь на землю спуститься –
а нет под тобой колеса.

КРУТУШКА

Где Казанка волной одичалою
в камышовой кайме берегов
шестилетнего манит учарова
на крючок нарыбачить улов;

там, где в песнь безымянного озера
от тарзанки срывается крик,
и в песочную воду бульдозером
зарывается детство на миг;

там, где тучами небо зашторили,
но в просвет пропустили грозу,
а потом на столбах санатория
растянули сушиться лазурь;

там, где шахматный конь полусъеденный
старичка вдруг в атаку понёс,
но в гамбит развернулся обеденный,
променяв перевес на овёс;

где к огням пионерского лагеря
навесной устремляется мост,
и коты под Котовского наголо
расчехляют зазубренный хвост;

в ярких отсветах солнца закатного,
подрезающих соснам верхи,
где был мамой и папой загадан я,
там теперь ворожу на стихи.

ведь мама эту музыку любила...
И вот, связав сердца и времена,
какая-то магическая сила
созвучьями пленяет шалуна –

затих и внемлет, как, скользя по плёсам,
журчит рояль, а в кроны брызжет медь,
но, видя на щеках у папы слёзы,
теряется, готовясь зареветь.

Мой умненький, ты только не смущайся:
всё дело в том, что я не знаю сам,
то — небо ли растрогалось от счастья,
иль скрипки резанули по глазам.

БУРАН

Всю ночь мело и бушевало, срывало, било и несло и рифмы тридевятым валом лопались в звонкое стекло и громче сотни тамбуристов, согласно планам высших сил, недремлющий настенный пристав по жилам ямбом колотил. И дух, пылающий отвагой и жаждой битвы на износ, терзал, как скальпелем, бумагу, насквозь солёную от слёз — как будто вскриком каждой руны стараясь воспроизвести, как с воем рвутся суперструны на звёздных лирах и в груди; как будто, исподволь научен запретной мудрости богов, мог через исповедь созвучий постичь и ярость, и любовь, поклялся сбросить иго рока, прочуял музыку времён. Казалось, лишь замкнутся токи — и вот он, твой Армагеддон — миг искупления и выси! — когда кончается игра и торжество добра зависит от веры хрупкого пера, и — сколько б тьма ни напускала разбойных выюг и колдовства — все чары адского кристалла развеют вещие слова! Казалось, рушатся темницы: ещё рывок, ещё чуть-чуть — и ложь навек искоренится, и смерть удастся обмануть...

Но шли часы, светлело в зале, стихал буран, и вместе с ним как будто что-то ускользало, как в форточку — табачный дым. А утром, глянув на сугробы, дал залп небесный адмирал и золотом апрельской пробы в ручьях победно засиял. И дух, сославшись на усталость, почил без всякого стыда. И на клочках листа осталась... одна вода.

Галина БУЛАТОВА

БУЛАТОВА Галина Ивановна. Родилась в Нижнем Новгороде (бывший Горький), окончила институт культуры в г. Самара, с 2008 живёт в Казани. Автор книги стихов и поэтических переводов «Сильнее меня» (Татар. кн. изд-во, 2017). Редактор-составитель более 20-ти изданий, среди них — книга деда Петра Булатова «Письма из Валков», матери Нины Булатовой «Записки сельского доктора», сборника стихов Рамазана Байтимерова «Ради жизни» (билингва, 2016), а также — совместно с Эдуардом Учаровым — книга ушедшего казанского поэта Ивана Данилова «Птица долгой зимы» (2015), Гавриила Каменева «Избранное» (2016) и др. Лауреат международного поэтического конкурса имени Игоря Царёва «Пятая стихия» (2015), победитель и призёр ряда конкурсов поэтического перевода. Стихи переведены на сербский язык.

ПУШКИН

Вольной русской речи
Катится река.
Александр Сергеич,
Я — издалека.

Знаю из рассказов,
Писем и картин:
Вы — голубоглазый
Смуглый господин.

Воспеватель воли
И дитя до слёз
В русом ореоле
Вьющихся волос.

Пишут, что не шибко
Рослый — пять вершков.

Но хронист ошибся:
Вы на сто голов

Выше даже века,
Смявшего звезду...
Вот сирени ветка,
Как у Вас в саду.

Та же шевелюра
Буйного цветка,
Вашего пришура
Свежая строка.

Стало быть, пригожий
Этот райский сад
Оказался горше,
Чем Дантесов ад.

Не сломала срока
Магия камней:
Подчинились року
Ваши семь перстней.

Там, от Чёрной речки,
Обжигая лёд,
Вольной русской речи
В жилах кровь течёт.

АВЕ МАРИНА

Где он, Серебряный чародей?
Только мелькнула пята его.
Я обронила даму червей,
Он обронил Цветаеву...

Будто на старом половике,
Выцвели, стёрлись цвета его.
А на верёвочном пояске
Красная нить — Цветаева...

Где он, Серебряный, роковой?
Намертво сжаты уста его.
Кто вы такие, — шумит прибой, —
Чтобы судить Цветаеву?

Где он, Серебряный этот век?
Канули в Лету лета его?
Аве, — луна замедляет бег,
Чтобы по строчкам любимых рек
Перечитать Цветаеву.

Екатерина БЕЛЯЕВА-ЧЕРНЫШЁВА

БЕЛЯЕВА-ЧЕРНЫШЁВА Екатерина Николаевна, родилась в Казани, в семье поэта Николая Беляева и искусствоведа Вилоры Чернышёвой. В 13 лет вместе с семьёй уехала в село Ворша Владимирской области, где окончила школу. Позже жила во Владимире, Москве и Санкт-Петербурге, много ездила по стране автостопом. Рисует, увлекается ролевыми играми и прикладным творчеством. В качестве редактора, корректора и составителя сотрудничала с различными издательствами Москвы и Питера, писала статьи в журналы, работала художником на анимационной студии «Мельница» и педагогом-прикладником в детских летних лагерях. Восемь лет назад вышла замуж, с тех пор живёт в Москве, растит дочь и сына. Стихи пишет с раннего детства.

* * *

Приходим в мир — и, зрея до поры,
лежат и дремлют, как в шкатулке тайной,
на дне души бесценные дары,
чтоб в свой черёд проснуться неслучайный.

Не зная назначенья своего,
упрямо ищем, замыкая звенья.
Желания даются для того,
чтоб дух воспламенить прикосновеньем.

* * *

Ты знаешь, Нижний стоит мессы,
как возвращения — гнездовье.
Я полюбила эту местность,
как птица, первую любовью.

Я отыскала первослово
у стен макарьевского храма,
я полюбила этот говор
(он до сих пор остался с мамой).

Там бродит время тихой сапой,
и молоко в подойник брызжет,
там живы дедушка и папа,
и тётя настя с дядей гришей.

Они идут из комнат, с лестниц,
глядят с портретов, не мигая,
они поют, и в этой песне
ланцов из замка убегает.

Глухою керженской тропую
они уходят без оглядки,
оставив мне нести с собою
их вздохи, письма и тетрадки.

Всё глубже след и тень длиннее,
пишу в анкетах: город Горький
и не могу уйти с линейки
у обелиска на пригорке.

Чтоб от невзгод не гнуться пополам
(авось кривая вывезет подранка) —
сама судьба даётся в руки нам,
чтобы однажды с ней сыграть в орлянку.

Заранее пределов не узнать.
Не для корысти и преумноженья —
поставлены условия — чтоб взлетать,
чтобы за грань рвалось воображенье.

Вот образ, ярко вспыхнувший момент,
он возникает будто ниоткуда...
И есть игра — отличный инструмент,
чтоб воплотить неведомое в чудо.

А миг прозренья высветит до дна
твой путь мерцанием древним палантира.
И наконец любовь ещё дана —
чтоб видеть красоту и радость мира.

* * *

О любви и о мечте
снег полночный серебрится
и на лица свет ложится,
чуждый всякой суете.
Так торжественен и тих
мир, очерченный волнами
линий — и царит над нами
мрак, разлитый на двоих.
Но сейчас ты сладко спишь.
Мне надеяться придётся:
может быть, в твой сон пробьётся
снег, мерцание и тишь.

* * *

Кружат широкие поля
слегка затёрханой пластинки;
сойти с ума до февраля
и затеряться в снежной дымке.
И захлебнуться в пустяках,
как будто мышь в густой сметане —
в рисунках, полустёртых снах,
во временах, самообмане...

Светлана ПОПОВА

ПОПОВА (Зюгина) Светлана Олеговна, 29 лет. Печаталась в литературных журналах «Аргамак Татарстан», «Идель», «Галерея», «Образ», «Гостиный двор», в международном литературном альманахе «Муза», в журнале Российского общества современных авторов «Правда жизни», в общеписательской Литературной газете. В 2016 г. стала участником всероссийского молодёжного форума «Таврида», смена «Молодые поэты, писатели и критики». В 2016 г. по итогам Всероссийского семинара-совещания «Мы выросли в России» стала победителем в номинации «Поэзия». Лауреат Всероссийского открытого фестиваля молодых поэтов «Мцыри» в 2016 г. С 2017 года член Союза российских писателей.

* * *

Отмерен пульсом стук колёс,
Дорог железные маршруты.
Мне предстоит сию минуту
Стать пленной двух стальных полос.

Пусть даже мысленно, едва
прикрыв глаза — плыву и грежу.
Всё чаще путаю слова,
и вспоминается всё реже,
что льда холодное клеймо
недолго будет землю метить —
всё изменяется на свете,
всё переменится само.

Всё перемелется. Зерно
душистым хлебом обернётся.
Трудом, не даром нам даётся
и полосатое сукно
и тяжесть гибкая корзин,
и золотистый мёд тягучий —
так отчего дороже случай,
манящий зов седых вершин?

Всё, что является во снах
и берedit воображение,
не более чем обольщение,
насмешка, морок или крах.
Им цену знаешь и сама,
ты искушенья судишь строже —
но что сейчас тебе дороже,
тайн междустрочного письма?

И тёплый ветер, налетев
власть перехватывает слёту,
вплетая трав душистых ноту
в суровый ледяной напев.
Слова игрушечной любви
таят всамделишную нежность —
и подступает неизбежность,
и реют ангелы вдали.

Из пункта А пойдёт состав,
Километраж свернётся в кокон,
Просветами квадратных окон
На фоне неба замелькав.

И все доверятся судьбе.
И время потеряет силы.
И рельсы побегут уныло
Прочь, до прибытия в пункт Б.

А нам останется лишь ждать
Конца пути, как новой эры.
И замкнутостью атмосферы
С лапшой заваренной дышать.

От пункта А до пункта Б
Стальная тара нас сжимает.
Кто спит, кто ест, а кто читает.
Я буду думать о тебе.

* * *

*Выдышаться в стих!
М. Цветаева*

Сколько же Вы, Марина, любили,
Всех умеща в одно сердце?
Каждого с неимоверной силой!
Каждого так, что до самой смерти!

Пусть не понять тем — другим — которым
Сердце даровано односторонним.
Им — легкомыслием, просто вздором —
Кажется глупым и неуместным.

Я и не знала, что чувство может
Быть необъемлемо-бесконечным!
Всепоглощающим — всю! — до дрожи!
Штампам, стандартам — себе! — переча.

Все предрассудки людские — к чёрту!
Выкину рамки, замки, границы!
Нет разделительных линий — стёрты!
Есть напечатанные страницы.

По Тугарова* не долго вовсе,
Мимо кладбищенских стен старинных,

Я — перед тем, как настанет осень, —
К Вам прихожу помолчать, Марина.

* * *

Баюкают киты
Наш мир на круглых спинах.
Созвучия в старинных
Мелодиях просты.

Они поют о том,
Как мы за милей мили
Веками в море плыли
За рыбьим косяком.

До срока. А потом
Те рыбы — наши души —
Перебрались на сушу
В обличии людском.

Но как заведено
Волнам вернуться в море,
Так душам, водам вторя,
Быть там же суждено.

Ребёнку через мать
По тёплой пуповине
Звучит напев поныне
Чтоб тайну передать.

И слышу: раз-два-три —
К груди сильнее руки —
Ритмичных песен звуки
Я чувствую внутри.

И верю — пусть простит
Коперник — в самом деле
В китовой колыбели
Земля спокойно спит.

* Улица Тугарова в Елабуге

Елена СТЕПАНОВА

СТЕПАНОВА Елена Анатольевна – детский поэт. Лауреат литературных конкурсов: «Хрустальный родник» (2015 г.), «Золотое перо Руси», «Чем жива душа..» (2016 г.), «Детское время» (2019 г.), дипломант международной литературной премии имени В. Бианки. Живёт в г. Набережные Челны республики Татарстан.

ЗАБОТ НЕМАЛО У КОТА

Забот немало у кота,
Порою их не счесть:
Представьте, рыбьих три хвоста
Бедняжке нужно съесть!
Затем ещё кусок лизнуть
Варёной колбасы,
В сметану нужно обмакнуть
И носик, и усы.
Потом на мягкую кровать,
Взобраться самому
И мышь ещё во сне поймать
В придачу ко всему.

ПО ЗОВУ СЕРДЦА

Кот сказал, втянув живот:
– Я иду служить в Морфлот!

Буду килькой и треской
Объедаться день-деньской.

ГОВОРЯЩИЙ РИСУНОК

Подсыхают на листочке
Тёмно-серые кружочки.
Снова кисть макаю в воду
И рисую непогоду.

Свой рисунок со слезами
Я вручу сегодня маме.

И она такую фразу
Непрененно скажет сразу:
– Всё теперь понятно, дочка, –
В доме скучно без щеночка!

И вздохнёт:
– Не будь же плаксой!
Отправляемся за таксой!

РАДИ МЕЧТЫ!

Всё добро отдам по списку:
И стекляшку, и ириску,
И бумажную коробку,
И пластмассовую пробку,
И верёвочку, и жвачку.
Мне взамен одну собачку.
Если что, отдам фуражку.
Я согласен на дворняжку.

В ЗАЩИТУ БОБИКА

Без двух сосисок мой хот-дог...
Их Бобик точно взять не мог.

Сдались они ему сто лет!
Честнее пса на свете нет!

И я, как друг, уверен в том –
Сосиски сдуло сквозняком.

ДМИТРИЙ ЦЫГАНКОВ

СОН В РУКУ

Рассказ

Служащему областной администрации Лебезякину приснилось, будто оказался он в небесной канцелярии. Повсюду белый, как снег, дымок. И сидит он на облачном диванчике. Рядом с ним расположилась небольшая группа людей в таких же, как и у него, синих пижамах. На запястьях у всех болтались пластиковые бирки с прописанными на них какими-то номерами. Справа в полной тишине и печали с опущенными головами стояла длинная очередь, чей хвост терялся далеко в облаках. В бесконечной цепи скорбных лиц смиренно томились и стар и млад, и толстосумы и бродяги, и здоровяки и калеки, и кого ещё только нельзя было увидеть в этой многоликой вселенской очереди. Поодаль на белоснежном взгорье возвышались закрытые золотые ворота, украшенные усаждающим взор чудным орнаментом с изображением диковинных птиц и зверушек. А слева громоздился обитый белым сукном высокий стол, за которым сидел седой почтенный старик, погружённый в глубокие думы. Кто-то из рядом сидящих зашамкал прямо в ухо: «Смотри, смотри... это же сам апостол Пётр!» Старец подозвал к себе из очереди скрюченную старушку, посмотрел ей в глаза, и вдруг, откуда ни возьмись, за его спиной явились два большескрылых ангела с ослепляющим лучезарным светом. Один из ангелов склонился над стариком и, указав рукой на диван, задал вопрос: «А эти пронумерованные откуда?» Старик дал ответ: «Не пойму. Не должно их здесь быть, — и, чуть помедлив, добавил. — Хотя с вон той особой всё ясно». Взяв золочёный посох и постучав им, словно о паркет, по небесной тверди, старец посмотрел под ноги и на кого-то осерчал: «Трихон, где тебя, лентяй бестолковый, носит? Прокляну ещё на тыщу лет!» Из облачного пола вынырнула рогатая башка с усыпанными пеплом лохмами, приплюснутым сальным носом, мохнатыми ушами и залитыми потом прокопчёнными щеками. Щёки в ярких лучах парящих ангелов лоснились синевой. От головы исходил, как после бани на морозном воздухе, лёгкий пар. Трихон прищурился и простодушными, уставшими глазками раболопно уставился на сердитого старика. «Забирай вон ту!» — приказал старец и показал на единственную в группе очаровательную белокурую женщину. «И того заодно захвати», — указал седовласый сухим перстом на важного хмурого мужчину, в котором Лебезякин узнал давнего знакомого по совместным праздничным застольям — мирового судью. Мировой судья часто заморгал маленькими испуганными глазёнками. Рогоносная голова исчезла и одновременно в сторону врат вместе со старушкой, которую они подхватили под руки, удалились ангелы. Женщина, на какую показал старик, неожиданно потеряла под собой опору и моментально пропала в закрутившейся под ней белой воронке. Вслед за ней туда же канул с жуткой гримасой

на лице, с диким протяжным стоном и судья. Тут старец исподлобья бросил строгий и пронизательный взгляд на Лебезякина... За какое-то мгновение в пристальном взгляде Лебезякин не заметил вовсе ни гнева, ни осуждения, а успел прочесть только жалость и сострадание. Лебезякин, как нашкодивший ребёнок, испытал сильное угрызение совести, что оголодала и с жадностью набросилась грызть душу острыми зубками. Стало горько и стыдно до слёз, и Лебезякин захотел, пусть его об этом никто и не просил, выдавить из себя хоть какие-то слова оправдания, но не мог найти с чего, с какой буквы начать. Все мысли спутались и скатались в большой клубок, в котором он никак не мог найти кончика, чтобы потянуть. «А в чём, собственно, дело? Какая моя вина? Жил, как все люди живут! — поначалу суетливо выбирал Лебезякин аргументы в свою защиту. — Пашу, как проклятый, с утра до вечера. Из кожи вон лезу, стараюсь! Всё для народа! Сколько можно? Надо же и о себе подумать! Ну, оттяпал от общего чуть-чуть... Там кроху отщипнул, тут урвал долю малую... Кое-где приписал чуток... Так положено. Казна-то большая. Чай не убудет. А кто не грешен? Все так делают!» Старик грозно сдвинул брови и Лебезякину поплохело. Было теперь вовсе не до оправданий. «Премного виноват... Нет, не так, — трепетно соображал перепуганный Лебезякин. — Прошу меня, гражданин, выслушать... Не то. Не по своей воле, Ваша честь... И это не пойдёт! Знаете ли, уважаемый...» И только он собрался открыть рот, как почувствовал, что его тоже засасывает в бешено вертящуюся дыру. Лебезякин соскользнул с невесомого дивана, провалился в зловещий омут и, миновав пену разверзнутых облаков, увидел под собой кипящую лаву. Ещё он успел разглядеть среди бурливой и плевавшей огнём раскалённой массы небольшие задымлённые островки, на один из которых стремительно падал. А в свободных от чёрного дыма местах суетились подобные Трихону рогатые и хвостатые существа, что были увлечены каким-то важным делом. Но чем конкретно занимались эти существа, Лебезякин разобрать не успевал, поскольку до шлёпка оставалось совсем ничего. В потоках воздуха он барахтался, как беспомощный щенок, которого бросили в воду. Приближаясь к неизбежной участи, в невыносимой палящей жаре всё тело охватил ледяной ужас, дыхание застопорилось, ещё чуть-чуть и... он очнулся. Очнулся в какой-то лаборатории, где рядом, подключённые проводами к мигающим аппаратам, лежали знакомые личности с дивана. Судья, потерявший дар речи, выпучил глаза, а руками

вырисовывал в воздухе непонятные фигуры... Оказалось, что Лебезякин вместе с другими подопытными принял участие в испытании какого-то нового наркоза. Но какво было удивление учёных, когда все, вставая с коек, начали наперебой рассказывать одно и то же про видения ангелов, апостола Петра и прочие чудеса.

Никогда Лебезякин не был таким подавленным и униженным, как после этой небесной аудиенции. Он почувствовал себя мелкой букашкой, ничтожеством перед неизвестной всевышней инстанцией, где царили неподвластные ни ему и никакой другой силе моральные законы, духовный суд и скорая на исполнение приговора и на расправу неслыханная карательная система. «С этими не шути! — вертелось в голове. — В лапу не дашь. И не подмажешь. Плохо будет! В два счёта без всяких сожалений пропуск на тот свет выпишут». Весь смысл существования полетел в мусорную яму, к чёртовой матери! «Это что же такое творится на белом свете! — попытался уже возмутиться про себя Лебезякин. — Где это видано, чтобы так с людьми поступали!» Он был сломлен и опустошён. Не привычно было оказаться в шкуре подопытной, бесильной обезьяны. Куда приличней Лебезякин находил себя в собственном уютном кабинете, в мягком кожаном кресле, где уже он был полновластным хозяином положения, царём горы и вершителем судеб. Лебезякин захотел было выразить свой протест вслух, но тут же зажал губы, насупился и втянул голову в плечи, содрогнувшись от одной только мысли снова оказаться наверху пред очами сурового старца или в общей похоронной очереди. Единственной на свете очереди, в которую можешь угодить в любую секунду и занять место вопреки своему хотению.

Учёные спешили усадить всех участников эксперимента в какой-то стеклянной комнате за столы и заставить подробно описать увиденное. И только та прекрасная женщина послала всех к чёрту и убежала из лаборатории. Кто-то невесело пошутил: «Видать, в церковь помчалась грехи замаливать!» Лебезякину вдруг стало невыносимо душно и ему тоже очень захотелось вырваться из этого таинственного учреждения и оказаться на пороге своего дома. И тут он проснулся во второй раз...

Резко оторвав голову от подушки, Лебезякин привстал и, тяжело дыша, огляделся. Обнаружив себя в родных стенах, он чуть успокоился, но ещё долго не мог прийти в себя. Страшный сон врезался в память до малейшей подробности, чего раньше никогда не случалось. Цветные натуральные сны Лебезякин видел разве что в детстве. Но то были сны волшебные и сладкие, залитые солнечным светом и теплом, от которых не хотелось просыпаться. Не то, что нынешний... Подневозльно сознание доигрывало ночной кошмар, и Лебезякину чудилось, как Трихон со своими рогами братьями налетели на него галдящей толпой, опрокинули навзничь, потоптались копытами по рёбрам и с диким хохотом поволокли по горячим и острым камням обмякшее тело терзать в преисподнюю, в самое что ни на есть пекло. От этих тягостных видений подташнивало и в ногах не унималась дрожь, но тут запикал будильник и отвлёк от мрачных и мучительных мыслей. На дворе расцветала весна, и бьющая в залитое ярким светом оконное стекло весёлая дробь воробьиного чирикания возвратила Лебезякина к жизни.

Чуть отдышавшись, Лебезякин накинул халат, влез в тапки, нервно закурил и, чертыхаясь, направился в уборную.

Впереди ждали рабочий день и государственные дела.

ЛЮДМИЛА ПАХОМОВА

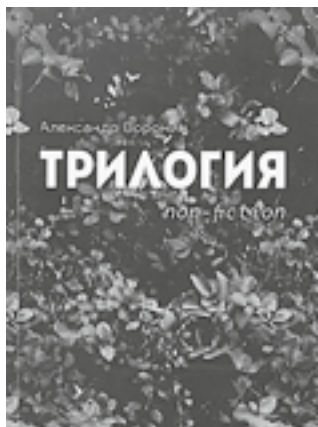
ТРИАДА ТВОРЧЕСТВА, ЖИЗНИ И СМЕРТИ

На елабужской презентации в Библиотеке Серебряного века новой книги Александра Воронина «Трилогия pop-fiction» поэтесса Вера Хамидуллина сказала: «Александр Геннадьевич занимается сохранением нашего культурного наследия. На такое способны немногие, потому что эта работа очень трудоёмкая, отнимает огромное количество времени, которое он мог бы потратить, написав не одну новую пьесу или какое-то другое художественное произведение. А вместо этого он открывает нам страницы жизни и творчества знаковых личностей, оставивших свой след в нашей истории. Это, на мой взгляд, литературный подвиг».

Конечно, на презентации Александр Воронин рассказал, как появилась эта книга, какие отношения связывали его с её героями, привёл интересные подробности и эпизоды. Но мы начнём с анонса-предисловия «Трилогии», которое даёт общее представление о содержании книги и о позиции самого автора.

«В жизни их многое связывало. Если не дружба, то родство, если не общность взглядов на жизнь и литературу, то хотя бы общая точка старта. И к финишу, увы, все трое подошли практически одновременно, покинув этот бранный мир в течение года – Виль Мустафин, Рустем Кутуй и Диас Валеев. Все они начинали писать в 50-е годы XX века (минувшего тысячелетия), ходили в одно лито. Однако известность к ним приходила по-разному. Рустем Кутуй сразу заявил о себе книжками в Казани и Москве, его проза стала открытием 60-х годов. Интерес к драматургии Диаса Валеева театры проявили в 70–80-е годы – и такого количества, такой географии постановок не знал ни один из татарских драматургов ни до, ни после него. Что же касается поэзии Вилия Мустафина, то отдельные её подборки стали появляться в российских журналах лишь в 90-е годы, а книги вышли в 2000-х. И всё же несмотря на непохожесть, они прожили свои жизни в одном городе, в одной связке. Дружили, ссорились, даже враждовали... Конечно, всякое было за долгие годы. Но больше у них общего.

Прежде всего, все трое писали на русском языке. И оставили заметный след – в прозе, драме и поэзии – в татарской литературе XX века. Хотя, бывало, их обвиняли чуть ли не в предательстве. Верю, это скоро забудется. В Израиле, например,

гордятся нобелевскими лауреатами Борисом Пастернаком, Иосифом Бродским, как и многими другими писателями, что творили на русском языке. А румыны, скажем, чтут Эжена Ионеско, хотя абсурдистские драмы тот сочинял на французском. Литература возвышает дух, объединяет души. Делить людей по языковому, гендерному, социальному признаку, возводить государственные границы и революционные баррикады — это для политиков и сатанистов. Как сказал блаженный Августин: «В главном — единство, во второстепенном — свобода, во всём — любовь».

О Диасе Валееве я написал книгу «Драма диасизма», которую подарил ему в день 70-летия. Книгу о поэзии Виля Мустафина закончил десять лет спустя, хотя отдельные очерки публиковались в разных изданиях. А своеобразную трилогию хотелось бы начать с обзора прозы Рустема Кутуя, который вышел к 75-летию поэта, увы, через год после его ухода. Таким образом сложилась эта книга. Разумеется, все части трилогии были переработаны и дополнены, однако в них осталось главное — благодарность судьбе, что свела меня в жизни с тремя замечательными писателями, мыслителями, учителями».

«Трилогию» Александра Воронина невозможно отнести к какому-то определённом жанру, хотя сам он называет все три части документальными повестями. Но фактически это — сплав жизнеописаний, мемуаров, литературоведческого анализа и лирических отступлений автора с размышлениями об истории, политике, религии, образовании, культуре и, наконец, живых зарисовок, за которыми чувствуется перо журналиста с многолетним стажем.

В повести «Невидимки» речь идёт не только о Рустеме Кутке, но и об его отце, а также сыне. Первый является классиком татарской литературы и именно с него начинается своё повествование Александр Воронин: «Первой татарской книжкой, которую я читал в своей жизни, были кутуевские «Приключения Рустема». А когда я переехал из Самары в Казань и услышал однажды в трамвае: «Следующая остановка — улица Аделя Кутуя», — сразу вспомнил эту повесть о мальчике, который наелся цветов папоротника и стал невидимым».

Вероятно, тот самый трамвай с остановкой-улицей и подсказал автору литературный ход с путешествием в трамвае времени, который связал жизнь трёх поколений, творчество двух писателей и множество разных событий, включая смену политических эпох. Казань детства Рустема Кутуя предстаёт перед читателями как в словесных описаниях, так и на старинных фотографиях. На одной из них можно увидеть кремль, неширокое русло Казанки, на другом берегу которой привольно раскинулись луга. Выше устья реки «даже был пешеходный деревянный мост, который казанцы прозвали Коровым. По нему из центра Казани жители водили коров пастись на заливные луга Козьей слободы... Сегодня уже не верится, что каких-то пятьдесят лет назад горожане держали во дворах скотину. Жили трудно, потому и курочке в сарайчике были рады».

Рассказывает Александр Воронин и о Казани военных лет, в которой прошло детство Рустема Кутуя, родившегося в 1936 году. Этот период был знаковым в жизни писателя. В войну он потерял отца и невосполнимость этой утраты ощущал до конца своих дней. Хотя, как вспоминал уже на склоне лет: «Мой диалог с отцом продолжался. Не диалог с появляющейся тенью на скалистом побережье, как у Гамлета, а — в любой повседневности, среди обыденных мелочей... Тем самым я сохранял душевное здоровье, сохранял жизнестойкость».

Первая книга Рустема Кутуя — повесть-новелла «Мальчишки», рассказывающая о военном детстве и погибшем отце-классике, вышла в Татарском книжном издательстве, когда автору было всего 25 лет. Событие по тем временам исключительное,

его можно было объяснить «повышенно-доброжелательным отношением местных писателей и редакторов издательств к талантливому сыну известного писателя-фронтовика». Но когда во всесоюзном издательстве появился сборник прозы Рустема Кутуя «Дождь будет», уже никто не мог упрекнуть его в том, что прижизненная и посмертная слава отца способствует его продвижению на литературном поприще. О том, как оценивали творчество Р. Кутуя писатели-современники, можно судить по приведённой Александром Ворониным цитате из послесловия к книге «...И слёзы первые любви» (Москва, Молодая гвардия, 1985), написанного Альбертом Лихановым, который был в своё время главным редактором молодёжного журнала «Смена».

«Долгие годы я знал Рустема, — пишет Лиханов, — начав знакомство с книги рассказов «Снежная баба», вышедшей в 1965 году. Та книга обрадовала меня тогдашней молодостью автора и удивительной при этом зрелостью. Потом мы познакомились, как говорится, на деловой основе — к первопубликациям многих рассказов Кутуя я имел прямое отношение. И меня всегда радует его творческая неусталость, молодость взгляда, хотя все мы, конечно же, стареем... К тому же писать Рустем начал очень рано, по крайней мере к своему тридцатилетию он выпустил не одну книгу — и не только у себя на родине, в Казани, но и в Москве. И всё последующее время он работал много, упоённо — упоённость эта заметна и в прозе: она не несёт ни малейшего признака вымученности, когда писатель пишет только потому, что пишет, а вдохновение давно покинуло кончик его пера. Писатель, зевающий над собственным листом, не способен ни к чему иному, как тиражировать зевоту в толпах читателей. Так вот, проза Рустема Кутуя счастливо полна жизнью, мускулиста, фраза его жива и гибка, точно лоза... Возникает чувство, что ты попал не то чтобы в особый, но, безусловно, в интересный мир, где всё совсем не так, как в соседней книге. Вроде бы не так уж это и много, всякий писатель и должен отличаться от другого писателя. Но вот не перестаёт покидать удивление способностью выстроить реальный мир с узнаваемыми приметами и открываемой, неожиданной, совсем новой глубиной. Пространство рассказов Рустема Кутуя именно такое. Писатель как бы стирает с обыкновенных вещей пыль привычности, и перед нами красками сияет мир, внушающий доброту и надежду...

Татарин по рождению, сын классика татарской литературы Аделя Кутуя, Рустем соединил в себе кровь отца с литературным языком Ивана Бунина и Юрия Казакова... Мне думается, это нельзя оценить иначе, чем приобретение — как для татарской, так и для русской литературы»

Примечательно, отмечает Александр Воронин, что незаконченную военную повесть отца «Приключения Рустема» о мальчике-невидимке замечательно перевёл его сын, давший книге новую жизнь. После чего, казалось бы, и сам решил стать невидимкой: не рвался к общественной жизни, не любил литературно-партийных собраний и, не будучи по природе борцом, придерживался характерного для многих шестидесятников принципа «неучастия во лжи».

Анализируя самое крупное произведение Р. Кутуя, последнюю его повесть «Яблоко пополам», А. Воронин утверждает, что, являясь талантливым и честным писателем, автор оставил нам литературное свидетельство процессов, происходящих при распаде семьи в современном обществе, показав, какой душевный надлом испытывает человек, который всё потерял. «Как и многие его сверстники, он рос «безотцовщиной». Их воспитали матери и сёстры — и сыновья-сироты оказались не готовы к роли мужа, главы семьи».

В случае с Рустемом Кутуем это усугублялось ещё и тем, что он сам всю свою жизнь оставался большим ребёнком. Это несоответствие его постаревшей внешности

и характера бросилось в глаза Александру Воронину при личном знакомстве с писателем, которое произошло в 90-е годы. То же свидетельство можно найти и в написанном вдовой Р. Кутюя Светланой Хозиной предисловии к его трёхтомному собранию сочинений.

Возможно, в силу этих причин, не сумев стать опорой в жизни единственному сыну Аделю, Рустем Кутуй пережил на закате лет страшную семейную трагедию, которую Александр Воронин не счёл нужным замалчивать. И, быть может, этот горький урок послужит для кого-то предостережением...

Книгу о Диасе Валееве Александр Воронин даже чисто внешне построил по принципу театральной пьесы, дав ей название «Драма диасизма. В четырёх частях с прологом и эпилогом». Именно в прологе он говорит о том, какую роль в его жизни известный казанский драматург, посоветовавший молодому актёру и начинающему драматургу вначале поступить в Литинститут, а после него пойти в журналистику, чтобы набраться жизненного опыта. Автор не раз называет Диаса Валеева своим учителем, ощущая, что с годами его идеи «оказывают всё большее воздействие на мои взгляды и мысли».

Несмотря на то, что книга писалась при жизни главного героя и была вручена ему в качестве подарка в день 70-летия, в ней с подкупающей прямотой говорится о том, как в молодости автор, будучи поклонником драматурга Александра Вампилова, не воспринимал произведений Диаса Валеева. Вот как, например, он описывает знакомство с пьесой, посвящённой сходке студентов в Казанском университете с участием В. И. Ульянова-Ленина. «Как уже упоминалось в предисловии повествования, в годы работы актёром Казанского театра юного зрителя мне довелось участвовать в работе над спектаклем «1887». Помню, в первый раз я увидел автора, когда тот пришёл читать нам трагедийную хронику «Божество у всех одно — свобода!» И название, и жанровый подзаголовок уже раздражали своей напыщенностью. Всё, что я знал тогда о Диасе Валееве, признаюсь с сожалением, не предполагало моего благожелательного отношения к хорошо одетой и изящно подстриженной знаменитости. Пьеса на заведомо скучную тему (в советские времена университетскую сходку отмечали каждый год на государственном уровне) ещё до начала читки не интересовала ни меня, ни моих друзей актёров, которым уже было известно распределение ролей.

Можно было ожидать то общее закулисное предубеждение и к автору, и к его детищу уже потому, что мы только что выпустили блестящий спектакль по пьесе Александра Володина «С любимыми не расставайтесь!»...

Одним словом, мы жили в иной системе координат. А тут вдруг является автор непревзойдённых производственных «болтов в томате» про КАМАЗ (речь идёт о трёх пьесах — авт.) и заявляет чуть ли не с гордостью, что свой политический «паровозик» (так мы называли революционные пьесы на потребу партийному начальству, которое заставляло нас на демонстрациях петь «Наш паровоз вперёд леги, В Коммуне остановка...») он написал не к юбилею сходки, а по велению сердца. Мы с ужасом представляли, что теперь нас заставят играть этот спектакль каждый год перед принудительно загнанными в зал студентами университета и потребуют непременно сохранить его в репертуаре вплоть до 1987 года — то есть до столетия исторической сходки!»...

Однако в ходе репетиций моё предубеждение относительно автора и его сочинения постепенно менялось...

Окончательно изменила моё отношение к трагедийной хронике «1887» крайне резкая реакция на тюзовскую постановку со стороны художественного совета Министерства культуры Татарской АССР.

Казалось бы, революционная пьеса о студенческой юности «самого человеческого человека» в советской мифологии. К чему тут можно вообще придраться? Однако и автор, и режиссёр, и приглашённый из Москвы молодой сценограф, как оказалось, постарались сделать всё, чтобы партийные цензоры и привлечённые ими театральные критики нашли в постановке столько политических и идеологических изъянов, что с первого раза спектакль не приняли категорически.

Такое на моей памяти в Казанском тюзэ случалось впервые. Обычно просили что-то в спектакле переделать, кое-что убрать. Цеплялись за отдельные реплики, в крайнем случае, заставляли подкорректировать ту или иную сцену. Но премьеры не отменяли. А тут вдруг взяли и запретили спектакль целиком, потребовав кардинальных переделок!

Первым делом я зауважал автора и захотел познакомиться с ним лично».

Уже по этому отрывку можно понять, что несмотря на многообещающее начало и признание драматургии Диаса Валеева на всесоюзном уровне, судьба его пьес складывалась по-разному и не все они были поставлены на профессиональной сцене.

С чем это было связано и какие препятствия возникали со стороны партийных и государственных органов, а также завистливых и недоброжелательных коллег, о закулисных интригах и общей атмосфере застойного времени рассказывается в книге «Драма диасизма». В самом её названии таится некоторая загадка. Впрочем, аналогия напрашивается сама собой: иудаизм, буддизм, диасизм... И, действительно, за этим термином стоит некое религиозное учение о мегачеловеке и Сверхбоге, открывшееся Д. Валееву в виде откровения. Попробуем кратко выразить его суть. Согласно этому учению человеку свойственны три уровня состояния: микро-, макро- и мега-я. Для первого характерна обычная жизнь с целью удовлетворения собственных потребностей. Для второго — служение классу, нации, групповым интересам. И только выход на мегауровень даёт возможность стать богочеловеком и вступить в контакт со Сверхбогом. На протяжении всей жизни Диас Валеев так или иначе проводил постулаты своего учения в пьесах «Сквозь поражение», «Охота к умножению», «Пророк и чёрт», «Вернувшиеся», «Дарю тебе жизнь», «Диалоги», «Ищу человека», «1887», «День Икс». Анализируя эти произведения драматурга, Александр Воронин ведёт рассказ и о его книгах «Третий человек или Небожитель», «Уверенность в Невидимом», «Сокровенное от Диаса» и других.

Как отмечает автор, «окружающий мир всегда относился к Валееву странно. Восемь спектаклей по его пьесам были насильственно приостановлены или запрещены. Четыре раза неизвестные угрожали ему убийством, дважды предпринимались попытки упрятать его в психбольницу. При этом в глазах общества он представлял эдаким везунчиком, несправедливо обласканным судьбой. Сам он считал, что мегасоставляющая его духа настолько выламывалась из обычного ряда, что обывательская среда имела основание для его неприятия.

Не от одного меня, но и от многих современников, словно облако каких-то предубеждений застилало облик Диаса Валеева. Для татар он оставался чужаком, который пишет на языке колонизаторов. Русские тоже не признавали его своим — фамилия-то татарская. Ещё сложнее было отношение к его проповедям. Ещё бы, казанский пророк предлагает человечеству новое прочтение версии Бога? Что же он ставит себя в один ряд с Заратустрой, Иисусом, Мухаммедом? Да по нему психушка плачет...

Даже уйдя в некое добровольное затворничество, почти не показываясь никому, Диас Валеев продолжал вызывать непонимание. В самом деле, подозрительно, а что он там тихушничает, какие мысли (инакомыслия) высиживает, какие новые сюжеты вынашивает?

И вот в конце девяностых Диас Валеев опубликовал роман «Я». Он писал его тридцать пять лет. Во всяком случае, первые наброски автор датирует 1962 годом. Так долго Валеев пытался сложить в единое целое разрозненные куски своих философских набросков, биографических записей и культурологических заметок. Пока, наконец, не нашёл сюжетного приёма, который позволил соединить в художественный замысел чуть ли не всё написанное и передуманное за его сознательную жизнь».

Александр Воронин указывает, что в своих пьесах Диас Валеев, в частности, предугадал перестройку и показал, как изменится советский человек всего за одно десятилетие. Очевидно, не считая себя достаточно компетентным для того, чтобы давать оценку воззрениям учителя, он обращается к мнению доктора философских наук Георгия Куницина, который преподавал историю философии в Литинституте, когда там учился Д. Валеев и даже написал послесловие к его книге «Три похода в вечность». В нём учёный, хотя и в корректной форме показывает несостоятельность попытки автора загнать историю человечества в рамки собственной религиозно-философской концепции, игнорируя при этом всё, что было сделано в этом направлении до него.

Но такой уж цельной, бескомпромиссной натурой был Диас Валеев: до конца жизни ничто не заставило его свернуть с избранного пути.

Свой прах он завещал развеять за Арским кладбищем у реки Казанки, и автор «Драмы диасизма» был исполнителем его последней воли...

Мало того, что книгу о Виле Мустафине «Воля Виля» Александр Воронин писал, что называется, в обратном порядке — с конца к началу жизни поэта, он ещё и начал её с ошеломляющего высказывания: «Любимой мыслью Виля Мустафина была мысль о смерти. Он не раз говорил и писал, что жизнь для него всегда была пыткой, а смерть — самой заветной мечтой». Объяснение этому автор ищет в раннем детстве героя, когда двухлетнего малыша, счастливо и благополучно жившего в Казани с родителями и двумя сёстрами, в один момент лишили всего. Отца — расстреляли, мать как жену «врага народа» отправили в лагерь, сестёр — в детдом, а его в детский приёмышник к таким же маленьким, несчастным, лишившимся любви и ласки детишкам. И самое первое желание, которое сохранила его память, было желание умереть.

Только благодаря Сулейману Мустафину, деду по материнской линии, который целый год оббивал пороги разных инстанций, детей удалось забрать «на поруки». Опасаясь новых репрессий, он переделал их метрические свидетельства, сменив фамилию Атнагуловых на Мустафиных, и очень скоро умер. Вслед за ним ушла в мир иной бабушка Фатиха, и все заботы о детях легли на плечи её младшей дочери Хадичи. Чтобы поднять племянников, она ушла из аспирантуры, так и не создала собственной семьи, а в голодные годы, живя в центре Казани, завела корову.

Закончив с серебряной медалью школу, Виль поступил на физмат Казанского университета, а после его окончания — в аспирантуру. В то же время, обладая великолепным басом, он был приглашён на учёбу в Казанскую консерваторию. Поэтому, не защитив уже почти готовой кандидатской диссертации, круто изменил свою судьбу. Однако и из консерватории тоже пришлось уйти по семейным обстоятельствам, так и не выступив на профессиональной сцене. Зато в новом перспективном институте, куда его пригласили на работу, молодая семья вскоре получила квартиру. Памятуя трагический конец отца-филолога, Виль зарёкся писать, гнал от себя приходившие рифмы. Но от судьбы не уйдёшь.

Однажды под Семипалатинском, куда студентов направляли на освоение целинных и залежных земель, он стал очевидцем надземного ядерного испытания. Конечно, их проинструктировали, что нужно делать в таких случаях. Но «Виль боялся только одного: не упустить ни одной детали необычайного события — настоящего

ядерного взрыва! А зрелище было поистине незабываемое. Представьте, в солнечный день в небе вдруг возникло второе солнце, гораздо ярче настоящего. По степи пошла ударная волна — в виде серой пылевой тучи, она двигалась с невиданной скоростью. Вслед за вспышкой на востоке стал разрастаться быстро увеличивающийся в размерах огромный огненный шар, от которого расходились разноцветные кольца. Сияющая сфера постепенно поднялась и превратилась в гигантский клубящийся гриб, отливающий всеми цветами радуги, и не только семью известными, но и невиданными в нашей природе, несуществующими в реальности цветами, которым и названия не подберёшь... Само небо несколько раз меняло цвета — от лазоревого до ядовито-зелёного. Ничего похожего в земной сакуале, конечно, нам увидеть не дано. Явление такой небывалой красоты, наверное, можно наблюдать лишь где-нибудь в космосе. Грандиозность происходящего навсегда покорила сознание и воображение Виля». Именно с этим событием он связывал проснувшуюся у него тягу к сочинению стихов.

С детства одной из главных черт характера Виля было стремление к независимости. По ночам на кухне он ещё школьником слушал по радио «Голос Америки», откуда, кстати, узнал в числе первых о смерти Сталина, почувствовав, как с его души свалился камень. Будучи приглашённым на проходивший в прямом эфире телемост между Горьким и Казанью, Виль Мустафин прочитал не утверждённый в сценарии отрывок, а своё стихотворение «За!»

*Вы, что хором неистовым: «За!..», —
затверженно, заученно, заранее — «За!..», —
обернитесь назад:
за раскатами зала «За!..», —
расстрелов залпы,
за этим «За!..», рёвом —
дети зарёванные
толпами, толпами...
А вы «За!..» были...
Вы забыли,
как вами —
как булавами,
как в живот ногами —
вами били...
Вы — без памяти, —
снова тянете
руки вверх,
как «Руки — вверх!» —
голосуете...
Голосуйте, —
суйте в петли головы,
суйте...*

Естественно молодым поэтом занялись органы КГБ и вскоре он узнал, что публиковаться ему не дадут ни в каком виде и не при каких обстоятельствах. Однако сочинять он не перестал. А спустя несколько десятилетий, опубликовал то, что долгое время писал в стол.

Первым подробным исследованием его поэзии стала большая статья Диаса Валеева «Путешествие в ночь», вышедшая к 70-летию Виля Мустафина в журнале «Казань».

В ней, в частности, говорится: «Стихотворные книги Виля Мустафина — крайне интересный опыт катакомбного, совершенно изолированного от контакта с читателем развития поэта. Почти сорок лет этот суперкоммуникабельный человек если не ежедневно, то еженежно писал стихи в полном, если не абсолютном, отрыве от читателей. Он не публиковался, не печатался ни в газетах, ни в журналах. Не совершал даже ни малейших попыток к этому. И лишь в последнее десятилетие XX века его стихи стали появляться в печати, а на самом излёте столетия вдруг вышли к читателю роём книг, правда, тиражом почти штучным. Акцентирую внимание на этих сорока годах. Да, сорок лет на моих глазах и на глазах многих шло глубокое, внутреннее, подпольное, катакомбное развитие поэтической мысли. Это вообще большая редкость. Непросто выдержать все возрастающее напряжение одиночества всех этих лет... Моисей сорок лет водил по пустыне свой народ. Виль Мустафин сорок лет водил по пустыне свою Музу».

Первый его сборник «Живу впервые» был самодельный, свёрстаный дома на компьютере и распечатанный в трёх экземплярах на принтере. Затем вышли в свет книги «Дневные сны и бдения ночные» и «Беседы на погосте». Последним прижизненным изданием стала книга-перевёртыш «Сонетные вариации» и «Стихи о стихах». Особенно много споров вызвали его «Беседы на погосте» — своеобразный диалог с поэтом Мариной Цветаевой. Её стихи, доходившие вначале в самиздатовском виде, оказались для Виля Мустафина главным потрясением в поэзии конца пятидесятих — начала шестидесятых годов. Он даже поехал в Елабугу и провёл на Петропавловском кладбище, где она похоронена, всю ночь. «Именно той ночью, — пишет Александр Воронин, — начался его диалог с Мариной Цветаевой, который полвека спустя станет книгой «Беседы на погосте». Это были именно беседы, ведь стихи Цветаевой стали для Виля Мустафина частью души, они отзывались реально в его сердце, он слышал точно интонацию самой Марины Ивановны!.. То, что той ночью испытал Виль на елабужском кладбище, после не раз посещало его по ночам, их беседы продолжались много лет...». А в 2014 году В. Мустафин был посмертно удостоен Литературной премии им. М. И. Цветаевой.

Полное отсутствие страха смерти было, конечно, не случайным. Как глубоко верующий человек Мустафин считал смерть началом иной, новой жизни. Воспитанный в атеизме, он всю жизнь искал путь к Богу. Перечитал огромное количество религиозной литературы, книги Ветхого и Нового заветов и остановил свой выбор на православии, приняв крещение с именем Владимир.

И крестил, и отпевал его о. Игорь (Цветков), который сказал о нём буквально следующее: «Он был человеком не от мира сего, неотмирность его носила трагические черты. Виль Салахович считал жизнь местом, где жить нельзя. Скажем, я пришёл к церкви через жизненные потрясения, у меня был чисто онтологический интерес. Мустафин к вере шёл через постижение истины, добра и красоты, через поэтические запросы и эстетические вопросы. И понимал, что не укладывается в парадигму православия...Он не был в строгом смысле воцерковлён».

Завершая рассказ о Виле Мустафине, приведём стихотворение, в котором нашло отражение его представление об иной жизни:

*Несут меня потоки временные
в неведомые дали бытия,
где царствуют красоты неземные
и лики жития совсем иные, —
отличные от нашего житья, —
без всякой там жратвы и пития.*

*Несут, — смывая месяцы и годы, —
на тот простор, сокрытый от людей,
где воды, не похожие на воды,
мерцают светлой памятью дождей
и — как слеза — прозрачные народы
не чтят своих невидимых вождей.*

*Несут меня потоки, растворяя
судьбу мою в минутах и часах.
И я плыву, — объятая растворяя,
как облако, — черты свои теряя
и растекаясь — цветом в небесах...*

Александр Воронин относит своих героев к числу самых даровитых и заметных казанских писателей последней трети прошлого века и утверждает, что «Поэзия Виля Мустафина, проза Рустема Кутуя и драматургия Диаса Валеева со временем (возможно скоро) будут признаны шедеврами татарской литературы XX века. А самим их назовут классиками».

Р. С. Редакция литературного журнала «Аргатак. Татарстан» обращается к редколлегии Татарского книжного издательства с надеждой, что книга Александра Воронина «Триада pop-fiction» будет переиздана более достойным тиражом, чем позволили возможности автора, поскольку речь идёт о сохранении тех литературных имён и явлений, которые обрели статус отечественной классики.

ЗВАННЫЕ ГОСТИ

СЕРГЕЙ ЩЕГЛОВ,
главный редактор журнала «Литера»

КОГДА СЕРДЦЕ САМО ПОДБИРАЕТ СЛОВА

* * *

По мнению доктора филологических наук Игоря Карпова, с выходом в 2012 году журнала «Литера» обозначился новый период в развитии русской литературы Марийского края. Эту точку зрения убедительно подкрепляют совсем недавно увидевшие свет два тома его исследования «Русская поэзия Республики Марий Эл». Впрочем, Игорь Петрович не только прекрасный литературовед, но и автор стилистически тонких рассказов, один из них в 1990-е был опубликован в «Нашем современнике».

Отмечу, что традиция, которая бы позволила говорить об отличительных чертах русской литературы Марий Эл, ещё только начинает складываться. Заметное влияние на литературный процесс трёх последних десятилетий оказали и продолжают оказывать поэты и писатели, вышедшие из литературного объединения «Поиск». В этом — наше сходство с литературной ситуацией в Набережных Челнах, которую во многом определили литобъединения «Орфей» и «Лейсан».

Одними из ярких поэтов Марий Эл являются поисковцы Алевтина Сагирова, Геннадий Смирнов и Александр Коковихин. В прозрачной лирике Алевтины Сагировой, стоявшей у истоков «Поиска», — судьба русской женщины из провинции, на хрупких плечах которых и держится страна. Это путь «без конца и края — к Богу». Метафористичный Геннадий Смирнов насыщает свой поэтический мир

густой вязью изысканных образов, напряжённым ритмом и особой мелодичностью. Сквозь иронию, а порой и сарказм Александра Коковихина проглядывает неисправимый романтик, умеющий в нескольких строчках уловить постоянно ускользающие приметы дня.

Сегодня, когда остро стоит вопрос о разрыве поколений, мы особенно трепетно относимся к творчеству молодых литераторов. В числе тех, кто, надеюсь, будет определять будущее литературы Марийского края, — резкая и отчаянно нежная Яна Павлова, которая не может равнодушно пройти мимо несправедливостей современной жизни.

Надеюсь, что искренний голос русских писателей и поэтов Марий Эл по-хорошему «зацепит» читателей «Аргамака».

Геннадий СМИРНОВ

СМИРНОВ Геннадий Николаевич родился в 1953 году в д. Акиндулкино Медведевского района Марийской АССР. Автор 3 поэтических сборников, 2 книг переводов марийских поэтов. Член Союза писателей России. Живёт в Йошкар-Оле.

* * *

Облетают дубы. Травы тронуты проседью,
Где тропинок узлы прячет зябкая рань.
И мерещится мне: золотистые лошади
Проскакали вдали, разрывая туман.

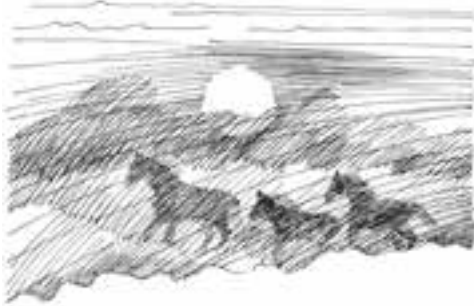
Не от ветра кусты за оградами ломаются,
Это — горечь и сладь в тяжких гроздьях калин.
Это — клятвы любви
под невидимой звонницей,
Это — губы невест, женский плач проводин.

Пролетела уже над лугами угрюмыми
Стая диких гусей к берегам-жемчугам.
И сосна на горе, отягчённая думами,
Словно путник, открытый дождям и ветрам.

Так и я всё иду, про дорогу не ведая:
Где счастливый конец, где для нищих сума?
Удалая пора, соловьями отпетая,
Не вернётся уже из-за роц и холма.

Уходя за черту, мы уносим из времени
Или птицу-мечту, или тихую грусть.
Не заметит никто в догорающей зелени
Костерок и моих нерастраченных чувств.

Догорит, но зола будет ветром развеяна
По родимым полям, где затерян мой путь.
И когда-нибудь там золотистые лошади
Остановят свой бег, чтобы чуть отдохнуть.

СТАРАЯ ПЛАСТИНКА

Пластинка старая играла,
Дрожала розовая мгла.
В окно с шипением швыряла
Тоску жестокая игла.

Старушки сплетни позабыли
В минуты эти на скамьях.
Лишь ветерок листву от пыли
Освобождал на тополях.

Приди, приди! — напрасно голос
Из прошлых лет кого-то звал.
А где-то в поле жёлтый колос
О грозах ясных тосковал.

Не отозвался искуситель.
Не спала летняя жара.
И вздохи тихую обитель
Тревожить будут до утра.

Давно пластинка отыграла.
Луной посеребрена мгла.
Мужей убитых рисовала
Старушкам тонкая игла.

* * *

Это было, когда облака уплывали,
Отражаясь в глазах ошалевших людей.
И гудели протяжней сырые вокзалы,
И в неприбранном парке молчал соловей.

Мне хотелось за город, не ставший приютом,
Чтобы в нищенской роще покой обрести,
Где и сердце ровнее стучит почему-то,
И захочешь кому-то проплакать — прости.

Шевеление гнёзд о весне говорило.
Неизведанный яд горячился в крови.
И теперь я не знаю — зачем это было,
Может, мне захотелось немного любви?

Только несколько дней без вины и обмана.
Только светлая ночь под смущеньем луны.
Ты была божеством,
я — растерянным странно,
Потому что расстаться мы были должны.

Что открывает взор бессонный
Стерев тумана пелену?
Простор, снегами занесённый,
И крест церквушки вознесённый
В небесную голубизну?

Этот сон из мечты после долгих кошмаров
Повторится едва ли, но сказанный стих
Будет в воздухе майском зарёй опожарен
И затихнет в листве тополей голубых.

Твоей свободы несвободной
В каком пространстве кров приму?
В лесной глуши или болотной,
Испив из чаши приворотной,
Какую истину пойму?

* * *

*Маятник маяется. Тикают ходики...
Анатолий Чиков.*

Может быть, маятник вовсе не маяется.
Это берёзы под ветром качаются.
Не убегут от меня мои годики,
Если плывут в небесах пароходики.
Ветер утихнет, снежинки закружатся.
К Новому году соседки подружатся.
Стайка на ветках спорхнёт снегирина,
К зорьке слетая, где церковь старинная,
Звоны вечерние шлёт с колоколенки,
Чтобы услышали в поле соломинки.
Не завожу свои старые часики,
Не тороплюсь, как герои из классики.
Маятник времени вовсе не маяется.
Время проходит. Душа не меняется.

Россия, Русь...Из всех созвучий,
Из всех наречий над землёй
Звучит как музыка над кручей,
Плывёт мелодией певучей,
Поёт над бездною и мглой.

Из сонма дней тысячелетья,
Из вязи слов начало где?
Лучом скользнув в моё столетье,
Журчит истоком в многоцветье,
Несёт по суше и воде.

Смешались годы роковые
В краю несказочной красы.
Слышны раскаты громовые,
Видны закаты огневые
Вдали и в капельках росы.

* * *

Что в имени твоём печальном?
Какой истаял в сердце звук:
Над вешним долом звон хрустальный
Иль журавлиный клик прощальный,
Когда летят они на юг?

Я слышу, слышу каждый шорох
И шум листвы, и пульс в крови...
В степи, в пролесках и угорах
Разносит ветер на просторах
С щемящей грустью песнь любви.

Алевтина САГИРОВА

САГИРОВА Алевтина Александровна родилась в 1954 году в д. Малое Притыкино Санчурского района Кировской области. Автор 6 поэтических сборников. Член Союза писателей России. Живёт в п. Советский Республики Марий Эл.

* * *

Сердце само подбирает слова
К музыке громкой и слышной едва:

К шелесту ветра в вершинах берёз,
К лепету ливней, к ворчанию гроз,
К печали разлуки и к радости встречи,
К памяти рая в душе человеческой.

* * *

С макушки лета я скатилась в август,
Его сады, янтарные меды,
В глубины слова радостного
«Здравствуй!»,
В прохладу рек, в отсутствие беды.
Сверкнув росой на паутинке тонкой,
Сыграет он симфонию с листа
И уведёт за руку, как ребёнка,
В грибные заповедные места.
Научит щедрой быть и быть любимой
Как хлеб и песня, солнце и вода,
Смеясь нарядит в бусы из рябины
На день один, а словно — навсегда.
Измажет щёки мне арбузным соком,
Над временем шутя подарит власть,
и в детство озорное ненароком
позволит на минуточку попасть.
...Когда земные страсти приумолкнут,
Как хорошо послушать песни ос
И спелый тёрн отдавая, вспомнить смоквы,
Которые в пути срывал Христос.

* * *

По ватной, стерильной, холодной земле
Иду я навстречу весне синеокой.
По белым полотнам уснувших полей,
По льдистому зеркалу зимних морей
Иду я далёко-далёко.

Туда направляю я мысленный взор,
Где солнцем обласкан и зелен угор,
Где рощица в дымке зелёной,
Где пашня дымится и дышит теплом,
Где смотрит на солнце
родительский дом,
Объятый весенней истомой.

Иду, а морозец накинул вуаль
На каждую божью былинку.
И — чу, на шаги отзывается даль,
Холодная, звёздная, ясная даль,
В которой я только пылинка.
Всего лишь пылинка любимой земли,

И где бы меня ни носило,
Хочу, чтоб дороги туда привели,
Где незабудки у речки цвели,
Где сердце от счастья щемило.

МОЙ ДВОР

Мой двор под парусами простыней
Готов отчалить и уплыть от дома
С песочницей, качелями, ведомый
Соседкой чистоплотною моей,
Которая стирает каждый день,
Меня простыни на занавески,
Стыкуя стиркой времени отрезки,
Но в воду опустил рога олень,
Наполнен август утренней прохладой,
И от росы промокли паруса,
Теперь они, безжизненно висят,
Крича о том, что отплывать не надо.
А я всё жду, что в поскучневший двор
Ворвётся ветер и вернёт движение
Листве, качелям, времени теченью,
И поплывёт судьбе наперекор
Соседка в ожерелье из прищепок,
Оставив неотложные дела,
И с нею — я, в халатике нелепом,
Впервые безоглядно весела...

* * *

У окна стою одна,
Что я вижу из окна?

Угол дома с красной крышей
И завод (давно не дышит),
Серый бок пятиэтажки,
Возле — белые ромашки,
Средь бурьяна — клумбы фреску,
Вдалеке — остаток леса,
А над ними в свете солнца
Неба синее оконце.

А за ним? За ним — дорога.
Без конца и края — к Богу.

Александр КОКОВИХИН

КОКОВИХИН Александр Михайлович родился в 1967 году в Йошкар-Оле. Автор 5 поэтических сборников. Лауреат Государственной молодежной премии имени Олыка Ипая, Государственной премии Марий Эл. Член Союза писателей России. Живёт в Йошкар-Оле.

ОНА УЛЕТЕЛА

*О нет, я не город с кремлём над рекой
Арсений Тарковский*

Я тоже не город с кремлём над рекой
и даже не улица Мира,
чтоб ждать эту женщину годик-другой,
домами толпясь простодыро...

Не жду, не зову, не включаю фонтан
и небо не рву фейерверком.
Она не вернётся. Здесь кризис, а там —
богато, по нынешним меркам.

Она — не планета, что станет родной,
закружит меж звёзд без усилий...
Она не такая, и я не такой.
Мы умерли. Нас подменили.

В РАБОЧИЙ ПОЛДЕНЬ

Мне нравится страна,
мне нравится правительство,
мне нравится жена
и денег накопительство.
Люблю из года в год
свою работу милую...

Кто крикнул «идиот»?
Потише! Медитирую.

О БРЕЖНЕВСКОМ ЗАСТОЕ И КАПИТАЛИСТИЧЕСКОМ КРИЗИСЕ

С коммуняками ходили
к раю отдалённому.
Вероятно, заблудились —
вышли к царству сонному...

И буржуйская дорожка
завела нас к лешему.
Мы соскучились немножко
по покою брежнему...

КИНО И НЕМЦЫ

В деревне Кузьминки снимали кино.
Фашисты на танке.
Орут, пьют вино.
Уже через час псевдотигр полыхал.
Никто деда Гриню
не предупреждал.
Родную деревню не сдаст просто так.
Он выжил под Курском.
Подумаешь, танк...

* * *

Гвозди бы делать из этих людей...
Что из них сделаешь кроме гвоздей?
Кроме винтов и шурупов простых?
Не ноутбуки же делать из них?!

СЪЕЗДИЛ К МАМЕ

От мамки выхожу — как Якубович:
в одной руке три литра огурцов,
в другой — мешок снарядов из моркови,
ботинки жмут от вязаных носков...

Опять я не сказал, хоть знал все буквы:
«Не надо, мама. Мне уж сорок пять.
Есть денежки на шмотки и продукты,
их проще в магазинах покупать...»

ГОША

— Здравствуй, Гоша-дурачок!
Что опять в печали?
— Не купили пирожок,
ни рубля не дали...

Побирается-идёт
каждый день по рынку.
И никто не застегнёт
дураку ширинку.

Побирается «скелет»,
человек бесплотный.
Есть вай-фай, а денег нет
у торговков модных...

Но четвёртого числа
он сияет. Ожил.
Это пенсия пришла,
Гоша стал вельможей!

Всем червонцы раздаёт,
кормит пиццей пташек.
Что поделатъ — идиот.
Не напился даже...

ВЫЖИВАНИЕ

Россия вышла в параллельный мир.
С ней это происходит временами.
Сограждане вращают головами
и вопрошают: «Где бесплатный сыр?»

Я тоже возмущаюсь и плююсь.
Сижу на хлебе, посадив картошку.
Но знаю точно — это понарошку.
Когда-то минус превратится в плюс.

Кто был никем, тот станет кораблём
и уплывёт в тот мир, в который хочет...
А трещины я залепляю скотчем,
чтоб не сквозило меж добром и злом.

Игорь КАРПОВ

КАРПОВ Игорь Петрович родился в 1952 году в г. Кисловодске. Доктор филологических наук. Автор 8 книг по русской литературе. Живёт в Йошкар-Оле.

ТАЙНА

Однажды, во время моих одиноких путешествий на лыжах по окрестностям города, я устал и замёрз. На лыжах я не бегаю, хожу — неспешно прогуливаюсь. Зашёл в деревню, постучался в ворота крайнего дома. Из окна смотрело на меня маленькое детское острое личико.

Через сени, устланные чистыми половичками, прошёл в тёплую большую комнату. За столом сидели женщина и девочка. Пахло деревенским теплом.

— Что вам?

Женщина подошла ко мне. Только раз в жизни, — помнится, в юности, — в какой-то далёкой деревне я видел такую русскую зрелую красоту, ясное тихое лицо, светлые карие глаза, густые тёмно-русые волосы, тонкий профиль, и благородство какое-то во всём облике. И вот снова... Я и тогда, мальчишкой, внутренне вздрогнул: неужели такое может быть! Здесь, среди этой грубой работы и грубой жизни. И сейчас... Больше я ни разу не взглянул на неё. И так помнил и помню всю.

— Я устал и замёрз.

Женщина повела рукой и чуть наклонила голову, приглашая раздеться и пройти. Девочка передвинула книжку и тетрадку на край стола...

Мы втроём, держа в руках стаканы остывающего чая, долго смотрели в окна, провожали темнеющий зимний день.

Ещё несколько раз приходил я в тот дом, и всегда мы... молча, втроём... сидели за чаем и смотрели в окна, сумерничали.

Однажды глаза женщины при моём появлении — я видел, не смотря — засветились тихой глубокой спокойной радостью. Больше я туда не приходил.

Почему? Тайна, и для меня — тайна. Но одно воспоминание о тех белоснежных сумерках — грусть на всю жизнь.

Яна ПАВЛОВА

ПАВЛОВА Яна Сергеевна родилась в 1993 году в п. Юрино Республики Марий Эл. Автор книги рассказов. Дипломант IV Международного конкурса прозаических миниатюр «Колибри-2016». Победитель конкурса молодых литераторов Союзного государства «Мост дружбы» (2018). Живёт в Йошкар-Оле.

НАДЕЖДА

Рассказ

ВЕЧЕР

Девочка зажмурилась: на неё пристально глядели женщина из стены и маленький старичок. У них над головами были большие круги.

— Страшно-то как, — прошептала Наденька и натянула одеяло до подбородка.

Спустя минуту девочка закрыла лицо руками, расставив пальцы так, чтобы было видно в щёлку, но старичок и женщина оставались недвижими: она глядела далеко вправо, а он — в Наденькины глаза.

— У тебя голова большая, — сказала старичку Наденька и испугалась.

Прошли несколько тихих минут. Желудок недовольно заурчал. Девочка сунула большой палец в рот и пробормотала:

— Пшму у тбя глва блшя?

Темноту ночи рассёк детский смех.

— Извини, дедушка, — сказала Наденька, всё ещё смеясь. — Я говорю, почему у тебя голова большая?

Старичок молчал, на лице женщины зрела улыбка.

— Наверно, ты просто такой уродился, — решила девочка и строго произнесла: — Ладно, поздно уже. Завтра поговорим.

Наденька обняла одеяло, вздохнула и залезла под койку.

— Спокойной ночи, — прошептала она и вздрогнула, услышав, как на кухне бьётся стекло.

УТРО

Утром девочку разбудил голод: желудок урчал настойчивей. Она встала, босая пошла на кухню. Дотянулась до холодильника, открыла его, вздохнула, качая головой:

— Эх, пожрать-то нечего! — и хлопнула себя по губам, пугливо обернувшись.

Сзади никого не было.

— Прости, Господи, — шепнула Наденька, неуклюже перекрестившись, и достала со средней полки половину огурца, а с боковой — сырое яйцо.

На кухне Наденька зажгла конфорку на газовой плите.

— Ай, бл..! — вскрикнула девочка и опять стукнула себя по губам: — Прости, Господи, меня грешную.

В шкафчике она нашла чугунную сковородку, подсолнечное масло и корочку чёрного хлеба. Наденька поставила чайник, разбила яйцо на разогревшуюся сковородку, бросила туда корочку и села на стул ждать.

— Вот так вот, — сказала девочка, ни к кому особо не обращаясь. — Вот так вот. Яйцо вот нашла — хорошо. Чая вот ещё много, — она открыла жестяную банку, сунула в неё нос и оглушительно чихнула, — это тоже хорошо. Огурчик свежий — почти как бабушкин...

ВЕЧЕР

— У меня бабушка была, — Наденька стояла у стены и глядела в печальные большие глаза женщины. — Мы с ней читали много сказок, а ещё делали из желудёв

человечков. Она пекла пирожки, — девочка схватилась за живот, согнувшись, — вку-у-усные... С луком вот, с картошечкой...

Женщина молчала.

— Скажи что-нибудь? — Надя посмотрела на старичка. — Почему у тебя руки такие маленькие? А она, — Наденька показала на женщину, — твоя мама, да? У меня тоже была мама...

Где-то в комнате звякнуло. Надя испуганно улыбнулась старичку и его спутнице и спряталась под кровать.

— Сидите тихо, — прошептала она, закрыла голову руками, подтянула колени к лицу и замерла.

По дому кто-то ходил и ругался. Звенело стекло, трещали деревянные прогнившие доски, скрипел советский диван. Девочка лежала на боку и сосала большой палец, обречённо глядя в сумрак комнаты.

На стене висел старинный ковёр. У изголовья кровати стояла этажерка: на ней — фотография улыбчивых парня и девушки, держащей на руках маленькую дочку. Ещё в комнате было окно с короткими жёлтыми занавесками — точно напротив иконы.

УТРО

Наденька выбралась из-под кровати и огромными, наполненными страшной детской слезой глазами взглянула на старичка.

— Я не хочу больше, — прошептала она. — Не хочу, — помотала головой, потёрла маленькими кулачками глаза и залезла под одеяло.

— И на бабушко не хочу, — Наденька жалобно, судорожно всхлипнула.

Остановив неудержимый вздох, она поднялась: надела галоши, перекрестилась и пошла на веранду. Там был вход в подполье. Надя очень боялась спускаться вниз: там было темно, а ещё шуршало — так, как будто кто-то здесь жил. Расхрабрившись, она сбежала по ступенькам вниз и схватила большую красную банку.

Надя жевала молча, сосредоточенно, не торопясь и пробуя каждую ложку как в первый или в последний раз. Это были маринованные помидоры.

— Хлеба бы, — сказала она в тишину дома. — Или картошечки... Горячей...

ВЕЧЕР

— Тётя, — девочка глядела на женщину, — я себе косички заплела. Посмотри какие! — и она покрутилась около стены, показывая две торчащие тоненькие косички медового цвета.

Женщина улыбнулась, а старичок помахал Наде рукой.

— Сейчас опять придут, — Наденька сморщила нос и прошептала, — придут вот опять, прости Господи. Вы только молча сидите, — и полезла под кровать.

Действительно, спустя несколько минут в доме раздался шаг. Кто-то тяжело шёл прямо в сторону Наденьки. Кто-то остановился в дверном проёме и прокряхтел в глубину дома:

— Иди сюда!

Наденька дрожала и про себя шептала молитву, которую учила с бабушкой. Она услышала, как кто-то второй зашёл в комнату и рыкнул:

— Скоко за такую дадут?

— Тыщ пять, — отозвался первый и стукнул кулаком в стену, — эх, заживём!

Послышались глухие удары: кажется, ломалось дерево. От страха Наденька провалилась в сон.

УТРО

— Тёгенька, дедушка, где вы? — плача, Надя стоит у стены, на которой больше нет ни женщины, ни старичка.

Дерево раскурочено, выломано — на домовой стене зияет огромная тёмная рана. Наденька, сдерживая рёв, складывает одеяло, как её учили мама и бабушка, идёт на кухню и видит, что банки с помидорами тоже нет.

У Наденьки не хватает духа снова пойти в подполье: девочка едва стоит на ногах и дрожит. Поскуливая, она ложится на кровать и заворачивается в одеяло.

ВЕЧЕР

Наденьку будит замечательный сон. Как будто она в тусклом, рассыпавшемся по комнате свете танцует, одетая в белое платье. Как будто в комнату входят женщина и старичок, встают у её кровати — старичок протягивает руку, а женщина говорит:

— Я твоя настоящая мама. А это твой дедушка.

И Надя хватается за морщинистую жёлтую ладонь — тёплую, как только что испечённый хлеб, рука выталкивает её вверх — и Надя летит на небо, где бабушка — большая, лучистая, с белоснежными волосами — стоит у огромной вздувшейся печки и печёт пироги.

— Где вы все? — проснувшись в тёмной, страшной комнате, заплакала Надя, и на стене появилась женщина. Рядом стоял старичок и улыбался, укутанный облаком искристого света.

— Мы будем плакать вместо тебя, — сказали они хором, и из их глаз потекла вода. Наденька испугалась.

— Не бойся, — прошептала женщина и ступила со стены на пол.

Она медленно, шурша накидкой, подошла к Наденьке, встала на колени у кровати, положила голову на подушку и, прикрыв прохладной рукой Наденькины веки, поцеловала её:

— Спи, а я буду тебя охранять.

— Хорошо, — согласилась Наденька и погрузилась в спасительный сон.

ДВА КАПИТАНА

Граница футбольного поля обозначена канавкой, в которую насыпана известь. Трибуну заменяет доска, прибитая к пенькам от спиленных лозин.

Мальчишки, не попавшие в команду Мишки Вихрова, лежат или сидят на своих рубашках, или просто на траве.

В центре скамьи Ира, одноклассница Вихрова, он к ней неравнодушен, рядом её подруга Эля — художница, москвичка, и ещё несколько девочек. С ними младшие сестрёнки и братишки. Малыши то и дело устраивают возню, с удовольствием падают на траву. Девочки их поднимают, отряхивают от пыли, назидательно грозят пальцем.

Иногда команда Вихрова по необъяснимым причинам выигрывала — что-то ломалось в «железной» команде противника, чёткий механизм давал сбой. Побеждать тургановцев можно, хотя нелёгкое это дело: нужно выкладываться, бегать на пределе сил, сохраняя при этом спокойствие.

Вихрову сегодня нужна победа. Ведь даже Ира пришла поболеть за него! Но пока на сельском лугу царствовал Турганов, величающий своих игроков «гладиаторами», «спецназовцами кожаного мяча».

Бежит, пыхтит маленький игрок вихровской команды по прозвищу Лямзик — круглый, шустрый, похожий на колобка. Лямзик старается отобрать мяч у жилистого Петьки.

— Молодец, Лямзик! — подбадривает Вихров.

Лямзик, довольный похвалой, тянется в прыжке за мячом, словно растёт, покрасневшее личико у него серьёзное.

Вихров почувствовал, что падает — опять кто-то сделал подножку... Упал легко и безболезненно на мягкую, прохладную к вечеру траву, перекатился на спину.

Девочки, сидящие на лавке, дружно ахнули. Вихров сидел на траве, напустив на лицо гримасу боли. Чтобы девчонки его пожалели.

Ира смотрела на него, покачивала сочувственно головой, поправляя при этом пушистую косу. Не лишним был и сочувствующий взгляд Эли. Главное, не переиграть в «раненого героя», жалеть спортсмена никто долго не будет. Вихров медленно встал, потёр ушибленную лодыжку, попрыгал на месте, и вновь ринулся за мячом — стремительный как ветер, с невозмутимым лицом настоящего спортсмена. Поймал себя на том, что любит себя со стороны, от лёгкого стыда щеки его покраснели, он остановился, не замечая, того, что Лямзик дал ему пас.

Мяч перехватил Колька Гусь, от его удара он поднялся в небо «свечой». Несколько футболистов одновременно подпрыгнули, стараясь дотянуться до него, вытянули шеи. Фигуры игроков застыли на мгновение в воздухе, словно попали на фотоснимок.

В этот момент ребята были похожи на рыбок, выпрыгнувших из воды. Вихров видел их как в замедленном кино — вот они вытянулись, удлиннились в полёте, на задумчивых, будто сонных лицах приоткрылись рты. Никто до мяча не дотянулся, все благополучно приземлились, разбежались в разные стороны.

Мелькнули, с шорохом примяли траву изогнутые, словно коромысла, кроссовки защитника Дрюни, носившего ради солидности обувь размера на два больше, пустое место в обуви этот вредный мальчишка заполнял скомканными газетами.

Протопали ботинки с облупленными носами — Пашка по прозвищу Кувалда. Он считался опасным игроком — лупил, не разбирая, по мячу и по ногам соперников.

Вихров попрыгал легонько на месте. Капитану нельзя расслабляться. На него равняются игроки команды.

Мяч, пометавшись в куче ребят, отскочил к нему прямо в ноги. Вихров подхватил его, помчался вперёд, оглядываясь по сторонам, надеясь дать пас. Никого ни справа, ни слева... Опять один!

Тургановцы засмеялись — им казалось забавным, что Вихров убегает с мячом назад — почему он так отступает.

Вратарь соперников по прозвищу Рубль, беспечно ухмыляясь, прислонился к штанге, собираясь закурить. Сделав ладони ковшиком, потянулся сигаретой к огоньку, краем глаза наблюдая за Вихровым. Горящая спичка шлёпнулась в пыль, натопанную на пятячке у ворот.

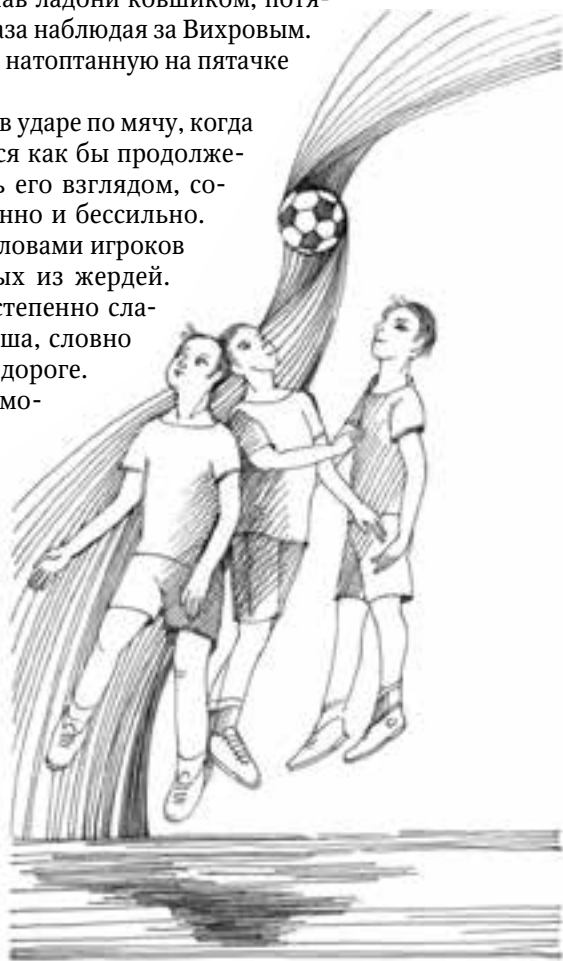
Есть необъяснимое наслаждение в ударе по мячу, когда стремительный полёт его становится как бы продолжением тебя самого! Ты провожаешь его взглядом, соперники тоже смотрят — замороженно и бессильно. Набирая скорость, мяч летит над головами игроков в верхний угол ворот, сколоченных из жердей. Просвистев точно в «девятку», постепенно слабея, мяч падает на землю, и не спеша, словно бы отдыхая, катится по грунтовой дороге. Шофёр случайного грузовика тормозит, бесшумно ругается, опасаясь раздавить мячик, путающийся между колёс.

Рубль, пропустивший гол, всё ещё держал в руке коробок спичек, из приоткрытого рта свисала сигарета. Что-то сильно ударило его спину. Рубль обернулся — перед ним разъярённое лицо Витьки Турганова. Сигарета — свежая, не зажжённая, упала на землю.

— Ты чего, Турган? — обиделся Рубль. — Я просто хотел закурить...

Турганов замахнулся ладонью, но Рубль успел увернуться.

Когда мяч влетел в ворота, Турганов собирался крикнуть своё обычное: «Мимо,

мимо!», готовился спорить, доказывать, что гола нет, но промолчал, потому что все видели, как мяч задел верхнюю перекладину, которая все ещё подрагивала. Гол неоспоримый!

— Вы сюда играть или дремать пришли? — кричал он на защитников, замахнулся, чтобы отвесить Гусю оплеуху, но тот был начеку.

Среди поселковой ребятни Турганов считался лучшим футболистом. На самом деле он не был таким — Вихров, например, играл не хуже, а, может быть, и лучше, но Витька как-то незаметно создал себе авторитет среди подростков. Если забивал гол, то всячески выпячивал собственные заслуги: показывал, словно в театре, как он обвёл сразу троих и с ходу, без прицела, ударил. Если удавалось отбить атаку соперников, опять-таки хвалил себя: вот мы вас как!.. Рослый, крепкий, он и бегал быстрее других, умел сильно, точно пробить по воротам и уже несколько раз выступал за молодёжную сборную посёлка.

Вечерами, когда стадо коров возвращалось с пастбища, футболисты временно прекращали игру, дожидаясь, пока животные лениво прошествуют по выгону. Коровы на ходу пощипывали чахлую вытоптанную траву. Всякий раз они оставляли на лугу свои лепёшки, на которые в пылу игры кто-нибудь обязательно наступал и падал на потеху болельщикам.

Поскользнувшись, Вихровый почувствовал, как земля уходит из-под ног, и опять он сумел упасть красиво, перекувыркнулся через голову, словно акробат.

Девочки, глядя на него, ахнули.

Ребята засмеялись скорее по привычке.

Москвичка Эля с интересом наблюдала игру сельских футболистов.

На сухой травинке Вихров заметил необычную божью коровку — чёрную, с жёлтыми пятнышками. Подрагивающими пальцами взял её, положил на ладонь:

— Букашка, букашка, лети на небо, принеси нам победу!..

Мимо пронёсся Турганов. Поддавая ногами гулкий мяч, он покосился на Вихрова, уставившегося на божью коровку.

Витьку пытался догнать настёрный Лямзик. В своей красной футболке малыш напоминал птенца-снегиря с надутой грудкой.

Федька-вратарь — трус и разиня, испуганно закрыл глаза, растопырил трясущиеся руки в больших перчатках. Он ждал неминуемого гола.

Лямзик самоотверженно преградил Витьке дорогу, и, сбитый с ног, закувыркался в траве.

Вихров догнал Турганова, перехватил мяч, и вот он снова в атаке! Гудит встречный воздух, холодит вспотевший лоб. Во всём теле лёгкость, словно ты сделан из твёрдой резины и тугих пружин.

— Отходите назад! — кричит Турганов защитникам. — Сбейте его с ног...

Но уже поздно — Вихрова не догнать.

— Бараны, а не футболисты! — ругается Турганов. — Всех выгоню, сам в защиту пойду.

Пустая угроза. Витька в защите никогда не играл, предпочитая «пасть» в центре, ближе к чужим воротам. Здесь, на выгоне, нет судьи, нет положения «вне игры». Турганов экономит силы, оттого всегда свеж, бодр, горласт. Получив пас, неудержимо рвётся вперёд. Потеряв мяч, допустив ошибку, не бежит вдогонку за противником, предпочитая ругаться и отвешивать тумачи.

У Вихрова другая забота — надо приободрить команду, настроить её на победу.

«Мы выиграем!» — ежедневный девиз, которым он подбадривает ребят. Против честной игры бессильны ухищрения, перешёптывания, подножки, удары по ногам,

злые слова. И всё же очень трудно увлечь игрой этих растерянных Дрюнь, Федек, Панковых и Коровиных.

Мельком взглянул на трибуну — девочки болеют за него! Ира взмахнула загорелой рукой — держись, парень!

У Вихрова перехватило дыхание. «Ира, я тебя люблю!». Он даже бег замедлил, теряя возможность забить гол.

Художница Эля ободряюще кивнула Вихрову, стремительный силуэт капитана она несколькими карандашными штрихами изобразила в блокноте.

Турганов почувствовал перемену в игре, но, вместо того чтобы как-то ободрить своих ребят, начал обзывать их обидными словами.

«Кричи, паникуй!» — торжествует Вихров. Моральное разложение в стане врага увеличивает шансы на выигрыш.

— Где голы? — шумит на своих «гладиаторов» Турганов. — Посмотрите — ихний балбес Федька спит в воротах, его поставили вратарём лишь потому, что больше некого туда ставить... Шевелитесь, парни, иначе в следующий раз не возьму в свою команду.

— А ты кто — тренер, начальник? — насмешливо оборачивается Колька Гусь. — Я и сам к тебе в следующий раз не пойду, потому что ты всех унижаешь и оскорбляешь.

Игра становится грубой, похожей на настоящий футбол, в котором никто никому не даёт спуска, как на тех матчах, где команды не просто делят очки, но бьются не на жизнь, а на смерть, оспаривая место под солнцем.

«Какая-то странная сегодня игра, даже не похожая на игру», — думает Вихров, с тревогой оглядывая деревенский выгон: толкотня, частые подножки, насупленные физиономии игроков. Даже у малышей сердитые лица, надутые губы. Пыхтение, толкотня, бухающие удары по мячу, по ногам, крики, яростная брань. Мальчишки, не желающие друг другу зла в обычной жизни, здесь, на выгоне, лупят друг друга по ногам, норовя ударить больше и в то же время как бы нечаянно.

Игра набирает темпы. Тургановцы откровенно грубят, насмеваются над слабыми, хотя и упорными соперниками.

Вихров стискивает зубы: нельзя допустить, чтобы на твоих глазах уничтожалась красота футбола, растаптывалась тайна и прелесть спорта!

Некоторые футболисты, заметив, что Эля делает карандашные наброски, начинают двигаться нарочито медленно, словно позируют, то и дело принимают «чемпионские» позы.

Колька Гусь забивает гол. Неожиданный удар — мяч пролетает между ног Федьки.

В команде Турганова смех, ликование. К Гусю подбегает Кувалда, радостно шлёпает его по плечам, по загорелой шее.

— Не обниматься, дурачьё! — угрожающе восклицает Турганов. — Это вам не по телевизору!..

Незаметно наступает вечер. Прохлада ощутимо касается разгорячённых лиц. Ветер обнимает бегающие фигурки, словно хочет сказать: довольно, милые дети, отдохните!

Матч нужно доиграть до конца. По уговору победит команда, которая первой забьёт десять голов.

Из калитки вышла мать Вихрова, Галина Прокопьевна, взглянула на футболистов. Увидев как сбили с ног сына, ойкнула, всплеснула руками. Ей захотелось выбежать на выгон, схватить Мишу за руку, увести его поскорее домой. Но она не двинулась с места. Лицо её сморщилось, стало скорбным...

Но вот сын медленно поднялся, побежал, прихрамывая, ударил по мячу, махнул рукой в сторону ворот противника. Мать вздохнула, ощущая странную гордость за сына, и чувство это вытеснило тревогу — такой парень не пропадёт!

Небо налилось предвечерней зеленью, переходящей на западе в туманный горизонт.

Турганов забил ещё один гол. Счёт стал восемь-семь в его пользу. Скрестив на груди руки, он задумчиво остановился посреди выгона. Переводя дух, Витька мечтал о большом футболе. Он выбьется в мастера спорта, у него будут серьёзные заработки. Ему будут аплодировать стадионы всего мира!.. Но пока приходится играть вместе с этими лентяями, гонять их по выгону как стадо баранов. Что бы они стали делать без Витькиного руководства? Проиграли бы за десять минут. А с ним, с Тургановым, почти всегда побеждают. Мишка Вихров — хороший футболист, однако он никогда не добьётся успеха ни в спорте, ни в жизни, потому что даже здесь, на этом жалком выгоне, не жалеет себя, сжигает понапрасну лёгкие, пытаясь спасти команду от поражения.

Зато он, Турганов уверенно ведёт своих «гладиаторов» к победе, выжимая из них все силы. Победа стала для него привычной и необходимой, как еда или сигареты.

Взором полководца Витька смотрит на пространство выгона, где копошатся усталые фигурки игроков. Вот сейчас он взмахнёт рукой, даст команду, и его парни азартно ринутся в бой. Перед мысленным взором Турганова далеко, до бесконечности, простиралась зелёные поля стадионов — широкая дорога, ведущая к славе и благополучию! Гений футбола Турганов эффектно преподнесёт себя спортивному и прочему миру. Никто не догадается, что он часто играет без вдохновения, что он на поле «работает», «делает игру». Цикл приёмов, спортивных жестов создают соответствующее впечатление. Никто не сообразит, что с помощью футбола Виктор Турганов добивается личных целей. Он сумеет задурить голову специалистам и спортивным комментаторам, заставит их дружно хвалить его и всячески поощрять.

Витьку пристроят в какой-нибудь институт, начнут перетягивать с курса на курс, в него будут влюбляться студентки, смазливые дуры, которых он заранее презирает, а там кто знает — возможно, Турганов женится на одной из них, если, конечно, папаша её будет иметь отношение к верхушке общества. Целая куча всевозможного добра обрушится на голову Турганова — столичная квартира, шмотки, мобильники, две или три иномарки...

— Турган? — из розового тумана доносится голос Кольки Гуся. — Хватит изображать из себя незаменимого форварда! Давай, и ты тоже бегай, забивай голы!..

Витька возвращается с небес на землю. Мечта разрушена в одно мгновение.

— Ах, чтоб вас всех... — ругается он и бежит за мячом. — Вперёд, гладиаторы, марш, марш!

Толя Панков на всём ходу неожиданно столкнулся с Пашкой. Недаром этого крепко сбитого пацана прозвали Кувалдой. От удара у Толи закружилась голова, улица запрыгала, закачалась. Толя закрыл ладонями глаза, а когда открыл, увидел двух взрослых девушек, идущих по тропинке. Донёсся запах духов. Обе в светлых платьях — одна в розовом, другая в синем, похожим на вечерние облака.

Дрюня заморожено глядит на девчат. Хочется, чтобы и они взглянули на него, поняли, что худошавый невзрачный подросток занят серьёзной мужественной игрой. Ради них Дрюня готов забить самый красивый гол. Но рядом нет мяча — экая досада! Он бежит в кучу игроков, пробует отнять мяч, но без успеха. «Из меня никогда не получится настоящий футболист!» — огорчённо думает Дрюня, продолжая поглядывать на сельских модниц. Он не может решить, какая из них ему больше нравится: брюнетка или блондинка...

Вихрова опять «подковали». Он негромко, хотя и сильнее, чем обычно, вскрикнул — хотелось, чтобы и на него обратили внимание. Но взрослые девушки на его крик даже не повернули головы. Если две девчонки шагают рядом, то ни за что не посмотрят на встречного парня, даже если щеки у него выпачканы сажей. Такая у них тактика. Знал бы Мишка, что они на него не взглянут, не стал бы падать от слабого толчка. Неспешная походка, гордо поднятые головы как бы говорили: бегайте, глупые мальчишки, падайте, а мы идём в парк...

Турганов торопливо побежал за укатившимся с поля мячом — редкое явление! За мячом обязаны бегать малыши, вроде Лямзика.

Поддёр мяч носком, резко толкнул его, помчался вперёд, догоняя блондинку и брюнетку. Заслышав шорох, девушки оглянулись, схватили друг друга за руки, застыли на месте.

Витька с разбега ударил, угодив мячом в розовую гибкую спину. Девушка сморщилась от боли, привстала на цыпочках, прижала ладонь к пояснице.

Некоторые мальчишки сдержанно засмеялись.

— Ты что делаешь, дурак! — Ира вскочила со скамьи, швырнула в Турганова скомканной кофтой. — Перестань, идиот... Вот придут ихние кавалеры, они тебе покажут!..

Мяч отскочил от спины девушки, и Турганов без прицела, вновь сходу по нему ударил. Попал на этот раз синей в голову: девушка качнулась, закрыла ладонями покрасневшие щеки, бросилась бежать.

Турганов, гневный, красный, преследовал с мячом убегающих девушек.

Удар-промах! Девчата завизжали, помчались со всех ног, растрепав уложенные волосы. Розовая, обернувшись, на ходу грозила Витьке кулаком. Лицо её сделалось страшным и некрасивым.

Вихров в отчаянии закрыл глаза сжатыми кулаками. Зло родилось здесь, среди кучки футболистов, сконцентрировалось в одном человеке, сумевшем подчинить уличный народец, заставившем мальчишек смеяться над чужой болью. Витька ухитрился открыть в каждом из своих ребят крупинку зла, собрал эти крупинки в большую силу, заставил работать её на себя. Подростки смеются... Почему они смеются?

К Витьке подбежал толстенький Лямзик, затопал короткими ножками:

— Турганов, ты дурак, теллолист!..

— Какой я тебе террорист? — Турганов шлёпнул малыша по затылку, сгоряча удар получился сильным — Лямзик покатился по траве.

Вихровый, качнувшись, двинулся вперёд, пока ещё не зная, что предпримет, и, как-то само собой вышло, что он сразу и молча ударил Турганова по лицу. Тот пошатнулся, удивлённо приоткрыл рот.

— Ты чего, Вихор? А? Ты...

Вихровый успел ещё два раза врезать по ненавистной физиономии, по круглому картофелеобразному носу, по раздвоенному — признак мужества! — подбородку, пока тугой ответный удар не сшиб его на землю. Турганов, не истративший силы в игре, бросился на лежащего, сдавил ему горло.

Лямзик вскочил с травы и с громким плачем вспрыгнул на спину Турганова, начал драть и царапать ему лицо острыми как у кошки ноготками.

Всех троих разволокли в разные стороны, крепко держали. Турганов молча и резко вырывался, с прищуром глядел на своего врага.

По выгону прошла корова, она привыкла ходить здесь и, не обращая внимания на футболистов, принялась чесать бок о стойку ворот, облачком полетели рыжие шерстинки. Ворота хрустели, качались, собираясь в очередной раз рухнуть.

Подержав немного драчунов, дождавшись пока Витька и Мишка утихнут, рослые игроки их отпустили.

Турганов вразвалку подошёл к куче одежды, вытянул за рукав рубашку.

— Мы выиграли! — сказал он, поглаживая расцарапанные щёки. — Восемь — семь в нашу пользу.

Вихров, тяжело дыша, постепенно успокаивался. Он вдруг опять увидел ту самую божью коровку — чёрную, с жёлтыми пятнышками. На сей раз она сидела на его футболке. Подрагивающими пальцами он осторожно взял коровку, пошептал ей, чтобы летела и принесла хлеба — чёрного и белого, только не горелого...

Божья коровка переползла на его шею, защекотала, взлетела, чёрной точкой исчезла в вечернем сизом воздухе.

Подбежал Лямзик, пыхтя, ткнулся круглой головой в живот Вихрова, взглянул преданными карими глазами:

— Мы победили! — Он улыбнулся хитрой детской улыбкой. — Я считал голы правильно: мы забили девять, а Витька два гола оспорил... Девять восемь в нашу пользу!

Вихров, задумавшийся о чём-то своём, машинально погладил Лямзика по влажным ершистым волосам. Затем взглянул на трибуну. Ира смотрела на него!..

Р.С. Редакция журнала «Аргамак» выражает соболезнование родным и близким члена Союза российских писателей Александра Михайловича Титова, скончавшегося от лимфомы в мае нынешнего года.

ПАУЗА ХУЗАХМЕТОВА

ДОРОЖНЫЕ ИСТОРИИ

ДЕРЕВО

— А ведь это мой крестник, — услышала я голос пожилого человека. — Вот этот дуб, — говорил он сидевшей рядом женщине, указывая в окно.

Наш автобус проезжал мимо большого здания, перед которым близко, почти вплотную к нему, стояло дерево.

— Как это — крестник? — переспросила пассажирка.

— Строил я это здание, — охотно пояснил мужчина. — И нужно было срезать деревья под площадку. Да жалко стало дубок! Так и оставил его. И повозиться же пришлось потом — уж очень близко стоял к зданию!.. Но теперь каждый раз вижу его и радуюсь, что сохранил. Смотрите — какой вымахал!

В голосе мужчины слышалось столько радости и тепла, будто он говорил о дорогом товарище.

— Да... — задумчиво протянула женщина.

Оба замолчали, погружённые в мысли. Думаю, если бы автобус случайно остановился напротив дерева, мужчина продолжал бы радостно рассказывать о нём.

Удивительно — я столько раз видела этот крепкий раскидистый дуб, но не обращала на него особенного внимания. И само здание, и дерево привычно стояли на месте. Но теперь, проходя или проезжая мимо, рассматриваю красивое дерево и вспоминаю рассказ.

Наверное, пройдёт много лет, прежде чем этот дуб станут называть огромным, могучим. И любясь им, люди даже не будут подозревать, что это дерево — со счастливой судьбой.

ШКОЛЬНАЯ ФОРМА

В автобус влетела девушка и, сделав на каблучке полуоборот, остановилась на передней площадке. С этого момента внимание пассажиров было приковано к ней. На девушке была школьная форма! Та самая школьная форма, какую носили раньше все девчонки-школьницы — коричневое платье с белыми кружевами на воротнике и манжетах и нарядный белый фартук с «крылышками» на плечах. Волосы девушки были заплетены в косички с большими белыми бантами.

«Да... Сегодня же „последний звонок“ в школах, — вспомнила я. — Наверное, она была самой нарядной на „линейке», — продолжала радостно разглядывать школьницу. Ладная фигурка и крепкие ножки подсказывали, что она занимается танцами.

Другие пассажиры тоже разглядывали старшекласницу. Думаю, если бы она была в мини-юбке, или на её теле была татуировка, а на голове — немыслимый чёрно-белый «ирокез», всё равно она не привлекла бы такого внимания, как сделала это

школьной формой. Девушка стояла спиной, и мне очень хотелось, чтобы она повернулась и увидела моё радостное лицо. Тогда я могла бы сказать:

— Какая же ты нарядная в этой форме!

Я взглянула на сидевших передо мной женщин. Выражение лиц их постепенно менялось, но вначале что-то общее было у всех — какой-то радостный полудиспут, а в глазах — тоска, какая бывает по чему-то забытому, ушедшему, но такому близкому и дорогому. Наверное, глядя на девушку, женщины вспоминали и себя девчонками в бантах, и свой «последний звонок», и что-то ещё... — наверное. А я — я смотрела на девушку и невольно улыбалась, будто неожиданно получила подарок.

На остановке школьница обернулась, и кому-то приветственно кивнув, выпорхнула из автобуса. На миг я увидела её лицо.

«Совсем юная... У неё ещё всё впереди. Как хорошо!» — подумалось мне.

Автобус помчался дальше. Девушки уже не было, но ощущение чего-то хорошего, доброго — настоящего, которое было раньше, есть и теперь, и будет всегда — осталось.

МАЛЬЧИШКИ

Каждый раз, проезжая мимо школы, я вижу, как в автобус заходят два мальчика лет восьми-девяти. Они садятся на переднее сиденье и дают возможность разглядеть их. Один — полный, с тёмными волнистыми волосами, круглыми карими глазами и румяными щеками — всё время находится в движении. Кажется, он просто не в состоянии сидеть на месте: вертится, вскакивает, что-то достаёт из карманов, открывает и закрывает портфель, то и дело поправляет сбивающуюся на голове шапку и всё время что-то говорит товарищу. Второй мальчик — его полная противоположность. Худенький, с бледным грустным лицом и опущенными глазами, светлыми прямыми волосами, он сидит неподвижно, молча, и за всё время поездки делает только одно движение, когда достаёт деньги для оплаты проезда. На остановке мальчишки выходят, оставляя меня гадать — что же объединяет столь непохожих ребят, кроме общей дороги домой?..

Но однажды в автобус вошёл только один мальчик. Это был, как я его называла, «бледнолицый», но в каком виде! Он был не просто вывален в снег — казалось, на него высыпали целый сугроб, и мальчишка как был, так и вошёл в автобус. Он не сел на сидение, а остался стоять — то ли боялся рассыпать снег, то ли у него уже не было сил шевелиться. Стоял по-прежнему, не поднимая глаз, но лицо его было довольным, а щёки, наконец-то, румяными.

Мы взглянули на мальчика одновременно с пожилой женщиной, и наши глаза засмеялись.

— Ну, от души навалялся? — спросила она мальчишку доверительным тоном, придвинувшись.

— Ага, — чуть слышно ответил он, слегка кивая.

И по лицу его разлилась такая блаженная улыбка, что мы покатались со смеху. И мне вдруг стало так радостно и за мальчишку, и за пожилую женщину, и за себя!.. Так мы и ехали, глядя на него и улыбаясь, и было впечатление, что мальчишка поделился с нами радостью. А товарища его не было. Видимо, он не смог вырваться из объятий сугроба и остался барахтаться в снегу.

На остановке мальчик вышел, а я ещё долго ехала и улыбалась, представляя его перед собой и радуясь за него. И только немного жалела, что я — взрослая женщина, обременённая всякого рода условностями, не могу вот так — запросто, «от души» поваляться в снегу и войти в автобус, не отряхнувшись, ничуть не беспокоясь о производимом впечатлении, и лишаю себя радости — такой, какая была разлита по лицу этого краснощёкого, наконец, мальчишки.

НЕОБЫЧНАЯ ПОЕЗДКА

Мне предстояло поехать в другой город. Поездка не предвещала ничего необычного, если не считать того, что в автобусе на переднее сиденье рядом со мной сел мужчина в меховом полушубке точно такого же цвета, как и моя красивая шубка.

«Удивительное совпадение», — подумала я.

Но вряд ли мысль о таком случайном совпадении пришла в голову сидевшему за мной подвыпившему молодому мужчине. Действительно, я и мой сосед производили впечатление хорошо одетой пары, ехавшей вместе. Думаю, именно эта красивая меховая одежда и вызвала недовольство сидевшего за мной человека. Возмущённым голосом он долго что-то бурчал себе под нос. Сначала я не обращала на него внимания, находясь во власти мыслей о поездке и о предстоящей встрече. Но подвыпивший мужчина говорил всё громче и раздражённее. Это были рассуждения общего плана — обо всём и ни о чём, но во всех бедах мужчина обвинял «богатых, хорошо одетых» людей, которые «ничего не знают и не умеют делать, а живут чужим трудом», подразумевая сидящую впереди пару.

Подвыпивший неплохо владел ораторским искусством, так что никто его не оставил и не одёргивал. Думаю, пассажиры даже обрадовались неожиданному развлечению и быстро превратились в благодарных слушателей. Водитель автобуса тоже, к моему удивлению, не посчитал нужным навести порядок на своей территории. Возможно, он решил, что я еду не одна, а вместе с сидящим рядом мужчиной, и предоставил возможность разбираться с пьяным нам самим. Но сосед в меховом полушубке внимательно смотрел в окно и за всю дорогу не проронил ни слова.

Мужчина же сзади старался изо всех сил. Он уже понял, что я еду одна, и что за меня никто не вступится. Не встречая отпора, он разглагольствовал всё громче и красноречивее, упиваясь своей ролью обличителя. При этом выступающий дёргал спинку моего кресла, произнося какие-нибудь «сильные» фразы над ухом и обдавая винными парами. Я понимала, что время для одёргивания упущено и что теперь связываться с пьяным уже опасно.

Так мы проехали половину долгого пути. Я устала от назойливого громкого голоса, настроение было испорчено. Мне ужасно хотелось встать и отшвырнуть от своего кресла этого человека. А он уже достиг апогея в своём выступлении. Повернувшись лицом к пассажирам, встав во весь рост и держась за спинку моего кресла и картинно поводя другой рукой перед благодарной аудиторией, он начал декламировать стихи, не забывая поминутно обращаться ко мне. Потом перегнувшись через спинку кресла и потрясая перед моим лицом рукой, он произнёс:

*Кто сказал, что у Нанетты
Грудь немножечко пышна?
Пустьяки! В ладони этой
Вся поместится она!*

Ну, кто написал эти стихи? — громко вопрошал он, приглашая пассажиров посмеяться над «глупой и богатой».

— Ну, Беранже! Ну и что?! — с яростью произнесла я, повернувшись к нему с лицом, полным гнева и решимости расправиться с надоевшим «артистом».

От неожиданности он упал в кресло, изумлённо глядя на меня. Не знаю, что поразило его больше — мой яростный голос, моё решительное лицо или знание стихов Беранже, на что выступавший явно не рассчитывал, — но до конца поездки он не произнёс больше ни звука.

Поняв, что концерт закончился, пассажиры задремали. В автобусе, наконец, воцарилась тишина. Я успокоилась и ещё долго ехала, думая об удивительных перипетиях

судьбы — я уже слышала эти стихи, но в другом исполнении. Память рисовала мне небережную, скамейку и сидевшего рядом молодого человека. Он держал в руках томик Беранже и читал стихи. Мы смотрели друг на друга влюблёнными глазами и улыбались.

АНЕКДОТИЧНАЯ СИТУАЦИЯ

Автобус оказался переполненным. Девушке удалось протиснуться к окошку. Радуюсь найденному более-менее свободному местечку, она повернулась — где же её провожатый? Он остался за спиной плотного средних лет человека, который стоял, как скала, задумавшись и не обращая внимания на движение вокруг. Ладно!.. Девушка взглянула на парня через плечо незнакомца и сделала сожалеющее движение бровями: придётся ехать так — на расстоянии друг от друга. Парень понимающе кивнул. Автобус тронулся.

Какое-то время молодые люди ехали, глядя друг на друга и слегка улыбаясь. Но вот автобус тряхнуло, и стоявший между ними мужчина словно очнулся от тяжких дум. Он глубоко вздохнул, поднял глаза и увидел перед собой улыбающуюся девушку. Она тоже взглянула на него и опустила глаза, но лёгкая улыбка продолжала украшать лицо. Мужчина стал её разглядывать. Девушка снова мельком взглянула на него и перевела лукавый взгляд на своего знакомого. А он уже понял, что стоявший перед ним мужчина обратил внимание на девушку, а тот, кажется, решил, что она улыбается именно ему. Парень беззвучно рассмеялся и стал корчить рожи, указывая энергичными жестами на мужчину. Девушка заулыбалась и снова взглянула на незнакомца. Несколько мгновений он оставался в задумчивости, как вдруг принял эту улыбку на свой счёт. Ну, конечно!.. Кому ещё могла улыбаться эта стоявшая перед ним красавица?! В лице мужчины промелькнул интерес. Он широко раскрыл глаза и откровенно уставился на девушку. Застеснявшись пристального взгляда, она чуть покраснела. Мужчина же наоборот — оживился, пошевелил плечами, принял непринуждённую позу и стал бросать на соседку игривые взгляды. Она нерешительно взглянула на парня, стоявшего за его спиной, а он уже закатился беззвучным смехом. Мужчина тем временем всё более оживлялся и открыто улыбался девушке, делая «значительные» глаза.

Через пару остановок часть пассажиров вышла, и на задней площадке стало свободнее. Можно было подойти к девушке, но парень корчился от приступа беззвучного хохота, вызванного нелепой ситуацией, и лишь старался не выдать себя, с трудом удерживая рвущийся наружу смех. Ему явно доставляло удовольствие наблюдать эту безобидную комическую сценку, в которой случайными участниками оказались его девушка и незнакомый, ничего не подозревающий пассажир.

Девушка продолжала смущённо поглядывать то на заигрывающего с ней мужчину, то на веселящегося за его спиной парня, не зная — что и предпринять. Ей было и смешно, и неловко. Когда её взгляд на парня оказался особенно красноречивым, мужчина обернулся, увидел за спиной молодого человека, который давился смехом, и понял, что девушка улыбается вовсе не ему — «мужчине в самом расцвете сил», а своему сверстнику. Улыбка тут же сошла с лица, уступив место разочарованию и недовольству. Мужчина отвернулся и отошёл в сторону.

Парень приблизился к девушке и обнял. Они переглянулись. Девушка покачала головой — неудобно перед незнакомцем. Парень пожал плечами — ничего плохого они не сделали. Конечно, ничего плохого! Это были всего лишь улыбка, всего лишь — смущённый взгляд, всего лишь — анекдотичная ситуация...

ПОЭТЫ УХОДЯТ, СТИХИ ОСТАЮТСЯ

НИКОЛАЙ ПЕРОВСКИЙ

ПОЛЁТ НЕ ТРЕБУЕТ НАГРАД

От редакции. В нынешнем году поэту из города Орла Николаю Перовскому исполнилось бы 85 лет. В три года он остался без родителей, прошёл детдомовское детство, вобравшее в себя весь ужас Великой Отечественной войны и трудности эвакуации, впоследствии перепробовал много профессий. Его строки говорят сами за себя:

*Нам о войне немало говорили,
но в детстве видишь слишком много неба,
считая тучи, даже грозовые,
предвестниками тёплого дождя...*

На страницах книг Николая Перовского, члена Союза писателей СССР с 1964 года, отпечатались радостные и горькие потрясения эпохи. Ценность его творчества состоит в том, что он до смертного часа нёс людям и всему живому на земле любовь и нежность.

БИБЛИОТЕКАРША

Она нам казалось ужасно богатой,
библиотекарша детской колонии,
окружённая греческими богами,
мушкетёрами и ковбоями.

Она приходила до грусти усталая,
на гвоздик пальто своё старое вешала,
смотрела на полки, плотно заставленные,
и улыбалась вежливо.

Она зажигала нас Горьким и Лондоном
и заставляла грустить над Чеховым.
...Она жила в эти годы голодная,
и дети её голодали –
четверо...

Дети, серьёзные не по возрасту,
ждут свою маму с дровами, с продуктами,
ждут каждый день и невесело возятся
в квартире, ветрами войны продутой.

Она ждала, забывая про голод,
ждала и верила безгранично.
И муж вернулся в маленький город.
Вернулся... и встал на камень гранитный!

Она незаметно, но твёрдо боролась,
чтоб стали мы честными,
стали мы добрыми.
А мы ей носили дрова
ворованные...
когда её не было дома.

1964 г.

ПРОЗРЕНЬЕ

Бывает острое прозреньё,
как взрыв в мозгу, что ты – живой!
Что ненависть, любовь, горенье –
в тебе, с тобой и над тобой...

Ты только вскрикни, хлопни дверью
или засмейся просто вдруг –
и тут же ветер и деревья
тебя затаянут в общий круг.

В тот милый круг, где всё живое,
где наслаждение и боль,
где правят общую судьбою
горенья, ненависть, любовь...

Мы в общем хоре все – солисты...
И даже тот, кто безголос,
в своём особенном регистре
доносит шёпот свой до звёзд.

1964 г.

Чудо-женщина в чудо-одеждах
и нездешнее что-то в глазах –
вот такую бы встретить однажды
и в подруги, безгрешную, взять!

Почему же красу незнакомок,
всю туманность и призрачность их
ты, жена, забрала незаконно
и вошла неприкрашенно в стих?!

Без обманов вошла, без туманов –
жить, любить и стирать бельё,
поэтичней царицы Тамары
и нежнее, нужнее её!

1967 г.

БАЯНИСТ

Я музыкант. Не очень настоящий.
Я баянист, короче говоря.
Таскаю на плечах фанерный ящик,
и провожает спать меня заря.

Меня зовут на свадьбы и гулянки
не в те дома, где шпроты и коньяк,
а в те, где без наклеек полубанки,
где мало слёз, хотя немало драк.

Я должен пить, и оставаться трезвым,
и так давать по просьбе гопака,
чтоб дом дрожал от топота и треска
весь – от фундамента до потолка.

Я, поп без церкви, вижу острым взглядом,
кто с кем гуляет, кто и сколько пьёт...
Да что! Мне сам заведующий складом
наедине ладошку подаёт...

1965 г.

* * *

Говорят, что не очень-то просто
чувства жёнам в стихах открывать...
Мол, жена – это скучная проза,
это стирки, скандалы, кровать.

Лиде

* * *

В старинной бухте у причала
Дряхлеют лодки на мели,
и половецкую печалью
ночные пахнут ковыли.

Здесь, на краю ковыльной степи,
старинный высится курган
и, вороша кизячный пепел,
поёт задумчивый чабан.

Сожжённый солнцем и ветрами,
который год,
который век
он здесь колдует над кострами,
бессмертный этот человек?!

1973 г.

* * *

Когда от пыли и от зноя
уйдёт на отдых летний день,
земли дыхание ночное
разбудит сонную сирень.
И что-то в мире сотворится,
как бы родясь из темноты,
чтоб наши помыслы и лица
освободить от суеты.
Чтоб отменить права разлуки
и чтоб воззвать из глубины

то, для чего даны нам руки,
глаза и губы нам даны...

1979 г.

* * *

Лене Черепковой

Гляди! Пушистый жеребёнок
точёной ножкой травы бьёт.
Почти духовный, как ребёнок,
почти абстрактный, как полёт.

На переломе и на стыке,
на тонкой дужке коромысл
струится космос безъязыкий
времён и судеб тайный смысл.

И может, высшая минута
тебе даётся для того,
чтоб лишь коснуться абсолюта,
а не ослепнуть от него...

1986 г.

* * *

Жить! На закате и рассвете
встречать гостей, и ждать вестей,
и попадать в чужие сети,
и рваться из своих сетей...

Жить! Ради слова, ради дела,
как будто каждый друг и брат!
Душа проснулась и взлетела –
полёт не требует наград...

1986 г.

КОРНИ

Был я болен и тем виноват
перед миром людей и растений,
но однажды ушёл я в закат
провожать удлинённые тени.

Я присел у слепого костра,
согревая озябшие руки,
и осенняя ночь, как сестра,
обняла меня после разлуки.

А когда от земного огня
глянул на́ небо в звёздных накрапах,
я почувствовал, как зелена
источают младенческий запах.

Я не думал, откуда взялась
и с такой прямотой воплотилась
неподсудная разуму власть –
обращать наказание в милость.

Я стоял, не стыдясь своих слёз,
между звёздами и зелеными,
и меня не тревожил вопрос,
что считать в этом мире корнями...

1990 г.

ИГРА

Когда домовито, но грозно
округу окатывал гром,
казалось, что это серьёзно,
что кончится дело добром.

Сосед улыбнулся соседу,
забыв о недавней вражде,
завёл одуванчик беседу
с ромашкой о тёплом дожде.

А он понакрапывал, дождик,
и всё улеглось в высоте,
как будто ленивый художник
опробовал краски не те.

В конце поднебесной забавы
поставила точку звезда,
чтоб люди, луга и дубравы
свой взор возносили туда...

1990 г.

ЧУЖАК

Не сплю ночей, как мартовский ручей.
Бреду по тротуару городскому.
Я блудный сын, с рождения ничей,
я человек, но где пути к людскому?
Я болен, я бессонницей томим,
находка для храпящих психиатров...

А ты, земля, сними свой скудный грим,
всё в мире спит, оставь его до завтра.
Округлая и сытая луна
как баба деревенская в расцвете,
а на земле такая тишина,
хоть разревись — не вздрогнут даже дети.

Куда же я, потерянный, бреду,
куда бегу от каменных громадин?
Какому жаловаться высшему суду
на то, что бедный разум мой украден?
Зайти за горизонт и не упасть,
освоиться в четвёртом измеренье,
у Бога и у дьявола украсть
прозрачное, как воздух, озаренье!
Где глубина, где сладость райских куц?
Где высота, где горечь звёздных истин?
Но Бог бессилен, дьявол всемогущ,
а человек завистлив и корыстен...

Вы знаете, как травят чужака
прислужники хозяина — собаки?
Швыряют навзничь, рвут ему бока,
собаки — что им знать о честной драке?!
Он не виновник, просто он один,
ему лизать хозяев надоело,
метаться по цепи остервенело,
гремять тяжёлой цепью до седин.
И вот они его на части рвут,
простые деревенские дворняги,
наедине трусливые, а тут,
в родимой своре, полные отваги.
Мой бедный пёс, ты бился, как боец,
клыками вражды глотки разрывая,
ты, издыхая, понял наконец:
прислужники страшней своих хозяев...

Заря над соснами, над сонною рекой,
заря над отцветающей гречихой,
и здесь покой, но здесь такой покой,
как будто эти сосны знают выход.
На противоположном берегу
колючий луг, укрывшийся в тумане,
и там, на этом скошенном лугу,
я вижу то, что мучает и манит:
пять-шесть коней, унылый табунок
и у костра мальчишка-пастушонок,
а с ним ушастый пёс, почти щенок,
меня чуть свет облаявший спросонок...

Смешно вздыхать о милых пастухах,
поругивая город муравейник,
когда и в этих мокрых лопухах
судьба сжимает глотку как ошейник.
Так где же выход, есть он или нет
здесь, на земле, и там, под небесами?
Неужто мысль — оставить в жизни след —
насмешка одиночества над нами?
И снова город. Листья шелестят
беспечных тополей пирамидальных,
надраенные статуи блестят,
гнилой картошкой тянет из подвальных.

Сижу в канаве, глупый и больной,
срываю белобрысые ромашки,
а там, вверху, хохочут надо мной:
«Что делать? Ты родился не в рубашке».
Хохочут эти серые дома,
смотря на мир глазами занавесок,
серванты, телевизоры, тома
и человек, их маленький довесок...

Эй вы, дома!
Эй вы, кто спит в домах!
Министры, кандидаты, работяги,
какого чёрта роетесь в листках
небрежно отсвинцованной бумаги?!
Шпаргалочники!
Жалкая напасть
безверием отравленного века...
Проснулись... и, позёвывая власть,
Натягивают маски человека...

1990 г.

СОБЛАЗН

Не сотвори себе кумира
и не прилюбуй сотвори —
сия библейская стихира
меня сжигает изнутри.
Что дух и плоть — собор и фреска?
Дыша и тем уже греша,
скупыми проблесками блеска
не насыщается душа.

Зачем же запер ты, Господь,
надмирный дух в мирскую плоть?

Воздвигнув стены и стропила,
ты щель оставил в потолке,
дабы соблазном ослепила
меня свеча в твоей руке.
Я, пёс, бездомный и поджарый,
закрытый в будке на засов,
скулю и вою на Стожары
и на созвездье Гончих Псов.

1993 г.

КОНЦЕРТ

Присел на одинокую скамью
в берёзках у речного косогора.
Скворец усердно вторит соловью,
солируют вдвоём на фоне хора.

Равнина майским солнцем залита,
придёт гроза, но сердце не сожмётся –
симфония для скрипки и альты
с оркестром – это Моцарт!

Природа не чурается длиннот,
но кто рассудит, мало или много
для Моцарта – семь нот,
семь дней – для Бога?!

1997 г.

МАСТЕРА

Виктору Потанину

Шарманщик, трубочист или тряпишник,
точильщик или чистильщик сапог,
придите к нам из тех времён давнишних,
когда любой из вас был полубог!

Я вижу их, корявых, груболицых,
с весёлой сумасшедшинкой в глазах,
в фуфайках и потёртых рукавицах,
в передниках, в халатах, в картузах.

В истоке детства, в солнечной излучке –
телеги и точильные станки...
Когда тебе, как в сказке, прямо в руки
ныряют рыболовные крючки...

Тряпишник! За старинный хлам и ветошь
тебе не жаль свистульки и волчка,

надев очки, ты «зайчиками» светишь,
кто сослепу сойдёт с того крючка?!

Станок искрит, трясётся с жутким визгом,
точильщик усмехается: – Не тронь...
А ты, мальчишка, искрами обрызган,
под пляшущий брусок съешь ладонь...

А чистильщик! А уличный сапожник!
Ты приглядишься к нему из-за плеча:
какой уж тут ремесленник – художник!
С повадкой и сноровкой циркача!

Они всегда в порядке и в ударе,
они и есть твой двор, твоя страна, –
о запахе кожи, ржавчины и гари!
О духе махорки, пота и вина!..

Я многое забыл или отбросил,
но, если жизнь не ноша, а игра,
мой прикуп – мастера ручных ремёсел,
волшебных сновидений мастера!

1999 г.

ПРИГОВОР

Старинное забытое кладбище.
Источенные временем кресты.
В бурьяне сиротливый ветер свищет –
вот память доблести, добра и красоты.

Мы до конца с собой не откровенны,
а опыт поколений не для нас,
нам кажется, что вечно будут вены
звенеть и наполняться, как сейчас.

Один своё спасенье ищет в вере,
другому доказательства нужны,
но что поделать – все мы к высшей мере
самой природой приговорены.

И жаловаться некому – природа
сама предназначению верна,
она инстинктом продолженья рода
к бессмертию рода приговорена.

1999 г.

* * *

Ещё до слов, ещё до встреч
живут в игре воображенья
глухая речь и зыбких плеч
как бы невольное сближенье.

Но, устремив глаза в глаза
и до предела сблизив лица,
вдруг удаляется гроза,
так и не в силах разразиться...

1999 г.

ЭХО

Николаю Алешкову

Голос первой любви — нашей юности эхо,
расстоянья и годы ему не помеха.

Потому что от века в душе человека
есть своя фонотека, своя фонотека...

И её голоса, подголоски и вздохи
не дано заглушить громогласной эпохе.

Потому что под сердцем проросшее семя
попадает в иное пространство и время...

2002 г.

* * *

Наверное, немногие поэты могут так точно определить самую суть своего дела:

*...покуда мир плетёт себе венок,
я должен охранять цветы и травы.*

Должен — и всё тут! Кому должен? Кто его обязал? Да кто же, кроме себя самого, обяжет поэта сохранить в вечности красоту земного мгновения?! И вот они, мгновения, запечатлённые Николаем Перовским:

*Душа такого не припомнит,
такого не было со мной:
шум листопада был приподнят
над кромкой леса, над стерней,
над обмелевшею речушкой,
над пожелтевшю лозой
и над пастушкой с белой кружкой,
присевшей рядышком с козой...*

*Так небо пасмурно и так вокруг темно,
что ни к чему не чувствуя доверья,
всю ночь скребутся в мокрое окно
корявые и чёрные деревья...*

ПРОЩАЙ

Над синим морем синяя звезда
мерцает от заката до рассвета.
Прощай! В последний раз я жду ответа.
Прощай! Мы расстаёмся навсегда.

И ты прощай, скрипучий мой причал,
мой друг ночной, качаемый волнами.
Что я здесь пил, кого я здесь встречал,
останется, конечно, между нами.

Тот дробный, тот подробный перестук,
когда, не глядя, чувствуешь спиною
начало новых снов и новых мук,
намытых, словно золото, волною.

И тот несовременный, странный тот,
давно уже забытый нами голос,
что, затаясь до времени, живёт
для одного бессмертного глагола...

2005 г.

Картина следует за картиной. Они разные по цветовой и звуковой палитре, настроению, интонации, но все — живые, поразительно зримые. Впрочем, вовсе не удивление охватывает читателя, но завораживает органичность мира в стихах Перовского. Поэт не просто пишет о природе, он в ней живёт — сочиняет «летопись души» и вписывает туда «ночь, оккупированную луной», «полёт и паренье над бездной», «синкопы жёлтого на синем/ и серого на голубом» и много чего ещё всем нам знакомого, но увиденного как бы впервые, неожиданно подаренного Николаем Перовским.

Перовский — поэт-философ, всё его творчество в попытке приоткрыть «мучительный смысл мироздания». Только приоткрыть, ибо распахнуть, обнажить его не дано человеку:

*И может высшая минута
тебе даётся для того,
чтоб лишь коснуться абсолюта,
а не ослепнуть от него.*

Слог Перовского плотен, образен. Его голос то «леденяще мерцающ», то «бурлит и рвётся», то «свистит суховеем». Каждое стихотворение — натянута по-особому струна. И она поёт, и находит отзвук в каждой, я уверен, душе.

Многообразии поэтических форм в произведениях Перовского говорит о большом мастерстве поэта. Но что мастерство без вдохновения, дарующего крылья? Строки Перовского летят — полёт стремителен, непредсказуем и «не требует наград». Совершенно ясно, что форма не властвует над мыслью поэта, а служит лишь подспорьем, страховкой для летучих строк.

Характерная черта: Николай Перовский крепко-накрепко привязан ниточкой памяти к своему нелёгкому послевоенному детству, и едва ли кого введёт в заблуждение нарочитое лукавство:

*Всё, что было там, — шито и крыто, и брито...
провалилось в безвременье, в тартарары,
только в старом кино отбивает свой ритм «Риорита»
да вразвалку плывут в никуда проходные дворы.*

Живя в современном мире, Перовский какой-то гранью своей «осенней души» не принимал этот мир и всегда возвращался в «проходные дворы» беспризорного своего детства. Посредством таланта поэта туда попадаем и мы, и проживаем удивительную жизнь, становимся прозрачнее для самих себя.

*Жить! Ради слова, ради дела,
как будто каждый друг и брат!
Душа проснулась и взлетела —
полёт не требует наград...*

Всю свою жизнь Николай Перовский писал блестящие, мудрые и, главное, нужные стихи. С нами жил действительно большой поэт, один из тех немногих, без кого не может обойтись ни сама русская поэзия, ни её будущее.

Андрей ФРОЛОВ, поэт

ДАЛЁКИХ МОЛНИЙ НЕ БЫВАЕТ

Эссе, рассказы

И ВСЕ БЫЛИ ДОВОЛЬНЫ

Идём с Тимой по замерзающему городскому парку развлечений и отдыха. Ладони у внука тёплые даже без варежек. Он постоянно напевает песни. Порой, самые неожиданные. Например, «Катюшу». От начала до конца. Ему на днях исполнилось всего три года, но уже не всякий взрослый угонится за ним, подвижным, любящим шумные игры. К тому же не у всех есть музыкальный слух и цепкая память. И далеко не каждый умеет так улыбаться и смеяться, что у всех окружающих сразу поднимается настроение.

Ребёнок — это свободный человек, несмотря на нерасторжимую связь с родителями. Он дышит свободой, как воздухом. И делает, что хочет.

На вопрос: «Как жизнь?» внук отводит руки в стороны и отвечает: «Прекрасна!» По его весёлым глазам, удовольствию, с которым он совершает это движение, видно, что он точно понимает смысл и вопроса, и жеста, и утверждения. Ему и в самом деле хорошо.

Из светлой полосы на краю заставленного домами городского горизонта робко выглядывают солнечные лучи. Подошли к ещё не скованному льдом пруду. Покорили толпящихся здесь в ожидании подношений птиц. Утки осторожны — подплывают к корму, когда отходишь от берега. Воробьи пытаются схватить хлеб на лету. А голуби просто лезут под ноги, под руки. Тима не поспевал за движениями всех этих шустрых пернатых обитателей парка, но настойчиво кидал в воду кусочки и крошки от батона, пока пакет не опустел.

Чувствую себя одним из Тиминых корней, уже испытанных временем. Слава богу, у него полный набор бабушек и дедушек, есть и прабабушки, прадедушка. Чего не было у меня, знавшего одну только «бабулю», простую деревенскую женщину, запомнившуюся коротким характером и спокойным отношением как к жизни, так и к смерти.

Человеческие корни совсем не отвлечённое понятие. Они также осязаемы, как и корни деревьев. И чем они разветвлённее, крепче, тем крепче и мы в ураганной нашей жизни. Будем сгибаться до земли, но не сорвёмся, останемся на своём родном клочке. В отличие от деревьев, мы можем осмотреть свои корни, оценить их, призадуматься. Впрочем, как знать, может, на это по-своему способны и деревья.

Подошли с Тимой к большому развесистому дубу. Подал ему заранее приготовленные для белки очищенные от скорлупы грецкие орехи. Постучали по стволу. Белка тут же высунула с другой стороны свою весёлую мордочку, осторожно спустилась

вниз, ещё осторожнее взяла корм из рук затаившего дыхание Тимы и стрелой поднялась вверх.

Потом подошли к вёслам, набрали сухих гибких веток, и Тима стал махать ими, как саблей, ловко сбивая редкие жёлтые листья. По другому деду он, кстати, казачьей крови.

Вокруг аллея расставлены деревянные скульптуры зверушек. На «диком кабане» Тима с удовольствием посидел, болтая ногами.

На очереди у нас осмотр замерших в ожидании весны разнообразных детских аттракционов.

Вспомнилось, как летом, увидев Сёмку, глиняного кота, не в квартире, а восседающего на столе в садовой беседке, Тима не придал перемене значения. Он ехал в сад, чтобы пообщаться с живой Аськой. Она пришла, угостилась сушёной рыбкой и, в благодарность, разрешила с собой поиграть. И Тима поиграл с ней от души! Он её гладил, причём, по частям, видя равные достоинства и в голове, и в хвосте. Рвался её поцеловать. Попытался катать с ней грузовичок с песком, от чего она спряталась под настоящую машину. Но вскоре вышла, растянулась на травке, и все были довольны.

Незаметно за делами и разговорами обошли весь парк и направились к дому.

Уже перед самым выходом на катке неожиданно раздалась песня из мультфильма «Ну, заяц, погоди!» Тиму это удивило, и он тут же горячо поделился полученным впечатлением:

— Иду, иду и вдруг: «Снегурочка, где была?» — Я прямо опешил!

А я опешил от его слов.

Между тем погода поменялась — небо затянулось тучами, в воздухе появились снежинки, начало подмораживать. Проверил Тимину одежду — всё на месте, только варежки почти соскочили. Не беда, ладони у него всё равно тёплые.

ЗОЛОТОЙ БЛЕСК ФОРЕЛИ

По слухам, в речке Хмельёвке, протекающей недалеко от наших садов, когда-то водилась форель. Решили с сыном проверить.

Утро выдалось славным — тихо, солнышко. Мы прошли с километр-другой вверх по течению за посёлком Хмельёвским, никого не встретив. Но попадались тропинки, сбегające к речке, перекинутые на другой берег хлипкие мостки.

Речка, летом похожая, скорее, на большой ручей, бодро бежала поймой, заросшей травой, кустарниками, огромными раскидистыми дубами и вязами. Говорят, что сто лет назад речку запруживали под водяные мельницы. В запрудах и разводили форель. Похоже, что так и было.

Мы продвигались зыбким берегом, перешагивая через коряги, обходя ямы с подсыхающей грязью, путаясь ногами в зарослях. Нас окружали гулкие птичьи голоса, монотонное жужжанье насекомых и волнующие запахи неизвестных нам цветов. А глаза невольно высматривали в бегущих волнах золотой блеск форели.

С утра было свежо, но вот уже накачивает горячее солнце. Спасаясь от жары, зашли под прохладный полог дубовых крон. Почувствовали себя в райском саду, который походил, скорее, на такую вот густонаселённую речную пойму, чем на современные ухоженные парки. Недаром же многие из нас любят заросшие сады с петляющими тропинками и высокой травой.

Повернув обратно, мы перешли дорогу из Саратова на Красный Текстильщик и всё той же спасительной густой поймой добрались до устья речки в старинном селе Хмельёвке. Устье оказалось широким, весной здесь, наверное, хозяйничает бурный поток. Пока же речка с небольшим шумом впадала в Волгу возле крутого обрыва.

Мы немного походили по пологому волжскому берегу, усеянному галькой. В спокойной воде отражалось чистое синее небо, вдоль берега зеленели полосы камыша. Мирную картину довершали терпеливые фигуры рыбаков.

А что же форель? Кто знает, может, вернутся на тенистые берега Хмелёвки предприимчивые энергичные люди, запрудят её быструю воду и вновь заплещется в ней рыба с радужной чешуёй.

ЯБЛОНИ В БУРКИНО

Как же приятно зайти в гости к друзьям, коротающим лето в загородном саду. Неважно, что путь к нему лежит через поле длиной в четыре километра. И небо с утра хмурится, того и гляди заморосит. Дорога ровная. Вокруг разноцветье и разнотравье. Глаза радуют растущие вдоль обочины знакомцы — синий цикорий, нежно-розовый татарник, ярко-жёлтая пижма, шёлковые белёсые метёлки ковыля... И появившийся кружочек солнца среди облаков выглядит окошком в иной, но вряд ли лучший мир.

В конце пути дорога пошла в гору. Открывшаяся взгляду широкая долина и её склоны покрыты густыми грибными лесами вперемежку с дикими лугами. По ним ещё стелется утренний туман. Перешёл на другую сторону холма и увидел, наконец, Буркино. Внизу рассыпались разноцветными кубиками дома дачных посёлков. На улочках тихо. Поверх заборов свешиваются зреющие плоды.

Тем временем облачная пыль опять завесила солнце, где-то и погромыхивает. Но я уже у заветной калитки. Хозяйка с дочкой радушно её открывают.

— Как добрались?

— А вы как поживаете, сударыни?

По заведённому ритуалу, вначале последовал осмотр сада. У моих друзей он немало небрежен, не по линейке рассажено, как, впрочем, и все наши сады, но изобилует на удивление. Меня встретили целые поляны цветов с розами и рододендронами во главе. В ушах зашелестели тамариск, гибискус, жёлтая лапчатка и другая для меня экзотика. Тут и там бросались в глаза земляничные, помидорные и овощные гряды. Мы долго блуждали среди вишен, слив, абрикосов, алычи, груш, орехов, виноградных шпалер, кустов смородины, крыжовника, барбариса, декоративной туи, можжевельника и даже черёмухи, сосен и берёз!

Но царствовали в этом привольном садовом мире всё же яблони. Без них любой сад выглядит пустоватым. Здесь они встречались на каждом шагу. У некоторых кроны уходили, казалось, в самое небо. Их необъятные ветви были щедро увешаны разноцветными плодами. В своих пышных зелёных нарядах эти яблони выглядели королевами. Перед ними хотелось снять шляпу и почтительно поприветствовать.

Обход сада, как принято, завершился в уютной беседке вольным разговором обо всём, что волнует душу и занимает мысли. Ах, эти нешумные доверительные застолья под звонкий птичий щебет и жужжание надоедливых ос, не мешающих, впрочем, наслаждаться общением с милыми тебе людьми. Как же скучна без них жизнь!

День между тем потихоньку катился сказочным клубком по запутанным садовым дорожкам. И вот уже мне предложено лёгкое складное кресло для отдыха. Подставил разгорячившееся лицо под свежий ветерок. Сады, как зелёные омуты, вбирают нас в себя. Мы с наслаждением погружаемся в них. Расслабляем натянутые жизненной гонкой нервы, оставив на время суету. Садовые деревья врачуют нас и дают верное направление. Ведь они свободнее людей, несмотря на корни-якоря. Они занимаются предначертанным делом, не отвлекаясь по сторонам и не подчиняясь чужим влияниям. Не впадают в депрессию, потому что довольствуются тем, что есть. И спокойно отсчитывают кольца годов.

С самого утра серые тучи безостановочно бежали с запада на восток за далёкую отсюда Волгу. Пару раз даже капнуло. Но к вечеру ветер стих, и небесная картина стала меняться на глазах. Облака забелели. Пробивается синий цвет, чаще проглядывает солнце. Пора и в обратный путь.

РЫБАЛКА ДИЛЕТАНТОВ

Господи, пять часов утра! Край неба только светлеет. Самый сладкий сон. А в тихом летнем саду он ещё слаще. Но Ванюшка быстро заводит машину, и мы рулим к недалёкому устью Хмелёвки. Опоздали! В густых камышах и вокруг них уже торчат удочки местных рыбаков.

Пока вытаскивали из багажника снасти и надувную лодку, подъехал джип с большим дюралевым катером на прицепе. Его идеальные носовые обводы устремлены, скорее, вверх, чем вперёд. Джип привычно развернулся. Съехал прямо в воду. Из него вышли два крепких мужика в высоких резиновых сапогах. Настоящие речные волки. Отцепили катер, ловко забрались в него. На малых оборотах прогрели мощную «Ямаху» и стрелой помчались к далёким островам.

Проверят сети. Не на удочку же «волки» ловят рыбу. И домой с богатым уловом. А, может, причалят к знакомому острову. Поставят палатку. Наберут сушняка. Не спеша разведут костёр. Затеют к вечеру уху. Вынут из прибрежного песка охлаждённую бутылочку. И за дружеской беседой под звёздами и свежим волжским ветерком проведут заветные часы жизни.

Накачав свой двухместный «Шкипер», направили его за нескончаемую полосу камыша. Утренняя прохлада быстро растворилась в лучах восшедшего солнца. Камышовая зелень стала нежнее, мягче. В глазах зарябило от водяных бликов. Поспешили забросить несколько «косынок», «бакланов» и небольшую всегда некстати путающуюся сеть. Побросали для порядка забученную с вечера прикормку из сухарей и жмыха.

Всё это оглядываясь, поскольку рыбоохрана на Волге не дремлет. Потом Ванюшка половил немного на удочку. Один раз сорвалась хорошая плотва. Немного поблеснил. Блёсны у него французские. Первый класс. Но щуки и судаки уже позавтракали. А я сидел на вёслах и разглядывал берег, с наслаждением вдыхая неповторимый запах волжской воды.

Казалось бы, берег как берег. Ну, высокий, обрывистый, древние отложения можно руками потрогать. Дело в другом. Всякий раз, когда смотришь с Волги на берег, чувствуешь себя немного первооткрывателем.

Чередующиеся земляные пласты выглядят безжизненными, миллионы лет назад исчерпавшими плодоносную силу. Но нет. Кое-где в них вцепилась трава. А внизу почти отвесной стены на границе с водой — пышное зелёное ожерелье из деревьев и кустарников.

А чего стоит вид разнообразных, порой причудливых построек прямо на кромке. Вот маленький дворец из красного кирпича, весь в башенках. А вот обычный дом, но с двумя широкими навесами по обе стороны. То ли для застолий, то ли для рыбацких затей. Похоже, владельцы и дворцов, и хижин смирились с мыслью о возможных оползнях, обвалах. Зато в их окна вливается постоянно меняющийся свет отражённого Волгой солнца. И круглый год рыбалка. Равнодушные к ней вряд ли поселятся в таком близком соседстве с большой водой, которая может быть и лихой, опасной.

То и дело встречаются сходки к Волге. В глаза бросилась винтовая железная лесенка с ажурными перильцами. А вот пошли укромные пляжики. На одном красуется маленькая синяя палатка. Воображение рисует в ней влюблённую парочку. Не будут

же рыбаки спать в такой час. Встречаются и замаскированные от недобрых взглядов лодочные стоянки.

Невольно забылся, пока не услышал: «Пап, чего ты в самые камыши правишь?» Напротив Ванюшка со своим хитроватым добрым прищуром в очередной раз заматывается спиннингом. А над головой солнце уже во всё небо. Вокруг спокойная волжская гладь. Её лёгкое колыхание убаюкивает, кажется, не только нас, но и острова, берега и «Шкипера», которого я привязал для устойчивости к камышам.

Вся жизнь в эти минуты сошлась на нашей лодке. Душе немного надо для радости. Достаточно приветливого родного взгляда, ласковой воды за бортом, смешного кваканья лягушек возле недалёкого берега и нескольких чаек, зигзагами носящихся над головой.

Как часто бывает в наших краях, погода резко изменилась. Вдруг подул сильный ветер. Волны стали накатывать всё выше, уже захлестывая нас. «Шкипера» закачал. Куст камыша, к которому он привязан, вырвало с корнем.

Мы заторопились обратно, собирая по пути свои забросы. Улов? С десятков небольших плотвичек, краснопёрок и линьков. И два рака, залезших в «баклан» за рыбой. У них была потом своя история со счастливым возвращением в родную стихию.

ДЕГУСТАЦИЯ ВИНА В ДОМАШНЕЙ ОБСТАНОВКЕ

Кто-то ходит в баню накануне нового года. А мы с приятелем после Крещения Господня пробуем своё молодое красное сухое вино. Вот и в этот раз он приехал ко мне со своими образцами. Я приготовил свои. Устроились на просторной кухне за столом с соответствующей случаю закуской и полдужиной больших стеклянных винных бокалов. Зимой в городской квартире чувствуешь себя в светлой и тёплой подводной лодке, плывущей в тёмном пространстве, где хозяйничают мороз и злой ветер.

По праву хозяина налил понемногу из всех представленных образцов.

Подождали, пока вино насытилось кислородом. Полюбовались на «винные ножи», нехотя стекающие вниз. Гранатового цвета вино на свету засверкало изысканным тёмно-вишнёвым оттенком. Вдохнули лёгкие фруктовые запахи, наконец, попробовали и с удовольствием ощутили горьковатый вкус созревающего вина.

И с градусами всё в норме — хмель мягко растворился в голове. И мысли помягчели. За столом стало ещё душевнее, доверчивее. Ведь вино и рождено для радости, а не для ссор и скандалов.

Моё вино приятель похвалил. Предположил, что добавка местного виноградного сорта Мукузани придаёт ему изюминку — ощущение «недоброта при переброте», то есть при реальной сброженности. Заметил, что наше вино из потапенковских сортов зреет быстрее. Мы обсудили достоинства Неретинского, Агатама, Прорыва и других виноградных шедевров с общим амурским корнем. Поговорили о виноградиках, потихоньку приобретающих зримые черты и в наших окрестностях.

Почти сразу в разговоре о вине и винограде зазвучали библейские мотивы. В седые непроглядные времена люди вкусили забродившего сока виноградных ягод и «проснулись», обретя сознание. И вся дальнейшая жизнь людей, по-нашему с приятелем глубоко убеждению, оказалась крепко связана с гроздью, отражающей расширяющуюся Вселенную.

После второй пробы нам немного взгрустнулось. ...Представилось, что когда-нибудь на опустевшей Земле останется последний куст винограда. И человек будет неотрывно смотреть на ветку с дозревающими плодами. Они вместе покинут роскошную прежде планету. Не будет больше ни винограда, ни людей, потерявшихся без лозы жизни.

Удивительно, как любой разговор на русской кухне незаметно переходит в обсуждение вопросов мироустройства. И вот уже вокруг нас закружились слова о душе, энергетике человека...

— Всё на Земле и в Космосе взаимосвязано друг с другом, начиная с Большого взрыва и до окончания веков, — убеждал меня приятель. — Глобальное информационное поле предопределяет путь каждой пылинки.

— И наш с тобой путь к винограду тоже был предопределён?

— А ты сомневаешься?

В данном пункте я не сомневался — в какое-то мгновение высветилась вся жизнь, и я увидел, как судьба настойчиво вела меня в этом счастливом направлении. Да и другим приятельским доводам не возражал, хотя, на мой взгляд, многие тайны хороши именно своей недоступностью. И пусть сидят себе, как джины в бутылках.

Мы с приятелем спокойно наслаждались добрым вином, свободно говорили обо всём, что вздумается. Никто не заглядывал из-за спины, не подталкивал под локоть, и мы никому не были в тягость. Наши души стремились в полёт.

Между тем, дегустация продолжалась своим чередом. Обнаружилось, что у приятеля вино более терпкое, чем у меня. Отчего? Может, от того, что он не отделяет гребни при сбраживании. Может быть, от почвы — у него на Зелёном острове вокруг один песок. А у меня в саду за Хмельёвкой лёгкая земля и богатое фруктовое окружение. Но наше молодое вино было в порядке. Нам оно нравилось — вот что главное в оценке вина, впрочем, не только его.

Раньше всё никак не мог взять в толк, как же герои старинных романов утоляли вино жажду. Напротив, мне хотелось ещё больше пить. Попробовав своего терпкого душистого вина, понял — дело в том, что герои пили настоящее вино, а не сегодняшнее магазинное.

Вдруг захотелось уехать в Испанию, встретиться там с женщиной, говорящей на испанском языке с лёгким португальским акцентом. Вся жаркая Испания с её апельсиновыми рощами и звоном кастаньет, пусть выдуманная, но близкая и родная, встала перед нашими заблестевшими глазами. Для нас с приятелем она, как и другие средиземноморские страны, остаётся обетованной землёй сплошных виноградников и жизнерадостных виноделов, понимающих, что к чему в этом мире, и с которыми мы бы легко нашли общий язык.

Вспомнился фильм о виноградниках Лаво в Швейцарии, устроенных на склонах гор, сходящих в Женевское тёплое озеро. Кусты плодоносят здесь со времён Древнего Рима. В старину за спину привязывали высокие плоские корзины. Женщины нагружали их срезанными с веток гроздьями, а крепкие парни сносили вниз и высыпали, наклонив плечо, не отвязывая, прямо в давящие чаны.

Представил себя таким вот неунывающим крепким парнем, перекидывающимся шутками с весёлыми сборщицами, с достоинством носящим свою наполненную плодами корзину. Чтобы вся жизнь прошла под чистым небом среди узорных листьев винограда.

Проводил приятеля до остановки на автобус. Зимний день клонился к вечеру. Под ногами пружинила земля, покрытая порошей. Мы ещё успели поговорить по дороге о том, что лучшее вино получается только из своего винограда, а если уж молиться, то вечности.

Хорошее красное сухое вино, подержав человека в своих ненавязчивых объятиях, так же легко отпускает его, возвращая в привычное состояние. Только душа становится чуточку нежнее. А мысли ещё какое-то время парят над обыденным строем вещей.

МАМИНЫ ПИРОГИ

Кто пробовал пироги моей мамы, тот на всю жизнь запомнил вкус тающего во рту хорошо пропечённого сдобного теста и всегда ароматной, в меру сочной начинки.

Казалось бы, не так и трудно испечь пирог. Рецептов хватает в любой кулинарной книге. Составные части, как правило, немудрёные. У мамы это были молоко, сахар, яйца, маргарин, растительное масло, дрожжи, соль, столовая ложка водки, ваниль на кончике ножа и мука. А начинка сгодится любая.

Вперёд, хозяйюшки!

Только вначале, по совету моей мамы, не забудьте вынуть на ночь из холодильника яйца и маргарин. И дрожжи проверьте на солонуватость. И тесто замесите не крутое, а мягкое, чтобы отставало от руки. И дырочку сделайте в центре, когда пирог ещё подходит на противне. А когда вытащите его из духовки, не забудьте накрыть чем-нибудь лёгким.

И ещё с десяток мелочей не забыть бы.

Но даже самое строгое следование рецепту не гарантирует удачи. И приготовленный опытным профессиональным кулинаром пирог не всегда становится украшением стола.

Мама рассказывала, что первые свои пироги она, не дожидаясь прихода со службы отца, выбросила в мусорную корзину. Но моя мама училась искусству выпечки, не жалея сил. Ей нравился сам процесс затевания пирогов. И очень хотелось порадовать близких людей.

Запомнилось её всегдашнее волнение, ведь любая мелочь могла свести на нет весь труд, начиная с бессонной ночи, поскольку приходилось вставать затемно, чтобы не упустить подходящее тесто. Она всегда оправдывалась перед гостями, мол, тесто не таким пышным оказалось, начинка немного подвела, надо было — вот не догадалась! — сделать по-другому, лучше.

Гости не очень-то прислушивались к этим сетованиям. Они просто наслаждались редким угощением.

Мы переезжали с места на место, следуя офицерской судьбе отца, менялись наши домашние очаги, но румяные мамины пироги по-прежнему оставались самым желанным лакомством. Они были для нас маленьким семейным чудом, живой сказкой. Как бы ни шли дела, душа согревалась от ожидания очередных праздничных пирогов. Хорошо бы с курагой! Но и с яблоками хорошо, и с капустой...

Мама постарела, пироги затевать ей уже не под силу. Сменщиков, увы, не оказалось. Мы с женой попробовали пару раз и забросили — образ жизни у нас иной, всё что-нибудь мешает.

Жаль.

СЕМЕНА ЖИЗНИ

Вышел из дачи в осенний сад. Ещё только половина восьмого вечера, а вокруг уже глухая ночь. Правда, наверху светло. Небо в ярких крупных звёздах. Большая Медведица венчает обрыв с северной стороны. Серп месяца застыл над южным горизонтом. Прямо над волжскими островами, на которых с утра опять загремят выстрелы охотников. Пока же слышен только отдалённый лай собак в посёлке и далёкий шум моторов на трассе. Да и они становятся всё глуше и глуше. Окружившую меня земную темноту подсвечивает лишь слабый свет из дачного окна. Он подчёркивает нахлынувшее ощущение нереальности происходящего. Родной ли сад вокруг меня засыпает? Или я лечу вместе с ним куда-то в необозримом мерцающем пространстве?

Очевидно, эти мысли наваял межпланетный зонд «Вояджер-1». Через 36 лет после старта он вышел, наконец, за пределы Солнечной системы. Известие взбудоражило.

Ведь это равносильно исходу наших пращуров из Африки. В конечном счёте, они освоили всю планету.

Находившись по тёмному тихому саду, отправился тоже спать. Ещё раз окинул высокое небо. Его от края до края пересёк Млечный Путь. Сколько раз видишь его за жизнь? Сотни, если не тысячи. И каждый раз вытянутые в белую кисею неисчислимые звёзды поражают своей яркостью, кажущейся близостью и загадочностью.

В детстве послали с приятелем в Академию наук несколько наивных вопросов о Вселенной. И, к нашей радости, получили на них ответы, в том числе о том, что она бесконечна. Но вот, оказывается, что бесконечна не Вселенная, а Вселенные, которые образуются всё новыми и новыми Большими взрывами.

Семена жизни носятся по рождающимся Вселенным, цепляясь, за что удастся. Но прорастают не везде. На нашей планете волей случая проросли и растут. Учёные предполагают, что будут расти ещё с миллиард лет. А потом? Да какое нам, живущим сейчас, до этого дело? Дело есть. Хотя бы потому, что знание по-прежнему — сила, а неизвестность притягивает так же, как и тысячи лет назад. И нам всё ещё безразлична судьба наших детей, внуков, правнуков и всех дальнейших потомков до скончания веков.

АХ, КРОКУСЫ...

В конце зимы, прихватывающей, как правило, и март, невольно затоскуешь от нескончаемых морозов и снегопадов. И тогда начинаешь всё чаще вспоминать о крокусах. Ждёшь встречи с ними.

И вот апрель. Утром покрывало. Но потихоньку тучи разошлись. Голоса птиц оживляют ещё пустынные садовые окрестности. Глазами быстро ощупываешь знакомое место. И вот они, крокусы, выглядывают из чёрной влажной земли. Не подвели. Их ещё зелёные остренькие макушки осторожно осматриваются. Недалеко от них красуются пышными плотными листьями тюльпаны. И настойчивые нарциссы высыпают кружком. Но первыми зацветут маленькие нежные крокусы.

Несмотря на свою малость, крокусы цветут ярко, открыто утверждая своё явление в мир. Это тоже трогает. Жаль, что долгожданное садовое чудо так быстро отцветает. Только что жёлтые и фиолетовые слегка озорные верхушки прямо из земли взмывали к солнцу. И вот они уже завяли, оставив вытянутые со светлой продольной полоской листочки, которые быстро затеряются в общей зелёной массе. В саду продолжает разворачиваться привычный порядок жизни. На смену неустойчивой весне спешит жаркое лето с другими прекрасными цветами.

Но взгляд ещё не раз скользнёт по заветному уголку земли. И прыткую тяпку всякий раз останавливаешь, чтобы не поранить в земле драгоценные луковички. Через год они опять порадуют душу.

ПАХНЕТ ЯБЛОКАМИ

С веранды в открытую дверь доносится густой, слегка пряный запах зимних яблок. Выходишь и ещё раз окидываешь хозяйским взглядом доверху наполненные ящики и корзины. Да и пора намывать новых яблок. Быстро набираешь небольшую охапку, пальцами ощущая упругость гладкой прохладной кожицы, моешь и укладываешь горкой на тарелку посередине кухонного стола. Рука невольно тянется к самому крупному и яркому плоду. И вот уже наслаждаешься его плотной, сочной, сладко-кислой мякотью.

Яблочный клубок не спеша катится через всю жизнь. Часто вспоминается аромат маминых яблочных пирогов. Читаешь внукам сказки и вновь оказываешься в тени дикой яблоньки с её простыми яблочками, открывающими дорогу к незатейливому

счастью. А сколько дров наломаешь вокруг яблока Евы, прежде чем поймёшь, что и яблока-то не было, да и Ева у каждого своя.

Вспомнился недавний сбор урожая. Утреннее солнце согрело холодный ночной воздух. Он казался настоящим на лёгком медовом запахе свисающих со всех веток бордовых и красных с жёлтыми разводами плодов. Запахе столь же заветном, как и запах хлеба. Хотя яблоки всегда на вторых ролях. Они привычны. Над яблоней не дрожишь как над до-

бытым с трудом саженцем югославского чернослива. Но яблоки, как и хлеб, не приедаются. Им доверяешь как родным людям, которые не обманут, поддержат в беде.

Дождь, на улице холодно и неудобно. Худшие дни уходящего года. А на веранде по-прежнему пахнет яблоками.

ПУСТЬ ЗВУЧИТ ДУДУК

Когда хочется немного отдохнуть душой, включаю нежную мелодию дудука. И с первых звуков доверчиво погружаюсь в её грустный переливчатый поток. Отчего же так завораживают сердце живительные звуки старинной армянской трубки, которую и в руках-то не довелось держать?

Под мягкое звучание дудука вспоминаю о коротких встречах, случайных разговорах с армянами. В жизни таких встреч и разговоров было немало.

Ещё в солдатские годы узнал от сослуживцев-армян, что на их родине в народные праздники всей семьёй идут вначале на могилы русских воинов, спасших армян от турецкой резни в начале 20 века, и только потом идут к другим святыням.

А со студенческой газетной практики в далёкой степной Питерке запомнил добродушные сетования армянских строителей на то, что они всю жизнь работают на свадьбу и похороны — свадьба должна быть царской, а на могиле должен быть выстроен хотя бы скромный мавзолей.

Недалеко от моего дома среди разноцветных торговых ларьков стоит и будка сапожника. За открытым окошком — знакомое лицо ещё молодого, лет за тридцать, но уже грузноватого армянина, с утра до вечера колдующего над обувными колодками. Раз-другой в год сдаю ему в починку обувь. Работает он неторопливо. Но уж сделает на совесть. Однажды разговорился с ним об армянском хачкаре — вертикальном камне с высеченным на нём узорчатым изображением креста. Такой крест-камень красуется в одном из сквериков недалеко от саратовской набережной. После этого здороваемся, встречаясь и на улице.

На моей кухонной полке стоят два небольших кубка, искусно выточенных армянским мастером из оникса. Иногда наливаю в них коньяк, по возможности армянский, лучше которого для меня по-прежнему разве что французский.

И всё-таки не нахожу ответа, отчего так спокойно моей душе при негромких звуках этого незатейливого музыкального инструмента. Да и нужен ли ответ?

Пусть задерживает взгляды прохожих красавец-хачкар, приветливо открывается с утра окошко в мастерской знакомого сапожника-армянина. И пусть звучит печальный дудук, когда просит душа.

В СУХОЙ И ТЁПЛЫЙ ДЕНЬ

Ходишь вокруг виноградных кустов, уже тронутых желтизной, пробуешь в задумчивости ягоды. Кажется, уже достаточно сладкие. Пора! Завтра за дело! Но завтра с утра всходит ещё жаркое солнышко. Решаешь немного подождать. Пусть ягоды сахара наберут побольше, вино будет крепче. А к вечеру вдруг прогнозы переменялись, предвещают дожди. Да и ночами уже холодно по-осеннему. Ладно, завтра начну.

И так промучаешься в нерешительности неделю-другую.

Но вот решение принято. День сухой, тёплый. Берёшь секатор и начинаешь аккуратно срезать успевшие прогреться чёрные плотные гроздья. Одну за другой, не спеша, мурлыча себе под нос какую-нибудь незатейливую песенку. Испытываешь редкое состояние душевного спокойствия.

Собранный виноград с такой же тщательностью перебираешь, давишь и отправляешь в бродильные баки. Какое-то время напряжённо ждёшь, когда же придёт в движение вся эта разнородная масса. Наконец, в очередной заход в винодельню видишь, что сусло уже забродило, закипело, с ходу набирая силу. И на душе становится легче.

Несколько раз днём, в полночь и ранним утром заходишь мешать мезгу, погружая её большой деревянной ложкой в неукротимо бурлящую матерью. Недели через две шапка начинает потихоньку опадать. Молодая винная вселенная, охлаждаясь и замедляя движение, переходит в более устойчивое состояние. Вскоре брожение останавливается. И несколько десятков литров домашнего красного сухого вина оказываются в погребе. Пусть спокойно созревает, сколько отпущено судьбой.

А пока полкружки вина нового урожая! Конечно, оно ещё грубовато на вкус. Но в молодости все немного грубоваты. Поэтому в выдержке нуждаются и вино, и люди.

Дальше пойдёт сливание с осадка — в середине ноября, в марте, в начале лета... Каждый раз снимаешь пробу. И каждый раз замечаешь, как твоё вино неудержимо взрослеет, увя, старея. Цвет становится гранатовым, винные ножки маслянистее, запах тонким, неопределённым в своём разнообразии, а вкус в меру терпким.

Доброе вино дарит человеку ощущение безмятежного блаженства. В такие минуты с особенной силой веришь, что красота и в самом деле спасёт мир. Жизнь устоялась, и пусть будет нам в радость.

КОЧЕВНИКИ ПОНЕВОЛЕ

В недостроенной и заброшенной даче недалеко от автобусной остановки поселилась семья таджиков. Парень, подросток, девушка в шароварах. Это кого я увидел. Вежливо поздоровались со мной. Парень с подростком выгоняли через дорогу в поле стадо коз на выпас. И немалое стадо, в несколько десятков голов. В дачном дворе уже и загон соорудили из палок и досок.

Представил себя в их положении — среди чужих людей, в постоянной заботе о пропитании и пристанище. Вряд ли был бы счастлив. А они спокойны, доброжелательны. Девушка, закрыв ворота, безмятежной походкой возвращалась в дачу. Может, лепёшки испечёт к завтраку? Парень с подростком направили стадо в ложбинку со свежей травой. Их неторопливые движения, искринки в глазах говорили о том, что

они довольны своим положением. Наконец они устроились как дома. Пусть и ненадолго. Сегодня — их день. Даст бог, и завтра день будет их.

Вскоре таджики со своими козами и в самом деле уехали. И загон разобрали, увезли. Заброшенная дача по-прежнему зияет прорехами на втором этаже. Двор опять пуст и никому не нужен.

НЕОЖИДАННО ПОКАЗАЛСЯ ПРОСВЕТ

Утром раздался звонок:

- Пап, давай махнём за грибами!
- Давай!

И уже через час оказываемся в сосновом лесу.

Лес молодой, заметны расплывшиеся посадочные борозды. Но уже загустел, поднялся. На земле россыпи шишек, ноги путаются в высокой траве. Перебираясь с места на место, обхожу упавшие сухие ветки. С удовольствием вдыхаю острый запах мокрой хвои и нежный маслят. Они всюду, прямо под ногами. Вот уже перезревшие, проточенные червями. Сшибаю их зачем-то палкой. А вот молодые — с чистыми ножками и светло-коричневыми шляпками с прилипшими хвоинками. Этих аккуратно срезаю ножиком. Целое грибное поселение. Его жители хорошо приспособились к дождям, солнцу и долгому сну под снежным покровом. Не станем их обижать, наберём по ведёрку, чтобы полакомиться, и хватит.

Неожиданно показался просвет. Выхожу на поляну. Впереди лес уходит по склону пологого холма вниз, открывая взгляду божий мир.

В этом мире сквозь редяющие облака пробивается нежаркое осеннее солнце. Внизу лес как на ладони. Рядом с ним вьётся густая пойма Медведицы. Сквозь голые заросли деревьев и кустарников проблескивает вода. Видно, как за лесом пасутся на отаве коровы и лошадь пастуха. Дальше веером расходятся зелёные и чёрные поля. По краям, в низинах, теснятся почерневшие от времени скромные сельские постройки. Ещё дальше, за другими полями и лесами, чистый полукруг горизонта, край мира.

Подходит сын, и уже вместе не можем оторвать глаз от пасущихся коров, мокрой от прошедших накануне дождей пахоты, быстрой речки и манящего горизонта.

БУДАНОВА ГОРА

Едешь из Саратова в сторону Красного Текстильщика. Мимо проплывают старинные сёла. Сквозь обступившие дорогу посадки проглядывают яблоневые сады, поля и овраги. Иногда вдали покажется Волга с островками. И вдруг среди равнины возникает гора с плоской вершиной. Народная молва, как принято в наших краях, связывает название горы с разбойником Буданом, спрятавшим награбленные сокровища в её недрах. Многие их искали, но, как водится, не нашли. Гора манит к себе. Заезжаю на неё по пологому южному склону.

Может быть, Буданова гора была когда-то островерхой. Но проходивший мимо в весёлом настроении воин-великан, играя силушкой, смахнул мечом её верхушку. Прошло время. Срез затянулся разнотравьем. Ямы от ног великана, сплясавшего, видно, победный танец на месте своего богатырского взмаха, укрылись кустарником, дикими яблонями и грушами.

Сверху видно и блестящую на солнце великую реку, и белые высотки Саратова, и рассыпанные тут и там пёстрые кубики сёл и дачных посёлков, и серый пояс железной дороги, и широкие зелёные долины, сбегаящие к той же Волге. Кажется, стоит раскинуть руки, и ветер унесёт тебя прямо к густым облакам. Оттуда, верно, увидишь сразу половину Земли.

Но постепенно нарастает чувство тревоги. Вокруг никого. Сильный ветер глушит звуки. Привычный мир, из которого только что приехал, начинает отстраняться от тебя, становится далёким, чужим. Какое ему дело до разгуливающих по одинокой горе на одной высоте с парящими птицами? И уже хочется вниз, где не сорвёшься, зазевавшись, с обрыва.

С дороги Буданова гора напоминает и заколдованную голову богатыря из пушкинской сказки. Дышит, живёт, но не может сдвинуться с места, храня в себе тайну своей и общей жизни.

У ПРИЛАВКА С СУШЁНЫМИ ФРУКТАМИ

Обычный прилавок в современном продуктовом павильоне с высокой стеклянной крышей. На узких полках разложены сухофрукты и пряности. Мимо проходят озабоченные хозяйки, не обращая особого внимания на выставленные лакомства. А у тебя разбегаются глаза.

Конечно, разноцветные цукаты из корок дыни и арбуза, чернослив с масляным отливом, сладчайший урюк, светло-серый загадочный инжир, россыпи изюма всех цветов и размеров, смеси сухофруктов из яблок, слив, груш и вишни тебе хорошо знакомы. Но твой личный вкусовой опыт растворяется у прилавка, над которым время, кажется, замерло. Библейская смоква, или инжир, финики, курага и их соседи по полкам тешат людей с глубокой древности. Верблюжья караваны и парусники с просмолёнными бортами без усталости перевозили из одного края света в другой тщательно упакованные тюки с плодами жизни. Правда, о них говорят куда меньше, чем о поднятых со дна моря античных амфорах и статуях. Они ведь не исчезали и остались такими же, как и в те давние времена.

От пряностей голова идёт уже кругом. Драгоценные стручки ванили, рогатый имбирь на все случаи жизни, бодрящая корица, ароматный кардамон, целительный чёрный тмин, жгучая гвоздика, заветный шафран! Чудится в них, изысканных и дорогих, блеск сокровищ из сказочных пещер. Редкие в наших кухнях зира, пажитник, куркума и кунжут соседствуют с привычными красным перцем, анисом, кинзой, барбарисом, укропом, петрушкой, мятой и базиликом. И ещё с десятком-другим перетёртых в порошок и заманчиво пахнущих растений, помогающих блюдам раскрывать свои вкусовые богатства. Все они надёжно хранят память о летней огородной зелени.

С трудом отрываешься от созерцания волшебных полок. Кажется, веет от них лёгким ароматом плова и тонким запахом выпечки.

Наконец, встречаешься глазами с уже знакомым улыбающимся хозяином прилавка. Ему лет сорок. Невысокий, со смуглым круглым лицом и сам весь округлый, уютный. На голове его непрменная тубетейка. В праздничные дни он бережно держит в руках раскрытый Коран. Обходительный, уступчивый, желающий здоровья, от души благодарящий за покупку и с готовностью выходящий из-за прилавка, чтобы помочь уложить её в пакет. Он тоже напоминает торговца из восточных сказок. Для полного сходства ему не хватает разве что полосатого халата и платка вместо пояса.

— Салям алейкум, Зариф!

— Алейкум салям, дорогой! Что пожелаете?

ПАСЕЧНИК С ГОРЯЩИМИ ГЛАЗАМИ

В сельской глубинке на краю берёзовой рощи в окружении лугов и пашен раскинулась пасека ульев на семьдесят. На пасеке вас встретит высокий, ладно скроенный, ловкий в движениях сорокалетний красавец-мужчина. «Костя», — представится он.

И улыбнётся тепло, открыто, как улыбаются люди, знакомые, по крайней мере, со школьных лет.

Костя расскажет вам о жизни и смерти пчёл. Поймает трутня и объяснит его отличие от рабочей пчелы. Покажет и воскотопки собственного изобретения, и роёвни, закинутые до времени на деревья, и вырезанную на всякий случай дубину. Проводит к гнезду зяблика рядом с пасекой. Угостит чаем, заваренным с чабрецом и зверобоем, тут же мимоходом сорванными. Предложит к чаю целое ведро медовых обрезков. Восседавая с сияющими глазами возле шаткого столика из ящика и досок, он в довершение наглядно покажет и свою весеннюю прививку от пчелиных укусов. На лету поймает пчелу, кажется, специально к нему подлетевшую, приставит к тыльной стороне ладони, подержит немного и выдавит жало.

Костя легко переносит дожди, холода, комаров, одиночество и ночь непроглядную. Главное, чтобы утром солнце не подвело. Всего важнее для Кости и его пчёл проснуться пораньше и с ходу взяться за привычное, любимое дело, которое кормит семью, и с которым не собьёшься с дороги.

Рассказ хозяина пасеки вместе с близким незамолкающим гудением и мельтешением завораживают. И уже сам хозяин с его неутомимостью, приятно гудящим баритоном кажется вам большой доброй хозяйственной пчелой. А его выдавшая виды будка — ещё одним ульем, только тоже очень большим.

Будь его воля, Костя полетал бы со своими пчёлами. Ради удовольствия увидеть сверху блеск цветущих полей, почувствовать зов нектара, ощутить брюшком желанный атлас медоносков и вернуться домой, обременённым сладкой тяжёлой добычей. Может, подобное желание возникает и у лётчиков. Желание самому взмахнуть в небо, не в железной капсуле с приборами управления, а подобно птицам, свободным в своём полёте.

Внутри деловито жужжащего пчелиного мира не верится в его предрекаемую учёными гибель. Но если до этого дойдёт, то изумлённым взорам людей однажды предстанет летящий рой во главе с человеком. Это Костя поведёт пчёл в края, свободные от болезней, бескормицы и человеческой жадности. Они будут лететь, не останавливаясь, пока не доберутся до своего вечного медового пути.

ВИДЕНИЯ В ОСЕННЕМ САДУ

В поздний осенний день, ещё светлый, не слишком холодный, но уже пустынный, в саду, бывает, как наяву увидишь родных тебе людей, гулявших, хлопотавших здесь погожим летним временем.

То почудится, что Тима пробежал с палочкой в руке, что-то, как обычно, напевая. Куда он бежал? Наверное, к качелям за баней. Там, в тени яблонь, его ждут улыбающийся двоюродный братик Никитка с большим мячом в руках и добродушный шарпей Ричи, устроившийся на прохладной травке.

Собираешь упавшие недозрелые зимние яблоки и на автостоянке из щебня с проросшей травой вдруг представишь Ванюшку, неторопливо укладывающего в багажник рыболовные снасти.

Посмотришь в сторону холма, погрезится, что под дубом возится с жуками-оленьями «дядя Боря», приехавший погостить на недельку из далёкой Эстонии. В руках у него фотоаппарат с внушительным объективом.

Воображение разыгрывается. Стоило подойти к беседке, как показалась жена, несущая на большом подносе завтрак для меня. Невольно дёрнулся, чтобы помочь ей спуститься по крутым ступенькам террасы, но видение растаяло.

Зато беседка за спиной наполнилась голосами. Отчётливо донёсся добродушный со смешинкой голос свата, к нему добавились жизнерадостные интонации сватьи, тонкие, по сути, девчоночьи восклицания невесток и густой баритон Кирилла. Обернулся, но только виноградные подсохшие листья прошелестели под порывом ветра.

Вспомнилось, как украсил наши застолья в беседке старинный абхазский кувшин для вина, доставшийся от приятеля.

Где они, дни семейных сборов с приятными хлопотами, и дни разъездов, напоминающие иной раз итальянскую комедию с её суетой и неразберихой?

Давно растаял в зелёных окрестностях дым от мангала. И дым из банной трубы достиг, наверное, высоты, к которой он раз за разом настойчиво и бодро устремлялся.

В вечернем саду тихо. Доносится только слабое стрекотание редких осенних сверчков.

КАК РОЖДАЕТСЯ СТРАСТЬ

Друг пригласил на первую выставку своих фотографий. Правда, живёт он в Эстонии, не доберёшься. Но весь его путь к выставке у меня как на ладони.

Вот случай, когда с детских лет возникший интерес к птицам, животным, населявшим лесные заросли вокруг села, в которое он приезжал к родне на летние каникулы, постепенно перешёл в жажду познания окружающего мира, перешедшую, наконец, в неистребимое желание запечатлеть потаённую жизнь его обитателей. Все увлечения моего друга, а их было немало, вели его в этом направлении. И спортивное ориентирование, и увлечение поделками из дерева, и тем более захватившая его на многие годы охота — всё это было лишь подготовкой, оттачиванием глазомера, приобретением необходимых навыков.

Как рождается страсть к творчеству?

Сдаётся, что она рождается вместе с нами, но дремлет где-то внутри нас до поры, пока счастливый случай не разбудит её и не выпустит на волю.

Не знаю точно, когда мой друг взглянул на белый свет новыми глазами. Но помню, что в очередной приезд в наш сад он вытащил из дорожного рюкзака скромный цифровой фотоаппарат, подошёл к цветущей монарде и стал не спеша снимать пчёлку, хлопотливо собирающую нектар. Постепенно техника усложнялась. Росло и умение поймать особенный поворот головы какой-нибудь пичужки, передающий нечто общее для всех живых существ.

Приезжая в гости, мой друг обвешивается фотоаппаратурой и по-охотничьи мягко скрывается в дачных окрестностях. Он отправляется «сохотить» жука-оленья, которые не водятся на его второй родине, или удода с гордым и умным взглядом, водяную змейку, осторожно приподнявшую над водой точёную головку.

Что заставляет человека стоять по колено в холодной быстрой реке и целый час снимать ящерицу, греющуюся на прибрежной коряге? Распластавшись прямо на земле под палящим солнцем, ловить и ловить объективом бабочек, летающих на соль? Сидеть днями напролёт в болоте в тяжёлой непромокаемой одежде с москитной сеткой на лице, чтобы запечатлеть камышовку над её гнездом или цаплю, расправляющую крылья перед взлётом?

Однозначно не ответишь. Но проснувшаяся творческая страсть уже не даст человеку заснуть.

Представил развешенные по стенам небольшого краеведческого музея фотографии своего друга. На них — портреты обитателей лесов, болот и лугов. К ним подходят жители городка. Они улыбаются, открывая для себя новое в привычных и незатейливых сюжетах из жизни свиристелей, филинов, лосей и зайцев.

ПОСЛЕДНИЕ ВОЛХВЫ

Опять поспорили с Яшшой из-за рукописи в литературный альманах. Хотя, казалось бы, чего спорить? До него и дела-то никому нет, за исключением нескольких таких же, как и мы, чудаков.

Но, с другой стороны, чудаки на многое способны. Того же Яшши, обрусевшего осколочка удинов, исчезающих с лица Земли, могло и не состояться как писателя. Но он наперекор всему состоялся. И теперь память о горестях и радостях кавказского народа, принявшего христианство ещё в четвёртом веке, будет жить и в его книгах.

Зародилось в душах нескольких пишущих чудаков желание собрать под одну обложку авторов, уважающих каждое своё слово и подмечающих вокруг себя в первую очередь блеск солнца, дыхание растений, голоса птиц и человеческую любовь. И вот мы с Яшшой колдуем над очередным номером альманаха, чтобы не задуло ветром равнодушия его чистый огонёк, раздвинуло тьму хотя бы вокруг нас.

Тираж альманаха невелик.

Немногочисленны и его читатели.

Мы как последние волхвы, покинутые паствой ради других богов. Но мы ещё живы и по-прежнему одухотворённо смотрим на окружающий нас мир. И всё также хотим передавать людям свои тайные знания. Мы почему-то уверены, что они им пригодятся.

Когда-то считалось, что книги в старости остаются единственными друзьями, когда уходят живые. Люди искали покоя и находили его, опять же, с книгой.

Вернутся ли эти времена, и что будет дальше?

ТЯГА К ПЕРЕМЕНЕ МЕСТ

Отправляясь с сыном на рыбалку, за грибами или на Буданову гору полюбоваться сбегающими к Волге зелёными долинами, осматриваем по пути сёла, усадьбы, отдельные дома, живописные лужайки, берега небольших рек и прудов. Мы ищем место для своего земного рая, присматриваясь к чужим.

Проезжая за селом Багаевкой мимо будущего яблоневого сада в несколько гектаров, остановились, вышли, осмотрелись. Из борозд с аккуратно уложенными трубами капельного полива бодро выглядывали саженцы разных сортов и возрастов. Недалеко отблескивал пруд, из которого подаётся вода. Рядом с ним — небольшая сторожка. Жаль, не оказалось хозяина. Поговорили бы о багаевских садах, переживающих не лучшие времена, но вот же, на глазах, возрождающихся.

Рыбача, покачивались в надувной лодке на спокойных волжских волнах. Послышались громкие мужские голоса. Недалеко от берега худощавый парень затаскивал сеть на «Казанку». Сверху, с обрыва, прямо от дома пожилой мужчина что-то ему подсказывал. Парень выплыл потихоньку из камышовой просеки, включил «Ямаху» и понёсся по прямой к островам. Через полчаса, поставив сети, вернулся. Вёл катер твёрдой рукой, спокойно глядел вперёд, свободный, как ветер, в два счёта нагнавший уже нешуточные волны.

Оказавшись на пасеке, затерянной в полях и лесах, зачарованно слушали рассказ пасечника о его солнечном медовом мире, с которым он давно уже сросся, став его нерасторжимой частью.

Жарким летом наслаждались виноградной прохладой на большом волжском острове. Густые шпалеры уходили во все стороны и вверх, устремляясь к небу. Хозяин сказал, что засаживает ещё участок на тридцать соток. Для этого пришлось перевезти на песчаный остров и перетаскать на место сотню мешков с плодородной землёй. Но, видно, ему и всего острова мало. Глаза виноградаря светились мечтой о виноградном рае на всей великой русской равнине.

Нет, мы не прикованы к своим городам и квартирам.

Близкие не слишком поощряют наши поиски, мол, есть же дача. Русские дачи... Даже цветущую и плодоносящую часть года они остаются безлюдными, лишь в выходные и праздники вскипают голосами и суетой. Вокруг сплошные садовые заросли. Нет разбега для взгляда. А долгими зимами здесь царит безмолвие.

В нашем земном раю должна бежать река, шуметь лес и дух должно захватывать от далёкого чистого горизонта. И без добрых соседей, конечно, не обойтись. В таком месте стоит построить дом своей мечты, разбить большой сад и зажечь, наконец, наслаждаясь дарованной жизнью в полную силу, без лишних помех, в общении с дорогими тебе людьми.

И мы опять колесим с сыном по окрестностям. Над склоном холма недалеко от дороги кружит коршун, по обочине вышагивают галки, проплывают мимо сжатые поля и сельский пруд с кричающими утками. Начинается ещё по-летнему крупный дождь. Но август клонится к осени.

Ведёт нас вперёд нескончаемая душевная тяга. Есть в ней что-то от кочевой страсти к перемене мест, но тяга эта гораздо глубже. Её суть не в желании поменять одно место на другое, лучшее, а в стремлении найти своё.

ИСТОРИЯ ОДНОГО ЛИСТКА

Листок яблони появляется из весенней почки, подобно младенцу из материнского лона. И вынашивается он почкой столь же долгий срок. Листок появляется на свет нежно-зелёным, липким, пахучим и остаётся преданным яблоне до конца своих дней. Он жадно вбирает в себя идущие из земли соки и льющийся сверху солнечный поток. И неудержимо растёт, набираясь сил для предстоящего ежедневного труда. В этом он больше похож на прежних деревенских ребяташек. Они недолго играли в куклы и салки, быстро впрягались в общий семейный воз.

Большому тёмно-зелёному листку забот и хлопот хватает. На его попечении яблоня, её плоды, требующие питания, свежего воздуха и солнечных лучей. И листок трепещет, носится с веткой по ветру, глотает пыль, оmyвается дождями, терпит острые птичьи коготки.

Случаются у него и тихие часы отдыха, когда воздух замирает, погружая всю садовую округу в состояние райского блаженства. Тогда он счастлив и радуется, как может радоваться только уставший листок.

Между тем плоды налились, начинают желтеть и краснеть. Подходит, наконец, пора их сбора. На изработавшемся листке проступают

коричневые пятна. Он уже не так упруг, скорее, жестковат и хрупок. Наступает осень и его жизни.

Ему есть о чём вспомнить. А многих его братьев и сестёр давно нет рядом. Кого-то съели гусеницы,

других унесло июльским штормовым ветром, кто-то оказался на ветке, мешавшей садовнику.

Солнечные лучи греют слабее, ночной холод ощутимее. Зябко листку, он чувствует свою бесполезность. Рядом с ним выросли и заматерели новые почки. Плодов уже нет, а новым почкам, бережно вынашивающим будущие листья, он не нужен.

Но листок, как и человек, не уходит из жизни по собственному желанию. Для этого требуется сильный порыв ветра, долгий осенний дождь или ударивший ночью мороз. И тогда листок отрывается от ветки и падает вниз.

Как и люди, он просто падает на землю там, где его застала смерть. Он не летает, кружась, подобно киношным героям, успевающим перед падением совершить несколько картинных телодвижений. И если его подхватит ветерком, что ж, пусть люди полюбуются его кружением. Листку всё равно.

Взял такой листок, занесённый в угол террасы, в руки. Коричнево-палевый, сохранивший свою форму, но уже наполовину просвечивающий от ветхости. Похожий на все остальные листья, покрывшие землю в ноябрьском саду.

ДАЛЁКИХ МОЛНИЙ НЕ БЫВАЕТ

В саду с утра шелестит дождь. Неожиданно со стороны Волги блеснула молния. И сразу, без обычной задержки, раздался оглушительный удар грома. И вновь мерный шум дождя, будто ничего и не было.

Накануне разговаривался на автомойке с владельцем дорогой иномарки — хорошо одетым, подтянутым и ухоженным мужчиной лет шестидесяти. Разговор после короткого обмена информацией о растущих ценах на бензин и машины свернул в неожиданную сторону — мы заговорили о превратностях человеческих судеб. И мой случайный собеседник, назвавшийся Анатолием, рассказал историю своей семьи.

— Мои корни в Большой Казачке, что за Калининском, бывшей Баландой. Семья была бедняцкая, перебивались с хлеба на квас. По семейным преданиям, дед, когда дети выросли, собрал всех и сказал: «Расходимся на два года зарабатывать, потом сойдёмся, сложимся и заживём, как следует». Сыновья нанялись работниками к богачам, сам дед стал пасти свиней, некоторые из женщин христарадничали. Через два года сложили заработанное и сразу встали на ноги — купили землю, скотину, плуги, бороны и другие необходимые в хозяйстве вещи. Но вскоре грянули революция, гражданская война, а за ними и коллективизация. Вступить в колхоз дед наотрез отказался: «Столько горбатились всей семьёй, а теперь отдавать нажитое чужому дяде?» Его с ещё одним отказником отвезли в кутузку возле Лысых Гор, километров за сорок от дома. Посадили, как говорится, на воду и солому, чтобы взять на измор. Но они не соглашались, сидели, пока помирать не стали. Тогда их отпустили. Как раз перед посевной. Дед идти уже не мог, попросил молодого сокамерника помочь, мол, потом родня расплатится. Тот тащил, пока хватало сил. Но тоже ослаб. Еле добрался до села, передал родным деда, где его искать. За ним поехали, нашли на обочине с выклеванными вороньём глазами. Но живого. Так он слепым и доживал. А младший сын его, мой отец, во время войны попал в плен. Выжил, можно сказать, чудом. На родине отца ещё на три года в лагеря отправили. Правда, ему повезло — строил метро в Москве.

Закончив рассказ, Анатолий пожал мне руку, и мы разъехались каждый в свою сторону.

А услышанное всё не отпускает. Из головы не шла дорога между Лысыми Горами и Большой Казачкой, хорошо знакомая и мне. Она и сейчас не везде обсажена деревьями. По обе стороны одни поля, пересыхающие летом русла ручьёв, овраги, где-то за ними крыши редких сёл. Пустынный и в наши дни край.

Неизвестно, где был оставлен дед Анатолия. Примерно на полпути дорога выводит на вершину высокого холма. С него он мог бы увидеть Баланду, от которой рукой подать и до Большой Казачки. Но, скорее, он остался лежать ближе к Лысым Горам. Вряд ли обессиленный односельчанин смог его далеко проташить. Самому бы спастись.

Наверное, поначалу, ещё недавно крепкий мужик, привыкший пахать от зари до зари, пытался как-то двигаться вперёд, хоть на карачках, ползком. Но где-то за полдень, когда и весеннее солнце припекает, силы могли его оставить. Тогда он упал на спину или перевернулся на неё, бессознательно стремясь к свету.

Представилось, как дед Анатолия беспомощно лежал, раскинув руки, на покрытой свежей травой обочине. Рядом жужжала одинокая пчела. В небе заливался жаворонок. Ветерок доносил с полей запах влажной земли.

О чём ему думалось?

Может, он звал жену, детей? Вспоминал свою большую деревенскую родню? Может, вся жизнь промелькнула перед ним в одно мгновение? Или ему припомнился запах расцветающей сирени возле лавочки за забором, жар домашней бани с запахом дубового веника, до которых он был большим охотником?

Вряд ли он услышал хлопанье птичьих крыльев, только пронзила его последняя перед забвением боль от острого клюва, заглушившая приближающийся лошадиный топот и скрип крестьянской телеги со стоящими на ней сыновьями, напряжённо оглядывающих окрестности.

СЕМЕЙНОЕ ДРЕВО

С недавних пор в зале висит в стеклянной рамке на почётном месте семейное древо. Выглядит как живое, растущее на лужайке. Рядом с ним нарисована скамейка. По задумке, очевидно, на неё можно «присесть» и посмотреть на фотографии родственников, которыми увешаны густые ветви. Поразмышлять. Но проходит день, другой, много времени проходит, а всё что-то мешает остановиться, зацепиться взглядом за древо.

В моём роду не было героев. Был дядя Михаил, старший брат отца, вымахавший под два метра. Когда уходил из родной деревни на службу в армии, мать сокрушалась, что ему не подберут сапоги 45 размера. Сапоги ему, связисту, подобрали. Осенью 1941 года под Ржевом отправился он устранять обрыв провода и не вернулся.

Мой отец, попавший в последний военный призыв, напротив, не дотягивал до необходимых норм ни по росту, ни по весу. Сказались голодные военные годы. На сетования матери военком ответил, что, мол, пока эшелон доберётся до места назначения, твой сын подрастёт. Так оно, собственно, и вышло. Отца направили в кавалерийскую школу. На казённых харчах он добрал и в росте, и в весе, и 16 лет защищал государственную границу, уволившись в запас с должности начальника пограничной заставы.

Давно замечено, что в жизни хватает и радости, и печали. Например, дед жены Тимофей Онисимович Макушов окончил сельскую церковно-приходскую школу с мечтой о профессии учителя. Но пришлось, как и его отцу, сапожничать. Шил обувь приказчикам, купцам, которые говорили, что, мол, с твоей головой, Тимофей, тебе бы не за колодками сидеть. Зимой сапожничал, а летом брал в аренду землю, нанимал работниц, сажал огурцы, возами возил продавать. Накопил денег, которые после революции обесценились и ещё долго лежали на чердаке бесполезными бумажными пачками. Однажды в мае он шёл с огородов домой и попал под дождь.

Подхватил воспаление лёгких. Проболел два года и умер, оставив жену с пятью дочерями и сыном.

Досталось старшему поколению — и воевали, и работали, не жалея ни сил, ни здоровья. Старались выучить детей и отправить их в города, чтобы легче им жилось.

Нашим детям уезжать из деревни в города уже не надо, они в них выросли. Если только в заграничные. Да что-то их не тянет. Мечтают вернуться на землю, жить своим домом, хозяйством, подальше от городской суеты. Такое вот возвращение человеческих стремлений и надежд.

Выходит, зацепился всё же взглядом за семейное древо, пустился в размышления. Подошёл к отвсечивающей на свету рамке. С зелёных ветвей на меня смотрят десятки глаз. Вон и мои. Они улыбаются. И я невольно улыбнулся в ответ.

УМЫЛ РУКИ

В начале весны в сад заглянула небольшая ладная серая кошечка. Побродила между кустов смородины с зазеленевшими почками, делая вид, что охотится. Но, не дождавшись моего угощения, замыкала, стала тереться о ногу.

В другой раз она припоздала и только облизнулась, с досадой глядя на мой уход.

Наступило сытое привольное лето. Заметно прибавилось дачников, всегда готовых угостить от своих щедрот и прохожего, и кошку, неважно чью. Среди белых, рыжих, чёрных и прочих хвостатых и пушистых, шныряющих вокруг, несколько раз показывалась и серая кошечка.

Однажды я услышал призывное мяуканье возле крыльца. Вышел из дачи и увидел её со встревоженным, напряжённым взглядом.

Я не приваживаю кошек, тем более уличных, мало ли что. Внукам для игр хватает и соседской Аськи, на редкость спокойной трёхцветной красавицы. Поэтому не стал церемониться с незваной гостьей, выпроводил за ворота. Она всё так же настойчиво мяукала и за воротами, заглядывая мне в глаза. И ещё долго мяукала уже после моего возвращения во двор.

Серая кошечка явно нуждалась в помощи. И, едва смолкло зовущее мяуканье, как я стал искать себе оправдания, приговаривая, что безответственно приручать тех, за кого мы не сможем потом отвечать. Только ведь серая кошечка не набивалась в хлебницы. Она всего лишь просила помочь. Скорее всего, в помощи нуждались её народившиеся котятка. Да и прогнал я её, чего уж там, просто потому, что не захотел лишних хлопот.

Этим летом серую кошечку я больше не видел.

В МОНАСТЫРСКОМ

Довелось заехать в село Монастырское, родину известного советского писателя Михаила Алексева. Первый же встречный на вопрос, а где здесь дом Алексева, ответил: «Да я в нём живу».

Бывший дом героя труда и лауреата многих премий и наград со всех сторон окружён густыми рядами картофеля. В большом кирпичном квадратном здании, выделяющимся среди обычных деревянных домов, когда-то было одиннадцать окон. Половина их заделана. Хозяйка объяснила: «Он стихи писал, ему света больше надо было, а нам к чему столько окон?»

До этого в доме, уже после Алексева, жил председатель местного колхоза имени Горького. Литературному классику посередине площади поставлен памятник — молодой Горький с книгой в руке, с развевающимися волосами, стройный, высокий бодро смотрит вдаль и, одновременно, на дом Алексева.

А вокруг пустой в ухабах площади деревенское безлюдье, серые, незavidные постройки. Село доживающее. Уже закрыта школа, а с ней и школьный музей с алексеевскими экспонатами.

Не знаю, где писал Алексеев своих «Драчунов», но трагедия голодомора, о которой он рассказал на страницах романа, разворачивалась вот на этих пыльных улицах, окрепнувших было и захиревших уже при продовольственном изобилии.

На этой изъезженной, истоптанной земле страдала верная Журавушка, здесь тянула свой тяжёлый воз старая, ленивая, но надёжная кормилица Карюха, где-то должен быть и Вишнёвый омут в протекающей рядом речке. Может, смотрелись в него, волнуясь от влекущей тайны, и эти две девчушки, спокойно, весело переговариваясь, прошедшие по своим делам за околицу.

Я не нашёл алексеевского «гнезда». В его доме, о котором писатель при жизни тепло вспоминал, живут случайные люди. Канул в лету и окружавший его, казалось, на века колхозный мир.

Но заросли деревьев вокруг села по-прежнему густы и зелены. На песчаной речной отмели привычно играют дети. Далеко вокруг раскинулись поля новых хозяев сельской жизни с колосющейся пшеницей, кормовыми травами и подсолнухами. Они весело смотрели после прошедших дождей в чистое голубое небо.

СМЕРТЬ ПЕГАСА

В далёкие советские времена моего отца, офицера-пограничника, перевели служить на заставу, стоявшую на украинском берегу Западного Буга. Застава была обособленным миром. Но он сообщался, например, с миром колхозным. Колхозникам разрешали косить густую высокую траву в заливных лугах нейтральной зоны. Взамен они снабжали пограничников мясом, салом.

Однажды на заставу привели списанную колхозную лошадь по кличке Пегас. Он был весь в рыжих и коричневых пятнах. И был очень худ. Одни кости да кожа. Мне объяснили, что его откормят и пустят служебным овчаркам на мясо.

Несколько раз в день я выпрашивал у матери и приносил в летнюю конюшню хлеб и сахар. Пегас аккуратно брал их с моей ладони нежными трепетными губами, встряхивал головой, с одобрением, как мне казалось, поглядывал на меня. Поначалу я с опаской посматривал на его огромные жёлтые зубы. Но вскоре привык. К строевым коням подходить запрещалось. А возле него можно было постоять, дотянуться и погладить ладонью его бархатную щёку.

Он был обычной рабочей конягой, тихой и нетребовательной, привыкшей к ежедневному хомуту. Но постепенно взгляд его веселел, бока округлялись. Во время учений на границу отправилась большая группа солдат. Лошадей не хватило, и оседлали Пегаса. Возвращаясь, устроили соревнование — кто быстрее доскачет до ворот. Отъевшийся Пегас обогнал пограничных лошадей. Я радовался за него, во мне зародилась надежда, что, может, его оставят, и он будет служить как все.

Выйдя как-то утром на хозяйственный двор, я увидел солдата с понуро стоявшим возле него Пегасом. Одной рукой солдат придерживал его за поводья, в другой держал пистолет. Потом приставил дуло к замершему лошадиному уху. Пегас не дернулся, не вскинул голову. Он всё также понуро стоял, поджав ногу. Прозвучал негромкий хлопок. Когда я подошёл, Пегас уже лежал на боку, подмяв под себя редкую сухую осеннюю траву и вытянув голову с застывшими равнодушными глазами. Во двор заходили ещё солдаты, чтобы разделить тушу.

Над сосновым лесом за полем всходило, как всегда, солнце. За забором, возле жилого корпуса заставы слышались командные голоса. Всё вокруг было обыденно,

спокойно. Только вороны кричали громче обычного, видимо, возбуждённые скорой поживой.

На заставе все хозяйственные дела совершались открыто. В свои шесть лет я уже видел, как отрубали топором головы успокоившимся курам, вбивали штык-нож в горло визжавшей свинье. Поэтому не заплакал при виде поверженного Пегаса. Развернулся и побрёл домой. Но меня смущали новые, горькие чувства. Ведь куры и прочая живность для солдатской кухни были мне чужими, как пойманная в Буге снулая рыба или дерущиеся из-за хлебных крошек воробьи. Я не относился к ним по-товарищески. А о Пегасе заботился и всем сердцем желал ему лучшей доли. В его убийстве была жизненная необходимость, оправданность. Я понимал это, несмотря на свои малые годы. Но была в его смерти и явная для меня несправедливость, нечестность по отношению к простому коню, который стал скакать быстрее строевых.

Мне было жалко Пегаса. Мне его и сейчас жалко. Руку солдата, приставленную к уху обречённо стоявшего коня, и хлопок пистолетный помню, как будто это случилось вчера.

ДЕД, СМОТРИ!

Выспавшийся Никитка сидит в ожидании завтрака в беседке, карябает сандалией мою ногу под столом и говорит, что «это чужая соседка».

Возле абрикоса спит в траве ёжик. Притомился на ночной охоте и уснул — зачем топтать далеко? Трясогузка качается на ветке Джонатана и одним глазком посматривает на гнездо под застрехой бани, а другим на нас с Никиткой, устроившихся рядом на качалке.

«Дед, смотри!» — Никитка восторженно показывает на дым из банной трубы, постепенно завлакивающий задний двор. В другой раз он зовёт меня посмотреть на высоко летящий самолёт, на закачавшиеся под налетевшим ветром ветки дубов, на переползающего садовую дорожку чёрного жука...

Никитке только что исполнилось три года. Он в маму ладный, стройный, с волосами рыжеватого-пепельного отлива и карими глазами, полными озорного любопытства.

Бегаёт по просторному саду, заговаривает с соседями, его голосок повсюду разносится колокольчиком. Вот он подошёл к черешне возле винодельни, обхватил ствол ручонками и попытался потрясти. А вот играет солнечным днём на лужайке за баней в мяч и просится к маме. Хотя ему в саду хорошо, вольно, хватает новых впечатлений.

Весь вечер косил траву. Умаялся. И Никитка устал, поливая из ведёрка площадку перед дачей. Лёг животом на лавку в беседке и затих. Вместе отдыхаем после рабочего дня в ожидании чая с мятой.

Гуляли уже в сумерках по нижним дачам. В тополиных зарослях раздалось чёткое звонкое щёлканье соловья. Никитка замер, обратившись к незнакомым ему волшебным звукам, потом, испугавшись непонятного света за забором (оказывается, шли девочки с фонариком), закрыл глаза ладонью.

И самый долгий день спрятался в самую короткую ночь.

Когда трёхлетний внук ходит за тобой хвостом («Дед, я тебя не вижу — ты так хорошо прячешься!»), стремится во всё помочь (лестницу приставил к яблоне, он тут как тут: «Я её держать буду!»), зовёт тебя «дружочек мой» — разве ему в ласке откажешь? Вот его нет рядом, а постоянно вспоминаешь о нём, думаешь, чем он занят, чувствуешь невольную вину за то, что сам ты ещё в чудесном свежем саду, а он уже в большом пыльном городе.

Выключил в предбаннике свет, открыл дверь в темноту, чтобы освежиться, и увидел в дверном проёме звёздный ковш во всей его завораживающей яркости. Укрыл

бёдра полотенцем, вышел в прохладный тёмный сад — только кое-где сквозь листву пробиваются пятна света. Вокруг сплошное умиротворяющее сверчение.

СЛАВНОЕ БОРДО

Жизнь — материя вязкая, далеко не всегда удаётся отвлечься от ежедневных хлопот, чтобы оглядеться, задуматься не только о хлебе насущном. И уж тем более написать книгу о своём жизненном пути с трудами, заботами и любовью, осветившей и укрепившей его.

И вот такая книга у меня в руках. Я в гостях у её автора, много послужившего, видевшего и испытывавшего. Ему за 80, он статен, черты его лица правильны, благородны, годы только смягчили их.

Мы сидим за столом, накрытым белой скатертью. Белым чехлом накрыто и моё кресло «для почётных гостей». Хозяин угощает меня тушёной сёмгой и Бордо.

А на Волге уже начал таять лёд.

И Бордо — славное!

Хозяин ходит по своей большой опустевшей после смерти жены квартире, рассказывает, спрашивает, подсаживается к столу и всё читает, читает из своей книги то, на что ему очень хочется обратить моё внимание. Читает чистым, хорошо поставленным голосом, а по его щеке то и дело скатывается одинокая слеза. Он извиняется, смахивает её, и опять читает, и новая слеза наворачивается.

Что поделаешь?

Душа не может всё время взмывать вверх. Ей тоже нужны передышки. И она снижается, вводя человека в уныние. Но потом, отдохнувши, опять дарит ему надежду, вновь тянет его вверх, к свету.

Говорят, что человеку нужно многое, весь мир. Но достаточно и малого. Скромного сада на высоком волжском берегу и островка напротив, над которым развеян дорогой прах, как было завещано. Ведь в этом тихом, родном уголке необъятной Земли прошли лучшие дни твоей и её жизни.

А Бордо и в самом деле славное!

Наш разговор прерывает звонок сына с Ямала.

Хозяин показывает фотографию дочери сына — красивой молодой женщины с улыбающимся младенцем на руках. Фотографиями улыбающихся детей, внуков и правнуков заставлены все полки.

Считается, что русские любят вспоминать, но не любят жить. А рядом со мной читает вслух свою книгу русский человек, который и жить любил и любит, и вспоминает об ушедших годах с любовью, хотя всякого хватало.

Славное, славное Бордо!

ПОСЛЕДНИЙ ПТЕРОДАКТИЛЬ

В советские времена фотолаборатории на предприятиях и в учебных заведениях часто устраивали в туалетах. Почему-то считалось, что их слишком много, а об устройство выходило недорогим. Вода подведена, есть слив, и затемнять помещение не надо, поскольку нет окон.

И эта действующая с первых послевоенных лет фотолаборатория размещена в длинной узкой комнате с торцевой стеной из мутных стеклопакетов, прикрытых чёрной упаковочной фотобумагой. С двух сторон тянутся полосы потерявшей цвет кафельной плитки. Над ней — оголившиеся красные кирпичи в белых прожилках извещкового раствора. В нескольких оставшихся кабинках урчат холодильники с хранящимися в них фотоматериалами. Ряд простых кранов нависает над внушительной

бетонной ванной на месте давно забытых толчков. В ней когда-то привычно стояли лотки с проявителями и закрепителями, тоже полузабытыми. Впрочем, здесь и сейчас можно изготовить фотографии по старинке.

Лаборатория неспешно, но неустанно работает. В ней тесно от фототехники и буфатории на все случаи жизни. Для её заведующего, известного фотографа, она давно стала вторым домом, вся его профессиональная деятельность сосредоточена в этих уже музейных стенах.

Говорят, что лучший день для посадки дерева сегодняшний — деревья растут долго. Пожалуй, и лучший день для фотосъёмки сегодняшний, ведь завтра мир станет другим.

Вычитал, как в 20-е годы прошлого столетия фотограф работал с деревянным штативом и двумя деревянными кассетами с четырьмя стеклянными фотопластинками. Он неспешно ходил, ставил штатив, смотрел, шёл дальше. К вечеру делал всего четыре снимка, таская все эти тяжести. Сегодня такие фотографии на вес золота.

«А я размышляю над фотомонтажом о последнем птеродактиле на Земле, — рассказывает заведующий. — Его единственное оставшееся яйцо разбито — больше птеродактилей не будет! Потеря оплакивается всеми, кто рядом. Это созвучно мыслям о последних людях на Земле. Когда-то ещё такой момент наступит, а печаль на сердце уже сейчас».

В глазах мастера, повидавшего столько лиц, впитавших в себя столько чужих взглядов, светится неистребимое любопытство человека, с детских лет заворожённого чудом рождения образа на чистом листе бумаги.

Люди уходят, техника меняется, здания рушатся, когда-то наступит черёд и этой повидавшей виды фотолаборатории, но что-то остаётся нерушимым.

Что?

ИРИНА ПРИЩЕПОВА

БАЙКАЛЬСКИЕ ЗАРИСОВКИ

ТАИНСТВО РОЖДЕНИЯ ЛЕТНЕГО ДНЯ

Осторожно, бережно открывает свежее летнее утро байкальские картины.

Справа, километрах в десяти от меня, мыс Толстый почти вертикально подпирает небеса своей сильной спиной. Над ним висит большая круглая бледнеющая луна. Немного выше угасающего ночного светила парят несколько крошечных невесомых облачков. Вершина Толстого уже встретила солнце и, окутанная праздничным флёром, радостно сверкает позолоченным гребнем. Слева, всего в километре, ангарский исток Ангара занавешена туманом, невидима, неведома. Там, в её стороне, скоро совершится таинство рождения Нового дня. На другом берегу Байкала, над остроконечными горами Хамар-Дабана, которые отсюда кажутся крохотными, нежно горит розоватая младенческая дымка.

Глубокая чаша Байкала наполнена ласковой голубизной самых различных оттенков. А у берега вода тёмная, переливается оттенками старого золота, берегового песка. Берег ещё не освещён солнцем, но уже его видят мысы, блестят от него просыпающиеся в порту теплоходы. Горы быстро преображаются, их бархатная зелень жадно впитывает желтизну солнца.

Радостно зачирикал, увидев утренний свет, воробышек. Приветствуя светило, показались чайки. Откуда-то возникая, летят они, ещё сероватые, и оглашают тишину сонными неуверенными обрывистыми звуками. Вдруг совсем рядом раздаются голоса диких гусей. Чайки, сразу проснувшись, стремительно их атакуют, прогоняют и, немного покричав, опускаются на воду. Пришёл их новый трудовой рыбацкий день.

В посёлке, вспомнив про свои сторожевые обязанности, залаял пёс. Рассвет зажёт розовым светом окна домов.

Открыло двери утро. Началась жизнь. Пошёл через ангарские воды паром, освещённый солнцем. В лазурных небесах, празднично сверкая, полетел самолёт.

Всё в просыпающейся природе Байкала великолепно: свежо, чудесно, уютно! Сонные волночки заплескались нежно и тихо. Слегка заколыхались от дыхания воздуха травы.

Последние минуты Солнце и Луна ещё делят чашу озера на две половины. Одна, уменьшающаяся, остаётся в предутренних красках, другая, стремительно увеличивающаяся, наполняется дневным ярким светом. Луна, почувствовав, что прихватила солнечное время, вместе с красивой лёгкою облачной свитой спускается за Толстый.

Исчезает Луна. Заканчивается двоевластие светил. С чистой байкальской воды, с небесной лазури начинается летний день, голубоглазый и ласковый.

ВЕНЕЦ ЛЕТА

Начало августа. Лето стоит прелестное. Всего вдоволь: и тепла, и прохлады. И не было сильной жары. И не было затяжных дождей. Шли они, будто по расписанию. Освежат, напоят природу и открывают небо. Выходит солнце, и все растения, от мала до велика, сверкают праздничной росой... Всё-таки, святое слово — мера...

Природа утолила голод после зимнего сна и, насытившись соками земли, напитавшись солнечными лучами, теперь сама дарит плоды, насыщает. И отдыхает, блаженствует, улыбается. Отяжелели кусты смородины и малины. Черничник усыпан крупными ягодами. Грибы молодцевато стоят на крепеньких ножках. Лапы кедров пригнулись от розово-лиловых шишек, висящих на ветках во множестве.

Созрело лесное лекарство, способное изгнать все хвори. Белеют соцветия тысячелистника. Яркими круглыми таблетками желтеют цветки пижмы. Густо растёт высокий чистотел. Во всю силу полыхают розовым огнём заросли стройного иванчая. Кое-где розовеют задумчивые головки клевера. Замечательная аптека, для всех и каждого, разноцветьем своим украшает сочно-зелёный травяной ковёр, в котором поют нехитрые песни и прыгают лёгкие, как воздух, невидимые среди стеблей кузнечики. Отдыхают на крупных цветках бабочки. Беззаботным кузнечикам и разноцветным бабочкам привольно жить в весёлых, надёжных травах.

Деревья свежи, раскидисты, здоровы. Глянцевые листья полностью отдаются игре с ветерком, по-детски купаются в голубом бескрайнем небесном море. Теплом дышат земля и небо. Замерли и смотрят на землю высокие облака сметанной белизны, взбитые до пышности неведомым небесным миксером. Им хочется сюда, ближе к земле, хочется укрыть своей белой заботой чудесные августовские леса, но им предначертан другой путь — небесный.

Пополнил свои воды Байкал и возлежит в полудрёме, глядя берег тихими сонными всплесками. Он, светло-голубой, ещё светлее неба, купает отражения облаков и даёт им возможность увидеть себя в водном зеркале. В нежной и чистой байкальской голубизне купается и солнце, широкой лентой растекается по воде его золото.

Камни на небольшой глубине заросли ярко-зелёными водорослями. На них лежат, поблёскивая, несколько монет, брошенных в воду туристами, верящими: кинешь деньги в Байкал — значит, побываешь здесь ещё раз, окунёшься в его хрустальную прохладу. А снова приехать на сибирское дивное озеро хочется всем, кто однажды здесь побывал.

Так хорошо зайти в воду, не торопясь, привыкая к прохладе, и не спеша поплыть, растворяясь в байкальском хрустале, поплыть через ласковый август. А затем ни о чём не думая, лежать на горячем жёлтом песке.

Тихо. Свежо. Тепло. Зелено. Чудесно. Венец лета. Отдых души. Природа подарила миру лето, принесла плоды и пребывает в состоянии расслабленности, умиротворения, удовлетворения, счастья. Так и человек бывает счастлив после хорошего завершения большого доброго дела. Ведь счастье — в отдыхе после окончания благих дел. Счастье — в плодах своего труда. Счастье — в красоте любимой земли.

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ СЕНТЯБРЯ

Последний день неласкового сентября неожиданно порадовал летним теплом. Появилось настоящим бабьим летом, и захотелось насладиться чудесными его мгновениями. Иду вдоль байкальского берега за посёлок к крутым горам, возвышающимся над тихой полузаброшенной Кругобайкальской железной дорогой. Подхожу к скале, много претерпевшей и от местных жителей, и от путешественников со всего света, желающих увековечить на ней своё имя. Ступаю медленно и вдруг вижу, что из-под

ног в страхе выскакивают маленькие кузнечики, высоко прыгают в разные стороны и даже пытаются лететь. Обхожу стороной их поселение и поднимаюсь над обрывистой скалой по крутой тропе, на которой осень раскидала отжившие берёзовые листья и окрасила ими дорожку в жёлтый крупный горох. Извилистая линия тропки делит гору на две части. Одна часть повёрнута к Байкалу и уходит своими уступами в его глубины, а другая никогда не видела сибирское море, хоть и стоит от него совсем близко. Чтобы не сорваться вниз, держусь за корявые стволы и ветки низкорослого кустарника. Добираюсь до скального выступа, по форме напоминающего кресло и удобно усаживаюсь в это каменное мшистое тёплое сиденье, вылепленное руками самой природы.

В небольшие углубления монолитного камня-скалы, на котором я сижу, за долгие годы набилось немного землицы, дающей жизнь травинкам и чахлым кусточкам. В одной из таких выемок, устланной берёзовым листом, прилегла, как на мягкую постельку, рябиновая веточка. А рядом на хилом коротеньком согнувшемся стебельке цветёт ярко-розовая гвоздичка.

Хорошо быть сейчас одной, любоваться осенним великолепием, пить свежий воздух, дышать красотой. Чуть колышутся травы, замирают от теплыни. И наверху, и внизу — лесное разноцветье. Наверное, благодаря тому, что месяц был ненастным, холодным, листва ещё сохранилась во множестве, хотя лесные просторы всё же стали сквозными, а на некоторых горах уже стали видны большие проплешины. Байкал, окрашенный во все оттенки синего цвета, степенно катит волны и плещет хрусталём в берег. По его волнистой поверхности кое-где дрейфуют беспомощные листья.

На горе, где я нахожусь, вместе со мной, замерев, любитесь чудесными картинами и радуется солнечному деньку древесный и кустарниковый народ. Он малочисленный, так как сильная крутизна и ветры не дают семенам падать и закрепляться здесь во множестве. Зато часть горы, закрытая от байкальского взора, густо заросла деревьями. И за моей спиной — сплошной лес.

Слева от меня, всего в нескольких метрах, касаются друг друга ветвями берёзка и рябинка. Им от роду лет по десять. Рябинка стройна и будет со временем красавицей. А вот у берёзки ствол у основания перекручен, змеист, часть его расположена горизонтально, а дальше он, тонкий и стройный, устремляется ввысь. Каково этой берёзке придётся в жизни? Выдержит ли узловатый, ненадёжный ствол тяжёлое дерево? Долго ли проживёт берёза бок о бок с рябиной?..

А метров на десять ниже деревьев-детей смотрит в байкальскую воду берёза, широкая, многоствольная. И даже непонятно, это одна берёза или дружное единство белоногих весёлых сестёр, сросшихся у самой земли и словно сияющей ширмой прикрывающих от меня часть Байкала. Но солнце не удержать, не скрыть, оно мощным потоком прорывается сквозь ветви и листья. Солнечная дорожка, протянувшаяся через всё море, сияет, слепит глаза, а по бокам горят, стремительно плывут с волнами к берегу многочисленные солнечные звёзды. Одни гаснут — другие вспыхивают. И этому волшебству нет конца. Вода стала холодной и более чистой. Солнце подсвечивает камни, затопленные у берега. Это свечение тоже движется, течёт, словно речка. Качается на воде светлым поплавком одинокая чайка-рыбачка. Изредка деловито пролетают в густой синеве вороны.

Несколькими метрами правее от берёзы и ещё ниже к Байкалу, нависая над страшным обрывом, растут рядышком две сосны, в молодой своей поре, сплошь в зелёных шишках. Выпало им всю жизнь с высоты птичьего полёта, презрев опасность, смотреться в байкальское зеркало. Вцепились они намертво в скалистую землю и, довольствуясь небогатой пищей, растут на радость и себе, и другим.

Справа, метрах в двадцати от меня, живёт на маленькой скалке сосна-подросток. Между её зелёных лапок в синем оконце неба белеет луна, ставшая в эти минуты ещё одним дневным светилом, гораздо менее заметным, но прекрасным.

У самой тропинки, уводящей в скалистые поднебесные просторы, в хрустальной синеве неба широко раскинула ветви зрелая берёза. Почти до земли ниспадают её тоненькие нитевидные ветки в ярко-жёлтых листьях и золотых серьгах, чуть покачиваются от тёплого ветерка, гладят куст багульника, среди огненной расцветки которого (о чудо!) раскрылись весенние ярко-розовые цветки. На одном кусте сошлись в великой гармонии весна и осень, и хорошо им вместе, и нисколько не тесно. Бабье лето щедро на удивительное, и временами его можно назвать и бабьей весной: ведь стольким цветам даёт оно вторую жизнь. И всё-таки жаль запоздалые цветы, жаль слабую гвоздичку и цветки багульника: совсем скоро их живые огоньки погасит колючий снег...

Вдруг в моё уединение, резко вспугнув по-птичьи чуткую тишину, врывается чёрный паровоз. Пыхтя и гудя, окутывая всё вокруг белым паром, несётся он под моей горой по Кругобайкалке, таща за собой всего два вагона. Пар быстро добирается до меня и, укутав всё вокруг плотной завесой, устремляется выше. Но, стремительный и зыбкий, он быстро тает. И вскоре паровоз, изрядно уменьшившись в размерах, пыхтит уже под другой горой, лежащей передо мной как на ладони. И вскоре скрывается за ней. Улёгся пар, и снова стало тихо. На убыль идёт туристический сезон, а, значит, скоро опустеют берега озера, и станет Байкалу спокойнее, легче.

Небо с любовью смотрит на Байкал, на осенние горы, посылает им тепло лучей. Если бы не снежные остроконечные снежные пики Хамар-Дабана, напоминающие о скорой зиме, было бы непонятно, где кончается море и начинается небо...

Показалась стая птиц, совершающая тренировку перед перелётом в земли, где не бывает зимы. Кружат они над Байкалом тревожно. Нет ещё в стае того порядка, который так необходим птицам в нелёгком пути, но вот-вот такой порядок наступит.

Долго можно сидеть в каменном кресле, глядеть на байкальские красоты. И сколько ни гляди — всё будет мало. Особенно, когда знаешь, что через три дня это блаженное время закончится. Придёт ненастье. Леса опустеют, почернеют. И почувствуем мы первое морозное дыхание возвращающейся через полгода зимы. А пока вокруг — солнце, синева, тепло, сошедшая с неба благодать. И хочется вобрать её в сердце до последней капли.

ОСЕННИЕ ШТРИХИ

Ранняя осень любима многими. Какого только богатства красок и оттенков ни увидишь в осенние дни! А как же хороша она у нас на Байкале! Замирает душа от разноцветья деревьев, от богатых их одежд. Красные гроздья рябин, золотистые причёски берёз, сусальное золото дрожащих от ветерка осинок. Светлынь. Разноцветье. Густая синева моря. Хочется смотреть и смотреть на это великолепие. И вспоминаются известные каждому с детства стихи.

«Унылая пора! Очей очарованье»... «Унылая!» — и этим сказано многое. «Унылая», а не весёлая. Унылая, потому что прощальная.

Сижу перед синей-синей гладью Байкала под берёзой. Иногда падают оторвавшиеся от родной ветки листья. Тихо шуршит осенний листочный метроном. Осенняя красота — зыбкая, грустная. Прелесть прощального мига — скорбная прелесть. Если весна «утро года», то осень — её вечер, её закат. Время встречи и расставания с теплом всегда прекрасны, будь то рассвет или закат, весеннее пробуждение или осеннее прощание. Вечерние и утренние зори, весна и осень — самые вдохновенные произведения

природы, самые дорогие её подарки. Но на рассвете и весенней порой ощущаешь прилив новых сил, радость от того, что впереди целый день и ты творец своего счастливого дня. А за красками заката и осенним золотом — ночь, отдых, сон. И знобящая темнота. И «седой зимы угрозы».

Листья, всё лето укрывавшие нас зелёными пышными шатрами, горят разноцветьем, летят, ложатся нам под ноги. И, умирая, говорят: «Мы засыпаем. Мы опадаем. Мы красивы. Запомните нас.» «Люблю я пышное природы увяданье»... И всё-таки главное слово строки — «увяданье»...

У осени — колдовские чары. Приковывает взор, не отпускает эта благодатная и, несомненно, поэтическая пора. Чудесно красива светящаяся разноцветьем душа природы. Горят, умирая, солнцем и огнём деревья и травы, словно хотят продлить жизнь, хотят запасти тепло впрок, в зиму. Но его всё меньше и меньше. Огонь осенний — безжизненный: «Горит костёр рябины красной, но никого не может он согреть»...

Очень жаль уходящую красоту. Светло, удивительно прекрасно прощается природа, отходя ко сну. Засыпают леса и поля, улетают птицы. И на сердце печаль, какая-то высокая птичья грусть. Будто близкий человек уезжает далеко и надолго. А, может, и навсегда. Перед долгим расставанием всё становится дороже, значительнее. Проводы дорогого, светлого много значат и часто вызывают раздумья, становятся стихами.

Дрожат на ветерке высохшие листья рябин. Отпечаток осени — отпечаток старости, немощности. А старость в какие наряды ни ряди...

Некоторые цветы и кусты надумали цвести второй раз. Но цветение это не буйное, каким бывает весной, а одиночное, исключительное. Кое-где встречаются жёлтые одуванчики. По-весеннему розовеют среди осеннего костра багульник и шиповник. В некоторых палисадниках распускаются ветки сирени. Всё рядом: тепло и холод, юность и старость, красота и убогость, жизнь и смерть. Недолго цвести и радовать предзимний мир прекрасным смельчакам. А вот весны ждать долго. И не все её дождутся. Для кого-то тепло этого лета было последним.

Останется вскоре земля пустая, голая, сирая. Природе — спать, птицам и листьям — улетать. А нам — провожать тепло, птиц, листья, мириться с короткими днями, словно от холодов сжимающимися, да привыкать к снегам и метелям...

Спи лёгким сном, любимая природа! До радостного весеннего пробуждения!

ПОЭТИЧЕСКИЙ ОГОНЬ ОСЕНИ

Августовские короткие дожди, звонкие, как колокольчики, освежают землю после июльской жары и открывают двери Золотой Осени — величайшему художнику, способному нарисовать мозаичное полотно сказочной красоты величиной в половину Земли. На праздник осени берёзы надевают косынки и платья золотистого цвета, красные девицы, рябина и черёмуха, наряжаются в яркие одежды. Только колючие сосны и мягкие кедры остаются верны лету и бережно хранят свою зелень.

Долго природа готовилась к осенним дням. Практичные цветы за лето стали плодами и принесли лесу богатство. Это их вклад в природу, смысл жизни. А напитанные росой былинки и ветреники-листья прожили жизнь бедняками. Но они тоже неспроста постучались в земное оконце, а затем проклюнулись-проросли. Они, крохи, были земле необходимы так же, как и деревья-гиганты, подпирающие синие небеса крепкими макушками. Весна и лето были для малышей временем испытаний, лесной школой, которую проходит всё, что растёт. Закалили, научили жизни запоздалые, заблудившиеся во времени весенние метели, тяжёлый секущий град, летний зной и засуха, проливные дожди. Всю короткую жизнь листья и травинки копили, таили в себе до срока добро и красоту, чтобы вспыхнуть факелочками в прощальном фейерверке

сентябрьских лесов и стать частичкой огненной расцветки леса, негромкой ноткой осенней симфонии...

Пламя охватывает леса сначала осторожно, бережно, отдельными искорками и проблесками, потом всё уверенней и, наконец, зажигает всё и всех, от мала до велика. Поэтический огонь осени, от которого солнечно и в пасмурную погоду, зажигается на прощание. Так день, уходя от нас навсегда, дарит изумительные по красоте закатные краски, быстро меняющиеся, перетекающие друг в друга. В такие минуты мы понимаем, что от нас уходит что-то великое и мы его разглядели только сейчас. От такого прощания щемит сердце, как будто расстаёшься с кем-то очень родным и близким...

Горящие листочки, трепеща от восторга, чувствуют, как слабеет кровная связь с деревом, их породившим, становятся лёгкими на подъём и с птичьим удовольствием отдаются ветру, полёту и легко покидают этот мир...

Осеннее разноцветье потрясает, заставляет бесконечно смотреть на чудо красок и крылатый полёт листьев. Ненужными становятся слова, говорит только распахнутая навстречу красоте душа. Много прекрасных стихов рождено этой порой.

Осеннее цветение трав и листьев — пора их благородной старости, итог их короткой жизни, их лебединая песня, их золотой юбилей.

ИЗ ОСЕНИ — В ЗИМУ, ИЗ ЗИМЫ — В ОСЕНЬ

В последних числах октября мне посчастливилось за два часа поездки перенестись сначала из осени в зиму, а затем вновь из зимы возвратиться в осень. Это запоминающееся путешествие совершила я на обычной рейсовой маршрутке, следующей из Иркутска в прибайкальский городок Слюдянку.

Выехала я в девять часов утра. Начиналось прохладное солнечное утро. Накануне в Иркутске шёл снег, но утром на обочинах улиц от него остались лишь намёки, а шоссе уже было совсем сухим.

Первые сорок минут дороги большого впечатления не оставили. Всё как обычно, ничего примечательного: ровная дорога, остатки снега, спешащие куда-то машины. А потом дорога стала петлять по горам, стремительно набирая высоту. Временами закладывало уши. И вдруг в одну минуту мы, пассажиры, попали в настоящую зиму. Навстречу с двух сторон плыл заснеженный лес, в основном еловый, величавый. (Большинство елей здесь могучие, высоченные. И только ближе к шоссе встречаются еловые подросточки и малые ребяташки.) Деревья стояли в глубоком снегу. Снег почти полностью закрыл длинные тёмно-зелёные ветви, своей тяжестью пригнул их к земле. С некоторых ветвей он срывался и падал, на лету рассыпаясь в мелкую блестящую пыль. Утреннее солнце освещало лес, пробиваясь сквозь его хвойно-снеговую густоту. И снежные платя елей, взрослых и детей, были нарядны и чисты, а те, которые попали под ласку солнечных лучей, ещё и сияли. Изумительная картина эта постоянно менялась. Казалось, машина стоит на месте, а лес течёт, плывёт, летит, стремясь показать взору свою волшебную красоту. Больше часа настоящей зимы, белейшего, солнечно-праздничного, ничем не запятнанного снега!

Вдруг среди обнажённых ветвей берёз далеко внизу мелькнули воды Байкала. Потом ещё раз. И вскоре показались снежные гольцы Хамар-Дабана, бессменные, надёжные часовые древнейшего озера-моря. Серебристо-белые вершины гор, среди которых были и острые, и пологие, поражали великолепием. Божественную белизну вершин оттеняли более низкие части гор, тёмно-синие, тусклые. Несмотря на то, что вершины возвышались над противоположной стороной озера, они казались совсем близкими, ведь мы подъезжали к южной оконечности Байкала. А она узка

и относительно мелка. Цепь гранитных гор является незабываемой границей, завершающей прекрасные байкальские владения.

Мы выезжали из зимы. За окном маршрутки становилось всё меньше и меньше снега. Вот дорога пошла под горку, и его не стало совсем. Тепло и ласково встретила нас солнечная осень. Расступились, остались позади деревья, и горы, несказанно красивые, подпирающие глубокие небеса, открылись полностью. Далеко внизу живым позолоченным полотном раскинулись синие байкальские воды. Байкал возлежал по царски, могуче и вольно. В синюю глубину озера-моря до самой солнечной золотой дорожки врезался бурый Шаманский мыс, похожий на гигантского изогнувшегося доисторического ящера. И нельзя было оторвать глаз от Байкала, от мыса, от гор, от всей величественной, восхитительной, нерукотворной картины.

Машина наша спускалась по опасному серпантину. Она ехала медленно, осторожно, виляя по крутому открытому склону, поворачивая пассажиров то одним боком к байкальскому морю, то другим. Моя голова сама поворачивалась в сторону Байкала, который быстро приближался. Вот он уже плещется, играя, совсем рядом, на одной высоте с нами. Опасный путь остался позади. Маршрутка весело побежала вдоль берега по длинной улице посёлка Култук, первого русского поселения на юге Байкала. Слюдянка, которая делит с Култуком славный юг озера, уже была хорошо видна. Дорога отходила то дальше от синего, плещущего солнцем озера, то вновь приближалась к нему. Но Байкал приковал взор, и было радостно, что он отовсюду хорошо виден. И было жаль, что дорога подходит к концу...

НЕ УБИВАЙТЕ ДЕТЕЙ БАЙКАЛА!

Лето выдалось сухим и жарким. К середине июля вода стала такой тёплой, какой я у нас и не помню. В байкальском «бассейне» можно было купаться с утра до вечера. А какое блаженство после купания лежать на горячем песке! Кругом несказанная красота: синь воды, горячий песок, ласковые волны, цветущие травы, над которыми живыми цветками порхают бабочки. Высокое жаркое солнце клонит ко сну, прикрывает глаза. Откроешь их, и, кажется, что белые теплоходы, проплывающие вдаль, сияющая листва деревьев, разноцветье трав, чайки, покачивающиеся на синей воде, — всё это только снится. Не верится, что такая благодать может быть наяву. И в эти блаженные минуты кажется, что весь мир наполнен добром. И каждой клеточкой чувствуешь: «И жизнь хороша, и жить хорошо!» И верится в чудо.

Тёплым летом каждый день на Байкале можно было увидеть нескольких нерп, плавающих недалеко от купающихся людей. Они то ныряли в аквамашиновые глубины, сверкнув мокрой спиной, то всплывали. Их тёмные головки подолгу держались над водой, рассматривали байкальский надводный мир. Одна из нерп, по-видимому, была храбрее и любопытнее других. Её непреодолимо тянуло к человеческому общению. Она выбирала то одного, то другого пловца и сопровождала его, держась от него на некоторой дистанции. И провожала его, когда он возвращался. Затем плыла за кем-нибудь другим. И эта забава, похоже, доставляла ей большое удовольствие. И вот, проводив отлично плавающего парня, поплыла она под водой вдоль самого берега, всего в нескольких шагах от него, наверное, присматривалась к людям. Отдыхающие — в основном, туристы, многие из которых впервые видели нерпу так близко от себя — не удержались от восторженных возгласов. Ей бросали еду, ей махали руками, ею восхищались. И вот это очаровательное большеглазое дитя Байкала, к всеобщему огорчению, ушло в глубину. Наверное, крики испугали нерпу, и больше она не подплывала так близко.

За лето нерпы привыкли к людям и, похоже, скучали, когда закончился пляжный сезон. Они крутились возле берега до самой осени. Как-то приятельница сняла на видео нерп, купающихся в прибрежных древних валунах, высокие макушки которых темнеют над водой. Пока я любовалась кадрами, она сказала, что местный рыбак пригрозил убить нерп, так как они портят рыбу в его сетях. И стало тревожно за животных, привязавшихся к человеку, ставших такими доверчивыми.

Прискорбно, что нерпы ищут общения, а люди тем временем думают о промышленной добыче этих очаровательных эндемиков Байкала с глазами детей, с разумом, превосходящим разум дельфинов. Для человека природа прежде всего богатый дармовой источник доходов, и он, «царь», стремительно выкачивает её недра, использует ресурсы планеты на полную катушку, совершенно её не щадя. И ничего не даёт взамен. И хочет большего. Царствует человек по принципу старухи из известной сказки Пушкина. Вот только сила моря, даже такого могучего, как Байкал, не беспредельна. И скоро всё может закончиться «разбитым корытом» — глобальной земной катастрофой.

К сожалению, увеличилась тяга к развлечениям, зрелищам. И одно из таких развлечений — нездоровая страсть к охоте ради охоты. Сделать больно невинному существу, ранить или убить его и уйти удовлетворённым супергероем — ничего более печального не может быть. Точные слова нашёл Виктор Гюго: «Ночь не так черна, как человек»...

К самой страшной, кровавой, гнусной охоте можно отнести охоту с вертолётки на диких животных (когда им никуда не деться от пули) и охоту на нерп. В нерп стреляют из ружей, одних убивают наповал, другие, раненые, уплывают в муках умирать в байкальские глубины. Ловят бедных животных и сетями, запутавшись в которых, они, обречённые на смерть, не имеют возможности всплыть на поверхность и подышать и также умирают в страшных мучениях. Забивают символ Байкала и палками по голове: и взрослых, и малышей. Жуткая картина. Кто ты, охотник, как назвать тебя, если убиваешь детёныша, который от страха прижимается к тебе, ищет у тебя защиты, как у матери? Вот как сказал Евгений Евтушенко в «Балладе о нерпах» об убийстве обаятельных животных:

*Нерпы, нерпы, мы вас любим,
но дубинами вас лупим,
ибо требует страна.
По глазам вас хлещем люто,
потому что вы — валюта,
а валюта нам нужна.*

*Нерпы плачут, нерпы плачут
и детей под брюхо прячут,
но жалеть нам их нельзя.
Вновь дубинами мы свищем.
Прилипают к сапожищам
нерп кричащие глаза.*

Теперь нерпы не валюта. Убивать их незачем. Их мясо малопригодно для еды. Пропал спрос на мех и на жир, ранее бывшие в цене. Тогда зачем же их добывать, тем более промышленным способом? Единственный смысл убийства: забава для некоторых туристов, жаждущих пролить кровь. Только не пора ли оставить нерпу в покое?

Натерпелась она. А вместо расправы с беззащитными детьми Байкала надо бы прекратить продавать берег под турбазы (тем более китайцам), заняться сохранением чистоты воды и вообще подумать, как помочь больному озеру, которое страдает по вине человека. Но нет. Директор Байкальского филиала «Госрыбцентра» Владимир Петерфельд двумя руками за добычу нерпы. Он заявил: «А кто сказал, что люди против промышленной добычи нерпы? В некоторые годы добывали даже до 10 тысяч голов, лично я в этом ничего плохого не вижу. Испокон веков на Байкале нерпу добывали... Другое дело — куда девать продукты добычи?..» И тут же предложил развивать сувенирное дело. То есть, дабы куда сгодились шкуры тысяч нерп. Только на сувениры такое количество шкур не понадобится.

Получается, будем добывать, не зная, куда деть. Убьём, а потом будем искать применение. Игрушка из множества нерп. Десятки тысяч жестоко загубленных жизнью. Почему, по какому праву мы ими играем? И почему нерпами занимается «Госрыбцентр»? Нерпа не рыба, так же, как человек не обезьяна. И как было бы хорошо, если бы директором «Госрыбцентра» был человек, более гуманный, умеющий сострадать, чувствующий ответственность за свои действия в природе.

Почему считается, что не обойтись без уничтожения нерп? Кто за это ратует?

Нерпу не любят рыбаки. Говорят, она поедает омуль. Но нерпа не может есть омуль: зубов у неё нет, а рыба слишком большая, чтобы она могла её проглотить. Так что и здесь нерпа чиста перед людьми, человечество она не объедает. А вот сети расставлены по всему побережью, и в них кроме рыбы нередко попадают и нерпы.

Есть учёные, считающие, что нерп развелось много и надо истребить какую-то часть для их же блага. Иначе они вымрут во множестве от инфекции. То есть надо убивать одних ради жизни других. Убивать, потому что любим животных и желаем им добра. Странная любовь!

А если человек сам боится пострадать от инфекции, то ему надо не губить ядами планету, и тогда не нужно будет бояться заразиться. Вот как сказал об этом в книге «Сибирь, Сибирь...» Валентин Распутин: «В последнее время известия о массовой гибели нерпы шли с разных концов Байкала... Учёные торопливо объяснили: инфекция. Но и инфекция с неба не берётся, для неё нужны благоприятные, а для нерпы неблагоприятные условия, которые способствуют болезни. Спасаясь от неё, нерпа выплывает на берег, ищет защиты у человека, кричит и в конце концов застывает».

Уверена, нет ни одного учёного на земле, кто мог бы с точностью сказать, сколько нерп на Байкале. Ведь требуются большие средства и большие усилия, чтобы посчитать животных. Непонятно, зачем регулировать численность, которая неизвестна? И почему такими жестокими мерами? Да и природа в состоянии отрегулировать численность сама. У неё для этого механизмов достаточно. Можно подумать, миллионы лет нерпы ждали, когда, наконец, появится на земле их младший братец, человек разумный, отрегулирует их численность и наведёт порядок в озере с хрустальной водой, с богатейшим растительным миром, со множеством эндемичных животных. И не появившись он, «регулирующий» планетарного масштаба, уже не было бы и нерп, и самого озера-моря. Только всё наоборот. Много дров наломал человек в природе, ранил её, как зверя, и почти не оставил путей к спасению.

Нет, наверное, в России никого, кто не слышал бы о нерпе. Она героиня художественных и публицистических произведений, картин, она неотъемлемая часть Байкала. Вот что по этому поводу говорит Борис Дицевич, старший научный сотрудник учебно-методического центра «Сибирьнаучка» Иркутского государственного аграрного университета: «Образ нерпы сильно мифологизировали. Да, это один из символов озера, хотя соболя ведь тоже считают символом тайги, но используют же, и он

приносит пользу. Мы, учёные, не призываем уничтожать нерпу и уж тем более не хотим подталкивать людей к браконьерству, но выступаем за рациональное и умеренное использование диких животных. Также я считаю, что фотоохота на нерпу или даже её туристический отлов могли бы помочь развитию зимнего туризма на Байкале.

Да, нелестно сказал о нерпе Борис Николаевич. А последние строки заставляют похолодеть, так как они развязывают руки браконьерам и потрошителям. Если решат «туристический отлов», и станут в порядке вещей ужасные убийства животных, подобные тому, о котором несколько лет назад рассказало Иркутское телевидение. Коротко скажу о сути злодеяния, в большой надежде, что такого больше никогда на Байкале не повторится.

Инспектор Байкало-Ленского заповедника(!) и его приятель убивали нерп и снимали преступление на камеру, и это видео несколько лет назад было показано по иркутскому телевидению и давно выложено в сети. На видео потрошители показывают туристам, как нужно выделывать шкуры и топить жир. Они грубо вытаскивают раненых нерп из сетей, не испытывая к своим жертвам никакого сострадания, беспокоясь только о сохранности снастей. Они убивают животных, не щадя ни беременных самок, ни детёнышей. Разделяют их на глазах у животных, которых ждёт та же участь. Кровь льётся рекой. Вдруг нелюди замечают на льду соболя и пытаются дognать его на джипе. Но зверьку посчастливилось спастись. И весь этот ужас происходит на охраняемом, заповедном лежбище нерп!

Видео шокировало телезрителей. Инспектор, «заступник природы», сам её варварски губит! А когда преступлением заинтересовалась прокуратура, горе-инспектор попытался оправдать злодеяния своим маленьким заработком.

Инспектора-браконьера уволили. Когда было возбуждено уголовное дело, он скрылся. Что стало с ним дальше, мне неизвестно. Горько оттого, что «чёрное», изуверски-жестокое дело сделано. Для чего? Ради какой острой нужды? Позабавить богатых туристов и содрать с них желанные деньги?

К счастью, далеко не все туристы и жители байкальских берегов жаждут крови нерп. Многим радостно видеть нерпу даже издали, живую и невредимую. Валентин Распутин в очерке «Байкал, Байкал» рассказывает о прогулке с московским товарищем по байкальскому берегу, о том, как переполненный впечатлениями гость устал удивляться и восхищаться байкальскими красотами. «Помню, его доконала в тот день нерпа. Она редко подплывает близко к берегу, а тут, как по заказу, нежилась на воде совсем недалеко, и, когда я, заметив, показал на неё, у товарища вырвался громкий и дикий вскрик, и он вдруг принялся подсвистывать и подманывать, словно собачонку, нерпу руками. Она, разумеется, тотчас ушла под воду, а товарищ мой в последнем изумлении от нерпы и от себя опять умолк, и на этот раз надолго».

Узнавая людей, видишь, насколько они разные и насколько различно людское отношение к Байкалу и его обитателям. Но каким бы оно ни было, добрым или чересчур рациональным, каждый знает, что Байкал у нас один. Природа долго трудилась, создавая это волшебство. И всё просчитала, и дала озеру-морю бессмертие. В уникальном море живут уникальные обитатели, из которых самым известным, самым обаятельным, самым умным, самым любимым была и остаётся нерпа. И останется на долгие века, если мы, люди, её не погубим.

БАЙКАЛЬСКИЕ КАМНИ

Десятки миллионов лет живёт Байкал. Трудно себе представить такой солидный возраст озера. И недаром называют его морем: ведь озёра столько не живут! Для человека жизнь Байкала — временная бесконечность. Мне, выросшей на берегах славного

нестареющего озера-моря, невозможно поверить, что его когда-то могло не быть. Кажется, всегда сияла солнцем синь его глубоких вод, то удивительно-спокойных, застывших, то слегка взволнованных, а то клокочущих и неукротимых, бьющих в берег тугой пенной волной.

И всё-таки было оно, безмерно давнее время, когда Байкал зародился. Он долго обустроивался, создавал себе удобное, глубокое ложе, рос вширь и вдаль, украшал берега. Байкал — живой, одухотворённый, гениальный художник. И одно из чудесных его творений — береговые камни. Стареющие горы (а древнейшим геологическим породам у истока Ангары и вдоль Кругобайкалки более 3 миллиардов лет!), сложенные из гранита, мрамора, слюды, кварца, апатитов и других горных пород, разрушаются, осыпаются в море, а оно без усталости моет, ласково обкатывает, округляет обломки скал, напитывает своей красотой и любовью. И каждый камень, пройдя долгую обработку в байкальской «мастерской», становится удивительно прекрасным. Кажется, что в нём навеки застыл шум волн, оставили след давно минувшие эпохи и тихонько звучит волшебная песня Байкала.

Очень живописны, монументальны у берегов большие камни. Море ласкает их, дочиста моет, осыпает серебряным горошком брызг. Подводная часть их, поросшая водорослями, служит надёжным просторным домом юрким большеголовым бычкам. А наверху, на сухой части, любят птицы отдыхать от постоянных забот. На некоторых можно и человеку посидеть, поразмышлять, полюбоваться морскими пейзажами.

Мелкие и средние береговые камешки летом нежатся на песке, набираются солнца и бывают так горячи, что обжигают руку. Приятно, освежившись в студёной водичке, полежать на них, щедро отдающих своё тепло. А в морозы они покрываются ледяной коркой. Сначала ледовая глазурь совсем тонкая, но ей удаётся сцепить камни, словно цементом. Под прозрачной скользкой корочкой они становятся на вид влажными и более яркими. Морозы крепчают, корка становится толще, и одевает камни в ледовые шапочки. Чуть позже лёд нарастает ровной линией и прячет берега до весны...

В тёплое время люблю, сидя у воды, поднести к глазам камешки, среди которых нет двух одинаковых, так же, как нет двух одинаковых людей. Люблю рассматривать их подолгу. Они такие разные! Большие, средние и маленькие. Плоские, круглые и неровные. Голубоватые, красноватые, сероватые, тёмные, светлые. Белые с оранжевым крапом. Светлые с зеленовато-коричневыми прожилками. Тёмные в светлую крапинку. Серые в жёлтую полоску. Белые в частых веснушках. Встречала округлые с вдавленными бороздками, похожие на домик улитки. Повидала немало круглых, с многочисленными ямками, похожих на маленькие планетки, испещрённые метеоритами. И почти в каждом — слюдяной звёздный блеск. В одних блеска меньше, другие сверкают на солнце. А некоторые, полупрозрачные, пропускают солнечный свет. Хорошо им здесь, у Байкала. Прижились, притёрлись друг к другу, привыкли к шуму прибоя.

Когда-то на берегах было настоящее каменное разнообразие по цвету, форме, размеру, яркости, блеску. Настоящая ярмарка драгоценностей. Почему было? — спросит читатель. Куда могли подеваться камни? Да, сами они не исчезают. Их во множестве уносят люди. Камни покрупнее хороши для строительства. Мелкие камни берут на сувениры или бросают в воду, тренируясь в дальности броска и в меткости. Бывает, и продают. Рисуют на камешке какую-нибудь картинку: нерпу, байкальский пейзаж или контур Байкала — и готово «произведение искусства»! Сколько камней разъехалось по всему свету — не счесть! Остаётся их на берегу всё меньше и меньше. И это ещё не самая большая беда. Изменились до неузнаваемости сами берега. На немалой части их стоят турбазы, пристани, гаражи и другие строения. Разве могут тут сохраниться камни!

Думаю, и сам Байкал не узнаёт окружающие его земли и пребывает от новшеств в печали.

Есть и мой грех по отношению к искусству Байкала. Помню свою давнюю поездку в бухту Песчаную в школьные годы. Вспоминается, как была очарована я плоскими камешками, лежащими среди бархатного песка, который устелил там все, от берега до высоких гор. Они были обкатанными без единой погрешности. Они были тёплыми, как лучи, нежными, как шёлк. Их не хотелось выпускать из рук. И я не удержалась, набрала больше десятка камней и привезла домой. Хранились они у меня в книжном шкафу в коробочке из-под конфет. Я их изредка перекаладывала, когда помещала в шкаф новые книги. Книги прибывали, им становилось тесно, и я унесла камни на берег Байкала и пустила блинчиками по водной глади. И упрыгали резвыми лягушатами мои камешки вдаль и опустились на дно на большой глубине, откуда их уже никому не достать. И только спустя много лет пришло осознание: если лежит камень на берегу Байкала с доисторических времён, то и трогать его нельзя. И как же можно нам, людям, его брать, если лежал он на святом озере несметное количество лет, положенный не нами, а самим Байкалом?! А морю отдали его горы, которые тоже являются неотъемлемой частью студёного моря. Камни — для всех. И забирать их нельзя. Ни для каких целей: ни для строительства, ни на забаву, ни для подарка. Байкальский берег свят. Здесь нет ничего лишнего, и всё слилось в гармонии воды, земли и неба.

Похожи на камешки искусно отполированные Байкалом разноцветные стёкла. Удивляет, что такое гладкое чудо изготовлено морем из острых бутылочных осколков, вдребезги разбитых нерадивой рукой. С трудом верится, что стёклышки, которыми не устаёт любоваться глаз и к которым приятно прикоснуться руке, когда-то были острее ножа, и ими легко можно было порезаться. А теперь из этого разноцветья можно сложить на песке дивную мозаику. Сколько за нами мусора убирает природа, сколько наших ошибок исправляет! И не устаёт она, рачительная хозяйка, давать вторую жизнь отжившему, собирать из кусочков нечто на удивление прекрасное.

Способность вдохновенно создавать выделяет человека из живой природы. И сам процесс творчества мы взяли у неё, наблюдая за ней внимательным глазом. Природа творящая. Она сотворила множество диковин. В ней всё неповторимо и гармонично. И нам дано любоваться её произведениями. И надо беречь их, не допускать варварства. Так пусть живёт и процветает природа наша, никем не ущемлённая, пусть радуется красоте Байкал — лучший из лучших её детей, пусть нежатся на песке и греют спинки на солнышке камни — творения древнейших байкальских гор и славного моря!

В СВОЕЙ СТИХИИ

В одном из своих эссе литературовед Лариса Баранова-Гонченко, цитируя стихотворение Дианы Кан, написала: «Это стихи ... из книги, которая вышла тиражом всего 600 экземпляров. И как мы с этими шестьюстами экземплярами разберёмся, как познакомимся друг с другом?..» Книга Кан «Подданная русских захолустий» (2003) весьма объёмиста, почти 200 страниц. А я вот держу в руках её тоненький 70-страничный сборник «Млечный мост», вышедший в 2019 году — в год 55-летнего юбилея автора — в Оренбурге тиражом всего 100 экземпляров. Держу и думаю думаю невёселую.

Вроде радоваться надо — книга вышла, в ней собраны талантливые новые стихи, которые до того, как попасть под тонкую обложку, активно печатались ведущими литературными изданиями России. А радости нет. Шестнадцать лет прошло с тех пор, как книги Дианы Кан издавались тиражом «всего» 600 экземпляров — и вот такой «прогресс»: спустя полтора десятилетия плодотворной работы автора тираж уменьшился до ста экземпляров. Чем более известной становится поэтесса, тем сильнее сокращаются тиражи её книг.

Позвонил я Диане, высказал свои мысли. В ответ услышал: «Эдуард Константинович, я рада даже такому сборнику. Лучше такая книга, маленькая-тоненькая-малотиражная, чем никакой! К тому же она дорогá мне тем, что её издали мои читатели, обычные люди, никакие не олигархи. Взяли кредит, чтобы издать мою книгу, и я им очень благодарна...»^{*}

Что мне оставалось сказать? Что «эта книга небольшая томов премногих тяжелей»? Это я и сказал, добавив, что в ней что ни стихотворение — то самоцвет. А особенно приятно, что вошло в эту книжечку новое стихотворение Дианы, которое хоть и не посвящено мне, но я его считаю по праву своим. Ведь речь в нём идёт о моем пестравском самарском селе:

*Ох уж эти пестравские бабушки,
Что тебя называют «желанная».*

^{*} Сборник стихотворений Дианы Кан «Млечный мост» (2019) издан в Оренбурге на средства Сергея и Алины Мотыженковых.

*Наколдуют такие оладушки,
Что сидишь, аки гостюшка званая.*

*А ведь ты нежданно-непрошенно
Заскочила узнать, сколько времечка?
«Ешь оладьи, моя хорошая!»
И тебя поцелует в темечко.*

*И, забыв, что зашла ты наскоро,
Наклонишься над старенькой чашкою.
И навстречу качнётся ласково
Духовитый чаёк ромашковый.*

*В нём степные просторы пестравские
Уместились, вовек неоглядные...
И сидишь, словно гостья заправская,
Ешь оладушки, бабушку радуя.*

*Угощаешься всласть смородиной.
Ищешь повод продлить гостевание.
Хоть Пестравка тебе не родина,
Разве знала ты это заранее?..*

Диана Кан не раз была желанной гостьей наших сельчан. Помнится, когда ещё не сгорел в нашем селе культурный центр, выступала она там. Когда культурного центра не стало, она приезжала и читала свои стихи со сцены школы села Майское... Каждый раз стихи были новые, и люди не переставали удивляться, насколько многообразно её творчество.

Многие годы я не мог определить, поэт или поэтесса Диана Кан. Помнится, спросил её, мол, как мне тебя называть, если надумаю написать о тебе очерк? Посмеялась: «Как хочешь, хоть горшком, только в печку не ставь». И добавила, что определения «поэт» или «поэтесса» для неё не принципиальны. Можно носить брюки, но при этом быть поэтессой. А можно и в платье с оборками видеть мир, как поэт.

И вот, наконец, спустя много лет я определился во мнении. Диана Кан — поэт. Один из лучших в России. Это не отменяет того, что она очень красивая женщина. Последние годы я стал видеть её редко, она уехала на свою орenburgскую родину, где когда-то начинала творческий путь. Я и большинство самарских писателей надеемся, кто тайно, а кто и вслух, что Кан вернётся в Самару. Потому что без неё литературный процесс потерял множество красок.

Стихи, которые она написала в разлуке с Самарой и Волгой, не по-женски жёсткие, откровенные и самоироничные. «Поэтесса» никогда не напишет:

*Мы поэты... А, значит, нам так и надо!
На впервой терять, что с лихвой имеем,
Истекая жгучим змеиным ядом,
А отнюдь не сладковатым елеем.*

*...Мы пощады у Господа не просили,
Хоть и падали перед Ним на колени.*

*Мы влюблялись, вскрывали вены, тусили,
Предаваясь самой изысканной лени.*

*Да не только Лене! Светлане, Кате...
Ну, а пуще — Вере, Любви, Надежде...
Мы, поэты, всегда приходим некстати.
Поимённо — другие. По сути — те же.*

Многих изумляет манера стихосложения Дианы Кан. Словно играючи, она соединяет бытовое с бытийным, высокое — с низким, пафосное — с ироничным и делает это так естественно, что понимаешь: стихия русской речи изначально дана Диане.

В новых стихах, написанных уже в Оренбурге, раскрывается новая грань её таланта — художественная самоироничность, которую практически не встретишь в стихах поэтесс. Как правило, самоирония — чисто мужское качество. Вот как рассматривает Кан чисто женский диалог с зеркалом, который встречается ещё в пушкинском сюжете о мачехе, завидующей молодой падчерице:

*Причешись, причепури́сь,
Улыбнись, примерь обновы!..
— Свет мой, зеркальце, заткнись!
Мне и без тебя хреново.*

*По спирали жизнь бежит...
Постирали, постирали
Годы юный шёлк ланит,
Что остался в зазеркалье.*

*Эвон дочка подросла,
Красотой меня затмила...
Всё вы врётё, зеркала!
Хоть я правды не просила!*

*Строчка встала на крыло
И далёко улетела...
Ах ты, мерзкое стекло!
Ну, твоё какое дело?..*

*В зазеркальных тайниках
Пусть живёт девчушка эта,
Что не ведает пока,
Что сулит судьба поэта.*

Здесь конфликт совсем не женский. Это конфликт поэта, небесного избранника, который остаётся художником лишь в той степени, в какой в нём живёт детство. Умение посмеяться над собой, над своими женскими слабостями вывело творчество Кан из женской «резервации» на просторы поэзии — на территорию мужчин.

Особенно значимы у каждого поэта стихи о малой родине. Эта корневая связь питает любое поэтическое творчество. В ней поэт раскрывается наиболее полно:

*Здесь растут без всяких привилегий
Придорожной сорною травой
Россыпи прибудных аквилегий,
Принятых Россией на постой.*

*Здесь в дожде купается купена,
Предвкушая солнечный потоп.
И ромашки всходят белопенно,
Обживая фронтовой окоп.*

*Это все она, моя Россия!
Это я, её родная дочь!
Кашки сами в руки попросились —
Их сорвать хотела — да невмочь!*

*Прикорнул к плечу татарник милый,
Даже не пытаясь уколоть...
Эх, напрасно мама попросила
Доченьку картошку прополоть!*

Диана Кан начала свой путь к всероссийской известности как автор яркой гражданской лирики. Потом отошла от этой темы и интонации, но видимо, для того, чтобы вернуться к ним на новом витке творческого полёта. Не будем забывать, что Оренбуржье, где она сейчас живёт и работает, да и Самарский край, ставший её поэтической отчиной, прославлены в веках как край Пугачёвского восстания. Мало кто знает, что пленён Емельян Пугачёв был на территории Пестравского района и через село Мосты этапирован генералиссимусом Суворовым в столицу к месту казни. Как ни крути, придётся признать, что неоднозначная личность Пугачёва навек породнила Урал с Волгой, а Оренбуржье с Самарским краем:

*Край мой мятежный. Край мой крамольный...
Ветер-ведьмак пугачёвщиной дышит.
Край мой далёкий от Первопрестольной.
Горем завейся — Москва не услышит.*

*Горем завейся, ветром укройся,
Песней утешься, а я буду рядом...
Ойся ты, ойся! Столицы не бойся,
Край мой крамольный, оно тебе надо?*

*Царь ли царевич? Король королевич?
В баньке уважь их да в печь на лопату.
Кроток в молитве и страшен ты в гневе,
Край мой, кровавым рассветом объятый.*

Сегодня все понимают, что идёт активное уничтожение страны «новыми ляхами». И Россия, особенно в глубинке, как бы притихла и сосредотачивается на мысли, что же с этим делать и где тот спаситель Отечества, которого так ждут, но в которого при

этом никто не верит? Потому что не все хотят, чтобы он пришёл с огнём и мечом. Вот как видит возрождение России путём эволюции Диана Кан:

*Он вёл их, молча, по былинным,
По диким муромским лесам –
Иуд, что верили наивно
В то, что и он иуда сам.*

*Вёл, обходя в пути святыни,
Не тратя понапрасну слов,
Духовно-ядерной твердыни,
Что называется Саров.*

*Он вёл их, Китеж огибая
И светлый болдинский приют...
Знать, на Руси судьба такая,
Что первыми героев бьют.*

*В пути не раз им повстречался
Шальной разбойник-соловей.
Вослед ведомым так смеялся,
Что листья сыпались с ветвей.*

*Вёл, обходя Урал и Волгу,
Хоть их никак не обогнуть...
Во временах-пространствах долгий –
Единственно возможный путь!*

*И мысль одна терзала сердце,
Ведомым вовсе не в укор –
Как миновать в пути Освенцим,
И Саласпилс, и Собибор?..*

*...А дальше, братья-ляхи, сами.
Эх, ни покрышки вам, ни дна...
«Кажись, пришли! – вздохнул Сусанин –
Варшава-матушка видна!..»*

Вновь наступило время гражданской лирики.

Я частенько звоню Диане, и говорим мы в основном о политике, как и все. Но при этом я согласен с ней, что судьба России уже решается не на земле...

АЛЕКСАНДР НЕСТРУГИН

НА ДОНСКОМ БЕРЕГУ

* * *

Первые значимые стихотворные опыты Александра Нестругина относятся ко второй половине 1970-х. Спустя десять лет в его поэзии происходит глубокое внутреннее преобразование. Будто кто-то вышний придаёт лёгким невозможный прежде объём и глубину дыхания, а голосу — звонкость и редкую возможность говорить шёпотом внятно и разборчиво. Если ранее к читателю обращался литературно одаренный сердечный собеседник, то с этой поры слышишь речь поэта поистине большого.

Вячеслав Лютый,
литературный критик

СЛОВО И ПОЛЕ

Что ни строка, то в терновом венце роковом...
Речь, ты свеча — или дремлющий пал на Руси?
...Полю же — сеять и жать.

Ну и — пот вытирать рукавом
То перелеска, то пыльной лесной полосы.

Всё-то мы слова выводим особенный сорт,
Тешимся думкой, что хлеба важнее оно.
...Поле, вдыхая колючую ость и осот,
В тёмных ладонях несёт золотое зерно!

Слово, прошу: первородство своё уступи,
Чтобы миры прозревала строка на веку —
Узким прокосом, где бабушка вяжет снопы,
Век собирая рассыпанный — по колоску...

ГИМН

Губами дрогну, — звукам гимна
Навстречу... А вот петь — боюсь:
Вспухают в горле, как ангина,
Слова, в которых жив Союз —
Ещё могучий и единый,
Бедой не прибранный к рукам,

Моим не верящий сединам —
И новым ханам и князькам.
Гагаринской улыбки светом
Поднявшийся — за облака!
...Да, там махала партбилетом
Едва ль не каждая строка.
И в этом было мало прока...
И, скопом, их смахнули в грязь,
И — скопом — растоптали строки,
Где Русь — Великою звалась.

* * *

Век отцовский... Вехой — холмик
Со звездой... И — грай вороний.
А обочь — страна ли, холдинг —
С девяностых — похоронный.

Четверть века серп хоронят
И, с того же флага снятый,
В гроб не могут втиснуть молот —
Очень уж велик, проклятый!

Речка вся ушла в ольховник.
Клёном все двory забило.

Воронье кружит, где холмик
Со звездою... Не забыло!

ДОБРОЕ УТРО

Что там синица звенит январю,
Чем она делится с ним?
«Доброе утро!» – тебе говорю,
Прикосновеньем одним.

Марш Мендельсона давно уже стих –
За голосами внучат.
Жизни хватает мелодий простых,
Тех, что негромко звучат.

След, что позёмкой ночной заметён,
Солнышко тянется греть.
И на капли сменял Мендельсон
Маршей гремящую медь.

Слышишь? – уже законная тишь
Музыкой тою полна...
Той, что сыграет заснеженных крыш
Солнечная сторона!

Что там синица звенит январю,
Чем она делится с ним?
«Доброе утро!» – тебе говорю,
Прикосновеньем одним...

ВЬЮШКА

В. Н.

В той избушке, где грозился выпасть угол, –
Дуло в щели, но меж нами не сквозило.
Дров – в натруску, на растопку лишь, а уголь
Нам под Новый год, последним, привозили.

Но какие вечера зимой бывали!
Те потёмки золотые не забылись:
В грубке долго над сгоревшими дровами –
На одном дыханьи с нашим – жилка билась...

И потом, – не час, не два – тепло таилось
Угольком скупым в золе (такая малость!).
И пока его дыхание струилось, –
Неприкрытая, всё вьюшка отзывалась.

А теперь у нас – квартира, не избушка,
Только память – память греет по старинке.
И, сквозь вьюги, всё постукивает вьюшка,
Возле сердца отыскивавшая жаринки.

* * *

Дам «петуха», сорвусь, собьюсь –
А вам, хористы, что за горе?
Пою – и плачу, и смеюсь! –
Не примеряясь и не вторя.

Ведь к людям чувства рвутся – вброд,
Навзрыд, глубин не вымеряя.
Во тьме их за руку берёт
Ну, разве что лоза сырая...

Пить дрожь, висеть на волоске,
Сжигать мосты, всходить на плаху
Со мной – равнине и реке,
Не дирижёрской длани взмаху.

А вы смотрите свысока –
Всё мимо глаз моих, ревниво.
Зато в глазах моих – река,
Зато в моих глазах – равнина!

И голос мой, взлетев на холм,
Дрожит и меркнет – не жеманясь.
К лозе сырой, к траве сухой,
К губам горячим прижимаясь...

ПРОЩАНИЕ С ЮНОСТЬЮ

Ну, что не так на свете стало?
Июль. И сад. И полог старый,
И долгий сон в тени густой.
Пьют солнце яблоки... Но, с ними
В раздоре, жадно тянут сливы
Грозы густеющий настой.
И хруст заветренной горбушки,
И молоко в литровой кружке,
И тени снов, что щёки жгут.
И пьёшь, и пьёшь – не нужен роздых! –
Свиданий сцоладавший воздух, –
И молоко стираешь с губ...
Сливовый сумрак грозовеет,
Но с яблонь – спелым солнцем веет,
И сердцу в горле горячо!
...И манит жизнь – а что ей, жалко? –

Не мятою сельповской жамкой,
А – Калачом! А – Калачом...

* * *

Месяц-сазан дремлет

 меж камышовых мерёж...

Ангел собирает со тьмы золотой виноград...
Кто-то ведёт поперёк человеческих меж
Край мироздания, что тонок и зеленоват...

Розное станет пред этой чертою – одним.
Вот и костёр умирает – гляди! – как живой:
Пламя скулит, и в былое вжимается дым, –
И обрастает ветвями, корой и листвою!

Дым мимолётный – а ведь не истёк, не исчез,
Не запропал меж ночных омутов и стремнин:
Ширясь и ширясь, выходит из времени лес –
И обнимает озябшие плечи равнин...

НА ДОНСКОМ БЕРЕГУ

Здесь дубы не сведёшь, как бывало, в полки –
Редкой цепью стоят на поверке вечерней.
И окопы ожине лежачей мелки,
И ползут лишь терны по ходам сообщений.

Часовым – белый бакен, видать за версту...
Неужели резервы все вышли у Ставки?
Ночь придёт, а всех войск неуступчивых тут –
Я, мальчишка седой,
Да дубы-перестарки.

...Я сюда прихожу, виноват без вины,
Тишины зачерпнуть, что тут горше и чище.
Тут позиции те, что врагу не сданы, –
И траншеи на ощупь судьбу мою ищут.

ПИСЬМО ПОТОМКАМ

Проспект Победы, переулочек Вдовий
(Блокадный, Инвалидный)... Это – нам.
Не нужно даже ставить номер дома
И называть нас всех по именам.

Пишите нам – таким, не знаменитым,
Ещё «режим» заставшим и «прижим»,
Затюканным генсеками и бытом,
Но вам, по этим стёжкам, не чужим.

Не фейерверком и не брагой пенной,
Не золотой пшеницей на парах –
Мы поднялись травой послевоенной
На пепелищах и на брустверах.

А вы теперь, нос по ветру, блажите:
«Я – мира житель, мне подай весь мир!»
Черняшкою, послевоенным житом
Мы из осколков проросли, из мин.

Наш хлеб хранит тех лет железный привкус,
Но нам не надо за море кивать,
Вставлять фарфор и ставить модный прикус,
Чтоб этот чёрствый, честный хлеб жевать.

Вам это всё, быть может, и не мило,
Но помните, верша фейсбучный суд:
Пока «Фейсбук» вас развлекает «мылом»,
Здесь похоронки – писем с фронта ждут...

* * *

Петру Чалому

«Житы треба, як ни гирко» –
Бабушкино вспоминаю...
Были те слова, как гирька
В наших ходиках – стальная.

Так уже никто не скажет...
Не кляла, не обличала.
И слезы нестертой тяжесть
Жизни маятник качала.

И пока слеза, нетленна,
На щеке её дрожала,
Белые рубили пленных
В вербах, конный круг сужая.

И просил – на русском чистом –
«Есть», и, молока дождавшись,
Плакал офицер-мальчишка,
Что ночами шёл с Гражданской...

А потом – кулачить стали...
Но когда голодовали –
В полдень на колхозном стане
Кашу-затирку давали...

И в глазах полуоткрытых
То смеркалось, то светало:

Бабушка свой век — в отрывках —
По складам впотьмах читала.

Век, что звал за волю драться,
Сделал кровь и раны — речью.
...И помог в щепоть собраться
Пальцам бабушки калечным.

«Бабушка, ты всех простила?!» —
Сердцу не было покоя.
И она меня крестила —
Той, калечную рукою:

«Житы треба, як ни гирко».
...Ход часов не различая,
Всё подтягиваю гирьку,
Ту, что маятник качает.

ТРЕТЬЕ ДЫХАНИЕ

Что загрустил, чего ты сник?
Ведь за тебя судьба — горою!
Хоть на обочину теснит
Тебя дыхание второе.

И всё, что снилось и жило,
Что билось в грудь, как ветер сильный,
Вот-вот уронит тяжело
Тебя на подорожник пыльный.

Но ты бывшее не вини,
Не плачь, что век тебя не встретил.
До поворота дотяни —
И опанёт дыханьем третьим!

Как в детстве, где ты в жизнь врался, —
Как подорожник, как репейник.
Где, сбив тебя, до трёх считал —
«Ну что, сдаёшься?» — твой соперник.

И дух перевести ты мог,
Ему на милость не сдаваясь.
Вот и судьба считать до трёх,
С тех пор всё учится, сбиваясь...

ШЕСТИСТИШЬЕ

Бурьян побелел — зябка рядом седином...
Ботва завилась за околицу с дымом.

А жар под золою, лишь дунешь, краснеет.
И честного слова молчанье честнее.

И жизнь, что ботвяной золою лежала,
Лишь тронешь, откроется, полная жара...

P. S.

«Идёшь, на меня похожий...»

М. Цветаева

Крапива жива — стрекаясь,
Похожая на траву...
Я — пальцами резких пауз —
Ткань
Речи
На смыслы рву!

Безумствую ли, бунтую?
Не визнавший — не перечь!
Я этим рваньём бинтую —
Что в слове нельзя сберечь...

Что строчками не рябило
На выстуженном листе —
Темнело лицом рябины
Сквозь раны её кистей!

И всё, что сквозь бинт сочится,
Алеет сквозь рвань темно,
С тобой — или с ним! — случится,
И будет — судьбе равно.

Святою водой кропили...
Зашили травой уста...
А я всё кричу — крапивой,
Кладбищенскою крапивой,
Касающейся креста...

* * *

Как снег, как дрожью облитая ветка, —
Я на людях стихи читаю редко.
Когда один на сцене остаюсь,
Хочу я тронуть лиру — и боюсь.

Откликнутся?
Лишь только им скажи я,
О том, что люди людям не чужие,
Откликнутся! Но это же потом;
А что мне делать с пересохшим ртом?

И пальцы, лиру сжавшие, не юны,
И поистёрлись золотые струны,
Что я в Эдеме брал когда-то с рук;
И вместе с ними поистёрся звук.

Я трону лиру — миру легче станет?
...Но девочка глаза большие тянет
Ко мне (я разглядел её беду —
Вихрастую, вон там, в другом ряду)...

И всё-таки, читать стихи со сцены, —
Как Афродиту вызволять из пены,
Из пены сигаретной и пивной, —
Богинею, не девкою срамной.

Как снегопад, как лист, задетый дрожью,
Я раздуваю в душах искру Божью...
И потому не за себя боюсь,
Когда один на сцене остаюсь.

* * *

Ты — память... Стёжка в лопухах и — даль...
Не жалость ты, а хмель, и боль, и жаль;
Пчела в цветке: прижмусь щекой — ужалишь

Ты — память. И мой век вздымаешь ты,
Как лемех — затравевшие пласты,
Как плуг, вернуть решивший людям залежь.

Не только мне — всем дням, округе всей...
Ты — свет зерна и тихий шёпот: «Сей!»;
Упав зерном, истлев, ты корни пустишь.

Ты время поворачиваешь вспять,
Чтоб залежь века прошлого поднять
И — нынешнего брошенную пустошь.

Ты — стёжка, приручившая простор;
И — всё, что дрожью век сказал костёр
Течению, и берегу, и вязу.

Ты — мой рассвет, и холод мой, и зной;
Ты — то, что было кровью, жизнью, мной —
И, может, после выстынет не сразу...

ЕВГЕНИЙ ЭРАСТОВ

ОСТАЛСЯ Я ВЕРЕН ПРИСЯГЕ

* * *

Холодная весна охватит чувством новым.
В окошко поглядишь — там, около крыльца
Дуб с клёном обнялись, как Герцен с Огарёвым,
В желании своём борются до конца.

Как много было чувств! Как пламенели взоры!
Мерещились в ночи великие дела.
Как были высоки им Воробьёвы горы!
О, как в закатный час сверкали купола!

Но тайну стерегла блестящая природа.
А юноши ещё витали в облаках
И жизнь свою отдать хотели для народа,
В то время как народ толкался в кабаках.

Как было на душе томительно и сладко!
Вот ураган пройдёт, и будет благодать.
Казалось им — они творцы миропорядка.
Прошло так много лет, но, русская загадка,
Никто тебя не смог, как ребус, разгадать.

А «Колокол» гудит над Лондоном тревожно,
Из «Искры» костерок рождается в жару.
Как страшно быть в плену
идей пустых и ложных —
Уж лучше трепетать листвою на ветру!

* * *

Клеврет полноречивых рифмованных строк,
С восторгом катаясь по острому насту,
Ты отрок скорее, чем мудрый пророк,
Ты шудра, пролезший в брахманскую касту,
Бунтарь, получивший пожизненный срок.

Ребёнок, влюблённый в доверчивый гул
Листвы тополей у районной ментовки,
Ты школьник, отметивший первый прогул
Стаканом шипящей своей газировки.

Простой, без сиропа, к которой привык,
Холодной, как голос директора школы.
Ещё не попробовал детский язык
И сладкий, и приторный вкус пепси-колы.

Простой газировки, в копейку ценой,
С пшеничным гербом на облупленной решке.
А боли и беды прошли стороной,
Ты мчишься куда-то в ребяческой спешке.

И нет ни малейшей прорехи в судьбе,
А прожитый день —
словно сахарный пряник,
И скоро волшебное слово тебе
На ухо шепнёт шестикрылый посланник.

* * *

Портрет Менделеева я прибивал
К стене в кабинете химическом. Смело
Стучал по гвоздям. Я давно понимал,
Что главное в жизни — серьёзное дело.

Там уксусом пахло, и ржавый карниз
Скрипел от молочного школьного счастья.
И видя, как падают гвоздики вниз,
Смеялась всю сексапильная Настя.

Стучал, не жалея ни стен и ни рук.
В столовой варилась противная манка,

Дешёвым портвейном пропах военрук,
И «Красной Москвой» — директриса-тиранка.

Их нет уже с нами. Божественный Свет
К себе обратил их заблудшие души.
Хотел бы вернуться я в тот кабинет?
Вопрос на засыпку. Наверное, нет,
Боюсь я идиллию эту нарушить.

Пусть уксус останется, и водород,
И Дмитрий Иванович на старой картинке.
Все кончится скоро, и Брежнев умрёт.
И граждан поглотят оптовые рынки.

Когда ж, через несколько рваных годов,
Посыпятся с башен багряные стяги,
Я вспомню вожатую, клич «Будь готов!»
...Смешно, но остался я верен присяге.

* * *

В стране нувори́ша и хама
Не стоит пенять на судьбу.
Свершается пошлая драма,
И спится от фенозепама
Как мёртвой царевне в гробу.

Мечтаешь о призрачном чуде,
О сказочной дивной поре
И ждёшь, что царевну разбудит
Какой-нибудь принц Дезире.

Какой-нибудь яркий повеса,
Воспитанник граций и муз,
Владелец дворца, «Мерседеса» —
Австриец, бельгиец, француз.

Такой удивительно скучный,
Что твой алиментщик в бегах,
Прохвост, Хлестаков злополучный,
Изысканный Кот в Сапогах.

Буди же её, мафиозо!
Смотри, как вздымается грудь!
И вытри ей девичьи слёзы,
Чтоб вновь, отойдя от наркоза,
Поверить в особенный путь.

СНЕГ

Конечно, он мне нрав\ится любим —
И самым первым, мокрым и пушистым,
Под вечер — серебристо-голубым,
Под ярким солнцем — нежно-золотистым.

И в оттепель мне нравится... Тогда
Он кажется незыблемым контрастом
Осенней скуке. Талая вода
Готова стать шершавым, скользким настом.

С ним, величавым, я давно знаком.
Когда покрыты инеем берёзы,
Он яблоком скрипит под каблуком
От свежего январского мороза.

В Египте как-то, помню, сонный гид
Мне показал на грязного мальчишку:
«Вот этот мальчик, маленький Саид,
О снеге знает разве что из книжки».

Мне родина мила и дорога —
Строка удачна, тетива туга,
Пускай зима морозна и долга —
Не вижу в том ни горя, ни кошмара.
...Но как страшны бескрайние снега!
Точь-в-точь твоя безмолвная Сахара.

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

Где церковь и мельница смотрят во враг,
Заросший иргой, иван-чаем, малиной,
Там в воздухе плавают пух тополинный
И страхи земные уходят во мрак.

Беззубые избы твердят о лихом
Семнадцатом веке —
 боярском, стрелецком,
Холопском, где шапку заломит Пахом
Пред разинским уркой
 с кинжалом турецким.

Где в царских палатах не жизнь, а лафа,
Но сокол охотничий гибель пророчит.
На ялике утлом плывёт Мустафа,
Направив на Крым мусульманские очи.

Где церковь и мельница...Жалкий удел —
Баюкать младенца в берёзовой люльке

И вшей шестиногих искать в бороде.
...А вот хороводы уж водят бабульки

В цветных сарафанах, надсадно кричит
Жиряга-культурница в джинсах помятых.
Полынь на пригорке привычно горчит.
Все тленно, и нету меж нас виноватых.

* * *

В Шпандау, крепости ребристой,
Я на сухой траве лежал,
И надо мною воздух чистый
Слегка слоился и дрожал.

Молчали каменные плиты.
И Богу задал я вопрос:
«Mein Vater, sagen Siemir, bitte,
Давно ли горе началось?»

И протестанский Бог ответил,
Что в войнах вовсе нет вреда,
Что обязательны на свете
Страданье, горе и беда.

Что если б сёла не горели
И не взрывали бы метро,
Тогда бы люди не сумели
Понять, где зло, а где добро.

А с неба лился чистый, вечный,
Мучительный, слоистый свет.
Он был лучистый, бесконечный,
А горя в этой дали млечной
Казалось, не было и нет.

О смертном зная приговоре,
Я все ж не плачу, а живу.
...Mein liebe Gott, возьмите горе!
Сухую дайте мне траву!

* * *

Девяностые годы лихие...
Как не помнить — шальные, бухие
В битых «Ауди» мчались братки?
Нулевые мои, пулевые,
Огнестрельные и ножевые,
Спрячь, эпоха, свои коготки!

Как бессовестны эти разборки
На глазах у родимой беды!
Как циничны brutальные орки!
Все свидетели прячутся в норки,
Под землёй прорывают ходы...

Снег играет на скрипочке крысам.
Неужели удел твой таков –
Колобком золотушным и лысым
Убегать от бабуль и дедков?

Ты бредёшь за живую водою
С узколобой своею бедою
Говорить о вселенской беде
И о русской загубленной силе.
Достоевский в холодной могиле
Пишет книгу о Божьем суде.

Без сомнений и помыслов лишних
Магнитола сменил дивидишник.
Битых «Ауди» нынче уж нет.
И сквозь выстрелов сильные звуки
Лишь «Тойоты» летят да «Сузуки»
И срываются в тёмный кювет.

* * *

Заросли черёмухи душистой
Над оврагом девственным, немым,
Этот Символ Веры пацифиста,
Веры той, что вечно будет с ним.

Этот запах приторный, щемящий,
Сладкий, оглушительный, родной,
Порожденье жизни настоящей –
Трепетной, минутной, шелестящей,
Шёлковой, ажурной, кружевной.

Порожденье жизни целокупной –
С шумным плеском плоского леща,
С грохотом грозы сиюминутной,
С шелестом осины шелопутной,
Что живёт в своей тревоге смутной,
На ветру холодном трепеща.

С небом перламутровым и мгlistым,
Где струится птичий звукоряд.
Заросли черёмухи душистой,
Мокрой, мягкой, нежной, серебристой
Мне о Вечной Жизни говорят.

* * *

Во времена Веспасиана
И Леонида Ильича
Я не боялся ни обмана,
Ни гепатита, ни ВИЧа.

Весёлый, ловкий, загорелый –
И я торчал в очередях,
А телевизор чернобелый –
Невзрачный, пыльный – то и дело
Трещал о съездах и вождах.

Хранила школьная тетрадка
Плоды незрелого труда,
И пахли приторно и сладко
Эфиром смоченная ватка
И на газонах резеда.

В частных снах – приятных, ватных
Опять ведёт меня судьба
Под сноп колосьев благодатных
Того, советского, герба.

Там замерзали в мае лужи,
Когда черёмуха цвела.

...Я не о том, что стало хуже,
Там просто молодость была.

* * *

Душою Божьи, а телом – княжьи.
Здесь бездорожье, одноэтажье.

Штакетник хилый, петух понурый,
Кривые вилы, худые куры.

Рыбачья леска да плоскодонка.
Гниёт подвеска у жигулёнка.

В раздольном поле одна полова.
У тёти Поли мычит корова.

Нас не погубят американцы.
В заштатном клубе сегодня танцы.

Стопою твёрдой идём мы к рынку.
Засунь-ка, гордый, подальше финку.

Мы телом княжьи, душою – Божьи.
Одноэтажье и бездорожье.

ИННА ЛИМОНОВА

БОЯРЫШНИК

* * *

Сдуваю с рукописей пыль,
И, тлен стряхнув с цветов засохших,
Прошу у Бога дать мне сил
Упрёком не предать усопших.

Никто не видел в жизни столь
Физиономии капризной
Судьбы,
Когда тщета и боль
Бредут вдвоём на тризну жизни.

* * *

Надёжный, строительный материал
Твоё и моё вдохновенье!
Над этим проектом твой голос мужал
Непознанное поколение.
Когда, вырываясь на новый рубеж,
Реальность мешали со снами,
Когда этот город вставал из надежд,
Как жаль, что вас не было с нами!
Таким городам не дано прозябать –
Бесследно пропасть и незримо,
Таким городам никогда не бывать –
Прекрасное неповторимо!
И встал он – важнее любой из наград,
Руками, а не чудесами
Построенный в вольной степи Автоград.
Как жаль, что вас не было с нами!

* * *

Глянь – весна пролетела неведомо как –
Вся в заботах о праздниках близких.
Распустились у бабок в шершавых руках
Несравненные гроздья редиски!

– Где же праздник обещанный, –
спросите вы,
Городской прокалённые скукой,
Эту пыльную книгу усталой листвы
Пролиставши на скорую руку.

– Ждите августа, – вам
намекнёт помидор,
Отвернувшись белесым затылком.
Подождём, в самом деле –
какой разговор –
Его зрелости огненно-пылкой.

Рынки ломаются. Яблоку негде упасть,
Георгины в лоснящемся глянце.
Вон сентябрь у ворот – и пора покупать
Моим школьникам новые ранцы.

В этом небе – зеркальном от голубизны,
Отражусь мимоходом, куда-то спеша.
Ощущения праздника и новизны
Так желает душа! Так боится душа...

* * *

Но если жизнь и впрямь игра,
Театр – а мы его актёры,
Не всё ль равно тогда,
Который
Сегодня будет свят и прав.

Благослови беспечный нрав
Столикой бабы – Мельпомены –
Сумей оставить эту сцену
Достоинства не потеряв.

Надеждой сердца не неволь –
Круши мосты, ломать – не строить,
Забрали роль – и эта боль
Должна достойной стать игрою.

Но если завтра умирать
Другой поднимется на сцену,
Страшась рассудок потерять,
Припомни истинную цену

Игры. И, сердца не губя,
Утешься выдумкой двоякой –
Он просто научился плакать –
– Увы – естественней тебя.

Не нам во всём искать резона,
Терзаться – Бог не приведи –
Вон спит живая Дездемона
У режиссёра на груди.

ПРОЩАНИЕ

Во сне душа обнажена...
Клубком свернувшись в ночь ненастья,
Не то любви, не то несчастья
Всё мается, всё ждёт она.
Вот так прощание вошло
В былую жизнь, все даты скомкав,
В крошечных, сумрачных потёмках
Запутал сети птицелов.
Ни зги... Ни звука, ни огня –
Лишь рыщет лихо в чистом поле.
Не о такой ли вольной воле
Мечтал ты на исходе дня?
Дыханьем опалит беда
Всю жизнь твою в больном изломе
Но вдруг – светить – на небосклоне
Взойдёт высокая звезда!

ГОЛОЛЁД

И когда жесточайший прошёл гололёд,
И дорога свободной казалась –
Оглянулась: а следом никто не идёт...
Вот тогда я всерьёз напугалась.

Эй вы, братья и сёстры по смуте в крови,
Кто вы, где вы, когда же по коням?
Донеслось издалёка: ты нас не зови –
Мы догоним. Мы позже догоним...

А другие молчат, потому что мертвы –
Ты-то где, мой единственный милый?
И доносится рокот стоустой молвы:
«Ты же первой ему изменила...»

Вот и всё. Но мерцает шальная звезда
В горемычном плену небосвода.
Я счастливой уже отбыла навсегда
В жесточайшие дни гололёда.

ВСТРЕЧА

И когда я решила уже
Доживать в пустоте и смиренье
Словно чиркнули спичкой в душе –
Ты, мой дом, эта ветка сирени...

Пятилистая, зябкая гроздь
Долго будет в стакане качаться –
Это ты, мой нечаянный гость,
Так внезапно напомнил о счастье.

Две науки – прощать и спасать
Не освоены мною покуда.
Так спасать, чтоб самой воскресать,
Так прощать, чтоб уверовать в чудо!

Так в чужой раствориться судьбе,
Чтобы сам не пропал, кто спасает...
Я-то вижу, какое в тебе
Ожиданье беды воскресает.

* * *

Льняная скатерть утреннего луга,
Туман окутал речки синеву,
Полувосторга крик, полуиспуга:
«Простудишься!». Но я уже плыву.

Чуть-чуть знобит. Слегка пугают глубины
Разверстые, глотая взмах руки.
Но если ты меня и вправду любишь,
Войди за мной в крутую стынью реки.

Ты вправе и рискнуть, и уклониться.
Но эхо зова древнего в крови –
Мы нынче снова рыбы или птицы –
Ну что же ты! Так что же ты? Плыви!

Меня речным течением относит,
Тебя не слышно... Голубеет высь.

И незнакомый голос тихо просит:
«Вернись ко мне! Вернись ко мне! Вернись...»

* * *

Болят и болят в нас прошедшее, не утихая.
И, не торопясь становиться услугой стиха,
Никак не забудется эта, давно прожитая,
Аллея прозрачная в майскую ВДНХа.

Как лопались почки пронзительно,
звонко и дерзко,
Спеша по округе разнести
долгожданную весть,
Что юные яблоньки,
словно отряд пионерский,
Всем взмахом ветвей обещали
торжественно цвести.

Ещё не пугала разлуки грядущая близость –
Неделя любви – бесконечной казалась она...
Но чёрные галки, по мокрым
рассевшись карнизам,
Вещали о том, что закончится эта весна.

С тех пор, бесконечную осень свою
проводя,
Я жду остужающих сердце моё холодов.
Несут и несут мне навстречу того урожая
Корзины роскошные горьких,
запретных плодов.

* * *

Сутулой спиной прохожий похож на тебя.
Но окликов резких усталые люди не любят,
Они в нас внезапно надежду
на встречу разбудят.
И горечь досады разбудят
чуть-чуть погода.

Стоим друг пред другом чужие: не та и не он.
Как холодно в сумерках вывесок
светит неон.

Простите, прохожий,
я снова ошиблась. Похожих
На вашу согбенную спину
вокруг миллион.

Ещё не единожды окликом я ошибусь.
Ещё не однажды окликнут
меня по ошибке.
Но в мире огромном,
скупом на любовь и улыбки,
Надеждой на встречу
несбыточную продержусь.

* * *

Отыщись, круглолистый боярышник,
вдруг уколи
В чаще леса, у края оврага,
у лета на склоне,
Когда шествует к западу день
в золотистой короне
И вечерние росы под ноги мои пролились.

ГЕРОИЧЕСКАЯ ПЕСНЯ ШАГИНУРА

В конце 2018 года издательство «Северная звезда» города Санкт-Петербурга выпустило биобиблиографическую энциклопедию «Золотые имена России». Она содержит информацию о 457 деятелях Петровской академии наук и искусств (ПАНИ). В энциклопедии приводятся данные о жизненном пути учёных, деятелей культуры и искусства, промышленников-государственников, их образовании, специализации, диссертационных исследованиях, основных сочинениях и общественной деятельности. Это издание рассчитано на широкий круг читателей, интересующихся историей, и оно посвящено 25-летию Академии. В этот том включены и представители Республики Татарстан (всего 22 человека), которые являются членами-корреспондентами и академиками ПАНИ. Среди них есть и герой данного повествования — известный писатель-следопыт, архивист, публицист и поэт Шагинур Ахметсафиевич Мустафин. Он — один из наследников Великой Победы, стоящий на протяжении десятков лет на страже Памяти, умеющий соединить прошлое и настоящее мостом духовности...

Впервые я познакомилась с Шагинуром Ахметсафиевичем в дни празднования 55-летия Великой Победы. Он тогда работал в Союзе писателей Татарстана и часто организовывал в клубе имени Габдуллы Тукая очень интересные, душевные встречи. Одна из таких встреч была посвящена 75-летию со дня рождения замечательного писателя-фронтовика, талантливого поэта и переводчика Мазита Максумовича Рафикова.

Во второй половине 1940-х годов мы учились с Рафиковым на историко-филологическом факультете Казанского государственного университета, правда, на разных отделениях. Нас, историков, филолог Мазит Максумович нередко приглашал на свои выступления на поэтических вечерах. И позже, уже на традиционных встречах однокурсников, М. М. Рафиков часто общался с нами.

Поэтому его очень добрая и отзывчивая вдова Миннегюль ханум и его прекрасная дочь Гузель обратились ко мне с просьбой поделиться своими воспоминаниями о нём. Я сразу согласилась.

Зная, что в зале будут прекрасные знатоки татарского языка, лингвисты, я решила основательно подготовиться и выступить на родном языке. Но поскольку в должной мере тогда не владела татарским литературным языком, через некоторое время, к сожалению, разволновалась и, извинившись перед солидной аудиторией, перешла на русский язык.

Когда я закончила свою речь, одна из женщин в зале встала и обратилась ко мне с тоном лёгкого возмущения: «Вы — учёный, профессор, как Вас представили, скажите, Вам не стыдно не знать свой родной язык?!» Что я могла сказать в ответ? «Вы абсолютно правы. Конечно, мне стыдно...» Она ещё что-то добавила.

Неожиданно наш диалог прервал заместитель председателя Союза писателей Татарстана Шагинур Мустафин, сказав примиряющим тоном буквально следующее: «Поймите, более сорока лет Роза Кадыровна читает лекции на русском языке. На кафедре никто не говорит на татарском языке, хотя он в республике объявлен государственным наравне с русским и, казалось бы, все живущие в Татарстане должны им владеть. Она окончила русскую школу, где ещё не преподавались татарский язык и татарская литература, общается в русской среде, работает в федеральном вузе — авиационном институте. Давайте отнесёмся с пониманием, будем гуманистами».

Вот так спокойно, найдя соответствующие моменту слова, Шагинур Ахметсафиевич, председательствовавший на этом вечере, сгладил возникшую неловкость. Как я была благодарна этому великодушному, чуткому человеку, так кстати пришедшему мне на помощь!

Продолжая тему родного языка, хочу сказать: после этого вечера, я упорно занималась изучением татарского языка, найдя соответствующие книги, словари и разговорники. Изучать язык матери и отца никогда не поздно!..

* * *

Следующая наша заочная встреча с Шагинуром Ахметсафиевичем состоялась через пять лет на страницах иллюстрированного общественно-публицистического и литературно-художественного журнала «Казань», главным редактором которого является бесменный и талантливый журналист-издатель Юрий Анатольевич Балашов. В апрельском номере 2005 года этого уникального журнала, в канун 60-летия нашей Великой Победы увидели свет дневниковые записи на русском языке моего мужа, трижды орденосного офицера-артиллериста Шамиля Ясавеевича Мазитова.

Там же была опубликована и очень интересная, трогательная объёмистая статья руководителя республиканской поисковой экспедиции «Свет Памяти» при Союзе писателей Татарстана Шагинура Мустафина под названием «Восьмиузорчатое полотно». Она была посвящена труженице тыла, матери героев-фронтовиков Фатихе Ахмадиевой из села Средние Кирмени Мамадышского района. Эта необыкновенная женщина проводила на фронт и потеряла на полях сражений восемь сыновей. По инициативе Шагинура Ахметсафиевича, в центре Мамадыша, в «Парке Памяти», был воздвигнут величавый памятник Ф. Ахмадеевой и её сыновьям. Авторы скульптуры — заслуженный деятель искусств Республики Татарстан Альфрет Абдрашитов, его прекрасная, очень трудолюбивая жена Луиза Мансуровна и их талантливые сыновья Альберт и Адель. Они сваяли из белого камня святую женщину, как олицетворение всех матерей героев разных национальностей. На постаменте высечены золотыми буквами слова:

*...Сыновья не вернулись с войны,
Только письма с надеждою: «Ждите!..»
Как хотелось обнять мне родных, —
Зори, горечью душу не жгите!*

Эти строки специально для данного мемориального комплекса написал поэт Шагинур Мустафин...

* * *

Наша новая встреча с Шагинуром Ахметсафиевичем состоялась перед 65-летием Победы над фашизмом. Я очень хотела издать дневниковые записи моего мужа на татарском языке. Посоветовалась по этому поводу с моей давнишней подругой Таминой Ахметовной Биктимировой, с которой когда-то вместе работали в Казанском авиационном институте. Знала её — кандидата исторических наук, заслуженного работника культуры Татарстана, как серьёзного авторитетного преподавателя, ответственного, отзывчивого ученого.

Глубокоуважаемая Тамина Ахметовна сказала: «Обратитесь за помощью в этом святом деле к Шагинуру Мустафину. Сейчас он работает главным редактором книжного издательства „Сүз“ («Слово»).

На другой день с волнением и надеждой отправилась в издательство. Шагинур Ахметсафиевич встретил меня приветливо. Объяснила цель визита: перевести и опубликовать на родном языке дневник моего мужа-фронтовика, написанный на русском языке.

Ознакомившись с принесённым текстом, Шагинур Ахметсафиевич с подбадривающей улыбкой высказал своё мнение: «Материал добротный, представлен как раз вовремя, перед юбилеем Великой Победы, опубликуем и на родном языке, и на русском. Если хотите, можно ещё и на английском!».

Зная, что на русском языке дневник уже был опубликован, главный редактор предложил издать его в виде книги на двух или трёх языках. Моей радости не было предела! Дочерей известие тоже порадовало, и они сразу поддержали идею сделать издание трёхязычным.

В тот же день решил вопрос и с переводом. Шагинур Мустафин познакомил меня с талантливой журналисткой и переводчицей Гульсиной Габдрахмановной Хамидуллиной, работающей в журнале «Сююмбике». Она согласилась перевести на татарский язык дневник моего дорогого Шамиля Ясавеевича.

И вскоре, благодаря высокопрофессиональной работе творческого коллектива этого издательства (бессменным директором которого является Ландыш Загитовна Салахутдинова, техническим редактором Назия Фоатовна Гимадиева, художником-дизайнером Ирек Ильдарович Ибрагимов) увидела свет превосходно оформленная уникальная книга на трёх языках!..

* * *

Сейчас хочу поделиться впечатлениями и мыслями о Шагинуре Ахметсафиевиче. Нередко имя человека говорит о его характере, личности. Ш. А. Мустафин полностью соответствует своему имени «Шах-и-Нур» (это название в переводе с персидского языка означает: «Царь Лучей». Шагинура Ахметсафиевича трудно представить без обаятельной мягкой улыбки, одухотворённого взгляда, доброжелательной речи

и благородных поступков. Вся его натура излучает позитивную энергию, поэтому так тянутся к нему люди.

Вот как полнокровно характеризует Мустафина его друг Рафаэль Хузин, пишущий под псевдонимом Рафаэль Сибгат в очерке «Дарящий свет», опубликованном в журнале «Казань»:

«...Есть такая уникальная деревня под названием Арташ в Мамадышском районе Республики Татарстан. В ней сейчас всего лишь около семидесяти дворов, но зато каких! Отсюда вышли государственные и общественные деятели, известные учёные и писатели, знаменитые музыканты и певцы, заслуженные хлеборобы и животноводы, и даже Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета СССР и офицеры Советской Армии. Поэтому Арташ по праву гордится своими дочерьями и сыновьями, разбросанными по всей стране, по всему миру...

Вот в каком богатом талантами краю родился Шагинур Мустафин 12 февраля 1948 года. Конечно же, не могли не запасть в его душу стихи, услышанные из уст знаменитого односельчанина Бургана Салахова, близко знавшего Габдуллу Тукая. Подражая «Арташскому Тукаю», заразился стихотворчеством и 13-летний Шагинур — ученик шестого класса Средне-Кирменьской восьмилетней школы. Он также начал писать рассказы, пьесы и делать к ним иллюстрации. Спустя некоторое время на его творчество обратили внимание корифеи татарской литературы и искусства Хасан Туфан, Баки Урманче и Шаукат Галиев. В 1965 году стихи юного поэта были признаны лучшими на республиканском конкурсе, а в следующем году в победители вышел его лирический рассказ «Просыпается зорька страны моей...». Когда учился в Нижнеошминской одиннадцатилетней школе, Шагинур был приглашён на слёт молодых начинающих писателей в Казань и там выступал со своими стихами...

Так начиналась творческая биография писателя, признанного сегодня коллегами и читателями, в то же время отмеченного многими званиями и наградами...

Мы учились в одно и то же время на отделении татарского языка и литературы Казанского государственного университета и жили в одном общежитии. Уже тогда Шагинур выделялся душевной широтой, исключительной щедростью и дружеским участием. Притягивал к себе и его внешний вид: высокий рост, плотное телосложение, кудрявые волосы, приветливо улыбающееся лицо.

Он всегда был привлекательным и доброжелательным собеседником. И даже в те мгновения, когда мы, «горячие татары», срывались до перебранок во время литературных споров, удерживался в рамках приличия и этикета.

Мой друг прекрасно пел. Будучи солистом ансамбля, вместе с профессором-куратором Флёрой Садретдиновной Сафиуллиной и группой студентов объехал многие татарские города и сёла, добравшись до Уфы и покорив своим талантом тысячи слушателей.

Шагинур усердно посещал занятия татарской театральной студии, организованной в университете народной артисткой Татарстана Гаухар Камаловой. После того, как самодельный актёр убедительно сыграл главную роль Тимербулата (так схожего своей судьбой с его отцом) в драме «Он вернулся» известного писателя, поэта и драматурга Башкортостана Ангама Атнабаева, его приняли без вступительных экзаменов на первый курс Казанского театрального училища. Однако совмещать занятия в нём с учёбой в университете было очень трудно, и Шагинур выбрал филологию. Правда, играть в спектаклях и петь на концертах не перестал. Частенько юношу можно было видеть на сцене Татарского государственного академического театра имени Галиаскара Камала.

В университете Шагинур учился очень хорошо. Ещё на первом курсе он опубликовал свои стихотворения в альманахе молодых писателей, выпущенном в 1967 году

в Татарском книжном издательстве. Часто появлялись его творческие работы и в республиканской печати...

Но нужно было помогать многодетной семье отца и матери, и Шагинур с третьего курса перешёл на заочное отделение. Работал в районных газетах — сначала в Мамдыше, потом в Кукморе. Женился. Приезжая на очередную экзаменационную сессию, жил, как прежде, в нашем студенческом общежитии, и мы всегда были в курсе его дел. Он написал дипломную работу на сложную тему «Стихотворный синтаксис и индивидуальность поэта» под руководством известных учёных Нила Гафуровича Юзеева и Флёры Садретдиновны Сафиуллиной и блестяще защитил её на «отлично».

После получения заветных дипломов мы с Шагинуром трудились вдали друг от друга, но встречались при каждом удобном случае. Я всегда мог положиться на него при трудностях и поговорить по душам, доверяя самое сокровенное.

Я был восхищённым свидетелем того, как открывались всё новые замечательные грани души и творческого дарования Шагинура. Мне даже кажется, что он специально послан Всевышним в этот мир только для добрых дел, чтобы поддерживать людей в трудные моменты жизни! О своей потребности в этом Шагинур написал:

*О, сколько святых на Земле
В морозы духовные стынет...
Тепло, что отпущено мне,
Дарую вам, люди, я ныне!*

Это — своего рода кредо писателя и человека.

Организаторские способности Шагинура особенно проявились в Кукморе, когда он работал в редакции районной газеты «Хезмэт даны» — «Трудовая слава». Он многое сделал для того, чтобы собрать по крупицам местные таланты и объединить их в литературный клуб «Поэтическое слово», а позже — в литературное объединение «Радуга» и вскоре добиться признания кукморцев в Татарстане. Из его питомцев выросли такие талантливые писатели, как Раниф Шарипов, Газинур Мурат, Рифа Рахман, Загид Махмуди, Ильдар Хайруллин...

Непоседа Шагинур исследовал сотни судеб знаменитых земляков, разбросанных по просторам нашей Родины, и опубликовал о них многочисленные очерки и зарисовки под рубрикой «Синең горуурлыгың, Кукмара!» — «Твоя гордость, Кукмор!» На основе собранных материалов вместе с братьями Мансуром и Наилем он создал при редакции районной газеты музей истории Кукморского края. Имена героев войны и труда были увековечены в названиях улиц и школ, в установленных памятниках и бюстах. Его поддержали в районной администрации, и впервые удалось организовать встречу известных кукморцев со всего Советского Союза. Надо было видеть счастливые сияния лиц и невольные слёзы благодарности в глазах тех, кто приехал на этот праздник, истосковавшись по родине!

Благодаря всему этому в Кукморе в декабре 1982 года была заложена основа будущего землячества, а потом в одном из красивейших старинных зданий райцентра открылся краеведческий музей.

За публицистические статьи и серию очерков под рубрикой «Твоя гордость, Кукмор!» Шагинур Мустафин в 1982 году первым среди корреспондентов районных газет был удостоен престижной премии Союза журналистов Татарстана имени Хусаина Ямашева.

В 1986 году он стал лауреатом премии имени Самигуллы Каримуллина — первого редактора Кукморской районной газеты, героя Великой Отечественной войны.

У этой премии есть своя история. Начав собирать сведения о земляках, не вернувшихся с полей сражений, Шагинур поставил перед собой задачу подробно изучить жизненный и боевой путь Самигуллы Каримуллина. Он связался с родными Самигуллы Гарифулловича в Кукморе, Казани и Братске, нашёл его единственного сына Рафаэля Самигулловича. Настойчивый журналист неоднократно ездил в город Подольск, работал там в Центральном архиве Министерства обороны СССР и выяснил, что гвардии политрук С. Г. Каримуллин героически погиб 31 марта 1942 года в бою близ города Сычёвка Смоленской области, закрыв своей грудью огневую точку врага.

Шагинур открыл очень много нового о Самигулле Каримуллине, близком друге выдающегося татарского писателя-классика Шайхи Маннура, которого он вдохновил к написанию известной поэмы «Дед Гайзьян». По просьбе Шагинура известный скульптор Альфрет Абдрашитов создал бюст журналиста и воина, который торжественно установили в зале Кукморского районного музея, а редакцией районной газеты была учреждена премия имени Самигуллы Каримуллина.

В апреле 1983 года Шагинур с супругой Дамирой Рафаиловной, сыном Рушаном и дочерью Гульназ переехал в Казань и был назначен главным редактором республиканского научно-методического центра народного творчества и культпросветработы Министерства культуры Татарстана. Он горел делами центра, и здесь быстро завоевав уважение и признательность коллег.

Через пять лет тогдашний председатель правления Союза писателей Татарстана — талантливый драматург, известный государственный и общественный деятель Туфан Абдуллович Миннуллин — предложил Шагинуру возглавить Татарское отделение Литературного фонда Союза писателей СССР. И на этой важной работе Мустафин проявил свои лучшие качества. В те времена Татарское отделение Литфонда было одним из самых больших и значимых, плодотворно работало наряду с Московским и Ленинградским. Многие вспоминают то время, как «золотой век» для писателей и их семей.

В те же годы Шагинур вместе с коллегами создал просветительскую общественную организацию имени Шигабуддина Марджани и стал её вице-президентом. Его избрали и вице-президентом общественной организации «Мамадышское землячество». Благодарные земляки удостоили Шагинура престижной премии имени Шайхи Маннура за его вклад в изучение творческого наследия и труды по увековечению памяти этого замечательного писателя-фронтовика.

Позднее беспокойная жизнь и творчество Шагинура в течение семи лет были связаны с журналом «Казан утлары» («Огни Казани») — основным периодическим литературным изданием татарского народа. Его мастерство и талант помогли сделать журнал ещё более интересным, читаемым в самых далёких уголках Татарстана и всей России.

В 1999 году Шагинур Мустафин стал заместителем председателя правления Союза писателей Татарстана, — теперь под руководством литературного критика и профессора Фоата Галимулловича Галимуллина. Самыми разными делами был заполнен каждый его день.

Много новых забот появилось в жизни. Но Шагинур не изменял главному в себе. По зову сердца и души он занимается поиском сведений о героях, без вести пропавших на полях сражений, выясняет обстоятельства совершённых ими подвигов и делает всё возможное для того, чтобы запечатлеть их в памяти нынешних и будущих поколений. Как руководитель республиканским объединением следопытов «Свет Памяти» при Союзе писателей Татарстана, Шагинур свои ежегодные отпуска часто проводил в священных для него исследовательских и поисковых работах. Члены поисковой экспедиции под его началом в архивах и в местах бывлых сражений Украины,

Закавказья, Прибалтийских стран и Германии собрали богатейшие материалы о неизвестных до этого времени героях.

Как правило, в тех местах, где поработала «Шагинуровская экспедиция», появляются улицы, скверы и площади, носящие возрождённые имена батыров — наших земляков-героев, о них снимаются документальные фильмы, им воздвигаются новые памятники и бюсты. Документальные повести и очерки Ш. Мустафина о неизвестных подвигах наших соотечественников во время Великой Отечественной войны появляются на страницах газет и журналов, в книгах. Мой близкий друг Шагинур возобновил и передачи под названием «По следам неизвестных героев...» на Татарстанском радио и телевидении...

Многое Шагинур Мустафин делал и по реабилитации репрессированных и ущемлённых в правах героев. Здесь приведу лишь одну историю.

Узнав как-то, что житель села Аксыбы Кукморского района Заки Залялиевич Залялиев (1919–2000) не смог получить удостоверения ветерана войны и назначения пенсии из-за того, что был в фашистском плену, Шагинур возмутился такой несправедливости и принялся за поиски. Он выяснил, что красноармеец 541-го стрелкового полка 136-й стрелковой дивизии Заки Залялиев в октябре 1941 года был тяжело ранен и попал в руки врагов. В фашистском плену мучился на каторжных работах в полуразрушенных шахтах, затем его переправили в Югославию. Там Заки ага познакомился с татарским парнем Габдельхаком Галиуллыным из деревни Большие Ковали Дубьязского (сейчас Высокогорского. — Р. С.) района. Подговорив одного казаха и двоих русских ребят, в апреле 1944 года они организовали удачный побег и попали к югославским партизанам. Заки Залялиев стал бойцом русской роты Второй Масловицкой бригады 33-й Югославской партизанской дивизии и продолжал воевать с гитлеровцами. Приняв участие в многочисленных операциях против фашистских захватчиков, он опять был тяжело ранен, теперь уже под городом Новый Град, 11 октября 1944 года. А его друг и однополчанин Габдельхак Галиуллин героически погиб в том бою...

Все это Шагинур выяснил, не только изучив документы во многих архивах страны, но и обратившись с запросами в посольство Югославии в Москве, наладил переписку и с военным государственным архивом г. Белграда.

Для окончательного установления истины Шагинур решил съездить с Заки Залялиевичем на Всесоюзную встречу партизан Югославии, которая проходила в Орле и Брянске в мае 1990 года. И надо же так случиться, что как раз перед этой встречей бывший партизан сломал ногу. «Будем носить тебя на руках!» — заявил Шагинур. Он взял в помощь сына воина — заслуженного лесовода Рафката Закиева и их близкого родственника, известного педагога-следопыта Рифата Залялиева, а также автора многих документальных телефильмов Камиля Арифуллова из Казанской телестудии и руководителя кинофотостудии «Батырлык» («Подвиг») Нижне-Искубашской средней школы Гумера Мубаракшина.

Эта поездка оказалась для Заки Залялиевича очень важной. Он встретился с другом партизанской поры Борисом Сергеевичем Гусевым из Брянска и пригласил его на Сабантуй в своё родное село. В июне того же года дорогой брянский гость приехал в Аксыбы и рассказал односельчанам Заки ага о его партизанских подвигах. Под аплодисменты собравшихся соратник вручил Заки Залялиеву медаль «Югославский партизан — гражданин СССР»! А ещё через год — в начале августа 1991 года — в селе побывали официальные представители посольства Югославии в Москве госпожа Радойка Фехимович-Джуракич и господин Зоран Фехимович, которые поблагодарили героя от имени югославского народа, вручили памятные подарки.

Надо ли говорить, что после всего этого Заки ага Залялиев был «оправдан» полностью и признан ветераном Великой Отечественной войны, а вскоре стал получать и соответствующую пенсию.

Татарстанское телевидение показало документальный фильм о боевом пути Заки Залялиева, передачу об отважном партизане, совместно подготовленной вышеупомянутой школьной киностудией. В музее истории родного края появился новый большой стенд, посвящённый жизненному пути Заки Залялиевича.

В 1996 году в городе Орле вышла книга воспоминаний, посвящённая югославским партизанам. В ней есть и статья Заки Залялиевича «Сражался в русской роте», в которой он рассказал о себе и своих друзьях военных лет.

После ухода из югославского партизанского отряда и лечения в госпитале Заки Залялиев, пройдя соответствующие проверки, продолжил службу в Советской Армии. Перед самым окончанием войны его демобилизовали как инвалида. Он вернулся в родные края, стал механизатором, одним из самых известных хлеборобов республики, а в 1958 году был награждён золотой медалью ВДНХ...

Вот такую богатейшую жизнь прожил Заки ага. Ему пришлось приложить немало усилий для того, чтобы окончательно восторжествовала справедливость. И он бесконечно благодарен Шагинуру Мустафину, который одним из первых протянул ему руку помощи.

А сколько таких историй прошло через благородное сердце Шагинура!..

* * *

Огромную и очень нужную всем нам работу Ш. Мустафина высоко оценивают многие. Мне вспоминается тринадцатый съезд Союза писателей Татарстана, проходивший в мае 1999 года. В начале его работы президент РТ М. Ш. Шаймиев огласил Указ о присвоении почётных званий нескольким известным татарским писателям. Среди них был и Шагинур Мустафин, удостоенный звания «Заслуженный работник культуры Республики Татарстан». Как только прозвучало его имя, зал взорвался продолжительными аплодисментами и возгласами одобрения. Президент Минтимер Шарипович крепко обнял писателя и, широко улыбаясь, обратился к присутствующим:

— Благодарю вас за такую поддержку своего коллеги! Я очень рад, что вы его так горячо любите!

В зале поднялся новый шквал аплодисментов...

Да, Шагинура искренне любят, благодарят, ему пишут тёплые письма. Вот как выразил ему свою признательность выдающийся писатель-следопыт, пламенный публицист, удостоенный Гран-при в республиканском творческом конкурсе «Хрустальное перо» журналистов Татарстана, заслуженный работник культуры Российской Федерации Шамиль Зиганшиевич Ракипов:

«Дорогой мой друг Шагинур! Прошло уже более тридцати лет со дня нашей первой встречи в посёлке Кукмор, когда я был обрадован твоим исключительным трудолюбием и бескорыстием, твоим талантом быть нужным людям. Очень рад, что ты остался верен нашему разговору: неутомимо продолжаешь святое дело возрождения в памяти народных имён батыров Великой Отечественной войны. Я безмерно горд тем, что у меня есть такой прекрасный последователь!..».

Как известно, оба писателя — Шамиль Ракипов и Шагинур Мустафин — в год 55-летия Великой Победы были удостоены одновременно Международной премии имени Кол Гали за многолетнюю поисково-исследовательскую деятельность по увековечению бессмертных подвигов неизвестных героев. Эту высокую награду получили они

28 декабря 2000 года в Казанском Кремле, в офисе Совета Старейшин Республики Татарстан лично из рук председателя организационного комитета по международной премии татарского народа имени Кол Гали — Президента Академии наук РТ, академика и писателя Мансура Хасановича Хасанова в присутствии творческой интеллигенции...

Шагинур Мустафин верит в величие души, духовную прочность своего народа, показывает в своих многочисленных произведениях, что в трудных испытаниях народ остаётся морально чист и твёрд...»

* * *

Что примечательно, в литературной среде Шагинура Ахметсафиевича с великим уважением называют татарским словом «Эзтабар» («Следопыт»). Что за этим стоит, пожалуй, лучше всего разъяснил талантливый скульптор и оригинальный писатель, заслуженный деятель искусств Республики Татарстан Альфред Хайруллаевич Абдрашитов. Поэтому сошлюсь на его книгу «Два следопыта» (Казань, изд-во «Паритет», 2009), посвящённую двум Мустафиным — Рафаэлю Ахметовичу и Шагинуру Ахметсафиевичу. Адресованную Шагинуру Мустафину главу автор озаглавил «Покой ему только снится...» и, надо сказать, попал в яблочко.

Кстати, в другой своей книге «Калейдоскоп личностей: деятели науки, культуры и искусства глазами скульптора» (Казань, изд-во «Паритет», 2004) он так подметил основу личности друга: «О, улыбка! В ней выражается душа человека, его искренность, чистота...» И дальше Альфред Хайруллаевич так характеризовал Шагинура Ахметсафиевича: «...Что это за человек — кристальной чистоты, необыкновенной любви к матери-героине, отцу-герою, любви к татарстанцам и ко всем участникам Великой Отечественной войны...»

Какими весами взвесить, сколько же Шагинур, дарящий людям свет и добро, сделал как следопыт! Сколько матросовцев, гастелловцев, джалильцев и других героев воскресил, вытащив их из небытия — ведя кропотливые поиски в Центральном архиве Минобороны, колеся с единомышленниками по городам и весям страны, где много десятилетий назад прошли кровопролитные бои.

Матросовцем оказался и его родной отец Ахметсафа Мустафинович. Он был старшим из четырёх детей Мустафы Абдулловича, активиста колхозного движения, первого сельского тракториста и незаурядного гармониста, и Минлекамал Гимрановны Абдуллиных. Когда в сентябре 1941 года отец в сорокалетнем возрасте умер от тяжёлой болезни, заботы о семье легли на плечи подростка, которому не было и 16 лет. Он сменил отца на тракторе и трудился по-ударному, чтобы его родной колхоз «Доброволец» как можно больше хлеба отправил фронту. Через год с войны вернулся тяжелораненый брат отца Рахимжан Абдуллин. Ахметсафа, как и многие его молодые земляки, принял решение добровольцем идти на фронт.

Боевое крещение семнадцатилетний боец Калининского фронта Ахметсафа Мустафин принял в феврале 1943 года под Великими Луками. Там, где геройски погиб легендарный Александр Матросов. Подвиг 20-летнего комсомольца Матросова, закрывшего амбразуру дзота, чтобы спасти своих товарищей от смертельного свинцового дождя, глубоко взволновал Ахметсафу. Он дал клятву отомстить за смерть безвременно погибшего героя и биться с врагом как Матросов. Стойкий боец Мустафин, будучи не раз раненным, контуженным, подлечившись в госпитале, вновь возвращается в строй.

15 октября 1943 года наши войска вели жестокий бой с фашистами за освобождение деревни Горущки Невельского района Псковской области. Боец 235 полка 28

гвардейской стрелковой дивизии Ахметсафа Мустафин (ему только что исполнилось 18 лет), израсходовав все патроны и гранаты, бросился в проём дзота, из которого строчил безжалостный вражеский пулемёт. В это мгновение разорвалась бомба, и смельчак оказался погребённым развороченной землёй. Раскопали его санитары, заметившие шевельнувшуюся руку. В конце апреля 1944 года из Ивановского эвакуогоспиталя фронтовика отправили домой. В сопровождении медсестры 5 мая Ахметсафа добрался до родного селения Арташ. Семья до этого дважды получала скорбные известия, что он «...погиб смертью храбрых». Но солдат, всем смертям назло (пусть и незрячий, с первой группой инвалидности), вернулся домой! И это вселило надежду в сердца солдатских матерей и жён, даже тех, кто уже получил похоронку: «А вдруг и наш жив?! Лежит в госпитале, или оказался во вражеском тылу, воюет в партизанском отряде?!»

Славный день 9 мая 1945 года «слепой музыкант» Ахметсафа встретил своим «Победным маршем». А музыкант он был отменный — играл с юных лет на тальянке, мандолине, на фронт уходил со своей гармонью. Молодёжь усадила гармониста поверх подушек на двухколёсную повозку и, впрягшись в неё, возила по улицам деревеньки — чтобы весь Арташ слышал марши, весёлые наигрыши и радовался победе!

В марте 1947 года он женился на хорошей девушке Гульзайнап из соседнего рабоче-го посёлка Алан. И безмерно радовался рождению каждого ребёнка. Он уже в состоянии был прокормить свою семью, потому что руки были золотыми, любое ремесло в них спорилось: был лесником, плотником, печником, стекольщиком, пинокатом, садоводом...

Помня слова врача, что ему полезен лесной воздух, окрепший на травяных отварах, которые готовила для горячо любимого сына мама — народная целительница Миннекамал Гимрановна, Ахметсафа Мустафинович в 1949 году устроился в Мамадышский леспромхоз. Сначала был лесорубом, потом на коне вывозил лес. Работал ударно, с огоньком! Через пять лет, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 ноября 1954 года он удостоивается медали «За трудовое отличие».

Отважный воин освоил на «пятёрку» десятки мирных ремёсел, стал отцом одиннадцати детей. После первенца Шагинура родились: красавица-певица Сазид, Далила, Гаптенур, Мансур, Ильсияр, Ильсур, близнецы Ильдус и Ильгиз, Ильгиза, Наиль...

Многие дети Ахметсафы-солдата связали свою жизнь с судьбой КамАЗа и теперь живут в Набережных Челнах. Среди них рабочие автозавода, оператор птицефабрики, медицинская сестра, шофёр и каменщик, работники культуры, писатель и журналист... Есть среди его детей и самодеятельные певцы, музыканты, художники, ставшие лауреатами всероссийских и всесоюзных конкурсов, сотрудники газет-журналов и телевидения, заслуженные работники культуры Республики Татарстан...

Однажды в избытке чувств Ахметсафа ага воскликнул, что без сожаления сможет покинуть мир, когда все десять его живых детей будут при деле (одна дочка — по имени Далила — умерла в раннем возрасте). Но вот и младшая дочка Ильгиза устроилась на работу в Мамадышский филиал обувной фабрики «Спартак». Ахметсафу Мустафиновича это известие очень сильно порадовало, но в тот же пятничный вечер — 22 января 1982 года он скончался от кровоизлияния в мозг. Жена Гульзайнап Ибрагимовна, мать-героиня, ни за что не хотела верить в его смерть и всю ночь обнимала тело мужа, пытаясь своим теплом, безмерной любовью вернуть его к жизни...

Ахметсафа Мустафинович три дня не дождался вручения ему боевого ордена Красной Звезды под номером 3688186 (Этой высокой награды он был удостоен Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1981 года, за проявленные храбрость и мужество в годы Великой Отечественной войны). Семеро сыновей, склонив голову, приняли запоздавшую отцовскую награду. С этим орденом в нагрудном

кармане Шагинур Ахметсафиевич прошёлся фронтовыми дорогами отца, без устали работал в архивах, чтобы вернуть память о многих и многих солдатах Великой Отечественной войны, погибших геройской смертью. На это святое дело его благословил отец. В мае 1975-го, отмечая праздник Победы в яблоневом саду, Ахметсафа Мустафинович наказал своему «солнышку» Шагинуру, руководителю поисковой экспедиции «Свет Памяти», найти всех солдат, в войну закрывших своим телом амбразуру. Упорно и целеустремлённо работая в Центральном архиве Министерства обороны СССР и РФ он нашёл сведения о 478 матросовцах. В этом святом деле Шагинуру Ахметсафиевичу очень помогли заместитель начальника ЦАМО полковник Анвар Хабибуллович Файзуллин и начальник отдела подполковник Анатолий Гаврилович Янкевич.

Среди героев были пехотинцы, моряки, танкисты, разведчики. Причём 65 таких подвигов было совершено задолго до бессмертного броска А. Матросова. Из числа матросовцев 22 оказались выходцами из Татарстана. Их подвиг увековечивается. Бюст первого матросовца из Татарской АССР Самигуллы Каримуллина стоит в краеведческом музее Кукморского района. К сожалению, только 159 бойцов, закрывших собою амбразуру, стали Героями Советского Союза, а многих не удостоили никакими наградами. Об этом пишет и наш прославленный генерал армии, доктор военных и исторических наук, президент Академии военных наук Российской Федерации, действительный член Академии наук Республики Татарстан Махмут Ахметович Гареев в предисловии к книге «Татары. Воины. Труженики. Патриоты» М. С. Хакимова и М. А. Сафарова (Приложение к энциклопедическому справочнику «Великая Россия. Имена», Москва, 2006) такие слова: «Александр Матросов (Шакир Мухаметзянов) — сын татарского народа... Его легендарный подвиг во время войны повторило много бойцов. Среди них более десятка воинов татар: Газинур Гафиятуллин, Барый Шавалеев, Абдулла Салимов...

Многие из них не удостоены никаких наград...»

* * *

Узнал наш следопыт-исследователь и о судьбе самого Александра Матросова, биографических данных о котором было очень мало. Благодаря своему коллеге, писателю Рауфу Насырову из Башкортостана, Шагинур Мустафин подтвердил, что Александр был на самом деле Шакиржаном. Родился 5 февраля 1923 года в селе Кунакбай Учалинского района Башкирии. Фамилия — Мухаметзянов, отца звали Юныс, мать — Муслима. После смерти матери, спасаясь от голода и нищеты, одиннадцатилетний мальчишка ушёл из дома и в дальнейшем жизнь его протекала на улице, в детских домах, в колонии. Очень любил матросскую форму, матросские пляски, потому и фамилию себе придумал соответствующую — Матросов. Кстати, примерно такая судьба была и у известного партизана — Героя Советского Союза, выходца из Актанышского района Татарстана Гатауллы Минаева, которого знали как Николая Орлова...

Шагинур Ахметсафиевич проследил судьбу и 9 матросовцев, оставшихся в живых после совершения невероятного подвига. Это казах Сабалак Оразалинов, украинец Владимир Майборский, еврей Товье Райз, грузин Георгий Майсурадзе, русские парни Леонтий Кондратьев, Степан Кочнев, Александр Удодов, татары Мансур Валиуллин (ставший нефтяником и проживавший до 1988 года с семьёй в Альметьевске) и Ахметсафа Мустафин.

Шагинур Ахметович так написал об отце: «На наше счастье, отец, сорок смертей переборов, вернулся живым в родные края! „Мы с вашей матерью для родной страны, в память Александра Матросова, вырастим целое отделение солдат“, — такое намерение имел отец, и он его исполнил! И мы тоже — все семеро сыновей — служили и с честью выполнили свой долг перед Родиной!..».

И это «отделение», совместно с талантливым девичьим подкреплением, продолжает множить славу рода Мустафиных!

В седьмом февральском номере 2015 года в еженедельной газете «Аргументы и факты» с приложением «Регион-Татарстан» была опубликована статья о Ахметсафе Мустафине под названием «Герой-счастливчик: он повторил подвиг Матросова, но выжил и вырастил 10 детей». Автор публикации — известная талантливая журналистка Александра Дорфман писала в начале этой статьи также золотые слова: «И пусть Ахметсафа Мустафин не стал Героем Советского Союза, зато стал Отцом-Героем!..»

Известный поэт-медик, член Союза писателей Республики Татарстан, лауреат республиканской премии им. Шайхи Маннура, дипломант и лауреат Всероссийских, а также Международных литературных конкурсов Ринат Николаевич Архипов (литературный псевдоним — Ринат Маннан) опубликовал две книги о семье Мустафиных: «Азбука Подвига» и «Солдат Ахметсафа», которые получили живой отклик среди читателей и удостоены престижных наград...

* * *

В последние годы мы очень тесно общаемся с Шагинуром Ахметсафиевичем. Благодаря отзывчивому, сплочённому, дружному коллективу издательства «Слово», я выпустила здесь несколько книг: «Артиллерист офицер кәндәлегенән» — «Дневник офицера-артиллериста» (2011), «Тапшырылган хаглар» — «Одно мгновение и вечная любовь» (2013), «Нәселбез шәжәрәсе: үткәнә һәм бүгенгесе...» — «Наша родословная: лица, история, время...» (2015). Первая из них (320 страниц), как уже известно, на татарском, русском, английском языках; остальные две (432 и 616 страниц) — на татарском и русском...

Подготовила ещё четвертую книгу на татарском языке (2017) — о сыне классика татарской литературы Хади Такташа (1901–1931) — известном художнике-академике и поэте Рафаиле Такташ (1926–2008). Моя мама — Рукия Галямутдиновна Мустафина — в 1923–1926 годах училась в Татрабфаке при Казанском университете вместе с Мусой Джалилем и младшим братом Хади Такташа — Габитом. Х. Такташ часто общался со студентами Татрабфака и выступал на творческих вечерах. Поэтому наша мама очень любила поэзию Хади Хайруллаевича, знала наизусть много его стихотворений и поэм.

А сына Такташа, глубокоуважаемого Рафаиля Хадиевича, я впервые увидела в дни 80-летнего юбилея Х. Такташа в Казани, в клубе писателей им. Тукая (ул. Баумана, дом 19). Представили нашего гостя из Узбекистана как старшего сына великого поэта. Потом, познакомившись с ним, мы наладили переписку. Так что, мне очень близка неповторимая поэзия отца и сына Такташевых. Когда я получила из Ташкента бандероль со сборником стихов на русском языке заслуженного деятеля искусств Узбекистана Рафаиля Такташа, у меня возникло желание издавать эти искренние сочинения на татарском языке в Казани, где автор родился. Эту идею поддержали и мои близкие друзья — Тамина Ахметовна и Шагинур Ахметсафиевич. Нашли и переводчика. Им стал известный поэт и прозаик, заслуженный деятель искусств республики, лауреат премии им. Х. Такташа Рашат Мияссарович Низамиев.

В итоге в издательстве «Слово» вышла уникальная книга Рафаиля Такташа под названием «Тау бөркете буласым килде!..» — «Хотел стать горным орлом!». Предисловие к книге и послесловие написал главный редактор данного издательства Шагинур Мустафин. Кроме избранных стихотворений Рафаиля Хадиевича, там есть и наша переписка с ним, доктором искусствоведения, профессором Ташкентского национального института художеств и дизайна, академиком Академии художеств Узбекистана...

* * *

В процессе подготовки своих книг для печати я часто общалась с главным редактором и всё больше восхищалась его необыкновенными чертами характера. Видела, как Шагинур Ахметсафиевич очень переживал, когда его мама Гульзайнап Ибрагимовна (1925–2014), лежала в больнице, как проявлял постоянную заботу о ней и в обыденной жизни. Старший сын считал своим священным долгом регулярно навещать маму. А про отца он сказал однажды так:

— Я иногда ощущаю себя ветераном той войны... Будто я вместе с отцом ходил в разведку и уничтожал огневые точки врага. Ведь уже тогда в клеточках его крови пульсировали мы — будущие его дети: семь джигитов и четыре девушки!

После смерти отца Шагинур Ахметсафиевич стал опорой, главным помощником матери. И до этого, ещё будучи школьником, в течение трёх лет до получения аттестата зрелости, вечерами работал помощником киномеханика в сельском клубе Нижняя Ошма. Заботился он постоянно и о своих младших братьях и сёстрах, а позднее помогал им стать на ноги, выбрать жизненный путь.

Шагинур Ахметсафиевич и сегодня печётся о них, уже взрослых. А братья и сёстры почитают и глубоко уважают его. Такой же нежностью и вниманием окружил он и своих детей — сына Рушана, дочь Гульназ, их семьи, в которых подрастают любимые внуки, внучки и правнук...

* * *

Как мне хорошо известно, Шагинур Ахметсафиевич берёт в руки авторучку и садится за письменный стол обычно лишь тогда, когда дома все уже засыпают и в его квартире воцаряется тишина. Нередко его окна светятся до трёх утра. И появляются новые очерки, документально-публицистические произведения, повести...

В течение прошедших лет, он выпустил ряд книг на военно-патриотическую тему и документально-публицистических изданий. Среди них, например, есть такие, как «Завещание» (1995), «Свет Памяти» (2004), «Полёт в новое тысячелетие» (2008), посвящённые неизвестным героям Великой Отечественной войны.

В республиканском конкурсе «Лучшая книга года», посвящённому 55-летию Великой Победы, главную награду получила «Батырлар Китабы» — «Книга Героев» (ТКИ, 2000), основным консультантом, автором предисловия и одним из редакторов которой был Шагинур Мустафин. И он награждён почётным дипломом, а также денежной премией.

К 70-летию Великой Победы Шагинур Ахметсафиевич выпустил в Татарском книжном издательстве новую книгу «Ядрәләрне эреткән йөрәкләр» — «Сердца, расплавившие железо» (2015), о так называемых матросовцах, которые закрыли грудью огнедышащую амбразуру войны. Эта уникальная книга получила широкий отклик среди читателей. Жюри под председательством народного писателя Республики Татарстан Григория Васильевича Радионовна (литературный псевдоним — Гарай Рахим) при участии представителей Министерства культуры РТ, республиканского агентства по печати и массовым коммуникациям «Татмедиа» и Национальной библиотеки РТ подвело итоги «Книга года — 2015». Отбор проводился среди 356 книг татарстанских издательств. В выборе самой популярной литературы участвовали 1514 муниципальных библиотек. В номинации «Публицистика и научно-популярная литература на татарском языке» завоевала I место книга Ш. Мустафина. Автору вручили в торжественной обстановке Почётный Диплом победителя и денежную премию.

В 2016 году вышла антология на трёх языках (татарском, русском, английском) «Писатели-фронтовики Татарстана» в Татарском книжном издательстве, в её издании самое активное участие принимал и Шагинур Мустафин, как один из составителей.

«...Эта книга посвящена 70-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне и горестной дате — 75-летию начала войны, — пишет в предисловии народный поэт Татарстана, лауреат премий имени Г. Тукая и М. Джалиля, президент Татарского ПЕН-центра Разиль Валеев. — В ней мы рассказываем о писателях-фронтовиках — наших земляках... Мы гордимся собратьями по перу, в лихую годину вставшими на защиту нашей Родины. Наш отряд писателей-воинов сороковых-грозových собрался весьма изрядный. Всего на этой войне отдали жизнь (вместе с Героем Советского Союза Мусой Джалилем) 34 писателя, а участвовало в военных действиях — 124 человека».

В вышеупомянутой книге помещены фотографии, биографические и творческие данные всех погибших писателей в годы Великой Отечественной войны, а также вернувшихся с Победой фронтовиков.

Продолжая целеустремлённо заниматься поисковыми работами, Шагинур Ахметсафиевич в 2017 году выпустил книгу о подпольщиках, соратниках Мусы Джалиля и Гайнана Курмаша под названием «Они — из созвездия бессмертных!»

В 2018 году в Таткнигоиздате вышла очередная объёмистая книга Ш. Мустафина «Батырлык кайтавазы» — «Отзвук героизма». В ней рассказывается о неизвестных героях Великой Отечественной войны и о славных тружениках тыла...

Писатель и общественный деятель Шагинур Мустафин не обделён почестями, наградами, премиями, другими проявлениями уважения и признания заслуг.

Больше всего любят его в родном краю. Шагинур Ахметсафиевич является почётным гражданином города Мамадыш. Не устал он и от общественной деятельности: председателя комиссии по наследию классика татарской литературы Шайхи Маннура, а также заместителя председателя общественной организации «Мамадышское землячество». Его бюст (работа скульптора А. Х. Абдрашитова) находится в районном краеведческом музее в центре зала, посвящённым знатным землякам. Здесь же и библиотечка с уникальными книгами — автографами известных писателей современности, подаренных Шагинуру Ахметсафиевичу, а также его избранные сочинения, газетно-журнальные материалы и памятные исторические вещи...

И в Кукморском районе Ш. Мустафина считают давным-давно своим земляком, гордятся им.

* * *

Шагинур Ахметсафиевич широко известен в нашей республике и за её пределами. Всех его званий и наград не перечислить. Но он и сегодня в строю.

Отметив семидесятилетие, продолжает работать в издательстве «Слово» (директором которого является талантливый организатор, журналист, редактор и издатель Ландыш Салахутдинова). Под редакцией Шагинура Мустафина вышло в свет более 200 знаковых изданий, большинство из которых являются историко-документальными. Шагинур Ахметсафиевич лично являлся инициатором интересных издательских проектов и добивался их успешной реализации. Его высокий профессионализм, умение работать с авторами и текстами дали прекрасные результаты.

После нескольких тяжёлых операций в Казанском онкологическом центре в апреле-сентябре 2017 года Шагинур Ахметсафиевич стал инвалидом второй группы. Несмотря на определённые трудности, писатель-публицист и поэт, собравшись с духом, стал ещё плодотворнее трудиться. В течение двух лет после первой операции он подготовил и выпустил в двух издательствах четыре своих книги: стихи для детей «От улыбки станет всем светлей» (ТКИ, 2017), документально-публицистические издания «Они — из созвездия Бессмертных!», «Отзвук Героизма» (ТКИ, 2018), стихи для взрослых «Тепло души дарю Вам, люди!..» Сейчас Шагинур Ахметсафиевич работает над новой книгой «Неизвестные герои Великой Победы и творцы новых подвигов».

Хочу завершить своё повествование, золотыми словами народного поэта Татарстана, лауреата Государственной премии имени Габдуллы Тукая Шауката Галиева (он постоянно следил за творческим ростом Шагинура Мустафина и рекомендовал его в 1992 году для вступления в Союз писателей Республики Татарстан и СССР):

«Нам очень нужен такой писатель, который не даёт иссякнуть родникам памяти и зачерстветь душам! Жизнь и творчество Шагинура Ахметсафиевича — благородная песня о не вернувшихся с поля брани... Писатель прекрасно знает цену жизни, цену независимости Отечества и то, какими огромными жертвами она достаётся. Ему не даёт покоя память о прошлом, и он всё своё вдохновение и силы посвящает беспокойным и кропотливым поискам. Большинство его произведений написаны о людях, не пощадивших своей жизни ради счастья народа. Они призывают к доброте, красоте, взаимопомощи, великодушью и высокой духовности. Несомненно, Шагинур Мустафин очень любит людей!»

Фото Александры Спиридонова

ЭФИОП? ИЛИ ВСЁ-ТАКИ РУССКИЙ?

К вопросу о национальной принадлежности А. С. Пушкина

Даже в частной, сугубо индивидуальной судьбе отдельного человека бывают вопросы столь значимые, столь для всех важные, что иной, глядишь, и всем миром вовек не обговорить.

Истинно — вечные, хочется сказать.

Общечеловеческие.

Иначе и не скажешь.

Волею рока таким предстаёт и вопрос о национальной принадлежности Пушкина. Юбилей не юбилей, по поводу и без повода, при каждом удобном и неудобном случае, кстаги и некстаги нам, русским, то и дело с нажимом подчёркивают, что наш национальный гений, наша общенародная гордость и слава, наш горячо любимый, наш великий русский поэт Александр Сергеевич Пушкин не такой-то уж и русский. Дескать, что ни говори, все помнят — африканец. Эфиоп.

А мы, в общем-то, и не спорим. Африканец? Ну и пусть африканец. Эфиоп? Ну и пусть эфиоп. В конце концов, какая разница, это же не мешает нам любить его поэзию и любить его самого.

На том, казалось бы, ревнителям родо-племенной определённости и успокоиться. Ан, нет! Наша русская покладистость, похоже, лишь пуще их раззадоривает. Давно уже пора бы прийти если не к какому-то научно-обоснованному конкретному выводу, то хотя бы, скажем, к компромиссному решению вроде нашего житейского: ладно, мол, пусть, допустим, половина на половину, так где там — увы! Вот и длится разговор годами и десятилетиями, а воз и ныне там. И, может быть, не стоило бы лишний раз подогревать страсти, но вот в чем беда, вот что примечательно: ну хоть бы кто-то из приверженцев перевеса расовых признаков согласился, что Пушкин в большей степени всё-таки русский, так нет же, наоборот, все они озабочены как раз противоположным.

Это сразу же бросается в глаза при беглом просмотре многочисленных посвящённых данному вопросу работ. Все устремления, все усилия авторов, хотя бы сколь-нибудь претендующих на роль серьёзных исследователей, сосредоточены, как правило, на одном: отыскать корни национального происхождения нашего великого русского поэта по родословной его прадеда Ганнибала. А уж что касается до записных всезнаек от современной журналистики, то их и хлебом не корми, дай только подсудачить на давно избитую, но и донныне как бы экзотически-экстравагантную тему.

В пушкиноведении действительно давно уже утвердилась и получила широкое распространение так называемая абиссинская, то есть — эфиопская версия. Так что в продолжении, развитии и популяризации её ничего зазорного нет. Скорее, наоборот, можно сказать, что есть тут и весомая вроде бы причина, и вполне объяснимый интерес. Тем боле, если увлечены этим африканцы. В особенности, скажем, эфиопы.

Замечу, кстати, что одна из моих поездок в Пушкиногорье случайно совпала с приездом туда императора Эфиопии Хайле Селасие, специально прибывшего в тот край, чтобы побывать в Михайловском и посетить могилу «великого эфиопского поэта А. С. Пушкина». И это ведь ни меня, ни кого другого из местных жителей, в общем-то, и не удивило. Было даже приятно, что вот через Александра Сергеевича мы в родстве с другим, надо полагать, уже в силу этого дружественным нам народом. Хотя, если на то пошло, эфиопская версия как была, так и остаётся всего лишь версией. Именно — версией, ибо каких-нибудь достоверных, документальных подтверждений для неё никем и нигде пока не найдено.

Впервые обосновал, а вернее — попытался обосновать эту версию известный антрополог академик Д. Н. Анучин. Для учёного мужа столь высокого ранга было бы, конечно же, обидным предположение, что он не читал таких произведений Пушкина, как «Арап Петра Великого», «Моя родословная» и «Начало автобиографии». Пушкин сам неоднократно и недвусмысленно говорил о себе, что он — «потомок негров». Да вот — хотя бы и в стихах:

*А я, повеса вечно праздный,
Потомок негров безобразный...*

Но если такое признание в стихах можно счесть шутливой поэтической вольностью, самоиронией, то в «Начале автобиографии» — именно автобиографическим, основанным на тех достоверных сведениях, что передавалось в семье от деда и прадеда. А здесь, вспоминая о своей матери, Александр Сергеевич писал: «Дед её был негр, сын владетельного князька».

Заметим попутно, что в научной терминологии слово «арап» тогда означало — негр, а «абиссинец» — эфиоп. На каком же основании уважаемый академик пришёл к выводу, что прадед Пушкина Ганнибал был эфиопом? Оказывается, из собственных умозаключений. Он, в частности, рассуждал так: «Раса негров в культурном и умственном отношении стоит на низшей ступени сравнительно с белой расой. Абиссинцы же, то есть эфиопы, принадлежат к семитской группе, и потому способны к более высокой культуре».

Формулировки для маститого антрополога более чем странны. Но далее — и ещё любопытнее: «Позволительно сомневаться в том, что чистокровный негр мог в такой степени проявить свои способности, в какой их проявил Ибрагим Ганнибал, чтобы, наконец, правнук этого негра А. С. Пушкин отметил новую эпоху в литературно-художественном развитии европейской нации».

То есть, у семитов может родиться гений, у «чистокровных» негров — «позволительно сомневаться». Куда как научно, не правда ли? Не говорю уж о том, что о русской «чистокровной» линии А. С. Пушкина в этом контексте и не упоминается. В 60-е годы минувшего XX века наш журналист Н. Хохлов специально предпринял поездку в Африку, чтобы посетить места, описанные Д. Анучиным в его научном труде, но никаких, ровно никаких свидетельств о проживании там предков Ганнибала не обнаружил. Другой русский исследователь А. Буколов, автор уникальной книги «Роман о царском арапе», будучи дипломатом, три года работал в Эфиопии, но тоже никаких сведений и никаких документов, подтверждающих «абиссинскую версию» не отыскал.

Не подтвердились также предположения о том, что фамилия Ганнибал происходит от имени знаменитого карфагенского полководца. Если же взять старинную карту Африки, то Абиссиния (Эфиопия XVII–XVIII веков — это фактически вся Африка к югу от Египта. И не случайно историки других африканских стран, в частности, Кении и Судана, оспаривают у эфиопов честь называться родиной предков А. С. Пушкина.

К этому следует добавить, что в 1995 году, в Москве состоялась международная научная конференция «Пушкин и христианская культура». С сенсационным сообщением выступил здесь воспитанник Сорбонны Дьёдонне Гнамманку, докторант Парижского национального института восточных языков и цивилизаций. Путём исследования исторических и топонимических источников он установил, что Абрам (Ибрагим) Петрович Ганнибал был не абиссинец, а — негр, поскольку родина его предков находится вовсе не в Абиссинии (Эфиопии), а в центральной Африке возле озера Чад. Причём все материалы, все доказательства были признаны неопровержимыми. Таким образом, к существующим версиям добавилась ещё одна. То есть гипотезы множатся, поиски и споры продолжаются. Если, конечно, не сказать, что они зашли в тупик. Ибо каждая сторона преследует свою, мягко говоря, узкокорыстную, националистическую цель.

Судите сами. Поскольку все африканские версии основываются на исследовании генеалогии А. С. Пушкина единственно по родословной его матери, то тут, казалось бы, ну никак не обойтись без того, чтобы на равных столь же обстоятельно и в полной взаимосвязи рассмотреть его родословную и по линии отца. Между тем разговор о русскости русского поэта либо отодвигается на задний план, либо и вовсе обходится стороной, как нечто второстепенное, менее значимое.

Теперь, что ещё более странно, на такой путь всё больше и больше встают не только африканские, но и многие другие авторы изысканий и публикаций на данную тему. В том числе — и в нашей стране. А почему? Ведь если речь идёт о национальной принадлежности, то разве не ясно, что вопрос должен быть рассмотрен всесторонне, без предвзятости и со всей полнотой? Или, может, в том-то и заковыка, что дело упирается именно в определение национальности?..

* * *

*Ветер по морю гуляет
И кораблик подгоняет...*

С такими вот, необычайно лёгкими, пленительными в своей гениальной простоте, чарующими, как лепет ребёнка, с первого прочтения навсегда западающими в память стихами Пушкин приходит к нам в самом нежном, самом раннем возрасте, когда мы

только-только постигаем родную русскую речь. Приходит с волшебным золотым петушком. С белочкой, что при всех золотой грызёт орех. С хрестоматийным лукоморьем, где русский дух, где Русью пахнет. Приходит как самый родной и близкий. Приходит как властитель наших чувств и дум. Приходит, чтобы остаться с нами навсегда, и никто из нас, русских, не задаётся и мыслью о том, кто же он по национальности. Это разумеется само собой — русский.

Об этом для нас и как бы за всех нас в своё время Гоголь сказал. В статье под скромным названием «Несколько слов о Пушкине» он ещё при жизни Александра Сергеевича дал ему такую проникновенно искреннюю и исчерпывающе мудрую характеристику, что она стала подлинно бессмертной эпитафией великому поэту на скрижалях нашей русской истории. Вот вроде бы и цитировать лишний раз ни к чему, любой мало-мальски серьёзный читатель знает её со школьных лет, но перечитываешь — и не оторваться. Впрочем, так или иначе, тема нашего разговора требует свежим глазом взглянуть хотя бы на те строки, провидческая глубина которых и донныне вызывает самые яростные нападки противников русскости. Отмечая, что при имени Пушкина тотчас осеняет мысль о русском национальном поэте, Гоголь и сам едва ли не с удивлением говорил о том, что открывалось ему в этом замечательном человеке. Он, в частности, писал:

«Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа: это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится через двести лет. В нем русская природа, русская душа, русский язык, русский характер отразились в такой же чистоте, в такой очищенной красоте, в какой отражается ландшафт на выпуклой поверхности оптического стекла».

Читаешь — и окатывает тёплой волной гордости: вот он какой — наш Пушкин. Именно — наш. Русский. И не просто русский, а из русских русский. По Гоголю, хотя и с оговоркой, явление чрезвычайное, может быть, единственное. Как образец. Как идеал. Как эталон для подражания русским людям тех поколений, что будут идти следом.

Ту же мысль в дальнейшем повторил Достоевский. Соглашаясь с мнением Гоголя, он вместе с тем счёл необходимым добавить от себя, что для нас, русских, уже в самом появлении Пушкина заключается нечто бесспорно пророческое.

А по словам Ап. Григорьева, Пушкин — это и вообще «наше всё». Поясняя, что именно, он уточнил: «Пушкин — это представитель всего нашего душевного, особенного, такого, что остаётся нашим душевным, особенным после всех столкновений с чужим».

В работе «Жребий Пушкина», где поистине провиденциально уже само название, ещё более определённо сказал об этом известный религиозный философ С. Булгаков. Говоря о роли Пушкина в развитии нашего национального самосознания, он особо подчеркнул, что эту роль играет не только его поэзия, но и сам поэт, явивший собою дух нации и выразивший это в своём творчестве.

Между тем при изобилии пушкиноведческих трудов, в том числе и биографических, национальный образ нашего великого поэта так и не получил того исследовательского отображения, которое отвечало бы его приоритетной значимости. Что, естественно, лишь усиливает наше недоумение: а почему?!

Вообще-то если оглянуться на русскую историю, то ответ тут, кажется, лежит на поверхности. Как ни странно, во все времена и эпохи определяющим свойством характера русского человека было и остаётся полное, вплоть до самоуничтожения, безразличие к своему национальному чувству, к своей русскости. На это неоднократно обращали внимание все наши

великие писатели и учёные. Так, например, Н. Бердяев, раздумывая над этим, самым большим и потаённым секретом нашего народа, не без удивления отмечал: «Русские почти стыдятся того, что они русские; им чужда национальная гордость и часто даже — увы! — чуждо национальное достоинство». На житейском уровне, в повседневных взаимоотношениях с окружающими это проявляется буквально на каждом шагу. Главное, дескать, был бы человек хороший, а уж кто он там по национальности — дело второе.

В русле такой традиции лежит и наше отношение к Пушкину. Небезынтересно, конечно, кто там у него был дед и кто прадед, но для нас, его читателей и почитателей, главное всё-таки в том, что он писал и что написал, а не рассуждения о его, якобы экзотической национальности. Да и потом так ли она экзотична! И если на то пошло, то, как её, эту национальность, определить?

Что, разве не так? Боюсь, что так. Не только для нас, как говорится, рядовых читателей, но и для тех, кто числит себя пушкинистом, для всей историко-литературной науки значение Пушкина состоит опять-таки не в том, каково его происхождение, а именно в том, что им создано, что им написано. А поскольку он поэт, и не просто поэт, а поэт великий, поэт русский, по общему признанию историков и литературоведов — создатель современного русского литературного языка, то само собой понятно, что вопрос о его личности неизбежно упирается в вопрос о его русскости. При этом более чем понятно и то, что нечто якобы экзотическое, нечто, так сказать, арапское остаётся в его биографии лишь неким незначительным, малосущественным штришком. Но если нам годами и десятилетиями, вот уже, почитай, более двух столетий назойливо и безостановочно пытаются доказать обратное, то при всей нашей русской покладистости и равнодушии к каким бы то там ни было национальным различиям это в конце концов не может не вызвать чувства досады. Хочешь не хочешь, отмахиваешься, а есть здесь, согласитесь, что-то умышленное, мягко говоря, небескорыстное. Особенно, если вспомнить, что все эти нескончаемые суды-пересуды начались с гнусных происков мелкотравчатого завистника, осведомителя пресловутого III жандармского управления, то бишь — тайного агента сыскной политической полиции, шпиона, доносчика Фаддея Булгарина, коему достойную отповедь дал ещё сам Пушкин.

Смешно и противно, что об этом словно бы не помнят его многочисленные последователи. То есть — делают вид, что не помнят и не ведают, что творят. И уж кому-кому, казалось бы, как не биографам сказать здесь своё решающее слово, и многие уже вплотную подходят к этому, но выйти за пределы традиционного жизнеописания всё, глядишь, ровно бы духу недостаёт. Имея в виду сложившееся в России отношение к Пушкину как «влечение именно к лицу писателя», известный литературовед А. Карташёв не без иронии обронил: «Наша всеобщая пассия — биография Пушкина». Но давайте хотя бы накоротке оглянемся, в чём же, собственно, это выразилось.

Как ни странно, по мнению самих же пушкинистов, лучшей была и остаётся первая биография поэта — можно сказать, основополагающая, однако давно устаревшая книга П. В. Анненкова «Материалы для биографии А. С. Пушкина», вышедшая впервые в 1855 году. О многочисленных слабых и неудачных биографиях не стоит, пожалуй, и упоминать. Нельзя, конечно, не назвать таких популярных авторов, как Н. Бродский, Ю. Оксман, Г. Винокур, Б. Мейлах, М. Цявловский, Н. Гроссман, Я. Левкович, М. Гершензон, из самых, так сказать, современных — Ю. Лотман, но даже их неоднократно переиздаваемые монографии, книги, брошюры и своего рода летописные манускрипты не выходят за рамки набившего оскомину принципа «жизнь и творчество». Мы, по существу, в тысячный раз перечитываем одно и то же — «где

родился, как учился, когда женился» и т.п. Вплоть до легенд и мифов, низводимых порой до уровня обывательской сплетни. А что касается поистине неисчислимых газетно-журнальных публикаций, то тут, как это ни прискорбно, дело доходит даже до скабрёзных измышлений. Не случайно один из наиболее талантливых исследователей жизни и творчества А. С. Пушкина — П. Е. Щеголев мечтал о создании такой биографии поэта, которая была бы не фактографической только историей внешних событий, а историей движений его души, биографией души.

В чем же заминка, почему такой биографии нет? А потому, отвечают нам маститые исследователи, что её создание как было, так и остаётся весьма и весьма проблематичным. Любой, самый эрудированный автор неизбежно сталкивается здесь с материей столь тонкой, столь непостижимой, что она едва ли поддаётся необходимому анализу и объективному научному истолкованию. Если допустимо ещё хоть в какой-то мере приблизительно рассуждать о поэтических «движениях души», то как, скажите, написать «биографию души» в целом? Тем более — биографию того «чрезвычайного» и «пророческого» явления «русского духа», перед постижением которого в изумлении остановились даже такие гиганты художественной и философской мысли, как Гоголь и Достоевский! Прикинешь этак со своей колокольни — а и впрямь мудро. Вопрос в глубинной сути своей опять упирается, по всей видимости, в определение национальности. А как её, действительно, толковать?

Под понятием «нация» (с латинского — народ, племя) в расхожем массовом восприятии этого слова обычно подразумевается коренное население страны, давшее ей название. Скажем, Русь — русские, Франция — французы, Испания — испанцы и т.п. Однако на территории государства как единое целое, как исторически сложившаяся устойчивая общность может сосуществовать много разных, больших и малых народов и народностей, нацменьшинств и племён. Так что уже в силу этого хотя бы какого-то более-менее обоснованного обозначения нации наука пока что не сформулировала. Но если трудно дать определение нации в целом, то ещё труднее определить национальность отдельного человека. В особенности — ассимилированного индивидуума, или того, кто ведёт своё происхождение от так называемых смешанных браков.

А их число, как мы знаем, постоянно растёт. Не говоря уж о нескончаемых миграционных потоках и повсеместно увеличивающейся ассимиляции выходцев из других стран. Как же, действительно, при всём этом обозначить их национальность? Каких-либо официальных, научно-обоснованных установок и общепринятых, утверждённых законом критериев для этого нет, и мнения тут существуют подчас самые противоположные. Наиболее распространённой в последнее время стала тенденция определять национальную принадлежность как согражданство. Однако сограждан далеко не всегда можно назвать соплеменниками и даже соотечественниками. Ведь среди них немало таких людей, кто имеет и двойное гражданство. А то, глядишь, и тройное. В этой связи всё чаще и всё громче слышны речи о всечеловечности и всечеловечестве. Дескать, всё человечество — это одна большая семья, и каждый человек, к какой бы национальности он ни принадлежал, должен сознавать себя, прежде всего, гражданином мира.

Меж тем, пока наши учёные мужи безрезультатно бьются над разгадкой непостижимой, почти мистической тайны национальности, в Израиле её давно уже разгадали. Причём до элементарного просто и однозначно. Так, согласно еврейскому закону, евреем, а соответственно и гражданином, может считаться лишь то лицо, у которого были еврейками мать и бабушка по материнской линии. И неважно, кто был отец. Хоть негр. Поэтому есть евреи даже чернокожие. Ну, а если так, если считать это

главным, определяющим, и если русская родословная Пушкина идёт по линии отца, то её как таковую можно, значит, и не принимать в расчёт. А если так, тогда...

О, тогда, выходит, он никакой не русский, а...

А — кто?

Поскольку корни его родословной по материнской линии так до конца и не прослежены, то кто же он, в самом-то деле, по происхождению? Эфиоп?.. Негр?..

В одной из своих статей о Пушкине название его незавершённого романа «Арап Петра Великого» Гоголь дал без кавычек в такой интерпретации: Царский араб.

Арап — араб? В разговорном русском просторечии такое смягчение согласных очень даже распространено. Так неужто ещё и — араб?

Или, может, лучше уж обратиться к нашей расхожей житейски-бытовой терминологии и сказать попросту — полукровка? Но и в таком случае то ли полуэфиоп-полурусский, то ли полурусский-полунегр, то ли вообще невозможно установить, как его называть.

Подлинно — гражданин мира!

Вот те и на! Мы-то, русские чудачки, начиная с Гоголя и Достоевского, считаем его своим, из русских русским, а он, оказывается, вон какой! Хоть для всех граждан мира за эталон бери.

Не к этому ли нас, покладистых, и склоняют?

Авось — согласимся...

* * *

Родину, Отечество, как мать и отца, не выбирают. Родину, Отечество, как мать и отца, любят и почитают. А любят и почитают мать и отца, не задумываясь об этом, можно сказать, безотчётно, на уровне подсознания, инстинктивно. Помните, у Лермонтова: «Но я люблю — за что, не знаю сам...»

Хотя, конечно, у каждого это может складываться по-разному. Ведь более обострённые, нежели в зрелом возрасте, чувства и врождённые инстинкты с годами притупляются, и тогда решающую роль должны играть уже сознание, сознательное, осознанное отношение человека к родителям, к исполнению своего патриотического долга. Не случайна же легенда о блудном сыне. Да, вдобавок, не все, далеко не все блудные дети возвращаются под родительский кров.

У Пушкина жизнь складывалась так, что его называли ребёнком без детства. Как ни странно, он с самого нежного возраста был нелюбим в семье — не знал ни доброго отцовского внимания, ни материнской ласки. Мать, «прекрасная креолка» Надежда Осиповна, почему-то невзлюбила «не по летам загадочного» второго своего ребёнка — Александра. Она часто наказывала его и, что совсем уж непонятно, по целым месяцам могла с ним не разговаривать. Ещё более отчуждённо относился к нему отец Сергей Львович, вечно занятый лишь собой отставной советник и «душа общества». И только много позже, когда ослепительно засияла поэтическая слава Александра Сергеевича, они запоздало несколько к нему подобрели. К тому же этот нелюбимый сын оказался, по существу, единственной их опорой в старости. Он обеспечивал содержание и им, и своему младшему брату Льву. А когда мать в 1836 году смертельно заболела, поэт окружил её таким вниманием и заботой, как будто между ними никогда и не было никаких размолвок.

С такой искренней, истинно сыновней любовью относился Пушкин и к своей кормилице, няне Арине Родионовне. Друзья поэта, постоянно с ним переписывавшиеся или хотя бы раз побывавшие в Михайловском, не без удивления отмечали

необыкновенно родственную близость Александра Сергеевича с этой простой, неграмотной, но по-русски доброй и по-матерински заботливой старухой. Поэт не только не стыдился посвящать ей стихи, что в великосветском обществе многих прямо-таки шокировало, но даже будучи сам в летах ласково называл её мамушкой, мамой.

«Чуть встанет утром, — вспоминал один из современников, — уже и бежит её глядеть: „здорова ли, мама?“ — он её всё мама называл. А она ему, бывало, эдак нараспев (она ведь из-за Гатчины была у них взята, с Суйды, там эдак все певком говорят): „батюшка, ты за что меня всё мамой зовёшь, какая я тебе мать».

«Разумеется, ты мне мать: не та мать, что родила, а та, что своим молоком вскормила...»

Многозначные слова! Вернее, не слова, а народная мудрость, народное русское речение, которым русские люди издревле руководствуются и в понимании родства, и в патриотическом своём чувствовании. А в устах Пушкина за этим вроде бы всего лишь житейским присловьем видится не только признание в сыновьей любви к кормилице-няне, но и отношение к вспоившей и вскормившей его Родине, матушке-России.

Вот о чём следовало бы покрепче помнить не знающим, куда приткнуться, блудным сынам с двойным и тройным гражданством!

Вспоминая в данном контексте слова Н. Бердяева о том, что нам, русским, приуще как бы даже стыдиться того, что мы — русские, нельзя не заметить: а вот у Пушкина такой стыдливости не было! И когда некоторые русскоязычные критики эдак многознающе уверяют, что любовь к Родине, как и любовь к женщине, не должна громко афишироваться, что истинная любовь стыдлива и целомудренно немногословна, я на примере Пушкина думаю: э-э, не надо! Ибо что же за любовь такая, если её надо стыдиться! А гордиться тогда чем? Двойной-тройной привязанностью? Извините!..

В стихотворении «Моя родословная», парируя измышления Булгарина, намекавшего в одной из своих клеветнических заметок («Северная пчела», 7 августа 1830 г.) на то, что прадед Пушкина Абрам Петрович Ганнибал был куплен шкипером за бутылку рома, поэт со спокойным достоинством и с гордостью отвечал:

*Мой предок Рача мьщцей бранной
Святому Невскому служил...*

У пушкинистов, в особенности — биографов, стало как бы правилом, как бы негласным уговором отодвигать эти строки в сторонку, а то и вовсе забывать о них, словно менее значимых, проходных. Однако при пушкинской лаконичности за ними стоит нечто большее, чем это может показаться при беглом прочтении. Здесь и высокая гражданственность, и — через генеалогию — осознание поэтом личной причастности к истории России вплоть до великих деяний Александра Невского, и — при благородной сдержанности — обострённо страстное чувство именно национальной гордости.

Ещё в Лицее, ещё с детских лет одни называли его сверчком и стрекозой, другие — менее доброжелательно и в силу собственной невоспитанности — замарашкой, мартышкой и обезьяной. А за резкую отповедь, за пылкость характера с «необузданными африканскими страстями» — ещё и помесью обезьяны с тигром. Это при его-то впечатлительности и душевной ранимости! Он переживал болезненно. Да и попробуй не всплыли, если тебя шпыняют вот так буквально на каждом шагу. Отсюда, несомненно, и рано пробудившаяся пытливость в раздумьях о своей родословной. Людям,

любому человеку, извечно присуще свойство интересоваться, знать — кто я? Откуда я? Почему я такой? Какую дорогу прошёл мой род? Где мои корни? А если я вон как разительно отличаюсь от окружающих, то мне тем более любопытно — кем же себя считать, к какой стороне прислониться?!

Экзотическая фигура Ганнибала и его потомки — предки Александра Сергеевича по матери несправедливо и, к сожалению, слишком уж надолго, аж до наших дней, заслонили и заслоняют его предков по отцу. Произошло это из-за чрезмерного, а на мой взгляд, может, и преднамеренного усердия многих, подозрительно многих исследователей. Они лишь затенили и до невозможности запутали тот очевидный вопрос о русскости Пушкина, в котором поэт давно и вернее всех разобрался сам. Обязанный оригинальностью своего внешнего облика деду и прадеду по материнской линии, он, конечно же, не мог не интересоваться происхождением африканским. Но с годами, по мере взросления, его всё более и более привлекала родословная по линии отца, родословная, вне всяких сомнений, подлинно корневая, русская. И, пожалуй, что самое важное, ничуть обе эти линии не разделяя и не противопоставляя, поэт с удовлетворением осознал, что он — русский и только русский. Свидетельство тому — его многочисленные высказывания по данному поводу в письмах, биографических заметках, документах да и в стихах. Так в одном из писем 1831 года Пушкин с глубокой искренностью подчёркивал: «...я чрезвычайно дорожу именем моих предков, этим единственным наследством, доставшимся мне от них».

Обратите внимание: «чрезвычайно»! А о том, чьё имя, чью фамилию получил в наследство поэт, особо говорить не приходится.

Общеизвестны и такие, ставшие поистине крылатыми, пушкинские слова:

«Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие».

Вот — достойный ответ так называемым гражданам мира. Ответ на все времена. Пушкин не был безродным космополитом, Пушкин был потомственным русским дворянином. Его русский дворянский род был на Руси одним из древнейших. В «Начале автобиографии» поэт с гордостью отмечал: «Имя предков моих встречается по минутно в нашей истории...»

Само собой понятно, что тут имеется в виду наша история, история России. Что с особой силой подчёркнуто в стихотворении «Моя родословная». Кстати, ещё задолго до его создания Пушкин, следуя семейным преданиям, сделал для памяти такую запись:

«Мы ведём свой род от прусского выходца Радши или Рачи (мужа честна, как говорит летописец, т.е. знатного, благородного), выехавшего в Россию во время княжества Святого Александра Невского».

В устной передаче не обошлось, разумеется, без некоторых недоговорённостей, но подтверждением достоверности главных сведений может служить «Государев родословец», составленный в середине XVI века при Иване Грозном, где о первых коленах рода Радши сказано следующее:

- «1. Из немец пришёл Ратша.
2. У Ратши сын Якун.
3. У Якуна сын Алекса.
4. У Алексы сын Гаврила Алексич...»

Вот этого-то Ратшу — Гаврилу Алексича и имеет в виду Пушкин. Это как раз тот безудержно храбрый ратник, чьё славное имя донесли до нас «Житие Александра Невского» и Лаврентьевская летопись, повествующие о сражении дружины Александра

Невского со шведами на Неве в 1240 году. По словам летописца, Гаврило Олексич на коне вскочил по сходням на вражеский корабль, был сбит в воду, но выбрался на берег и вновь ринулся в жестокую сечу.

В найденной архивистами семейной родословной Пушкиных о Ратше, пришедшем, якобы «из немец», говорится, впрочем, ещё более определённо: «Во дни княжения Святого Благоверного Великого князя Александра Невского из Семиградской земли выехал знатной славянской фамилии муж честен Радша...»

Итак, отметим, не Ратша, а Радша, что может быть и опиской, но не из прусской земли, не «из немец», а из Семиградской земли и — знатной славянской фамилии. Славянской — что, конечно же, весьма существенно, ибо никаких следов его иноземного происхождения исследователям обнаружить не удалось. Предполагается, что он был выходцем из поморских (прибалтийских) славян. Главное — учёные выяснили, что он был личностью реальной. Киевская летопись говорит о Радше, жившем в Киеве ещё за сто лет до Александра Невского и служившем киевскому князю Всеволоду II Ольговичу. Позднее его потомки связали свою судьбу с Новгородом. Один из них имел прозвище Пушка. От них и пошли Пушкины.

Семейная родословная Пушкиных сообщает: «Потомки сего рода Пушкины многие российскому престолу служили Боярами, Наместниками, Посланниками, Стольниками, Воеводами, Окольными и в иных знатных чинах...»

Сам Александр Сергеевич был потомком Радши в двадцатом колене, а по материнской линии через родную бабушку Марию Алексеевну, урождённую Пушкину, вышедшую замуж за Осипа Абрамовича Ганнибала, он через её мать, то есть — через прабабушку, урождённую Ржевскую, в тридцать третьем колене являлся потомком Рюрика и первых киевских князей — Игоря, Святослава, Владимира, Ярослава Мудрого и Владимира Мономаха.

В результате новейших исследований установлено, что Александр Сергеевич Пушкин, также по одной из ветвей материнской линии был в двадцать первом колене потомком и самого Александра Невского. Кстати, бабушка Ольга Васильевна и нарекла его Александром в честь Святого Александра Невского.

Таков, как писал сам поэт, «род Пушкиных мятежный», таковы его глубинные генеалогические корни. По словам учёного пушкиниста Б. Модзалевского, изучение истории этого древнейшего русского рода предоставляет нам наиважнейший материал для понимания духовного облика величайшего в русской культурной истории лица — гениальнейшего русского человека и поэта Александра Сергеевича Пушкина. Следует добавить — и не только Пушкина. И как не сказать, обращаясь к каждому из нас:

— Помни, чьё имя ты носишь!

Понимаю, было бы и далеко не по этикету, и вообще не по-людски хотя бы

намёком выказать отчуждение любому эфиопу или негру, оспаривающим право считать Пушкина своим. Тем паче, императору — самому императору! — Хайле Селасие, специально приезжавшему в Михайловское, чтобы посетить могилу «великого эфиопского поэта А. С. Пушкина». Но, признаюсь, и тогда, в Пушкиногорье, вертелось на языке, да и донныне не идёт из головы этакая до сермяжности неотёсанная мысль: ха, а всё-таки не в Эфиопии родился Пушкин, а — в России! Да ещё как бы специально, как по заказу, поистине, как по предначертанию свыше, не в какой-нибудь безвестной, впоследствии ушедшей в небытие «неперспективной» деревушке, а — в столице России, в первопрестольной нашей матушке-Москве. И с какой любовью, с каким искренне сыновьим чувством он восклицал:

*Москва... как много в этом звуке
Для сердца русского слилось!..*

А ещё не только о себе, но и о своих друзьях лицеистах:

*Нам целый мир — чужбина,
Отечество нам — Царское село!*

А ещё — о своём творчестве, по сути, о всей жизни своей:

*И неподкупный голос мой
Был эхо русского народа.*

Русского, как видите, а не эфиопского. Да и похоронить себя завещал не в Африке, не возле озера Чад, и не в Эфиопии, а в самой что ни есть глубинной России:

*И хоть бесчувственному телу
Равно повсюду истлеть,
Но ближе к милому пределу
Мне все б хотелось почивать.*

Пожелав быть похороненным в русской провинции, Пушкин тем самым перед всеми, перед «целым миром» подчеркнул, с какой землёй, с каким народом он навсегда, до скончания веков.

И ещё в этой связи нельзя не вспомнить его письмо Петру Чаадаеву, в котором он писал: «... клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить Отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог её дал».

Не об Эфиопии сказано — о России.

И о национальной принадлежности своей.

Да так, что определённое и не скажешь.

Тут, впрочем, во избежание погрёка в национализме пора, видимо, сделать вполне серьёзную оговорку о том, что я ни в коей мере не хотел проявить шовинистическую снисходительность по отношению к эфиопам. Упаси Бог! Абиссиния (Эфиопия) — страна древнейшей культуры. Эфиопы на несколько веков раньше нас, русских, приняли христианство. И я ничуть не против того, что, допустим, оттуда, из Эфиопии идёт один из родовых корней нашего Пушкина. Однако наряду с тем я всей своей русской душой категорически против того, чтобы Пушкина причисляли к лицам безнациональным, как бы безродным. И тут уж называйте меня как хотите, шовинистом

или националистом, но если кто-то, пусть даже сам император Эфиопии скажет, что Пушкин — не русский, то я не могу опять-таки эдак сермяжно не ухмыльнуться: хм, а почему же вы, эфиопы, своего Пушкина на своём языке не родили? Почему для этого понадобилась Россия? А?..

* * *

В журнале «Октябрь» (№ 7, 1988 г.) под рубрикой «Из литературного наследия» с большой вступительной статьёй Бенедикта Сарнова читаю однажды стихи:

*У человека много родин.
Разноречивым жизнь полна.
Но если жить он непригоден,
То родина ему одна...*

Вероятно, в порядке так называемого лирического самовыражения зарифмовал эти эпатазирующие, что ли, невразумительные для меня строки Илья Эренбург. Если верить его собрату по перу и духу Бенедикту Сарнову, перед нами своего рода поэтический шедевр. А я не только автору предисловия — глазам своим верить не хотел. Как это так — «у человека много родин»? М-да, а я-то, недотёпа, всегда думал и думаю, что — одна. Оказывается — много! А коли так, то к чему и зачем, значит, дорожить какой-то там своей одной-единственной! Как в той ехидной русской побаске: «Нам, нищим, пожар не страшен, одна деревня сгорела — в другую перейдём». Так, выходит, и вообще в жизни: где тебе выгоднее, где хорошо, там и родина.

Э, думаю, стоп, а погудка-то старая, затрёпанная, с душком! Это же, как давно и не без сарказма замечено Леонидом Леоновым, мудрость симментальской коровы, которой всё равно где обитать, было бы тёплым стойло да сладким пойло. Полагаю, не только поэт — любой школьник не может не знать, что неспроста в словах — Родина и родиться — один корень. Ибо Родина — это место, где ты родился. А родиться можно лишь один раз и лишь в одном месте. Как же у достопочтимого Эренбурга не запнулось перо, когда он рифмовал нечто тому противоположное?! Хотя, что тут гадать! Гражданин мира, пожалуй, столь же убеждён в своём, как и мы в своём. Безродность у него в крови. Только вот зачем же мерить на свой аршин других! Да ещё с таким напором, с таким высокомерным выпадом. Надо же, если родина у тебя одна, то ты, видите ли, и жить непригоден. Это как же понимать — вроде как неспособен, никчём, никуда не годен, что ли? Хм, но мне, человеку противоположных взглядов, читать такое оскорбительно. Да, не сомневаюсь, и не мне одному.

Журнал был библиотечный, но я, признаюсь, не удержался и на полях рядом с этим «лирическим шедевром» в сердцах сгоряча резюмировал: «Врёшь, Илья, у нормального человека Родина одна!»

А потом, успокаиваясь, с удовлетворением, с благодарной радостью подумал, что вот у Пушкина таких, с позволения сказать, виршей даже и в черновиках не обнаружишь. Уж у кого-кого, а у Александра Сергеевича, согласно существующих абиссинской, негритянской и прочих версий, вон сколько родин, а он всё-таки неколебимо и до конца стоял на том, что ему «целый мир — чужбина», а Отечество одно — Россия!

Оглянемся, вникнем, граждане мира — это кто? Да то же самое, что и космополиты. То есть именно люди без Родины, без Отечества. Им, видите ли, родина — весь мир. А изначально понятие «космополиты» заимствовано из биологии, где оно обозначает некоторые виды растений и животных, способных обитать в любой местности по

всему земному шару. Но ведь и тут, заметим сразу, не все на такое способны, а лишь некоторые виды. К тому же, пытаясь распространить идею космополитизма на человеческое общество, проповедники быстро её скомпрометировали своим небескорыстием уже в самой проповеди. Поэтому теперь более употребительным вместо термина «космополиты» у них стало название «граждане мира», коим они явно гордятся. Вот, мол, мы какие — не такие, как все. Каждый из вас — гражданин лишь какой-то одной страны, одного государства, а мы — граждане мира. Всего мира!

Высокопарно? Пожалуй. А главное — с подчёркнутым, на поверку, правда, лицемерным, но в расчёте на простаков — гордо вроде бы подчёркнутым отречением от своей национальной принадлежности. Поэтому на них обычно так и глядят: а, не разбери-пойми кто. Вроде и не инородцы, поскольку родились в России, вроде и не иноземцы, поскольку и выросли на русской земле, да вот по крови — не русские. Ну, не чисто русские. В лучшем случае — полукровки. А чаще, как сами об этом опять же не без самолюбования говорят, такая многокомпонентная «гремучая смесь». И вот надо же, хотя и родились, и выросли, и всю свою сознательную жизнь провели в России, Россия для них всё-таки не Родина, а всего лишь, по их демонстративно излюбленному выражению, «эта страна». О, надо быть именно не русским, и даже не по крови, а — по духу нерусским, чтобы вот так — о России! Какое пренебрежение, какое отчуждение, какая подчёркнутая отстранённость! Дескать, это же просто территория их вынужденного временного местожительства. И посему, глядишь, даже отродясь не поживя ни в какой иной стране, кроме России, и не зная никакого иного языка, кроме русского, они поистине с какой-то патологической страстью стремятся заполучить забугорно-заокеанское гражданство. Да вдобавок и ещё одну кличку себе придумали — русскоязычные. Словно и не признают, словно и не понимают, что тем самым сами же как бы насмежаются над собой. А скорее всего и не понимают, ибо употребляют этот термин без малейшей иронии, на полном серьёзе. Им словно и невдомёк, что у них при таком самоназвании, выходит, и языка-то своего нет, за что, бедненьких, даже пожалеть надо. Словом, жалкие, жалконькие граждане. Ну да что ж, нужно быть всё-таки русским, исконно русским, прирождённо русским, по духу русским человеком, чтобы не графомански, не на уровне работающего со словарём переводчика, а душой, сердцем чувствовать все оттенки и тонкости русского слова, русского живого языка.

Могут ли, спрашивается, такие люди ощутить всю глубину русского духа? Могут ли эти многостойловые граждане постигнуть всю значимость личности нашего национального гения Александра Сергеевича Пушкина? Вопросы в общем-то праздные, но суть в том, что им-то этого как раз и не нужно. Впрочем, тут суть не в верхоглядстве, не в графоманстве, а — в коварстве, ибо все их потуги, все устремления хитроумно сводятся к тому, чтобы доказать, что и великого русского поэта не только можно, но и должно считать гражданином мира. Очень уж этим гражданам, не по нутру, что Пушкин был и остаётся великим русским поэтом.

Рисунки Павла Самойлова

НИНА БОЙКО

«ПРОТИВ ВСЕХ ПРАВИЛ И ЧЕСТИ...»

Убийство поэта. Хроника событий

Из книги «Лермонтов»

6 декабря 1839 года высочайшим приказом Михаил Юрьевич Лермонтов был произведён в поручики, а чуть позже первый секретарь французского посольства Андрэ от имени посла де Баранта обратился к Александру Тургеневу с вопросом: «Правда ли, что Лермонтов в стихотворении „Смерть поэта“ бранит французов вообще или только одного убийцу Пушкина?» «Через день или два, — писал Тургенев Вяземскому, — кажется на вечеринке или на бале у самого Баранта, я хотел показать эту строфу Андрэ, но он прежде сам подошёл ко мне и сказал, что дело уже сделано, что Барант позвал на бал Лермонтова, убедившись, что он не думал поносить французскую нацию».

Как в случае с Пушкиным, когда голландский посол Геккерн действовал в интересах своего приёмного сына Дантеса, так де Барант действовал в интересах своего сына Эрнеста. Папаша мечтал сделать из него дипломата, но тот интересовался только женщинами. «Салонный Хлестаков», — называл его Белинский.

Учась в юнкерской школе, Михаил Юрьевич написал шутовское четверостишие сокурснику Шаховскому, увлечённому гувернанткой какой-то фрейлины. Юнкерские стихи Лермонтова знали многие офицеры, и кто-то прочёл их Баранту, причём преподнёс это так, будто экспромт — о нём. Как и ожидалось, Барант потребовал объяснений от Лермонтова, но Михаил Юрьевич объявил, что всё это клевета, и обозвал сплетнями. В ту пору у Лермонтова был серьёзный роман с Марией Щербатовой, французик тоже увлёкся этой приятной женщиной, однако Мария предпочла Лермонтова. Дочь украинского помещика Штерича, она после смерти матери жила в Петербурге у бабушки, вышла замуж за князя Щербатова, а через год после свадьбы муж её умер — к счастью, как говорила её родственница, поскольку Щербатов был «злым и распущенным». Девятнадцатилетняя вдова окунулась в светскую жизнь, бывала в доме Карамзиных, где и познакомилась с Лермонтовым. Он предвидел будущее Марии:

*За каждый светлый день иль сладкое мгновенье
Слезами и тоской заплатишь ты судьбе.
Мне грустно... потому что весело тебе.*

Первого января на маскараде во французском посольстве Лермонтову не давали покоя, «беспрестанно приставали к нему, брали его за руки; одна маска сменялась другою, а он почти не сходил с места и молча слушал их писк, поочерёдно обращая на них свои сумрачные глаза. Мне тогда же почудилось, что я уловил на лице его прекрасное выражение поэтического творчества» (И. С. Тургенев).

Особым почтением в тот вечер пользовались две дамы: одна в голубом, другая в розовом домино. Несмотря на маски, все знали, что это особы царской семьи. Проходя мимо Лермонтова, дамы что-то пропищали ему, и Михаил Юрьевич, недолго думая, подхватил обеих под руки и прошёлся по залу, ошеломив своей дерзостью всех, кто это видел.

Бездушие света вознаграждалось любовью Марии Щербатовой. Их отношения с Лермонтовым стали самыми близкими, но де Барант тоже лелеял надежду. Известна реакция Лермонтова: «Эти Дантесы и де Баранты заносчивы сукины дети!»

16 февраля в доме графини Лаваль в разгар бала, словно бы невзначай вспыхнула ссора между Лермонтовым и де Барантом, который вызвал поэта на дуэль.

Стрелялись на Чёрной речке, почти на том же месте, где французский хлыщ Дантес убил Пушкина. Теперь перед Лермонтовым стоял такой же хлыщ. Француз промахнулся, Лермонтов выстрелил в воздух.

Юный Аким Шан-Гирей, живший в то время у Лермонтова, оставил воспоминания: «Нас распустили из училища утром, и я, придя домой часов в девять, очень удивился, когда человек сказал мне, что Михаил Юрьевич изволили выехать в семь часов; погода была прескверная, шёл мокрый снег с мелким дождём. Часа через два Лермонтов вернулся, весь мокрый, как мышь. „Откуда ты эдак?“ — „Стрелялся“. — „Как, что, зачем, с кем?“ — „С французиком“. — „Расскажи“. Он стал переодеваться и рассказывать: „Отправился я к Монго, он взял отточенные рапиры и пару кухенройтеров, и поехали мы за Чёрную Речку. Они были на месте. Монго подал оружие, француз выбрал рапиры, мы стали по колено в мокром снегу и начали; дело не клеилось, француз нападал вяло, я не нападал, но и не поддавался. Монго продрог и бегнул, так продолжалось минут десять. Наконец он оцарапал мне руку ниже локтя, я хотел проколоть ему руку, но попал в самую рукоятку, и моя рапира лопнула. Секунданты подошли и остановили нас; Монго подал пистолеты, тот выстрелил и дал промах, я выстрелил в воздух, мы помирились и разъехались, вот и всё».

Лермонтов, конечно же, упростил, на самом деле было сложнее. Барант убил бы его, если бы не поскользнулся, нанося решительный удар шпагой. А Щербатова даже не знала, что Лермонтов и де Барант дрались из-за неё.

«История эта оставалась довольно долго без последствий, Лермонтов по-прежнему продолжал выезжать в свет и ухаживать за своей княгиней; наконец одна неосторожная барышня, вероятно безо всякого умысла, придала происшествию достаточную гласность в очень высоком месте, вследствие чего приказом по гвардейскому корпусу поручик лейб-гвардии Гусарского полка Лермонтов за поединок был предан военному суду с содержанием под арестом, и в понедельник на страстной неделе получил казённую квартиру в третьем этаже Санкт-Петербургского ордонанс-гауза, где и пробыл недели две, а оттуда был перемещён на арсенальную гауптвахту, что на Литейной» (Аким Шан-Гирей).

У Елизаветы Алексеевны с горя отнялась нога. Как только старушка поправилась, она выхлопотала для себя разрешение навестить внука; а чтобы иметь о нём ежедневные сведения, упросила коменданта пускать к Мише её внучатого племянника Акима Шан-Гирея. Мария Щербатова ещё до ареста Лермонтова уехала в Москву, оставив маленького сына у своей бабушки. Спустя две недели на неё свалились два страшных горя: умер её сын, а Лермонтов стрелялся с Барантом! Между тем военно-судное дело шло своим порядком и начинало принимать благоприятный для Лермонтова оборот. Он пояснил командиру полка Плаутину, сменившему Хомутова, что не считал себя вправе отказать французю, так как тот выразил мысль, будто в России невозможно получить удовлетворения, но вовсе не собиравался его убивать и потому выстрелил в воздух.

Тот факт, что секундантом Лермонтова был Монго Столыпин при его безукоризненной репутации, способствовало ограждению поэта от недоброжелательных на него наветов. По городу прошёл слух, что даже сам император отнёсся к Лермонтову снисходительно: «Государь сказал, что если бы Лермонтов подрался с русским, он знал бы, что с ним сделать, но когда с французом, то три четверти вины слагается». Все выражали сочувствие Лермонтову: «Это совершенная противоположность истории Дантеса. Здесь действует патриотизм!»

Узнав о том, Эрнест де Барант начал повсюду твердить, что Лермонтов хвастает, будто бы подарил ему жизнь, что он ещё строго накажет поэта за хвастовство!

«Я узнал эти слова француза, они меня взбесили, и я пошёл на гауптвахту. „Ты сидишь здесь, — сказал я Лермонтову, — взаперти и никого не видишь, а француз вот что про тебя везде трезвонит громче всяких труб“. Лермонтов написал тотчас записку, приехали два гусарских офицера, и я ушёл от него. На другой день он рассказал мне, что один из офицеров привозил к нему на гауптвахту Баранта, которому Лермонтов предложил, если он, Барант, недоволен, новую встречу по окончании своего ареста, на что Барант при двух свидетелях отвечал так: „Сударь, слухи, которые дошли до вас, неверны, и я спешу вам сказать, что я был полностью удовлетворён“. После чего его посадили в карету и отвезли домой. Нам казалось, что тем дело и кончилось; напротив, оно только начиналось. Мать Баранта поехала к командиру гвардейского корпуса с жалобой на Лермонтова за то, что он, будучи на гауптвахте, требовал к себе её сына и вызывал его снова на дуэль» (Аким Шан-Гирей).

Елизавета Верещагина написала дочери Саше: «Миша Лермонтов ещё сидит под арестом, и так досадно — всё дело испортил. Шло хорошо, а теперь Господь знает, как кончится. Его характер несносный — с большого ума делает глупости. Жалко бабушку — он её ни во что не жалеет. Несчастливая, многострадальная. При свидании всё расскажу. И ежели бы не бабушка, давно бы пропал. И что ещё несосно — что в его делах замешает других, ни об чём не думает, только об себе, и об себе неблагоприятно. Никого к нему не пускают, только одну бабушку позволили, и она таскается к нему, и он кричит на неё, а она всегда скажет — жёлчь у Миши в волнении».

Говоря о «других», Верещагина имела в виду Алексея Столыпина (Монго), который был секундантом. Как человек чести, Столыпин признался в этом сам, хоть кара ему грозила немалая. В результате император объявил Столыпину, что «в его звании и годах полезно служить, а не быть праздным». Монго должен был снова надеть офицерский мундир. А на бабушку внук накричал потому, что умоляла его извиниться перед Барантом, тем самым смягчив свою участь. Баранты усиленно этого добивались; даже после решения суда, когда Михаил Юрьевич был переведён на Кавказ, старший Барант обратился к шефу жандармов с просьбой вмешаться, принудить Лермонтова извиниться перед его сыном, ибо «светской репутации Эрнеста нанесён серьёзный ущерб».

На гауптвахту к Михаилу Юрьевичу пускали; приходили друзья, знакомые, побывал Виссарион Григорьевич Белинский. Он был покорён поэзией Лермонтова. «Каков его „Терек“? — делился с Василием Боткиным. — Чёрт знает — страшно сказать, а мне кажется, что в этом юноше готовится *третий* русский поэт и что Пушкин умер не без наследника. Как безумный, твердил я дни и ночи его „Молитву“, — но теперь я твержу, как безумный, другую *молитву*:

*И скучно, и грустно!.. И некому руку подать
В минуту душевной невзгоды!..*

Эту молитву твержу я теперь потому, что она есть полное выражение моего ментального состояния».

Виссарион Григорьевич пробыл у него четыре часа, сразу затем придя к Панаеву.

«Я взглянул на Белинского и тотчас увидел, что он в необыкновенно приятном настроении духа. Белинский, как я замечал уже, не мог скрывать своих ощущений и впечатлений и никогда не драпировался. В этом отношении он был совершенный контраст Лермонтову.

— Знаете ли, откуда я? — спросил Белинский.

— Откуда?

— Я был у Лермонтова, и попал очень удачно. У него никого не было. Ну, батюшка, в первый раз я видел этого человека настоящим человеком!!! Вы знаете мою светскость и ловкость: я вошёл к нему и сконфузился по обыкновению. Думаю себе: ну, зачем меня принесла к нему нелёгкая? Мы едва знакомы, общих интересов у нас никаких, я буду его стеснять, он меня... Что ещё связывает нас немного — так это любовь к искусству, но он не поддаётся на серьёзные разговоры... Я, признаюсь, досадовал на себя и решил пробыть у него не больше четверти часа. Первые минуты мне было неловко, но потом у нас завязался как-то разговор об английской литературе и Вальтер Скотте... «Я не люблю Вальтер Скотта, — сказал мне Лермонтов, — в нём мало поэзии. Он сух». И начал развивать эту мысль, постепенно одушевляясь. Я смотрел на него — и не верил ни глазам, ни ушам своим. Лицо его приняло натуральное выражение, он был в эту минуту самим собою... В словах его было столько истины, глубины и простоты! Я в первый раз видел настоящего Лермонтова, каким я всегда желал его видеть. Он перешёл от Вальтер Скотта к Куперу и говорил о Купере с жаром, доказывал, что в нём несравненно более поэзии, чем в Вальтер Скотте, и доказывал это с тонкостью, с умом и — что удивило меня — даже с увлечением.

Боже мой! Сколько эстетического чутья в этом человеке! Какая нежная и тонкая поэтическая душа в нём!.. Недаром же меня так тянуло к нему. Мне наконец удалось-таки его видеть в настоящем свете. А ведь чудак! Он, я думаю, раскаивается, что допустил себя хотя на минуту быть самим собою, — я уверен в этом...»

За время ареста Михаил Юрьевич написал несколько стихотворений, среди которых «Пленный рыцарь» — словно ответ Белинскому:

*Мчись же быстрее, летучее время!
 Душно под новой броней мне стало!
 Смерть, как приедем, поддержит мне стремя, —
 Слезу и сдёру с лица я забрало.*

Из поездки в Москву вернулась Мария Щербатова, и Михаил Юрьевич упросил караульного отлучиться на полчаса, чтобы повидаться с ней. Как рассказал потом караульный, «были приняты необходимые предосторожности. Лермонтов вернулся минута в минуту, и едва успел он раздеться, как на гауптвахту приехало одно из начальствующих лиц справиться, всё ли в порядке. Я знал, с кем виделся Лермонтов, и могу поручиться, что благорасположением дамы пользовался не де Барант, а Лермонтов».

13 апреля суд огласил решение: Лермонтов направляется на Кавказ в Тенгинский пехотный полк, — самый отдалённый полк и в самом опасном пункте Кавказской линии.

Но история этим не кончилась. Старший Барант прибегнул к помощи шефа жандармов Бенкендорфа, который после суда вызвал к себе Лермонтова, потребовав в письменной форме признать своё показание о «выстреле на воздух» ложным

и принести Эрнесту де Баранту извинения. Лермонтов вынужден был обратиться за помощью к великому князю Михаилу Павловичу:

«Граф Бенкендорф изволил предложить мне написать письмо господину Баранту, в котором я бы просил у него извинения в ложном моём показании насчёт моего выстрела. Я не мог на то согласиться, ибо это было против моей совести». Михаил Павлович ознакомил с этим императора; о реакции Николая I прямых свидетельств нет, но Эрнест де Барант был выслан из России.

За несколько дней до отъезда Лермонтова вышел в печати его роман «Герой нашего времени», в котором Михаил Юрьевич композиционно объединил отдельные кавказские повести. Благодаря такому писательскому ходу он создал совершенно новый для русской и европейской литературы жанр социально-психологического романа. Это было явление, из которого впоследствии выросли Толстой, Достоевский и Чехов, подняв русскую литературу на высочайший мировой уровень.

«Вышли повести Лермонтова. Дьявольский талант! — делился Белинский с Боткиным. — Молодо-зелено, но художественный элемент так и пробивается сквозь пену молодой поэзии, сквозь ограниченность субъективно-салонного взгляда на жизнь. Недавно был я у него в заточении и в первый раз поразговаривал с ним от души. Глубокий и могучий дух! Как он верно смотрит на искусство, какой глубокий и чисто непосредственный вкус изящного! О, это будет русский поэт с Ивана Великого! Чудная натура! Мне отрадно было видеть в его рассудочном, охлаждённом и озлобленном взгляде на жизнь и людей семена глубокой веры в достоинство того и другого. Я это сказал ему — он улыбнулся и сказал: „Дай Бог!“

Он славно знает по-немецки и Гёте почти всего наизусть дует. Байрона режет тоже в подлиннике. Кстати: дуэль его — просто вздор, Барант слегка царапнул его по руке, и царапина давно уже зажила. Суд над ним кончен и пошёл на конфирмацию к царю. Вероятно, переведут молодца в армию. В таком случае хочет проситься на Кавказ, где готовится какая-то важная экспедиция против черкес. Эта русская разудалая голова так и рвётся на нож. Большой свет ему надоел, давит его, тем более что он любит его не для него самого, а для женщин. Ну, от света ещё можно бы оторваться, а от женщин — другое дело. Так он и рад, что этот случай отрывает его от Питера».

* * *

В начале мая, прощаясь с друзьями в квартире Карамзиных, где были и полковые товарищи Лермонтова, поэт, стоя у окна и глядя на Неву, экспромтом написал стихотворение «Тучки небесные».

*Тучки небесные, вечные странники!
Степью лазурною, цепью жемчужною
Мчитесь вы, будто как я же, изгнанники,
С милого севера в сторону южную.*

Приезд Лермонтова в Москву совпал с именинным обедом в честь Николая Васильевича Гоголя, устроенным историком Погодиным. Погодин пригласил и Лермонтова. Было весело, шумно, смеялись, и только Гоголь плохо скрывал какую-то озабоченность. После обеда все разбрелись по саду, и Лермонтова попросили прочитать «Мцыри».

На другой день, на вечере у Свербеевой, Лермонтов снова увидел Гоголя, завязал разговор, и проговорили до двух часов ночи.

В Москве Михаил Юрьевич встретил Василия Боборыкина, товарища по юнкерской школе. Расставшись в 1837 году во Владикавказе, когда Боборыкин с изумлением смотрел, как Лермонтов и француз рисовали и пели во все горло: «Я живу, я живу свободным!» — они больше не виделись. Боборыкин теперь был в длительном отпуске, тратя время, как сам признавался, на обеды, поездки к цыганам, загородные гулянья и почти ежедневные посещения Английского клуба. «Грустно вспомнить об этом времени, тем более что меня преследовала скука и бессознательная тоска. Товарищами этого беспутного прожигания жизни и мотовства были молодые люди лучшего общества и так же скучавшие, как я. И вот в их-то компании я встретил Лермонтова... Мы друг другу не сказали ни слова, но устремлённого на меня взора Михаила Юрьевича я и до сих пор забыть не могу: так и виделась в этом взоре впоследствии читанные мною его слова:

*Печально я гляжу на наше поколение, —
Грядущее его иль пусто, иль темно...*

Нужно было особое покровительство провидения, чтобы выйти из этого маразма. Не скрою, что глубокий, пронизывающий в душу и презрительный взгляд Лермонтова, брошенный им на меня при последней нашей встрече, имел немалое влияние на перелом в моей жизни, заставивший меня идти совершенно другой дорогой, с горькими воспоминаниями о прошедшем».

Из письма Ю. Ф. Самарина князю Гагарину:

«Я часто видел Лермонтова за всё время его пребывания в Москве. Это в высшей степени артистическая натура, неуловимая и не поддающаяся никакому внешнему влиянию благодаря своей неутомимой наблюдательности и большой глубине индифферентизма. Мне жаль, что я его не видел более долгое время. Я думаю, что между ним и мною могли бы установиться отношения, которые помогли бы мне постичь многое».

Довольно часто Лермонтов бывал у Мартыновых, и девицам Мартыновым это нравилось. Отца у них уже не было, умер; брат Николай служил на Кавказе. Он после первой командировки был награждён орденом святой Анны 3-ей степени с бантом, вернулся в Петербург, встречался с Лермонтовым, но никогда об этом не упоминал и вообще умалчивал, что два года находился в своём полку. В 1839 году по каким-то причинам был переведён на Кавказ — ротмистром в Гребенский казачий полк. Мать за него очень боялась, писала: «Где ты, мой дорогой Николай? Я страшно волнуюсь за тебя, здесь только и говорят о неудачах на Кавказе. Я стала более чем когда-либо суеверна: каждый вечер гадаю на трёфового короля и прихожу в отчаяние, когда он окружён пиками».

Рассказала о Лермонтове: «Он у нас чуть ли не каждый день. По правде сказать, я его не особенно люблю; у него слишком злой язык и, хотя он выказывает полную дружбу к твоим сёстрам, я уверена, что при первом случае он не пощадит и их; эти дамы находят большое удовольствие в его обществе. Слава Богу, он скоро уезжает; для меня его посещения неприятны».

Вместе с Лермонтовым бывали у Мартыновых Александр Тургенев и Лев Гагарин, — шутили, пили чай, гуляли с девицами. Но это случалось днём, а вечерами Михаил Юрьевич ездил к цыганам. Любил цыганские песни. Приехала Мария Щербатова. Прощание её с Лермонтовым было тяжёлым: она и плакала, и смеялась, и без конца повторяла: «Люблю! Люблю!» Больше они никогда не увидятся.

В последних числах мая Лермонтов выехал на Кавказ. Ночь была сырая, и, прощаясь с друзьями, он с грустью о чём-то думал. Ехал по Большому московскому тракту,

который пересекал с севера на юг обширные земли донского казачества. Тракт проходил через станицу Казанскую на Верхнем Дону, станицу Каменскую на Северском Донце и город Новочеркасск, в котором с недавнего времени служил генерал Хомутов.

Михаил Юрьевич не мог не навестить бывшего своего командира, который теперь был начальником штаба войска Донского. Он прогостил у него трое суток. Хомутов рассказал, что первого мая начался Чеченский поход, войска двинулись в Аух и Салатавию, затем через Кумыкское плоскогорье на правый берег Сунжи и, наконец, перенесли военные действия в Малую Чечню, где встречи с неприятелем сделались чаще, и битвы упорнее и кровопролитнее. Перекрестил на дорогу своего питомца.

В Ставрополь Лермонтов прибыл 10 июня. Доложил о своём прибытии командующему войсками генерал-адъютанту Граббе, который уже получил приказ императора не отпускать опального поэта с передовой и задействовать его во всех военных операциях! Граббе приписал его к чеченскому полку генерала Галафеева — в самое пекло, где недавно русские войска потерпели ряд неудач: горцами были взяты три русские крепости, остальные крепости горцы держали в осаде.

В свой полк Михаил Юрьевич прибыл в самый разгар подготовки к походу. Познакомился с братом Пушкина, Львом Сергеевичем, бесстрашным в боях офицером и в то же время способным на детские выходки. Декабрист Лорер с юмором вспоминал, как «в один прекрасный вечер, возвратясь от друзей часов в 11, я лёг в постель и стал читать по обыкновению. Вдруг слышу стук колёс подъехавшей телеги и голос, называющий мою фамилию. Я узнал, что это был Лев Пушкин, и не успел я вскочить с постели, как он лежал уже на мне и целовал меня.

— Куда тебя бог несёт? — спросил я.

— За Кубань, в экспедицию.

Я чрезвычайно рад был видеть милого Льва Сергеевича. Всегда, а особенно в скучной станице, это невыразимое счастье и находка. В такие минуты забываешь всю горечь жизни. После первых расспросов и рассказов, сидевши у меня на кровати, Пушкин громко приказал позвать своего камердинера, и в самом деле вошёл человек в бархатном чекмене, обшитом галунами, опоясанный черкесским ножом, с серебряными пуговицами и кинжалом, богато оправленным в серебро. Зная прежнюю диогеновскую жизнь Пушкина, я невольно улыбнулся, но он преспокойно отдавал свои приказания: «Здесь поставь мне железную кровать, вынь батистовое бельё и шёлковое одеяло да подай мою красную шкатулку».

— Скажи, пожалуйста, откуда взял ты эту роскошную барскую обстановку, Лев? Верно, выиграл у кого-либо из гвардейских офицеров?

— Совсем нет. Ко мне в Ставрополь приехал дальний родственник, флигель-адъютант N, его отправили курьером в Тифлис, и он оставил мне своего человека и вещи на сохранение, а так как меня самого отправили в экспедицию совершенно неожиданно, то я и взял всё это с собой.

— Помилуй, любезный, да ведь это всё — чужое, — возразил я.

— А что ж за беда? — отвечал, смеючись, Пушкин.

Когда мы улеглись, и я увидел Льва Сергеевича в батистовой рубашке, покрытого шёлковым одеялом, на двух сафьяновых красных подушках, я не мог удержаться от гомерического смеха, и мы оба хохотали, как дети».

Ещё с одним человеком в отряде, хотя и не сразу, сблизился Михаил Юрьевич — с Руфином Дороховым, командиром летучей сотни. С тем самым отчаянным Дороховым, которого Лев Толстой в романе «Война и мир» вывел Долоховым.

«Лермонтов принадлежал к людям, которые не только не нравятся с первого взгляда, но даже поселяют против себя довольно сильное предубеждение. Было

много причин, по которым и мне он не полюбился с первого разу. Сочинений его я не читал, потому что до стихов, да и вообще до книг, не охотник, его холодное обращение казалось мне надменностью, а связи его с начальствующими лицами и со всеми, что тёрлось около штабов, чуть не заставили меня считать его за столичную выскочку. Да и физиономия его мне не была по вкусу, — впоследствии сам Лермонтов иногда смеялся над нею и говорил, что судьба будто на смех послала ему общую армейскую наружность. На каком-то увеселительном вечере мы чуть с ним не посчитались очень крупно, — мне показалось, что Лермонтов трезвее всех нас, ничего не пьёт и смотрит на меня насмешливо. То, что он был трезвее меня, — совершенная правда, но он вовсе не глядел на меня косо и пил, сколько следует, только, как впоследствии оказалось, на его натуру, совсем не богатырскую, вино почти не производило никакого действия. Этим качеством Лермонтов много гордился, потому что и по годам, и по многому другому он был порядочным ребёнком. Мало-помалу моё неприятное впечатление стало изглаживаться. Я узнал события его прежней жизни, узнал, что он по старым связям имеет много знакомых и даже родных на Кавказе, а так как эти люди знали его ещё дитятей, то и естественно, что они оказывались старше его по служебному положению» (*Р. И. Дорохов*).

С 6 июля по 2 августа Лермонтов принимал участие в целом ряде стычек и сражений. Насколько было опасно, можно прочитать в воспоминаниях Николая Лорера: «Владимир Николаевич Лихарев был в стрелках с Лермонтовым, тогда высланным из гвардии. Сражение приходило к концу, и оба приятеля шли рука об руку, споря о Канте и Гегеле, и часто, в жару спора, неосторожно останавливались. Но горская пуля метка, и винтовка редко даёт промахи. В одну из таких остановок вражеская пуля поразила Лихарева в спину навылет, и он упал навзничь».

Самое значительное сражение произошло 11 июля на реке Валерик. Плоскогорная Чечня, присоединившись весной к горным чеченцам, непрерывно воюющим против русских, обратила все взоры на имама Шамиля как на освободителя. В июне подняли восстание надтеречные чеченцы: в нескольких аулах разгромили мирных князей, забрали всё имущество и ушли вглубь Чечни. Генерал-лейтенант Галафеев поставил целью остановить их движение, помешать соединению с Шамилем, который собрал уже огромное ополчение.

Четырёхтысячный отряд Галафеева вышел из крепости Грозной 6 июля и с боем прошёл до селения Гехи. Тем временем чеченцы собрали крупные силы под командованием наиба Мухаммеда. Утром 11 июля отряд Галафеева двинулся к Гехинскому лесу. Чеченцы, скрывавшиеся в лесной чаще, не выдавали себя, заманивая противника в глубь лесных дебрей. Лишь дым костров (маяков), с помощью которых горцы сообщались друг с другом, передавая сигналы о движении вражеских войск, говорил о присутствии в лесу чеченских разведчиков. Войдя в лес, русский отряд двинулся вперёд по узкой арбяной дороге, подошёл к чеченским завалам, перекрывавшим её, и чеченцы открыли яростный огонь! Пули летели со всех сторон, чеченцы забирались на деревья и, привязывая себя к стволам, стреляли сверху. Командиры бросали свои роты в штыковые атаки на штурм завалов, теряя людей, но чеченцы исчезали как привидения.

Наконец, оттеснив их и разобрав завалы, отряд двинулся к лесной поляне. По опушке протекала речка Валерик (Валарг-хи), пересекавшая дорогу. Берега её были отвесны: по левому тянулся лес, правый, обращённый к русским, был открыт лишь в некоторых местах. Выехав на поляну, русская артиллерия открыла картечный огонь в сторону леса. В ответ не было ни звука. Был отдан приказ сделать привал. Артиллеристы уже снимала орудия с конных передков, как в этот момент чеченцы открыли

убийственный огонь. Стреляли из-за завалов, с вершин деревьев, из-за кустов, били на выбор. Скоро заряды кончились, и тогда они кинулись вперёд, выхватив шашки и кинжалы. Начался упорный рукопашный бой прямо в воде. Кровь опьяняла чеченцев, теряли рассудок; глаза загорались свирепым огнём, движения становились ловчее, быстрее, из горла летели звериные рыки.

«Выйдя из леса со своими орудиями, я увидел огромный завал, обогнул его с фланга и принялся засыпать гранатами. Возле меня не было никакого прикрытия. Оглядевшись, увидел, однако, Лермонтова, который, заметив моё опасное положение, подоспел со своими охотниками. Но едва начался штурм, как он уже бросил орудия и верхом на белом коне, ринувшись вперёд, исчез за завалами. После двухчасовой страшной резни грудь с грудью неприятель бежал. Я преследовал его со своими орудиями — и, увлечшись стрельбой, поздно заметил засаду, устроенную в высокой кукурузе. Один миг раздумья — и из наших лихих артиллеристов ни один не ушёл бы живым. Быстро приказал я зарядить все четыре орудия картечью и встретил нападающих таким огнём, что они рассеялись, оставив кукурузное поле буквально заваленное своими трупами» (*К.Х. Мамацев*).

С тех пор имя Константина Христофоровича Мамацева приобрело в отряде большое уважение. Лермонтов тоже показал на реке Валерик образцовую доблесть. В официальных военных сводках о нём говорилось: «Тенгинского пехотного полка поручик Лермонтов во время штурма неприятельских завалов на реке Валерик имел поручение наблюдать за действиями передовой штурмовой колонны и уведомлять начальника отряда об её успехах, что было сопряжено с величайшею для него опасностью от неприятеля, скрывавшегося в лесу за деревьями и кустами. Но офицер этот, несмотря ни на какие опасности, исполнил возложенное на него поручение с отменным мужеством и хладнокровием и с первыми рядами храбрейших солдат ворвался в неприятельские завалы».

«В одной из экспедиций, куда пошли мы с ним вместе, случай сблизил нас окончательно: обоих нас татары чуть не изрубили, и только неожиданная выручка спасла нас. В походе Лермонтов был совсем другим человеком против того, чем казался в крепости» (*Р.И. Дорохов*).

Кровопролитный бой на реке Валерик Михаил Юрьевич описал в стихотворении «Валерик». В нём нет ни единого слова в осуждение «врага» или чванливого превосходства над ним, как нет и порицания русских. Народы Кавказа пережили трехвековое владычество Османской империи, приняли мусульманство, — теперь имамы Кавказа, имея хозяев в Турции, получая оттуда оружие, пугали людей русским крепостным правом. «Уйти под защиту халифа» принималось ими как единственный выход.

В крепость Грозную отряд возвращался с перестрелками, а через несколько дней началась экспедиция в Северный Дагестан. По пути, в палатке у Миатлинской переправы, барон Палён нарисовал карандашом профильный портрет Лермонтова. У поэта усталый вид, он, очевидно, давно не брился, и вообще ему было не до себя: фуражка помята, сюртук без эполет, ворот расстёгнут... Существует мнение, что на этом портрете Лермонтов единственно схож с оригиналом.

В Дагестане отряд пробыл две недели; крупных боевых действий не происходило, и люди смогли отдохнуть. «Хорошо помню Лермонтова, — вспоминал Константин Христофорович Мамацев, — и как сейчас вижу его перед собою, то в красной канаусовой рубашке, то в офицерском сюртуке без эполет, с откинутым назад воротником и переброшенной через плечо черкесскою шашкой. Натуру его постичь было трудно. В круту гвардейских офицеров он был всегда весел, любил острить, но его остроты часто переходили в меткие и злые сарказмы, не доставлявшие особого удовольствия тем, на кого были

направлены. Когда он оставался с людьми, которых любил, он становился задумчив, и тогда лицо его принимало необыкновенно выразительное, серьёзное и даже грустное выражение. Но стоило появиться хоть одному гвардейцу, как он тотчас же возвращался к своей банальной весёлости. Он имел склонность и к музыке, и к живописи, но рисовал одни карикатуры, и если чем интересовался — так это шахматною игрою, которой предавался с увлечением. Он искал, однако, сильных игроков, и часто устраивались состязания между ним и молодым артиллерийским поручиком Москалёвым. Последний был действительно отличный игрок, но ему только в редких случаях удавалось выиграть партию у Лермонтова. Лермонтов был отчаянно храбр, удивлял своею удалью даже старых кавказских джигитов, но это не было его призванием. Даже в этом походе он никогда не подчинялся никакому режиму, и его команда, как блуждающая комета, бродила всюду, появляясь там, где ей вздумается. В бою она искала самых опасных мест».

Тяжелораненый Руфин Дорохов был отправлен в Пятигорск, передав командование своей летучей сотней Лермонтову. «К делу, я теперь в Пятигорске, — писал он приятелю, — лечусь от ран под крылышком у жены — лечусь и жду погоды! Когда-то проветрит? В последнюю экспедицию я командовал летучею сотнею казаков, и по силе моих ран сдал моих удалых налётов Лермонтову. Славный малый — честная, прямая душа. Мы с ним подружились и расстались со слезами на глазах. Командовать летучею командою легко, но не малина. Жаль, очень жаль Лермонтова, он пылок и храбр, — не сносить ему головы».

Бесстрашие Лермонтова, его тактическая разумность, отсутствие неоправданной жестокости по отношению к чеченцам снижали ему уважение воинского руководства и даже самих чеченцев. Девять раз его отряд ходил за линию фронта, Лермонтов дважды был ранен, но никогда его летучая сотня не действовала исподтишка — сражались честно. Михаилу Юрьевичу доставляло удовольствие скакать с врагами наперегонки, увёртываться от них, избегать тех, кто пытался идти ему наперерез. Его натура, сильная и подвижная не выносила обыденности.

«Он любил бешеную скачку и предавался ей на воле с какою-то необузданностью. Ничто ему не доставляло большего удовольствия, как головоломная джигитовка по необозримой степи, где он, забывая весь мир, носился как ветер, перескакивая с ловкостью горца через встречавшиеся на пути рвы, канавы и плетни» (П. К. Мартынов).

Но вот как вспоминал о Лермонтове барон Россильон:

«Лермонтов был неприятный, насмешливый человек и хотел казаться чем-то особенным. Он хвастал своею храбростью, как будто на Кавказе, где все были храбры, можно было кого-либо удивить ею. Он мне был противен необычайною своею непопрятностью. Он носил красную канаусовую рубашку, которая, кажется, никогда не стиралась и глядела почерневшею из-под вечно расстёгнутого сюртука. Гарцевал на белом, как снег, коне, на котором, молодецки заломив холщовую шапку, бросался на чеченские завалы. Собрал какую-то шайку грязных головорезов. Совершенно входя в их образ жизни, спал на голой земле и ел с ними из одного котла».

Своей походной одеждой и шашкой через плечо Лермонтов был ненавистен не только Россильону. Был случай, когда прибыл в отряд какой-то важный чин из Петербурга, и Лермонтов предстал перед ним потный, расхристанный после стычки с чеченцами, — и сабля через плечо. Это вместо безукоризненного офицерского вида.

До глубокой осени оставались войска в Чечне, сражаясь почти ежедневно. По состоянию здоровья Лермонтов на короткое время отправлен был в Пятигорск, откуда написал Алексею Лопухину:

«Мой милый Алёша. С тех пор как я на Кавказе, я не получал ни от кого писем, даже из дому не имею известий. Может быть, они пропадают, потому что я не был

нигде на месте, а шатался всё время по горам с отрядом. У нас были каждый день дела, и одно довольно жаркое, которое продолжалось 6 часов сряду... Когда мы увидимся, я тебе расскажу подробности очень интересные, — только бог знает, когда мы увидимся. Я теперь вылез из почти совсем и еду с вод опять в отряд, в Чечню. Если ты будешь мне писать, то вот адрес: *на Кавказскую линию, в действующий отряд генерал-лейтенанта Галофеева, на левый фланг*. Я здесь проведу до конца ноября, а потом не знаю, куда отправлюсь — в Ставрополь, на Чёрное море или в Тифлис. Я вошёл во вкус войны и уверен, что для человека, который привык к сильным ощущениям этого банка, мало найдётся удовольствий, которые бы не показались приторными. Только скучно то, что либо так жарко, что насилу ходишь, либо так холодно, что дрожь пробирает, либо есть нечего, либо денег нет, — именно что со мною теперь. Я прожил всё, а из дому не присылают. Не знаю, почему от бабушки ни одного письма. Не знаю, где она, в деревне или в Петербурге. Напиши, пожалуйста, видел ли ты её в Москве».

Самый жаркий и продолжительный бой, в котором участвовал Лермонтов, случился 27 октября:

«В Автуринских лесах войскам пришлось проходить по узкой лесной тропе под адским перекрёстным огнём неприятеля; пули летели со всех сторон, потери русских росли с каждым шагом, и порядок невольно расстраивался. Последний арьергардный батальон, при котором находились орудия Мамацева, слишком поспешно вышел из леса, и артиллерия осталась без прикрытия. Чеченцы разом изрубили боковую цепь и кинулись на пушки. В этот миг Мамацев увидел возле себя Лермонтова, который точно из земли вырос со своею командой. И как он был хорош в красной шёлковой рубашке с косым расстёгнутым воротом; рука сжимала рукоять кинжала. И он, и его охотники, как тигры, сторожили момент, чтобы кинуться на горцев, если б они добрались до орудий. Но этого не случилось. Мамацев подпустил неприятеля почти в упор и ударил картечью. Чеченцы отхлынули, но тотчас собрались вновь, и начался бой, не поддающийся никакому описанию. Чеченцы через груды тел ломались на пушки; пушки, не умолкая, гремели картечью и валили тела на тела. Артиллеристы превзошли в этот день всё, что можно было от них требовать; они уже не банили орудий — для этого у них не доставало времени, а только посылали снаряд за снарядом. Наконец эту страшную канонаду услышали в отряде, и высланная помощь дала возможность орудиям выйти из леса. По выходе из него попала небольшая площадка, на которой Мамацев поставил четыре орудия, обстреливая дорогу, чтобы облегчить отступление арьергарду. Вся тяжесть боя легла на артиллерию. К счастью, скоро показалась другая колонна, спешившая на помощь с левого берега Сунжи. Раньше всех явился к орудиям Мамацева Лермонтов со своей командой, но помощь его оказалась излишней: чеченцы прекратили преследование. Пользуясь плоскостью местоположения, Лермонтов бросился с горстью людей на превосходного числом неприятеля и неоднократно отбивал его нападения на цепь наших стрелков и поражал неоднократно собственною рукою хищников. Затем с командою первый перешёл шалинский лес, обращая на себя все усилия хищников, покушавшихся препятствовать нашему движению, и занял позицию в расстоянии ружейного выстрела от пушки. При переправе через Аргун он действовал отлично... и, пользуясь выстрелами наших орудий, внезапно кинулся на партию неприятеля, которая тотчас же ускакала в ближайший лес, оставив в руках наших два тела» (В. А. Поммо).

30 октября, опять при речке Валерик, поручик Лермонтов явил новый пример хладнокровного мужества, отрезав дорогу от леса сильной партией неприятеля, из которой только малая часть спаслась благодаря быстроте лошадей, а остальные были уничтожены.

24 декабря командующий кавалерией действующего отряда на левом фланге Кавказской линии Голицын подал рапорт командующему войсками Кавказской линии и Черномории генерал-адъютанту Граббе представить к награждению Михаила Лермонтова золотой саблей с надписью «За храбрость». Свой рапорт Голицын сопроводил запиской генерала Галафеева: «...я поручил начальству Лермонтова команду из охотников состоящую. Невозможно было сделать выбора удачнее: всюду поручик Лермонтов первым подвергался выстрелам хищников и во всех делах оказывал самоотвержение и распорядительность выше всякой похвалы».

Наградной список, отправленный в Петербург, был рассмотрен императором в конце февраля следующего года; Николай Павлович вычеркнул из него Лермонтова, объявив: «Поручик Лермонтов при своём полку не находился, но был употреблён в экспедиции с особо порученною ему казачьею командою; поручик Лермонтов непременно должен состоять налицо во фронте, и чтобы начальство отнюдь не осмеливалось ни под каким предлогом удалять его от фронтовой службы в своём полку!»

* * *

Елизавета Алексеевна, после отъезда внука на Кавказ, немедленно сдала большую петербургскую квартиру, за которую приходилось платить две тысячи в год, и переехала на Шпалерную улицу в одноэтажный деревянный дом. Изюм всех сил она хлопотала о внуке, писала родным и знакомым, полковому начальству Лермонтова, — писала кому только можно, прося замолвить за него словечко перед государем. Жаловалась, что не доживёт до возвращения Мишеньки. В декабре Михаилу Юрьевичу дали двухмесячный отпуск для свидания с ней.

Лермонтов до последнего ничего не знал, частные письма не доходили. Денег, кроме офицерского жалования, не было, и он чувствовал себя стеснённо. Не знал и того, что в журнале «Отечественные записки» постоянно печатались его произведения, а по ходатайству Андрея Краевского Цензурный комитет разрешил к изданию первый томик его стихов. 25 октября сборник вышел в свет в количестве тысячи экземпляров.

Перед Новым годом он получил разрешение на поездку до Ставрополя, где должен был взять отпускное свидетельство. Был извещён, что военный министр сделал запрос в Штаб командующего войсками о его поведении. В Ставрополе зашёл в канцелярию, узнать, что же ответили? Старшим адъютантом оказался университетский товарищ Костенецкий, сказал Лермонтову, что ответ подготовлен, но ещё не отправлен. Велел писарю отыскать бумаги. Оказалось, что писарь собственноручно подготовил характеристику: «Поручик Лермонтов служит исправно, ведёт жизнь трезвую и добропорядочную и ни в каких злокачественных поступках не замечен». Михаил Юрьевич расхохотался и велел, ничего не меняя, так и отправить министру.

Остановился он у Павла Ивановича Петрова, и, как всегда, начались радостные встречи с друзьями, среди которых было немало декабристов, отбывавших кавказскую ссылку рядовыми солдатами. Помянули Александра Одоевского, умершего в августе 1839 года от малярийной лихорадки, похороненного в форте Лазаревском.

В те дни в Ставрополе было много офицеров, отличившихся в Чеченском походе и поощрённых отпусками. Приехал Монго Столыпин. Летом он добился разрешения участвовать в экспедиции Галафеева и вместе с Лермонтовым сражался на речке Валерик. Участвовал и в осенних боях, за что был представлен к ордену св. Владимира 4-й степени с бантом.

Среди офицеров был молоденький Александр Есаков, оставивший свои воспоминания:

«Я ещё совсем молодым человеком был в осенней экспедиции в Чечне и провёл потом зиму в Ставрополе. Редкий день мы не встречались в обществе. Чаще всего сходились у барона Вревского, тогда капитана генерального штаба. Как с младшим в этой избранный среде, ещё безусым, Лермонтов школьничал со мной до пределов возможного; а когда замечал, что теряю терпение (что, впрочем, недолго заставляло себя ждать), он, бывало, ласковым словом, добрым взглядом или поцелуем тотчас уймёт мой пыл».

Более официальная обстановка наблюдалась на обедах у командующего войсками генерала Граббе. Павел Христофорович Граббе высоко ценил Лермонтова как человека талантливого, дельного и храброго офицера. Но, как вспоминал Николай Дельвиц, обедали чопорно, молча; Лев Пушкин и Лермонтов называли молчаливых картинной галереей. 14 января, получив отпускной билет на два месяца, Михаил Юрьевич выехал в Петербург через Новочеркасск, Воронеж и Москву.

В Воронеже задержался у вышедшего в отставку поручика лейб-гвардии Гусарского полка Александра Потапова. В мае он уже побывал у него. Тогда, проездом на Кавказ, к Потапову пригласил его однополчанин Александр Реми, вместе с Лермонтовым ехавший в Ставрополь. По дороге узнали, что у Потапова гостит его дядя — генерал Алексей Николаевич Потапов, известный в армейских кругах как «свирепый генерал». Лермонтов наотрез отказался встречаться с ним, зная свою несдержанность; однако Реми его уговорил. Потапов отвёл им отдельный флигель, но когда за обедом Лермонтов встретился со «свирепым генералом», на нём лица не было, аппетит пропал. К удивлению, генерал был любезен, а к концу обеда любезность его с Лермонтовым дошла до дружески-товарищеского обращения. Лермонтов развернулся! После обеда Реми и Потапов пошли зачем-то во флигель, и, возвращаясь, увидели, что Лермонтов сидит на шее согнувшегося генерала! Оказалось, «зверь» и поэт играли в чехарду. После чего Реми в присутствии Лермонтова рассказал о его опасениях, рассказал, как Лермонтов собирался даже остаться и ждать его на почтовой станции. Генерал рассмеялся, заметив молодым людям: «На службе никого не щажу — всех поем, а в частной жизни я человек как человек».

В этот раз у Потапова Михаил Юрьевич написал музыку к своей «Казачьей колыбельной». К сожалению, ноты не сохранились. Отсюда, уже без остановок, доехал до Москвы, и первое, что узнал, это то, что в «Герое нашего времени» он вывел Наталью Мартьянову княжной Мэри! Он восемь месяцев не получал писем, не представлял, что происходит в обеих столицах, а между тем, происходило много интересного и в том числе свадьба одной из сестёр Мартьянова с князем Гагариным.

Лев Гагарин переехал в Москву из Петербурга в начале 1840 года после шумного скандала, в котором сыграл низкую роль. При одобрительном смехе приятелей он угрожал графине Воронцовой-Дашковой швырнуть в партер театра любовные письма к нему и публично её ославить, если она не вернёт ему своей благосклонности. Князь Лобанов-Ростовский вызвал его на дуэль, но при покровительстве Третьего отделения и родного дяди, известного николаевского фаворита князя Меншикова, Лев Гагарин от дуэли увильнул. Всё это смаковалось в петербургских великосветских гостиных, скандал разрастался по мере того, как развивалась история с вызовом Лобанова и уклонением Гагарина. Графиня Воронцова-Дашкова не смела несколько недель показываться из дому.

Переехав в Москву, Гагарин и здесь продолжал её компрометировать, зная, как любит Москва всякие сплетни и толки, особенно если касаются Петербурга. Встретив на улице простолюдинку, похожую на Воронцову-Дашкову, Гагарин заказал ей самую

модную шляпку, одежду для прогулки и отправился, взяв её под руку, на Тверской бульвар. Быстро разнёсся слух, что Воронцова-Дашкова в Москве и продолжает любовную связь с Гагариным! Дошло до Петербурга — со всевозможными прибавлениями и комментариями. Когда маскарад разъяснился, московское высшее общество приняло Гагарина с распростёртыми объятьями: шутка его передавалась из уст в уста, из гостиной в гостиную.

Вот этого-то молодого человека и принимала в своём доме госпожа Мартынова в мае минувшего года. Но в то время как она писала сыну на Кавказ, что опасается злого языка Лермонтова, предвидя, что он не пощадит её дочерей, она оказалась менее щепетильной в отношении Гагарина. Крупное состояние князя, высокий титул и дяшюшка — фаворит императора, парализовали её материнскую предусмотрительность.

Через два месяца после отъезда Лермонтова на Кавказ состоялась помолвка Льва Андреевича Гагарина и Юлии Соломоновны Мартыновой. Александр Тургенев писал Вяземскому по поводу ожидаемой свадьбы: «Здесь говорят о браке Льва Гагарина, который стал москвичом, с одной из Мартыновых, которая прелестна; они составят прекрасную парочку, на несколько недель по крайней мере».

У Мартыновой было три дочери: младшей, Мариин, 12 лет, Юлии — 19, Наталье — 21 год.

Наталья оставалась в старых девах, и чтобы как-то оправдать своё положение, пустила слух, что в неё был влюблён Лермонтов и потому вывел её княжной Мэри в «Герое нашего времени»! Наталья гордилась этим и находила в Мэри сходство с собой. В доказательство показывала подругам красную шаль, говоря, что Лермонтов эту шаль очень любил. Не было ничего легче и заманчивее, как опозитизировать своё положение, сопоставив себя с княжной Мери, тем самым связав своё имя с именем Лермонтова, которое после выхода в свет «Героя нашего времени» приобрело прочную известность во всех московских гостиных.

Кто-то ещё нашёл сходство с собой в «Герое нашего времени», кто-то успел написать образ Грушницкого Николаю Мартынову, — и все говорили одно: Печорин — это сам Лермонтов. Уже в Петербурге, готовя второе издание романа, Михаилу Юрьевичу пришлось объяснять в предисловии: «Эта книга испытала на себе ещё недавно несчастную доверчивость некоторых читателей и даже журналов к буквальному значению слов. Иные ужасно обиделись, и не шутя, что им ставят в пример такого безнравственного человека, как Герой Нашего Времени; другие же очень тонко замечали, что сочинитель нарисовал свой портрет и портреты своих знакомых... Старая и жалкая шутка! Но, видно, Русь так уж сотворена, что всё в ней обновляется, кроме подобных нелепостей. Герой Нашего Времени, милостивые государи мои, точно, портрет, но не одного человека: это портрет, составленный из пороков всего нашего поколения, в полном их развитии».

В Москве Михаил Юрьевич задержался на две недели, но у Мартыновых не был, иначе глупые слухи о «княжне Мэри» ещё бы усилились. А мог бы прийти, рассказать, что в чеченском походе был с Николаем Мартыновым.

О походе в Малую Чечню и о битве на реке Валерик Мартынов написал стихи, но его взгляд на войну был иным, чем у Лермонтова. Михаил Юрьевич воспринимал происходящее на Кавказе как трагедию, ему было больно видеть казака, сражённого пулей черкеса, и больно смотреть на черкеса, сражённого саблей казака.

*И с грустью тайной и сердечной
Я думал: жалкий человек.
Чего он хочет!.. небо ясно,*

*Под небом места много всем,
Но беспрестанно и напрасно
Один враждует он — зачем?*

Мартынову эти сомнения были неведомы. В верноподданническом восторге он рисовал иную картину:

*На всём пути, где мы проходим,
Пылают сакли беглецов.
Застанем скот — его уводим,
Пожива есть для казаков.
Поля засеянные топчем,
Уничтожаем все у них...*

В Ставрополе Михаил Юрьевич узнал от сослуживцев Мартынова, что Николай пережил большие неприятности в полку, нарочно или нечаянно попав в историю с мошенничеством в карточной игре. Мартынов подал в отставку, желая по всей вероятности, прекратить разговоры вокруг него, но дело приняло серьёзный оборот и дошло до государя. (2 июля 1841 года Николай I лично отказал Мартынову в награде — орден св. Владимира 4-й степени с бантом, к которой он был представлен за участие в осенней чеченской экспедиции).

Кавказские товарищи отзывались о Мартынове с неприязнью: «Всё мечтал о чинах, орденах и думал не иначе как дослужиться на Кавказе до генеральского чина».

Находясь в Москве, Михаил Юрьевич не изменил своим привычкам: посещал балы, театры, цыган, встречался с друзьями. Тогда же произошла встреча с Фридрихом Боденштедтом — будущим немецким писателем и переводчиком, — он был в ту пору ещё молод и давал частные уроки.

«...Мы пили уже шампанское.

— А, Михаил Юрьевич! — вдруг вскричали двое-трое из моих собеседников при виде только что вошедшего молодого офицера, который слегка потрепал по плечу Олсуфьева, приветствовал молодого князя словами: «Ну, как поживаешь, умник!», — а остальное общество коротким: «Здравствуйте!»

У вошедшего была гордая, непринуждённая осанка, средний рост и необычайная гибкость движений. Вынимая при входе носовой платок, чтобы обтереть усы, он выронил на паркет бумажник или сигарочницу и при этом нагнулся с такой ловкостью, как будто он был вовсе без костей, хотя, судя по плечам и груди, у него должны были быть довольно широкие кости.

Гладкие, слегка вьющиеся по обеим сторонам волосы оставляли совершенно открытым необыкновенно высокий лоб. Большие, полные мысли глаза, казалось, вовсе не участвовали в насмешливой улыбке, игравшей на красиво очерченных губах молодого офицера. Он был одет не в парадную форму. У него на шее был небрежно повязан чёрный платок; военный сюртук без эполет был не нов и не доверху застёгнут и из-под него виднелось ослепительной свежести тонкое бельё» (Ф. Боденштедт).

В Петербург Михаил Юрьевич прибыл в середине февраля в разгар масленицы, и на другой же день отправился на бал к графине Воронцовой-Дашковой — самый блестящий бал после придворных. Его армейский мундир выделялся среди гвардейских мундиров, великий князь Михаил Павлович косо смотрел на Лермонтова, но Михаил Юрьевич танцевал то с одной, то с другой дамой и, казалось, не замечал

его взглядов. Наконец Воронцовой-Дашковой шепнули, что великий князь недоволен. Она увела Лермонтова во внутренние покои, откуда он смог выйти из дома. Едва удалось ей выгородить его перед князем, взяв всю вину на себя. Но князь всё равно был сердит: не явившись ещё «по начальству», опальный поэт примчался на бал, где присутствуют члены царской фамилии!

Этот промах Лермонтова повлѣк за собой распоряжение о скорейшем его возвращении в полк. Михаил Юрьевич написал полковому товарищу Александру Бибикову: «Милый Биби, я скоро еду опять к вам, и здесь остаться у меня нет никакой надежды... Итак, не продавай ни кровати, ни сѣдел; вероятно, отряд не выступит прежде 20 апреля, а я к тому времени непременно буду. Покупаю для общего нашего обихода Лафатера и Галя и множество других книг».

Михаил Юрьевич больше чем когда-либо хотел теперь выйти в отставку, отдаться целиком литературной деятельности. Мечтал основать новый журнал и говорил об этом с Краевским, не одобряя направления «Отечественных записок»: «Мы должны жить своей, самостоятельной, жизнью, внести своё, самобытное в общечеловеческое. Зачем нам тянуться за Европой и за французским? Я многому научился у азиатов, и мне бы хотелось проникнуть в таинства азиатского мирозерцания, зачатки которого и для самих азиатов, и для нас ещё мало понятны. Но, поверь мне, там, на Востоке, тайник богатых откровений! Мы в своём журнале не будем предлагать обществу ничего переводного, а своё собственное. Я берусь к каждой книжке доставлять что-нибудь оригинальное, не так, как Жуковский, который всё кормит переводами, да ещё не говорит, откуда берѣт их».

Усилиями Елизаветы Алексеевны и друзей удалось смягчить гнев великого князя: поэт получил разрешение остаться в Петербурге ещё на некоторое время. В «Отечественных записках» вышло его стихотворение «Родина». Белинский пришѣл в восторг: «Аллах-керим, что за вещь: пушкинская, т.е. одна из лучших пушкинских!»

В номере «Отечественных записок» со стихотворением «Родина» Краевский извещал: «Герой нашего времени», соч. М. Ю. Лермонтова, принятый с таким энтузиазмом публикою, теперь уже не существует в книжных лавках: первое издание его всё раскуплено; готовится второе издание, которое скоро должно показаться в свет; первая часть уже отпечатана. Кстати, о самом Лермонтове: он теперь в Петербурге и привѣз с Кавказа несколько новых прелестных стихотворений, которые будут напечатаны в «Отечественных записках». Тревоги военной жизни не позволили ему спокойно и вполне предаваться искусству, которое назвало его одним из главнейших жрецов своих; но замыслено им много и всё замышленное превосходно. Русской литературе готовятся от него драгоценные подарки».

Андрей Александрович Краевский заказал художнику Горбунову портрет Михаила Юрьевича — в сюртуке Тенгинского полка. Львиная натура поэта впервые так выразительно проявилась во внешности. Но закончить портрет Горбунов не успел: дежурный генерал Главного штаба Клейнмихель, вызвав Лермонтова, объявил ему предписание в 48 часов покинуть столицу! Бенкендорф не желал иметь в столице «беспокойного» молодого человека, становившегося любимцем публики. «Мир боится новой жизни этих людей, особенного склада их ума и чувства; характеры эти уклоняются от обычного пути: что страшно другим, им не страшно; они иначе любят и иначе ненавидят» (П. А. Висковатов).

Портрет Михаила Юрьевича художник закончил уже после его смерти, передав Краевскому. В том же году решил сделать ещё акварельную копию, но портрет отсырел и испортился. И всё-таки живописец выполнил то, что хотел: акварель Горбунова

стала первым портретом Лермонтова, с которым познакомились читатели; первым и единственным на 22 года!

Перед отъездом Михаил Юрьевич зашёл к двоюродному брату Александра Одоевского — Владимиру Одоевскому. Подарил ему свою картину. Одоевский написал на обороте: «Картина рисована поэтом Лермонтовым и подарена им мне при последнем его отъезде на Кавказ. Она представляет Крестовую гору». Владимир Фёдорович, в свою очередь, подарил ему свою записную книжку: «Поэту Лермонтову даётся сия моя старая и любимая книга с тем, чтобы он возвратил мне её сам и всю исписанную. Князь В. Одоевский, 1841, Апреля 13-е, СПбург».

«Мы с ним сделали подробный пересмотр всем бумагам, выбрали несколько как напечатанных уже, так и ещё не изданных и составили связку. „Когда, Бог даст, вернусь, — говорил он, — может, ещё что-нибудь прибавится сюда, и мы хорошенько разберёмся и посмотрим, что надо будет поместить в томик и что выбросить“. Бумаги эти я оставил у себя, остальные же, как ненужный хлам, мы бросили в ящик. Если бы знал, где упадёшь, говорит пословица, соломки бы подостлал; так и в этом случае: никогда не прошу себе, что весь этот хлам не отправил тогда же на кухню под плиту» (*Аким Шан-Гирей*).

Пушкин тоже говорил: «Многое желал бы я уничтожить, как недостойное даже и моего дарования, каково бы оно ни было. Иное тяготеет как упрёк на совести моей... По крайней мере не должен я отвечать за перепечатание грехов моего отрочества, а тем паче за чужие проказы. Стихи, преданные мною забвению, или написанные не для печати или которое простительно мне было написать на девятнадцатом году, но непростительно признать публично в возрасте более зрелом». Он сетовал, что неизвестно откуда берут его юношеские стихотворения, публикуют их, публикуют чужие проказы под его именем, и нет управы на этих господ.

В квартире Карамзиных ещё раз собрались друзья, как за год перед тем, проститься с Михаилом Юрьевичем. По свидетельству многих Лермонтов был чрезвычайно грустен и говорил о близкой смерти. Недели за две до отъезда он с товарищем посетил ворожею Александру Филипповну, предсказавшую смерть Пушкина от «белого человека». Михаил Юрьевич выслушал то, что гадалка сказала его товарищу, затем спросил о себе: «Буду ли выпущен в отставку и останусь ли в Петербурге?» В ответ услышал, что в Петербурге ему вообще больше не бывать, и что ожидает его отставка «после коей уж ни о чём просить не станешь». Лермонтов засмеялся, тем более, что вечером того же дня получил отсрочку отпуска: «Уж если дают отсрочку за отсрочкой, то и совсем выпустят». Но когда получил приказ, был поражён предсказанием гадалки!

Его печальное настроение стало ещё заметней, когда после прощального ужина он уронил кольцо, взятое у Софьи Николаевны Карамзиной, и, несмотря на поиски всех собравшихся, кольцо найти не удалось.

Михаил Юрьевич тронулся в путь, успев буквально в последний момент отправить записку Андрею Краевскому: «Сделай одолжение, отдай подателю сего письма для меня два билета на „Отечественные записки“. Это для бабушки моей. Будь здоров и счастлив. Твой Лермонтов».

Провожал его только Аким Шан-Гирей. С мальпоста Михаил Юрьевич последний раз с ним расцеловался и передал поклон бабушке. Наружно был весел, шутил. «У меня не было никакого предчувствия, но очень было тяжело на душе. Пока закладывали лошадей, Мишель давал мне различные поручения, но я ничего не слышал. „Извини, Мишель, я ничего не понял“. — „Какой ты ещё дитя, — отвечал он. — Прощай, поцелуй ручки у бабушки“. Это были в жизни его последние слова ко мне».

* * *

«17 апреля 1841 г. в 7 часов пополудни, — как значилось в московских ведомостях прибытия и убытия, — прибыл из Петербурга при почтовой карете Тенгинского пешотного полка поручик Лермонтов». Чуть раньше прибыл капитан Нижегородского полка Алексей Столыпин (Монго), которому предписывалось сопроводить Лермонтова в отряд.

Тем часом Елизавета Алексеевна умоляла Софью Карамзину: «Вы милостивы к Мишеньке... попросите Василия Андреевича Жуковского напомнить государыне, что вчерашний день прощены: Исаков, Лихачев, граф Апраксин и Челищев; уверена, что и Василий Андреевич извинит меня, что я его беспокою, но сердце моё растерзано...»

В Москве Михаил Юрьевич встретился с Василием Красовым, который, по словам Чернышевского, «был едва ли не лучшим из наших второстепенных поэтов в эпоху Кольцова и Лермонтова». Стихи его читались с увлечением, цитировались в статьях, ставились эпиграфами к повестям, перепечатывались в хрестоматиях. Сын протоиерея, семинарист, поступивший затем в Московский университет, Красов притягивал к себе образованностью и тёплым сердцем.

«Я не видал Лермонтова десять лет — и как он изменился! Целый вечер я не сводил с него глаз. Какое энергическое, простое, львиное лицо. Он был грустен, и когда уходил из собрания в своём армейском мундире и с кавказским кивером, у меня сжалось сердце — так мне жаль его было».

Последний, с кем прощался в Москве Михаил Юрьевич, был Юрий Самарин: «Я никогда не забуду нашего последнего свидания, за полчаса до его отъезда. Прощаясь со мной, он оставил мне стихи, его последнее творение... Он говорил мне о своей будущности, о своих литературных проектах, и среди всего этого он проронил о своей скорой кончине несколько слов, которые я принял за обычную шутку с его стороны. Я был последний, который пожал ему руку в Москве».

Лермонтов нагнал Монго возле Тулы, их путь был на левый фланг Кавказской линии. Рассудительный Монго сдерживал безоглядные порывы Лермонтова, и Михаил Юрьевич ворчал: «Ты — вторая бабушка!» В Туле встретились с Александром Меринским, товарищем по юнкерской школе, отобедали у него. Завернули в Мценск к однополчанину Михаилу Глебову, который, узнав, что они едут на Кавказ, выхлопотал для них негласное разрешение погостить у него несколько дней. На реке Валерик Михаил Глебов был ранен в ключицу, долго лечился, и теперь собирался в Пятигорск на воды.

Добравшись до Ставрополя, Лермонтов и Столыпин неожиданно встретили корнета Петра Магденко, ехавшего в Пятигорск. Магденко стал уговаривать их ехать вместе, расписывая прелести отдыха. Лермонтов загорелся:

— Послушай, Столыпин, а ведь теперь в Пятигорске хорошо, там Верзилины, — он назвал ещё несколько фамилий. — Поедем в Пятигорск?

В результате отправились вместе, несмотря на проливной дождь.

«Промокшие до костей, приехали мы в Пятигорск и остановились на бульваре в гостинице, которую содержал армянин Найтаки. Минут через двадцать в мой номер явились Столыпин и Лермонтов, уже переодетыми, в белом как снег белье и халатах. Лермонтов был в шёлковом темно-зелёном с узорами халате, опоясанный толстым снурком с золотыми желудями на концах. Потирая руки от удовольствия, Лермонтов сказал Столыпину: „Ведь и Мартышка, Мартышка здесь. Я сказал Найтаки, чтобы послали за ним“» (П. Магденко).

Верзилины, о которых говорил Лермонтов Алексею Столыпину, имели собственный дом в Пятигорске, а во дворе дома небольшой флигель, куда пускали приезжих. Сейчас во флигеле жил Николай Мартынов. «Он носил азиатский костюм, за поясом пистолет, через плечо на земле плеть, мужицкую причёску и французские бакенбарды с козлиным подбородком» (К. К. Любомиров).

Можно представить изумление Лермонтова и Столыпина, когда Мартынов пришёл к ним в гостиницу. Лермонтов, вероятно, хохотал до слёз, и наверно, спросил, с чего вдруг Мартынов так вырядился? Мартынов же чувствовал перед ним своё превосходство: Лермонтов всего лишь пехотный поручик, а он, Мартынов, вышел в отставку майором линейного казачьего полка. И всё-таки друзья были рады встрече.

На другой день Лермонтов и Столыпин призвали писаря комендантского управления, который составил необходимые рапорты. Комендант велел им пройти медицинскую комиссию, врачи обнаружили у них лихорадку и ревматизм — обычные болезни кавказских военных, а так как госпиталь был переполнен, то предложили им ехать в Георгиевск. Столыпин и Лермонтов тут же наврали, что выпили уже по 29 стаканов минеральной воды и не намерены прекращать начатое лечение. Комендант разрешил им остаться.

Что представлял собой Пятигорск в ту пору, рассказывает в своих «Записках декабриста» Н. И. Лорер:

«В то время съезды на Кавказские воды были многочисленны. Кого, бывало, не встретишь на водах! Какая смесь одежд, лиц, состояний! Со всех концов огромной России собираются больные к источникам в надежде — и большею частью справедливой — исцеления. Тут же толпятся и здоровые, приехавшие развлечься и поиграть в картишки».

Чиновник Пятигорской военной прокуратуры Василий Иванович Чилиев, узнав, что Лермонтов и Столыпин подыскивают жильё, предложил им свой флигель, объяснив, что дом уже занят князем Александром Васильчиковым и Сергеем Трубецким. Поехали, посмотрели. Обыкновенная мазанка под соломенной крышей, четыре небольшие комнаты и открытая веранда, которую здесь называли балконом. Лермонтов встал на веранде; через забор — дворик Верзилиных, где квартировал Мартынов.

Соседство Мартынова, Васильчикова и Трубецкого более чем устраивало, и молодые люди дали Чилиеву задаток. В доме Михаил Юрьевич выбрал для себя две комнаты, оклеенные простой бумагой, окрашенной домашним способом. Обстановка тоже была простая, но зато из окна кабинета был виден сад. Две другие комнаты занял Монго.

Как оказалось, в соседстве жил Александр Арнольди, с которым Лермонтов в 1838 году подружился в «сумасшедшем доме». Он был моложе Лермонтова на 3 года и приехал в Пятигорск с мачехой и сестрой.

«На дворе дома, нами занимаемого, во флигеле поселился Тиран, по фасу к Машуку подле нас жил Лермонтов со Столыпиным, а за ними Глебов с Мартыновым. Лермонтов, который при возникающей уже своей славе рисовался — и сначала сделал вид, будто меня не узнаёт, но потом сам первый бросился ко мне на грудь и нежно меня обнял и облобызал. Раз или два в неделю мы собирались в залу ресторации Найтаки и плясали до упаду часов до двенадцати ночи, что, однако, было исключением из обычной водяной жизни, потому что обыкновенно с наступлением свежих сумерек весь Пятигорск замирал и запирался по домам.

Я часто забегал к соседу моему Лермонтову. Однажды, войдя неожиданно к нему в комнату, я застал его лежащим на постели и что-то рассматривающим в сообществе Сергея Трубецкого и что они хотели, видимо, от меня скрыть. Поздно заметив, что

я пришёл не вовремя, я хотел было уйти, но так как Лермонтов тогда же сказал: «Ну, этот ничего», — то и остался. Шалуны товарищи показали мне целую тетрадь карикатур на Мартынова, которые сообща начертали и раскрасили. Это была целая история в лицах, вроде французских карикатур, где красавец, бывший когда-то кавалергард, Мартынов был изображён в самом смешном виде» (А. И. Арнольди).

Трубецкой был по духу ближе всех к Лермонтову. Неугомонный проказа, он к 25 годам успел нажить себе множество неприятностей. Будучи крестником императрицы Марии Фёдоровны и великого князя Николая Павловича (впоследствии императора), с отрочества был записан в камер-пажи. На восемнадцатом году стал корнетом Кавалергардского полка, где с первых же дней подвергся взысканиям за курение трубки перед фронтом и отлучки с дежурства. Одна из его проказ, совершённая вместе с ротмистром Кротовым, была очень серьёзной. Как записано в штрафном журнале полка от 14 августа 1834 года, «... 11 числа сего месяца, узнав, что графиня Бобринская с гостями должны были гулять по Большой Неве и Чёрной речке, вознамерились в шутку ехать к ним навстречу с зажжёнными факелами и пустым гробом...»

Отсидели за это на гауптвахте, но не успокоились. Наконец, находясь во дворце на дежурстве, Трубецкой соблазнил фрейлину Мусину-Пушкину, которая только того и ждала, так как была беременна от Николая Павловича. Император приказал Трубецкому обвенчаться с ней, тот вынужден был подчиниться, но после рождения дочери сразу расстался с женой. Николай не простил ему этого: Сергей Трубецкой был переведён на Кавказ в Гребенский казачий полк. В 1840 году вместе с Лермонтовым участвовал в сражении на реке Валерик, где его ранило пулей в грудь. Получил отпуск для поездки в Петербург на операцию — извлечь пулю; заболел по дороге, попросил о продлении отпуска, но, узнав, что отец его при смерти, поехал, не дождавшись ответа.

Николай I счёл это нарушением дисциплины. Имя Сергея Трубецкого было вычеркнуто из наградных списков, а сам он посажен под домашний арест. Затем отправлен опять на Кавказ, несмотря на тяжёлую рану. Очередным проступком Трубецкого стал самовольный приезд в Пятигорск, где состоялась радостная встреча с Лермонтовым. Михаил Юрьевич до слёз переживал за него, он искренне любил Сергея: храбр, весел, блистателен во всех отношениях, как по наружности так и по уму, тёплое, доброе сердце и полнейшее бескорыстие. Ко всему они с Лермонтовым были в родстве: на сестре Трубецкого был женат один из Столыпиных.

* * *

Лермонтов, кроме того что весело проводил время и принимал ванны, занимался литературным трудом. Окно его кабинета выходило в сад, и он работал при открытом окне. Он замыслил трилогию — три романа из трёх эпох жизни русского общества. Первый — о Пугачёве и суворовских походах, второй — период Отечественной войны 1812 года: показать в нём «действие в сердце России и под Парижем» с развязкой в Вене. Третий мыслился как изображение эпохи после восстания декабристов. В нём Лермонтов хотел описать события из кавказской жизни, с Тифлисом при Ермолове, его усмирении Кавказа, персидской войной, среди которой погиб в Тегеране Грибоедов. На осуществление такого грандиозного замысла необходима была отставка, сведения Государственного архива и многочисленные поездки.

«Образ жизни Михаила Юрьевича в Пятигорске был самый обыкновенный и простой. На конюшне он держал двух собственных верховых лошадей. Штат прислуги его состоял из привезённых с собой из Петербурга четырёх человек, из

коих двое было крепостных: камердинер Иван Абрамович Соколов, конюх Иван Вертюков, и двое наёмных — помощник камердинера и повар. Дом его был открыт для друзей и знакомых, и если кто к нему обращался с просьбой о помощи или одолжении, никогда и никому не отказывал, стараясь сделать всё, что только мог. Заведовал хозяйством, людьми и лошадьми Столыпин. Чаще всего у Лермонтова и Монго бывали Мартынов, Глебов и князь Васильчиков. Остроты, шутки смех не прекращались. Вставал Лермонтов неодинаково, иногда рано, иногда спал часов до 9-ти и даже более. Но это случалось редко. В первом случае, тотчас, как встанет, уходил пить воды или брать ванны, и после пил чай; во втором же — прямо с постели садился за чай, а потом уходил из дому. Около двух часов возвращался домой обедать, и почти всегда в обществе друзей-приятелей. Поесть любил хорошо, но стол был не роскошный, а русский, простой. На обед готовилось четыре-пять блюд по заказу Столыпина, мороженое же, до которого Лермонтов был большой охотник, ягоды или фрукты подавались каждодневно. Вин, водок и закусок всегда имелся хороший запас. Около шести часов подавался чай, и затем все уходили. Вечер, по обыкновению, посвящался прогулкам, танцам, любезничанью с дамами или игре в карты (В. И. Чиляев).

Лермонтов называл Пятигорск кавказским Монако.

«Лермонтов тоже играл, но редко, с соблюдением известного расчёта и выше определённой для проигрыша нормы не зарывался. Иногда по утрам он уезжал на своём лихом Черкесе за город, уезжал рано и большей частью вдруг, не предупредив заблаговременно никого: встанет, велит оседлать лошадь и умчится один. Он любил бешеную скачку, но при этом им руководила не одна только любительская страсть к езде, он хотел выработать из себя лихого наездника, в чём неоспоримо и преуспел, так как все товарищи его, кавалеристы, знатоки верховой езды, признавали и высоко ценили в нём столь необходимые по тогдашнему времени качества. Знакомые дамы приходили в восторг от его удалости и неустранимости, когда он, сопровождая их на прогулках в кавалькадах, показывал им „высшую школу“ наездничества, а верзилинские грации (дочери П. С. Верзилина, наказного атамана Кавказского линейного войска в Пятигорске) не раз даже рукоплескали, когда он, проезжая мимо перед их окнами, ставил на дыбы своего Черкеса и заставлял его чуть ли не плясать лезгинку» (П. К. Мартынов).

«Характер Лермонтова, — вспоминал Василий Иванович Чиляев, — был характер джентльмена, сознающего своё умственное превосходство; он был эгоистичен, сух, гибок и блестящ, как полоса полированной стали, подчас весел, непринуждён и остроумен, подчас антипатичен, холоден и едок. Но все эти достоинства, или, скорее, недостатки, облекались в национальную русскую форму и поражали своей блестящей своеобразностью».

Вечерами армейская молодёжь часто собиралась в доме Верзилиных, где устраивались танцы. Лермонтов пользовался успехом у дам, хоть и не был красавцем. «Но и не был так безобразен, каким рисуют его и каков он на памятнике, — говорил Аким Шан-Гирей. — Скулы там слишком уж велики, нос слишком неправилен; волосы он носил летом коротко остриженными, роста был среднего, говорил приятным грудным голосом, но самым привлекательным в нём были глаза — большие, прекрасные, выразительные».

Глава семьи, генерал Верзилин, имел от первого брака дочь Аграфену; вторая его жена имела от первого брака с Клингенбергом дочь Эмилию — «бело-розовую куклу», как называли её в Пятигорске. В 1841 году Эмилиии было 25 лет. Совместная дочь Верзилиных — Надежда была ещё юной.

Хлебосольность, радушие и три красивые, весёлые дочери привлекали в Верзилинский дом молодых людей. Николай Мартынов ухаживал за пятнадцатилетней Надей, и Лермонтов, дурачась, дразнил юную Наденьку, приписывая ей кокетство с приехавшим на лечение Глебовым.

Михаил Глебов жил во флигеле Верзилиных вместе с Мартыновым, так что друзья, отделённые друг от друга только забором, постоянно встречались у Лермонтова и Столыпина. Мартынов всё так же носил свой бешмет и кинжал, а порой два кинжала, за что Лермонтов прозвал его «Два горца».

Михаил Юрьевич отправил для альманаха «Наши: списанные с природы русскими», — статью «Кавказец», в которой дал точное определение настоящему кавказцу, то есть человеку, прослужившему на Кавказе много лет. «Кавказец есть существо полурусское-полуазиатское; склонность к обычаям восточным берёт над ним перевес, но он стыдится её при посторонних, то есть при заезжих из России. Настоящих кавказцев вы находите на Линии; статские кавказцы редки; они большею частию неловкое подражание, и если вы между ними встретите *настоящего*, то разве только между полковых медиков».

Монго Столыпин не бывал у Верзилиных, он волочился за аристократками. Но Лермонтов, Лев Пушкин и большинство офицеров гораздо свободнее чувствовали себя в доме Верзилиных. Молодёжь наперебой ухаживала за Эмилией. Поклонниками Нади были Мартынов и Лисаневич, а Груша собиралась замуж за пристава Дикова. По этому поводу Лермонтов написал шуточное шестистишие:

*Пред девицей Эмили
Молодёжь лежит в пыли,
У девицы же Надин
Был поклонник не один;
А у Груши целый век
Был лишь дикий человек.*

«Как сейчас вижу его, — вспоминала Эмилия, — среднего роста, коротко остриженный, большие красивые глаза; любил повеселиться, посмеяться, поострить, затевал кавалькады, распоряжался на пикниках, дирижировал танцами и сам очень много танцевал. А бывало, сестра заиграет на пианино, он подсядет к ней, опустит голову и сидит неподвижно. Зато как разойдётся да пустится бегать в кошки-мышки, так бывало нет удержу... Бегали в горелки, играли в серсо; потом всё это им изображалось в карикатурах, что нас сместило. Поймает меня во дворе за кучей камней (они и сейчас лежат там) и ведёт торжественно сюда. Характера он был неровного, капризного: то услужлив и любезен, то рассеян и невнимателен».

Василий Иванович Чилиев с большим интересом следивший за жизнью своих постояльцев, впоследствии на вопрос биографа Лермонтова, ухаживал ли Михаил Юрьевич за Эмилией, отвечал: «Серьёзно или так, от нечего делать, но ухаживал. В каком положении находились его сердечные дела — покрыто мраком неизвестности».

Кроме Верзилиных, ещё один дом привлекал молодёжь: дом генеральши Мерлини, защитницы Кисловодска от черкесского набега, случившегося в отсутствие её мужа, коменданта кисловодской крепости. Ей пришлось самой распорядиться действиями артиллерии, и она повела дело так, что горцы рассеялись прежде, чем прибыла казачья помощь. За этот подвиг государь прислал ей бриллиантовый браслет и георгиевский крест. Когда молодёжь устраивала кавалькады, Катерина Ивановна садилась на

казацкую лошадь с мужским седлом и гарцевала, как подобает георгиевскому кавалеру. Обыкновенно отправлялись в Шотландку, немецкую колонию в семи верстах от Пятигорска, где немка Анна Ивановна встречала гостей с распростёртыми объятьями. У неё был небольшой ресторан и две симпатичные прислужницы — Милле и Гретхен, составлявшие погибель для офицеров.

Своим похождениям Лермонтов, Трубецкой, Раевский, Лев Пушкин и другие вели отчёт. Выдающиеся эпизоды вносились в «альбом приключений», где можно было увидеть всё: и кавалькады, и пикники, и всех действующих лиц. Об этом альбоме, находившемся потом в бумагах Глебова и пропавшем из поля зрения после его гибели, вспоминали многие. На одном из рисунков Васильчиков был изображён тощим и длинным, Лермонтов — маленьким и сутулым, как кошка вцепившимся в огромного коня Монго-Столыпина, а впереди всех красовался Мартынов в черкеске, с длинным кинжалом. Всё это гарцевало перед открытым окном, вероятно дома Верзилиных, так как в окне были нарисованы три женские головки.

Мартынову в этом альбоме доставалось больше всех. На одном из рисунков изображалась стычка с горцами, где Мартынов, размахивая кинжалом, восседал на лошади, повернувшей вспять. На другом — целая эпопея: Мартынов гордо въезжает в Пятигорск, а затем присев перед красавицей так, как садятся на очко, держа обеими руками за ручку кинжала, изъясняется ей в любви.

Лермонтов не раз по-приятельски советовал Мартынову снять свой шутовской наряд. В «Герое нашего времени» Печорин — сильный, глубокий человек, не прощает Грушницкому несовершенства и слабости и даже стремится поставить его в такое положение, где бы эти качества выявились до конца, но... делает это с надеждой, что человек одумается, перестанет быть посмешищем, повернёт в лучшую сторону.

Увы, Мартынов не понял Лермонтова, он гордился своим одеянием, показывая тем самым, что он настоящий кавказец. Он словно не замечал насмешливых взглядов, какими окидывали его боевые офицеры, но замечал восхищённые взгляды дам — им он казался красавцем: осиная талия, чекмень с побрякушками... Он заказал художнику князю Гагарину свой портрет в полный рост, и Григорий Григорьевич изобразил его в лаковых штиблетах, безупречных брюках, в черкесском бешмете с газырями и украшениями, на поясе сабля, кинжал, а на голове огромная баранья шапка.

С. Н. Филиппов в статье «Лермонтов на Кавказских водах» (журнал «Русская мысль», декабрь 1890 г.), так описывает Мартынова: «Тогда у нас на водах он был первым франтом. Каждый день носил переменные черкески из самого дорогого сукна и все разных цветов: белая, чёрная, серая и к ним шёлковые архалуки такие же или ещё синие. Папаха самого лучшего каракуля, чёрная или белая. И всегда все это было разное, — сегодня не надевал того, что носил вчера. К такому костюму он привешивал на серебряном поясе длинный чеченский кинжал без всяких украшений, опускавшийся ниже колен, а рукава черкески засучивал выше локтя. Это настолько казалось оригинальным, что обращало на себя общее внимание: точно он готовился каждую минуту схватиться с кем-нибудь. Мартынов пользовался большим вниманием женского пола. Про Лермонтова я этого не скажу. Его скорее боялись, т.е. его острого языка, насмешек, каламбуров».

Любуясь собой, Мартынов добился того, что над ним уже чуть не в открытую стали смеяться. Он что-то почувствовал, и, будучи мнительным, решил, что общество, вероятно, прознало о полковой неприятности, из-за которой он вышел в отставку. Ещё год назад он заявлял, что дослужится до генерала, и вдруг такой поворот! А тут ещё Лермонтов со своими шуточками.

Высказать Лермонтову своё недовольство Мартынов, очевидно, боялся: с Лермонтовым что-то происходило, он иногда за весь день не говорил двух слов, взгляд его стал тяжёлым, его присутствие на вечерах у Верзилиных сковывало людей, никто не смел смотреть ему в глаза, словно сквозь них, изнутри, смотрел не Лермонтов, а кто-то — всевластный и страшный для человека. Он стал по ночам гулять в одиночку, и однажды сказал присоединившемуся к нему товарищу по юнкерской школе Павлу Гвоздеву: «Чувствую, что мне очень мало осталось жить...» Ночь была тихая, тёплая. Они шли по бульвару, Лермонтов был грустен.

*В небесах торжественно и чудно!
Спит земля в сиянье голубом...
Что же мне так больно и так трудно?
Жду ль чего? жалею ли о чём?*

А в это время В. И. Красов писал Андрею Краевскому:

«Не возвращён ли он? Вы бы засмеялись, если б узнали, отчего я особенно спрашиваю про его возвращение. Назад тому месяц с небольшим я две ночи сряду видел его во сне — в первый раз в жизни. В первый раз он отдал мне свой шлафрок какого-то огненного цвета, и я в нём целую ночь расхаживал по незнакомым огромным покоем; в другой раз я что-то болтал ему про свои любовные шашни, и он с грустной улыбкой и бледный как смерть, качал головой. Проснувшись, я был уверен, что он возвращён. И я почти был уверен, что он проехал уже мимо нас, потому что я живу на большой дороге от юга».

Товарищ Лермонтова Александр Чарыков, встретившись с ним по пути в Железноводск, заметил, что с ним что-то неладно: «Я шёл в гору по улице совсем ещё тогда глухой, которая вела к Железноводску, а он в то же время спускался по противоположной стороне с толстой суковатой палкой... Лицо его показалось мне чрезвычайно мрачным; быть может, он предчувствовал тогда свой близкий жребий».

Приступы мрачности Лермонтов всё же преодолел: из Тифлиса приехал Михаил Дмитриевский, знакомый с семьёй Чавчавадзе; слушая его, Лермонтов как бы заново переживал встречи с дорогими ему людьми. Дмитриевский воспевал какие-то карие глаза, и Лермонтов говорил: «После твоих стихов разлюбишь поневоле чёрные и голубые очи, и полюбишь карие глаза».

Гвардейская молодёжь задумала дать бал пятигорской публике. Составилась подписка, и затея приняла громадные размеры. Праздник состоялся 8 июля на площадке у грота. Стены его обтянули персидскими коврами, свод — разноцветными шальями, соединив их в центральный узел, прикрытый зеркалом, повесили импровизированные люстры из обручей и верёвок, обвитых живыми цветами и зеленью; снаружи, на деревьях, развесили свыше двух тысяч разноцветных фонариков; музыканты разместились над гротом на специальной площадке.

К восьми часам приглашённые собрались, и танцы быстро следовали один за другим. Лермонтов необыкновенно много танцевал, да и всё общество было особенно весело. Красное сукно длинной лентой стелилось до палатки, назначенной служить уборной для дам. Уборную обставили настолько роскошно, что дамы ходили туда просто полюбоваться. Погода стояла чудесная, тихая, с темно-синего неба светили звезды.

Александр Арнольди пришёл вместе с мачехой и сестрой. Был очень доволен, что он и друзья так замечательно всё устроили. «Наш бал сошёл великолепно, все веселились от чистого сердца, и Лермонтов много ухаживал за Идой Мусиной-Пушкиной».

Бал продолжался до утра. Семейство Арнольди удалилось раньше, а остальные расходились уже при утреннем свете. Лермонтов провожал Екатерину Быховец, которая всё восклицала: «Как же я весело провела время!» Екатерина приходилась ему дальней родственницей, и он называл её прекрасной кузиной. Она только на днях приехала в Пятигорск, и через Лермонтова познакомилась с его компанией. Он и Мартынова ей представил, рекомендуя как товарища и друга. Екатерина имела внешнюю схожесть с Варенькой Лопухиной, поэтому Михаил Юрьевич не скрыл от неё:

*Нет, не тебя так пылко я люблю,
Не для меня красы твоей блистанье;
Люблю в тебе я прошлое страданье
И молодость погибшую мою.*

Михаил Юрьевич был рад, что пикник удался, ведь это он был инициатором и руководителем затеи. Ни с одним из балов нельзя было это сравнить, ни с одним маскарадом. Живая природа, южное небо со звёздным богатством, тысячи разноцветных огней и море цветов.

* * *

10 июля заканчивался для Лермонтова и Столыпина срок лечения на водах. Командант вызвал к себе Монго, велел ему вместе с Лермонтовым отправляться в отряд. Столыпин стал уверять, что они и сами того желают, но по совету врачей купили билеты на пользование железными ваннами. Разрешение остаться было получено.

В тот день приехал профессор Московского университета, известный врач и мудрец Иустин Евдокимович Дядьковский, привёз Лермонтову гостинцы от бабушки. Незадолго до его приезда Михаил Юрьевич получил сразу три письма от неё, отправленные на Ставрополь. Ответил, что находится в Пятигорске, попросил купить и прислать полное собрание сочинений Шекспира, и выразил надежду на возможность отставки: «То, что вы мне пишете о словах господина Клейнмихеля, я полагаю, ещё не значит, что мне откажут отставку, если я подам; он только просто не советует; а чего мне здесь ещё ждать?»

«Иустин Евдокимович, — вспоминал Николай Молчанов, — сам пошёл к Лермонтову и, не застав его дома, передал слуге его о себе и чтоб Михаил Юрьевич пришёл к нему в дом Христофоровых. В тот вечер мы видели Лермонтова. Он пришёл к нам и всё просил прощения, что не брит. Человек молодой, бойкий, умом остр. Беседа его с Иустином Евдокимовичем зашла далеко за полночь. Долго беседовали они о Байроне, Англии, о Беконе. Лермонтов с жадностью расспрашивал о московских знакомых. По уходу его Иустин Евдокимович много раз повторял: „Что за умница!“ На другой день поутру Лермонтов пришёл звать на вечер Иустина Евдокимовича в дом Верзилиных: жена генерала Петра Семёновича Верзилина велела звать его к себе на чай. (Сам Пётр Семёнович был в Варшаве. — Н. Б.) Иустин Евдокимович отговаривался болезнью, но вечером Лермонтов его увёз и поздно вечером привёз обратно. Опять он восторгался Лермонтовым: „Что за человек! Экий умница, а стихи его — музыка, но тоскующая“. (Дуэль и смерть Лермонтова так потрясли Дядьковского, что он прожил только шесть дней).

По воскресеньям в Пятигорске бывали собрания в ресторане гостиницы Найтаки, где молодёжь танцевала и оживлённо проводила время. 13 июля компания

Лермонтова решила не ходить в ресторан, а провести вечер у Верзилиных. Мартынов уже оставил юную Наденьку, переключившись на Эмилию, и она отдавала ему предпочтение перед другими. «Он хоть и глуп, но красавец, — говорила она. — Хоть он и фат, и льстив в разговоре, но очень красив». Лермонтов не понимал, какой «красотой» мог привлекать её Мартынов, дразнил Эмилию и называл Мартынова горцем с большим кинжалом.

Некоторые лермонтоведы утверждают, что Михаил Юрьевич ревновал Эмилию, но, судя по тому, что приехала Ида Мусина-Пушкина, петербургская его пассия, предпочтение Эмилии не могло его задевать. Жениться на ней он не собирался, да и вообще не думал жениться, так как не знал, дадут ли отставку или придётся несколько лет служить на Кавказе. Уверения, что он из мести написал:

За девицей Emilie

Молодёжь как кобели.

У девицы же Nadine

Был их тоже не один; — совершенно напрасны, поскольку девице Надин только-только исполнилось пятнадцать лет, а сочинять клевету Лермонтов не был способен.

Но то, что подтрунивал над Эмилией за её благосклонность к Мартынову, это так. «Он находил особенное удовольствие дразнить меня. Я отделялась, как могла, то шуткою, то молчанием, ему же крепко хотелось меня рассердить; я долго не поддавалась, наконец мне это надоело, и я однажды сказала Лермонтову, что не буду с ним говорить и прошу его оставить меня в покое».

Надо сказать, что впервые Лермонтов повстречался с ней ещё в детстве, когда бабушка привезла его на воды. «Я не знаю, кто была она, откуда, и поныне мне неловко как-то спросить об этом... Белокурые волосы, голубые глаза... нет; с тех пор я ничего подобного не видел или это мне кажется, потому что я никогда так не любил, как в тот раз... И так рано! В десять лет!» Это была Эмилия, но Лермонтов так и не узнал об этом. Да и она бы не вспомнила, если бы через несколько лет не прочитала его дневниковые записи: муж её, Аким Шан-Гирей, бережно хранил литературное наследство Лермонтова. Уже в XX веке дочь Эмилии, Евгения Акимовна, призналась лермонтоведам: «Эта девочка была моя мать, она помнит, как бабушка ходила в дом Хастатовых и водила её играть с девочками, и мальчик-брюнет вбегал в комнату, конфузился и опять убегал, и девочки называли его Мишель».

13 июля, как намечалось, молодёжь собралась в доме Верзилиных.

«Я не говорила и не танцевала с Лермонтовым, потому что в этот вечер он продолжал свои поддразнивания. Тогда, переменяв тон насмешки, он сказал мне:

— Мадемуазель Эмилия, прошу вас на один только тур вальса, последний раз.

— Ну уж так и быть, в последний раз пойдёмте.

Михаил Юрьевич дал слово не сердить меня больше, и мы, провальсировав, уселись мирно разговаривать. К нам присоединился Л. С. Пушкин, который тоже отличался злоязычием, и принялись они вдвоём острить свой язык наперебой. Несмотря на мои предостережения, удержать их было трудно. Ничего злого особенно не говорили, но смешного много; но вот увидели Мартынова, разговаривающего очень любезно с младшей сестрой моей Надеждой, стоя у рояля, на котором играл князь Сергей Трубецкой. Не выдержал Лермонтов и начал острить на его счёт, называя его «горец с большим кинжалом». Надо же было так случиться, что когда Трубецкой ударил последний аккорд, слово «кинжал» раздалось по всей зале. Мартынов побледнел, закусил губы, глаза его сверкнули гневом; он подошёл к нам и голосом весьма сдержанным сказал Лермонтову:

— Сколько раз просил я вас оставить свои шутки при дамах! — и так быстро от-
вернулся и отошёл прочь, что не дал и опомниться Лермонтову, а на моё замечание:
«Язык мой — враг мой», Михаил Юрьевич отвечал спокойно: «Это ничего, завтра мы
будем добрыми друзьями».

Танцы продолжались, и я думала, что тем кончилась вся ссора. На другой день
Лермонтов и Столыпин должны были ехать в Железноводск. После уж рассказывали
мне, что когда выходили от нас, то в передней же Мартынов повторил свою фразу, на
что Лермонтов спросил: «Что ж, на дуэль, что ли, вызовешь меня за это?» Мартынов
ответил решительно: «Да», — и тут же назначил день».

Во флигеле Верзилиных вместе с Глебовым и Мартыновым жил Николай Раев-
ский. За отличие в штурме крепости Ахульго, где находился Шамиль, он был награж-
дён орденом святого Владимира 4 степени, произведён в поручики, участвовал в Че-
ченском походе 1840 года, но больше служить не захотел. Раевскому было 22 года,
Глебову — 21. После ссоры в верзилинском доме, они стали думать, как бы собраться
всем вместе и помирить недавних друзей. «Но ни тогда, ни после, до самой той мину-
ты, когда мы узнали, что всё уже кончено, нам и в голову не приходили какие бы то
ни было серьёзные опасения. Думали, так себе, повздорили приятели, а после и поми-
рятся. Только хотелось бы, чтоб поскорее всё это кончилось, потому что мешала их
ссора нашим увеселениям. На другое утро собрались мы в нашей с Глебовым комнате.
Пришёл и поручик Руфин Иванович Дорохов, знаменитый тем, что в 14-ти дуэлях
участие принимал. Как человек опытный, он дал совет:

— В таких случаях принято противников разлучать на некоторое время. Раздраже-
ние пройдёт, а там, Бог даст, и сами помирятся.

Мы согласились. Столыпин сейчас же пошёл в рабочую комнату, где Михаил
Юрьевич чем-то был занят. Говорили они довольно долго, а мы сидели и ждали.

Столыпин нам после рассказывал, как было дело. Он, как только вошёл к нему,
стал его уговаривать и сказал, что мы бы все рады были, кабы он уехал.

— Мало тебе и без того неприятностей? Только что эта история с Барантом, а тут
опять. Уезжай ты, сделай милость!

Михаил Юрьевич не рассердился.

— Изволь, — говорит, — уеду, и всё сделаю, как вы хотите.

И сказал он тут же, что в случае дуэли, Мартынов пускай делает, как знает, а сам
он целить не станет. «Рука, — сказал, — на этого дурака не поднимется».

Как Столыпин рассказал нам всё это, мы обрадовались. Велели лошадей седлать,
и уехал наш Михаил Юрьевич в Железноводск. Устроили мы это дело, да и подумали,
что конец, — и с Мартыновым всякие предосторожности оставили. Ан и вышло, что
маху дали. Пошли к нему, стали его убеждать, а он сидит угрюмый.

— Нет, — говорит, — господа, я не шучу. Я много раз его просил прежде, как друга;
а теперь уж от дуэли не откажусь.

Мы, как ни старались, ничего не помогло. Так и разошлись. Предали всё
в руки времени. Авось-де он это так сгоряча, а после, может, и обойдётся»
(Н. П. Раевский).

Уезжая в Железноводск, Лермонтов по пути заглянул к Екатерине Быховец, при-
глашая ехать вместе с ним, но она обещала прибыть на другой день. Возле дома, где
квартировала семья Арнольди, Михаил Юрьевич увидел Александра, что-то рисую-
щего перед открытым окном. Остановился на минуту. Арнольди сказал, что его маче-
ха и сестра перебрались в Железноводск, и завтра он собирается их навестить.

В отсутствие Лермонтова друга, по словам Раевского, старались склонить Мар-
тынова к мировой. Однако Мартынов уже знал, что Лермонтов не будет в него

стрелять. Знал и то, что если убьёт поэта, наказание будет не строгим: государь давно недоволен Лермонтовым.

«Мартынов развеселился, о прошлом ни слова не поминает; стали подумывать о том, как бы изгнанника нашего из Железноводска вернуть: скучно ему там одному. Собрались мы опять. И Манзей тут был, и Руфин Дорохов, и князь Васильчиков. А тут и Мартынов жалуется. Без всяких предисловий нас так и огорошил:

— Что ж, господа, скоро ли ожидается благополучное возвращение из путешествия? Я уж давно дожидаюсь. Можно бы понять, что я не шучу!

Тут кто-то из нас и спросил:

— Кто же у вас секундантом будет?

— Да вот, — отвечает, — я был бы очень благодарен князю Васильчикову, если б он согласился сделать мне эту честь! — И вышел.

А Дорохов опять своё слово вставил:

— Можно, господа, так устроить, чтобы секунданты постановили какие угодно условия.

Мы и порешили, чтобы они дрались в 30-ти шагах и чтобы Михаил Юрьевич стоял выше, чем Мартынов. Вверх труднее целить».

О тридцати шагах Раевский написал уже много лет спустя, прочитав в прессе воспоминания Васильчикова, где тот нагло лжёт, указывая на тридцать шагов. Секунданты назначили шесть шагов, и противники могли стрелять трижды. Когда Мартынов был уже под следствием, Глебов с Васильчиковым написали ему: «Покамест не упоминай об условии трёх выстрелов; если позже будет о том именно запрос, тогда делать нечего, надо будет сказать всю правду». Инициатором убийства был Васильчиков, и это подтверждает сам Раевский: «Князь Васильчиков сказал Мартынову, что будет его секундантом с условием, чтобы никаких возражений ни со стороны его самого, ни со стороны его противника не было. Посланные так и сказали Михаилу Юрьевичу. Он ответил, что согласен, повторил только, что целить не будет, на воздух выстрелит, и тут же попросил Глебова быть у него секундантом».

Васильчиков знал, что гордость не позволит Лермонтову отклонить условия дуэли.

Рано утром 15 июля Екатерина Быховец, как и обещала Лермонтову, в компании Льва Пушкина, Дмитревского и ещё нескольких человек отправилась в Железноводск. «На половине дороги в колонии мы пили кофе и завтракали. Как приехали на Железные, Лермонтов сейчас прибежал; мы пошли в рощу и все там гуляли. Я всё с ним ходила под руку. Он при всех был весел, шутил, а когда мы были вдвоём, он ужасно грустил, говорил мне так, что сейчас можно догадаться, но мне в голову не приходила дуэль. Я знала причину его грусти и думала, что всё та же, — он был страстно влюблён в Варвару Александровну Бахметеву; она ему была кузина; он и меня оттого любил, что находил в нас сходство, и об ней его любимый разговор был. Я уговаривала его, утешала, как могла, и с полными глазами слёз он меня благодарил, что я приехала. В колонии обедали. Уезжавши, он целует несколько раз мою руку и говорит:

— Cousine, душенька, счастливее этого часа не будет больше в моей жизни.

Я ещё над ним смеялась; так мы и отправились. Это было в пять часов».

В тот день, проехав Шотландку, Арнольди увидел перед одним из домов торопливые приготовления хозяев к какому-то пикнику, но не обратил на это внимания. Он торопился в Железноводск, так как огромная чёрная туча нагоняла его от Пятигорска, и крупные капли дождя падали на ярко освещённую местность. Навстречу Александру Арнольди попались Столыпин и Глебов на беговых дрожках. «Глебов правил, а Столыпин с ягдташем и ружьём через плечо имел пред собою что-то покрытое платком. На вопрос мой, куда они едут, они отвечали мне, что на охоту, а я ещё посоветовал

им убить орла, которого неподалёку оттуда заметил на копне сена. Не подозревая того, что они едут на роковое свидание Лермонтова с Мартыновым, я приударил коня и пустился от них вскачь, так как дождь усилился. Несколько далее я встретил извозчицы дрожки с Дмитриевским и Лермонтовым и на скаку поймал прощальный взгляд его... последний в жизни» (А. И. Арнольди).

«Что-то покрытое платком» был ящик с дуэльными пистолетами Кухенройтера, теми, из которых стрелялись Лермонтов с де Барантом и принадлежавшие Монго. Пистолеты с кремнево-ударными запалами.

Через несколько лет Глебов расскажет Акиму Шан-Гирею: «Всю дорогу из Шотландки до места дуэли Лермонтов был в хорошем расположении духа. Никаких предсмертных распоряжений я от него не слышал. Всё, что он высказал за время переезда, это сожаление, что не мог получить увольнения от службы в Петербурге, и что ему в военной службе едва ли удастся осуществить задуманный труд. „Я выработал уже план двух романов“, — говорил он».

Выходит, нагнав Столыпина с Глебовым, Лермонтов пересел к ним в дрожки, а Дмитриевский поехал к месту дуэли один.

Дуэль состоялась в седьмом часу вечера по левой стороне горы Машук. Врача не было. Секунданты отмерили барьер в шесть шагов, противники встали на крайних точках. По условию дуэли каждый из них имел право стрелять, когда ему вздумается, стоя на месте или подходя к барьеру.

Кто были действительными секундантами, не выяснено. Глебов не мог бы кричать: «Стреляйте, или я вас разведу...» Мог кричать только Столыпин. На дуэли Лермонтова с Барантом он так же, продрогнув, злился. Он, вероятно, надеялся, что Мартынов выстрелит в воздух.

Единственный, кто оставил воспоминания о дуэли — это Васильчиков, но верить ему не приходится:

«Мы отмерили с Глебовым 30 шагов; последний барьер поставили на 10-ти и, разведя противников на крайние дистанции, положили им сходить к каждому на 10 шагов по команде: „Марш!“ Лермонтов остался неподвижен и, взведя курок, поднял пистолет дулом вверх, заслоняясь рукой и локтем по всем правилам опытного дуэлиста».

Опытным дуэлянт Лермонтов не был, так как стрелялся второй раз в жизни. Курок не взводил, поскольку уже объяснил, что не будет стрелять. Пистолет держал в опущенной руке, потому что поднимать пистолет было незачем. (На другой день после дуэли Васильчиков назвал следственной комиссии расстояние в 15 шагов, сознавая, что в 30 шагов да плюс 10 шагов, где стоял Лермонтов, никто не поверит.)

«В эту минуту, и в последний раз, я взглянул на Лермонтова и никогда не забуду того спокойного, почти весёлого выражения, которое играло на лице поэта перед дулом пистолета, уже направленного на него. Мартынов быстрыми шагами подошёл к барьеру. Противники столь долго не стреляли, что кто-то из секундантов заметил: „Скоро ли это кончится?“ Мартынов взглянул на Лермонтова — на его лице играла насмешливая, полупрезрительная улыбка... Мартынов спустил курок. Раздался роковой выстрел. Лермонтов упал, как будто его скосило на месте, не сделав движения ни взад, ни вперёд, не успев даже захватить большое место, как это обыкновенно делают люди раненные или ушибленные. Мы подбежали...»

Причиной заминки было, очевидно, то, что в Мартынове, как и Грушницком, началась борьба: выстрелить или нет? «Я решил предоставить все выгоды Грушницкому; я хотел испытать его; в душе его могла проснуться искра великодушия, и тогда

все устроилось бы к лучшему; но самолюбие и слабость характера должны были торжествовать» (*М. Ю. Лермонтов, «Герой нашего времени»*).

Для удовлетворения своего самолюбия Мартынов мог выстрелить в руку или ногу противника, но он убил в упор. И в этот момент начался ливень.

«Он едва дышал; пуля пробила руку и правый бок. По увещанию секундантов, Мартынов подошёл к Лермонтову и сказал: „Прости, Лермонтов!“ Последний хотел что-то сказать, повернулся и умер со своей ужасною погубившею его улыбкою» (*А. И. Васильчиков*).

Впоследствии в разговоре с Висковатовым Васильчиков дополнил свой рассказ:

«Вероятно, вид торопливо шедшего и целившегося в него Мартынова, вызвал в поэте новое ощущение. Лицо приняло презрительное выражение, и он, всё не трогаясь с места, вытянул руку кверху, по-прежнему кверху же направляя дуло пистолета».

Не было на лице Лермонтова насмешливой, полупрезрительной улыбки, которая бы вызвала раздражение Мартынова! Лермонтов только пристально наблюдал: осталась ли в «друге» хоть капля человеческого чувства? Потому и случилась заминка: Мартынов не сразу решился на выстрел. И руку Лермонтов вверх не вытягивал, ибо сказал уже, что не будет стрелять. «Лермонтов упал, как будто его скосило на месте», «хотел что-то сказать, повернулся и умер со своей ужасною погубившею его улыбкою». Ложь! Пуля разворотила ему внутренности, и в таком состоянии уже невозможно движение, а тем более, какая-либо улыбка.

«Хотя признаки жизни уже, видимо, исчезли, но мы решили позвать доктора, — продолжает Васильчиков. — По предварительному нашему приглашению присутствовать при дуэли, доктора, к которым мы обращались, все наотрез отказались. Я поехал верхом в Пятигорск, заезжал к двум господам медикам, но получил такой же ответ, что на место поединка по случаю дурной погоды (шёл проливной дождь) они ехать не могут, а приедут на квартиру, когда привезут раненого. Когда я возвратился, Лермонтов уже мёртвый лежал на том же месте, где упал; около него Столыпин, Глебов и Трубецкой. Мартынов уехал прямо к коменданту объявить о дуэли».

Лжёт! О присутствии медика на дуэли сразу не было речи. Мартынов выстрелил, и Лермонтов упал, как подкошенный. С перепугу все бросились наутёк. Бежали на дрожках, а не верхом — не было верховых лошадей. Бросили Глебова с телом убитого, крикнув ему, очевидно, что едут за доктором, и умчались. Почему именно Глебова — он был в компании самым безродным, и значит, незащищённым; один только Лермонтов относился к нему с любовью.

То, что не было верховых лошадей, свидетельствуют Арнольди, Глебов и Раевский:

«На полпути в Железноводск встретил Столыпина и Глебова на беговых дрожках; Глебов правил. Несколько далее я встретил извозчицы дрожки с Дмитриевским и Лермонтовым».

«Всю дорогу из Шотландки до места дуэли Лермонтов был в хорошем расположении духа. Никаких предсмертных распоряжений я от него не слышал».

«После обеда, видим, что Мартынов с Васильчиковым выехали из ворот на дрожках». (Вероятно, и Трубецкой вместе с ними).

О том, что были повозки, запротоколировала на другой день следственная комиссия, выехавшая на место дуэли: на земле остались отпечатки колёс. Три повозки стояли, и ни в одной не нашлось места поэту, чтобы в городе тотчас представить врачу. Но даже пусть кто-то приехал на лошади. Разве нельзя было тело перекинуть через седло и вести лошадь на поводу? Ведь именно так раненых перевозили с поля боя.

«Видим, едут Мартынов и князь Васильчиков. Мы к ним навстречу бросились. Николай Соломонович никому ни слова не сказал и, темнее ночи, к себе в комнату

прошёл, а после прямо отправился к коменданту Ильяшенко и всё рассказал ему. Мы с расспросами к князю, а он только и сказал: „Убит!“ Мы чуть не рехнулись от неожиданности» (Н. П. Раевский).

Значит, Васильчиков прибыл вместе с Мартыновым. А как же тогда его уверения: «Я поскакал верхом в Пятигорск, заезжал к двум господам медикам... около Лермонтова остались Столыпин, Глебов и Трубецкой. Мартынов уехал прямо к коменданту объявить о дуэли».

Раевский пишет, что Мартынов из дома отправился к коменданту, но вот что ответил Мартынов на вопрос следственной комиссии, по чьему приказанию, и в какое время тело убитого перевезено было с места дуэли на его квартиру: «Мне неизвестно, в какое время взято тело убитого поручика Лермонтова. Простившись с ним, я тотчас же возвратился домой; послал человека за своей черкеской, которая осталась на месте происшествия, чтобы явиться в ней к коменданту. Об остальном же и до сих пор ничего не знаю».

Он бедный, когда убежал, даже черкеску свою позабыл. По городу ходил слух, что Мартынов хотел улизнуть к черкесам, но по дороге был схвачен. Кстати, черкеска была у него не одна, незачем в ливень и ночь посылать «человека», но он, вероятно, боялся оставить свой след. И, может быть, слух справедлив, что с перепугу Мартынов кинулся под защиту врагов.

Глебов сидел один под проливным дождём, но всё-таки взял на колени голову Лермонтова, и в этот момент Лермонтов вздохнул. Глебова охватил ужас! Может быть, жив? Покрыв тело поэта своей шинелью, Глебов побежал в город. Об этом он сам рассказал Акимю Шан-Гирею.

А вот показания следственной комиссии Ивана Козлова — слуги Мартынова:

«Мною привезено со степи в расстоянии от города в 4-х верстах тело убитого поручика Лермонтова с помощью кучера Ивана Вертюкова в десять или же в одиннадцатом часу ночи, по приказанию приехавшего оттоль корнета Глебова».

То есть о перевозке тела волновался Глебов, сам не свой примчавшись с места дуэли (возможно, попросил в первых домах Пятигорска коня, чтобы быстрее). И привезли Михаила Юрьевича слуга Лермонтова Иван Вертюков и слуга Мартынова Иван Козлов. Лучший друг Лермонтова, близкий родственник — Монго, захватив свои пистолеты, сбежал в Железноводск, так как это была вторая дуэль с его участием, а ко всему — император его ненавидел: Монго был признан самым красивым мужчиной Петербурга, и вынести это император не мог, считая себя первым красавцем.

Куда убежал Трубецкой, неизвестно, может быть, вместе с Монго, поскольку тоже боялся: ему бы припомнили мнимоумершего графа А. М. Борха, которого они хоронили всем полком под траурный марш полкового оркестра. Да много чего бы припомнили!

Но князь Васильчиков врал, где только мог: «Столыпин и Глебов уехали в Пятигорск, чтобы распорядиться перевозкой тела, а меня с Трубецким оставили при убитом. Как теперь помню странный эпизод этого рокового вечера; наше сиденье в поле при трупке Лермонтова продолжалось очень долго, потому что извозчики, следуя примеру храбрости господ докторов, тоже отказались один за другим ехать для перевозки тела убитого. Наступила ночь, ливень не прекращался... Вдруг мы услышали дальний топот лошадей по той же тропинке, где лежало тело, и, чтобы оттащить его в сторону, хотели его приподнять; от этого движения, как обыкновенно случается, спёртый воздух выступил из груди, но с таким звуком, что нам показалось, что это живой и болезненный вздох, и мы несколько минут были уверены, что Лермонтов ещё жив. Наконец, часов в одиннадцать ночи, явились товарищи с извозчиком,

наряжённым, если не ошибаюсь, от полиции. Покойника уложили на дроги, и мы проводили его все вместе до общей нашей квартиры».

Какова же тогда вера Васильчикову в его воспоминаниях о Лермонтове: «Он был шалун... например, когда к обеду подавали блюдо, которое он любил, то он с громким криком и смехом бросался на блюдо, вонзал свою вилку в лучшие куски, опустошал все кушанье и часто оставлял всех нас без обеда». Получается, что у Лермонтова был не желудок, а курдюк. «Обедая каждый день в Пятигорской гостинице, он выдумал ещё следующую проказу. Собирая столовые тарелки, он сухим ударом в голову слегка их надламывал, но так, что образовывалась только едва заметная трещина, а тарелка держалась крепко, покуда не попадала при мытьё посуды в горячую воду; тут она разом расплзлась, и несчастные служители вынимали из лохани вместо тарелок груды лома и черепков. Разумеется, что эта шутка не могла продолжаться долго, и Лермонтов поспешил сам заявить хозяину о своей виновности и невинности при-слуги и расплатился щедро за свою забаву».

Что сказать о Васильчикове? Придумать, что Лермонтов собирал со стола грязные тарелки и бил их о свою голову, мог только дурак. Прозорливый Лермонтов не сразу понял Васильчикова, а может быть, списывал кое-что на его юный возраст. Но когда понял, то «князю Ксандру» не поздоровилось:

*Велик князь Ксандр, и тонок, гибок он,
Как колос молодой,
Луной сребристой ярко освещён,
Но без зерна — пустой.*

В четырёх строчках Лермонтов сказал всё. Этот, едва переступивший порог своего двадцатилетия кандидат прав, имея возможность, как сын председателя Государственного совета, сделать блестящую карьеру, «принял приглашение» ехать на Кавказ к барону Гану для введения там нового административного устройства. В действительности папаша выхлопотал ему это место. Миссия Гана не удалась, и Александр Васильчиков был отправлен в отпуск, оказавшись в Пятигорске.

Но послушаем дальше Николая Раевского:

«Полковник же Зельмиц, как услышал о смерти Лермонтова, — бегом к Марии Ивановне Верзилиной и кричит:

— Ваше превосходительство, наповал!

А та, ничего не зная, ничего и не поняла сразу, а когда уразумела, в чём дело, так, как сидела, на пол и свалилась. Барышни её услышали, — и что тут поднялось, так и описать нельзя. Приехал Глебов, сказал, что покрыл тело шинелью своею, а сам под дождём больше ждать не мог».

Ещё одно доказательство, что с Лермонтовым оставался только Глебов.

А вот что пишет Эмилия Верзилина (Клингенберг):

«Собираться в сад должны были в шесть часов; но вот с четырёх начинает накрапывать мелкий дождь. Надеюсь, что он пройдёт, мы принарядились, а дождь всё сильнее да сильнее и разразился ливнем с сильнейшей грозой. Приходит Дмитревский и, видя нас в вечерних туалетах, предлагает позвать *этих господ* всех сюда и устроить свой бал».

Лжёт! Не до балов Дмитревскому было!

«Не успел он докончить, как вбегает в залу полковник Зельмиц (он жил в одном доме с Мартыновым и Глебовым) с растрёпанными длинными седыми волосами, с испуганным лицом, размахивает руками и кричит: „*Один наповал, другой под арестом!*“

Мы бросились к нему — что такое, кто напавал, где? „Лермонтов убит!“ Такое известие, и столь внезапное, до того поразило матушку, что с ней сделалась истерика; едва могли её успокоить. От Дмитревского узнали мы подробнее, что случилось».

Верзилина, таким образом, подтверждает, что Дмитревский был на дуэли.

«Когда мы несколько пришли в себя от такого тревожения, — продолжает она, — переоделись и, сидя у открытого окна, смотрели на проходящих, то видели, как проскакал Васильчиков к коменданту и за доктором; позднее провели Глебова под караул на гауптвахту. Мартынова же, как отставного, посадили в тюрьму, где он провёл ужасных три ночи в сообществе двух арестантов, из которых один всё читал псалтырь, а другой произносил страшные ругательства. Это говорил нам сам Мартынов впоследствии».

Лжёт! Никуда Васильчиков не скакал, он затаился в своей квартире и пришёл к коменданту на другой день, да и то уже вынужденно. Глебова не вели под караулом, он сам отдался в руки Ильяшенкову. Мартынов был арестован позднее.

«Комендант Ильяшенков, когда Глебов явился к нему после дуэли и, рассказав о печальном событии, просил арестовать, до такой степени растерялся, что не знал, что делать. Расспрашивая Глебова о происшествии, он суетился, бегал из одной комнаты в другую, делал совершенно неуместные замечания; наконец послал за плац-адъютантом и, переговорив с ним, приказал арестовать Мартынова» (*Служащий Пятигорской военной комендатуры В. И. Чиляев*).

Пятигорского Окружного НАЧАЛЬНИКА
№ 1351, 16 Июля 1841 г.

Пятигорскому плац-майору господину подполковнику Унтилову.

Лейб-гвардии Конного полка корнет Глебов вчерашнего числа в вечеру пришед ко мне в квартиру, объявил, что отставной майор Мартынов убил на дуэли Тенгинского пехотного полка Поручика Лермонтова, и что эта дуэль происходила версты за четыре от города Пятигорска у подошвы горы Машухи.

Подлинное подписал: полковник Ильяшенков.

Тело Лермонтова привезли сначала к дому Чиляева, но Глебов уже доложил о дуэли коменданту, «и он приказал отвезти его на гауптвахту. Привезли на гауптвахту, возник вопрос: что с ним делать? Оказалось, что телу на гауптвахте не место, повезли его к церкви Всех Скорбящих (что на бульваре) и положили на паперти. Тут оно лежало несколько времени, и только ночью по чьему-то внушению тело было отвезено на квартиру» (В. И. Чиляев).

Александр Арнольди, вернувшись из Железноводска, узнал от своего слуги, что по соседству несчастье: Лермонтова привезли на дрожках раненого. Недоумевая, он поспешил к нему, но застал ставни и двери его квартиры на запоре.

Когда тело Михаила Юрьевича привезли с церковной паперти, слуги Лермонтова положили его на кровать, затем убрали рабочую комнату поэта и положили его на стол.

«Гвоздев, услышав о происшествии и не зная наверное, что случилось, в смутном ожидании отправился на квартиру Лермонтова и там увидел окровавленный труп поэта. Над ним рыдал его слуга. Все, там находившиеся, были в большом смущении. Грустно и больно было ему видеть бездыханным того, чья жизнь так много обещала! Невольно тогда приятелю моему пришли на память стихи убитого товарища: „Погиб поэт, невольник чести» (*А. М. Меринский*).

«Только утром я узнал, что Михаил Юрьевич привезён был уже мёртвым, что он стрелялся с Мартыновым, и, подобно описанному им фаталисту, кажется далёк был от мысли быть убитым, так как, не подымая пистолета, медленно стал приближаться к барьеру, тогда как Мартынов пришёл уже к роковой точке и целил в него» (А. И. Арнольди).

* * *

«Когда страшная весть о его кончине пронеслась по городу, я тотчас же отправился разыскивать его квартиру. Вхожу в сени, налево дверь затворенная, а направо, в открытую дверь, увидел труп поэта, покрытый простыней, на столе; под ним медный таз; на дне его адела кровь, которая за несколько часов ещё сочилась из груди его. Но вот что меня особенно поразило тогда: я ожидал тут встретить толпу поклонников погибшего поэта и, к величайшему удивлению моему, не застал ни одной души» (А. Чарыков).

Позже пришёл врач Барклай-де-Толли в сопровождении подполковника Унтилова, заседателя Черепанова, стряпчего Ольшанского и жандармского подполковника Кушинникова. Было произведено вскрытие тела.

«Пистолетная пуля, попав в правый бок ниже последнего ребра при срастании рёбер с хрящом, пробила правое и левое лёгкое, поднимаясь вверх, вышла между пятым и шестым ребром левой стороны и при выходе порезала мягкие части левого плеча» (*Медицинское заключение № 34, выданное 16 июля 1841 года ординатором Пятигорского военного госпиталя И. Е. Барклаем-де-Толли*).

Тем же составом, взяв с собой надзирателя Марушевского, Глебова и Васильчиков, которому всё же пришлось идти к коменданту, поехали осматривать место дуэли. Васильчиков указал, что стрелялись с 15 шагов.

Секунданты были допрошены в Пятигорском окружном суде.

На вопрос «кто из дуэлянтов сделал первый выстрел», Глебов ответил: «После первого выстрела, сделанного Мартыновым, Лермонтов упал, будучи ранен в правый бок на вылет, почему и не мог сделать своего выстрела». Васильчиков подтвердил: «Майор Мартынов выстрелил. Поручик Лермонтов упал уже без чувств и не успел дать своего выстрела».

Лгали оба.

На вопрос «какая причина была поводом к дуэли», ответили:

Глебов: «Поводом к дуэли были насмешки со стороны Лермонтова насчёт Мартынова, который, как говорил мне, предупреждал несколько раз Лермонтова, но, не видя конца его насмешкам, объявил Лермонтову, что он заставит его молчать, на что Лермонтов отвечал ему, что вместо угроз, которых он не боится, требовал бы удовлетворения».

Васильчиков: «В самый день ссоры, когда Майор Мартынов при мне подошёл к поручику Лермонтову и просил его не повторять насмешек для него обидных, сей последний отвечал что он не вправе запретить ему говорить и смеяться, что, впрочем, если обижен, то может его вызвать и что он всегда готов к удовлетворению. Вышеприведённые слова сего последнего как бы подстрекали к вызову».

Был допрошен Мартынов. На вопрос «какая причина была поводом к дуэли», ответил то же, что сказали Васильчиков и Глебов: сам он не хотел дуэли, но Лермонтов вынудил к ней. Прибавил ещё, что его выстрел в Лермонтова имел случайный характер.

(Как Лермонтов общался с этим бесчестными и трусливыми людьми?! Прав Пушкин: гении простодушны и доверчивы).

Город разделился на две партии: одна защищала Мартынова, другая, оправдывала Лермонтова. Было слышно даже несколько таких озлобленных голосов против Мартынова, что, не будь он арестован, ему бы несдобровать.

«На другой день я видел Лермонтова в его квартире на столе, в белой рубашке. Комната была пуста, и в углу валялась его канаусовая малиновая рубашка с кровавыми пятнами» (А. И. Арнольди).

«Я ещё не знал о смерти его, когда встретился с товарищем сибирской ссылки, Вигелиным, который, обратившись ко мне, вдруг сказал:

— Знаешь ли ты, что Лермонтов убит?

Ежели бы гром упал к моим ногам, я бы и тогда, думаю, был менее поражён, чем на этот раз. «Когда? Кем?» — мог только воскликнуть.

Мы оба с Вигелиным пошли к квартире покойника, и тут я увидел Михаила Юрьевича на столе, уже в чистой рубашке и обращённого головою к окну. Человек его обмахивал мух с лица покойника, а живописец Шведе снимал портрет с него масляными красками. Дамы — знакомые и незнакомые — и весь любопытный люд стали тесниться в небольшой комнате, а первые являлись и украшали безжизненное тело поэта цветами... (Н. И. Лорер).

Во дворе дома Чилыева стал собираться народ. Ходили смотреть на убитого — в основном из любопытства. Расспрашивали о причине дуэли. Никто ничего не знал наверняка. Заговорили о «ссоре двух офицеров из-за барышни». Называли то Эмилию, то Надежду Верзилиных, то Екатерину Быховец. Это хождение туда-сюда продолжалось до полуночи. Все говорили шёпотом, точно боялись, чтобы слова их не раздались в воздухе и не разбудили бы поэта, спавшего уже непробудным сном. На бульваре и музыка два дня не играла.

«А мы дома снуём из угла в угол как потерянные. Только уж часов в одиннадцать ночи (16 июля. — **Н. Б.**) приехал к нам комендант Ильяшенков, сказал, что гроб уж он заказал, и велел нам завтра пойти священника попросить. Мы уж и сами об этом подумывали, потому что знали, что бабушка поэта очень богомольная и никогда бы не утешилась, если б её внука похоронили не по церковным установлениям. На другой день Столыпин и я отправились к священнику единственной в то время православной церковки в Пятигорске (церковь Всех Скорбящих Радость). Встретила нас попадья, сказала, что слышала о нашем несчастье, поплакала, но тут же прибавила, что батюшки нет и что вернётся он только к вечеру. Мы стали её просить, целовали у неё ручки, чтобы уговорила она батюшку весь обряд совершить. Она нам обещала своё содействие, а мы, чтоб уж она не могла на попятный пойти, тут же ей и подарочек прислали, разных шёлков тогдашних, их, покупая, о цене не спрашивали.

Вернулись домой, а народу много набралось: и приезжие, и офицеры, и казачки из слободки. Принесли и гроб, и хорошо так его белым глазетом обили. Мы уж собрались тело в него класть, когда кто-то из публики сказал, что так нельзя, что надо сперва гроб освятить. А где нам святой воды достать! Да у кого-то из прислуги нашлась. Мы хотя, в гроб тело положивши, и пропели все хором «Святой Боже, святой крепкий...» и покрестились, но полагали, что этого недостаточно, и очень беспокоились об отсутствии священника.

Опять мы с Столыпиным пошли к священнику. Матушка-то его предупредила, но он всё же не сразу согласился, и пришлось Столыпину вместо 50-ти, 200 рублей ему пообещать. Однако батюшка всё настаивал на том, что по такой-то-де главе «Стоглава» дуэлисты причтены к самоубийцам и потому Михаилу Юрьевичу никакой

заупокойной службы не полагается и хоронить его следует вне кладбища. Боялся он очень от архиерея за это выговор получить. Мы стали уверять его, что архиерей не узнает, а он тут и говорит:

— Вот если бы комендант дал мне записочку, что в своём доносе он обо мне не упомянет, я был бы спокоен.

Мы попробовали у Ильяшенкова эту записочку для священника выпросить, но он сказал, что этого нельзя, а велел на словах передать, что хуже будет, когда узнают, что такого человека дали без заупокойных служений похоронить. Сказали мы это батюшке, Павлу Александровскому, а он опять заартачился. Однако когда ему ещё и икону обещали в церковь дать, он обещался прийти. А икона была богатая, в серебряной ризе и с камнями драгоценными, — одна из тех, которых бабушка Михаила Юрьевича ему целый иконостас надарила» (*Н. П. Раевский*).

Уговоры священника длились долго. «Руфин Дорохов горячился больше всех, просил, грозил и, наконец, терпение его лопнуло: он как буря накинудся на священника и непременно бы избил его, если бы не был насильно удержан Львом Пушкиным, князем Трубецким и другими» (*А. С. Гангеблов*).

Находившийся при этом священник Василий Эрастов пришёл в негодование, тайком забрал ключи от храма, запер его и скрылся.

«Отец Павел Александровский, хотя и получил разъяснение от следственной комиссии, что смерть Лермонтова не должна быть причислена к самоубийству, лишаящему умершего христианского погребения, всё же не смог отпеть поэта в церкви, Эрастов активно тому противился: забрав тайком ключи от храма, он скрылся, найти его не смогли.

Мы вернулись домой. Народу — море целое. Все ждут, а священника всё нет. Как тут быть? Вдруг из публики католический ксёндз, спасибо ему, вызвался.

— Отец Павел боится, — говорит, — а я не боюсь, и понимаю, что такого человека, как собаку, не хоронят. Давайте-ка я литию и панихиду отслужу.

Мы к этому были привычны, так как в поход с нами ходили по очереди то католический, то православный священник, поэтому с радостью согласились.

Когда он отслужил, то и лютеранский священник, тут бывший, гроб благословил, речь сказал и по-своему стал служить. Одного только православного батюшки при сём не было. Уж народ стал расходиться, когда он пришёл, и, узнавши, что священнослужители других вероисповеданий служили прежде него, отказался служить, так как нашёл, что этого довольно. Насилу мы его убедили, что на похоронах человека греко-российского вероисповедания полагается и служение православное» (*Н. П. Раевский*).

И всё-таки, отслужив панихиду, Александровский не вписал имя Лермонтова в церковно-метрическую книгу. Получилось, что Лермонтова похоронили без отпевания. (Через несколько месяцев Эрастов обвинит отца Павла в том, что в метрической книге нет записи об отпевании поручика Лермонтова, но похоронен поручик на кладбище, где не положено хоронить самоубийц).

Во время панихиды многие стояли в другой комнате, где лежал окровавленный сюртук поэта, и никому не пришло в голову сохранить его. За оградой дома народ волновался, Дорохов прямо называл Мартынова убийцей, были горячие головы, которые выражали желание мстить и вызвать Мартынова на дуэль! Плац-майор Унтилов несколько раз выходил из квартиры Лермонтова успокаивать толпу.

«В 4 или 5 часов пополудни, я, слышавши, что имеет быть погребено тело умершего поручика Лермонтова, пошёл, по примеру других, к квартире покойника, у ворот коей встретил большое стечение жителей Пятигорска и посетителей минеральных вод. Духовенство погребальным гласом начало пение: „Святыи Боже, святыи

крепкий, святой бессмертный, помилуй нас“, и с этим вместе медленно выходило из двора; за этим вслед было несено из комнат тело усопшего поручика Лермонтова» (*Коллежский секретарь Д. Рощановский, из показаний следственной комиссии*).

«При выносе же тела, когда увидел наш батюшка музыку и солдат, как и следует на похоронах офицера, он опять испугался.

— Уберите трубачей, — говорит, — нельзя, чтобы самоубийцу так хоронили» (*Н. П. Раевский*).

Люди шли за гробом так тихо, что слышен был шорох сухой травы под ногами. Потом стали коротко переговариваться; затем, не опасаясь больше паникёра отца Павла, полковой оркестр заиграл траурный марш. Погода стояла солнечная, тёплая. Непосредственно за гробом шли начальник Штаба войск Кавказской линии и Черномории Александр Степанович Траскин, комендант Пятигорской крепости Василий Иванович Ильяшенков, и свыше пятидесяти штаб- и обер-офицеров все в белых шарфах.

«В сопровождении целого Пятигорска, священника и музыки мы отнесли Михаила Юрьевича на руках в последнее его жилище. По странному стечению обстоятельств, на похоронах поэта случились представители всех тех полков, в которых служил покойный, так как там были С. Д. Безобразов — командир Нижегородского драгунского полка, А. Ф. Тиран — лейб-гусарского, я — Гродненского гусарского, и дядя мой Н. И. Лорер — Тенгинского пехотного полка. Дамы забросали могилу цветами, и многие из них плакали, а я и теперь ещё помню выражение лица и светлую слезу Иды Мусиной-Пушкиной, когда она маленькой своей ручонкой кидала последнюю горсточку земли на прах любимого ею человека» (*А. И. Арнольди*).

«Вы думаете, все плакали по Лермонтову? Все радовались» (*Священник Василий Эрастов*).

«Когда могилу засыпали, так тут же её чуть не разобрали: все бросились на память об Лермонтове камешков мелких с его могилы набирать. Потом долгое ещё время всем пятигорским золотых дел мастерам только и работы было, что вделывать в браслеты, серьги и брошки эти камешки. А кольца в моду вошли тогда масонские, такие, что с одной стороны гордиев узел, как тогда называли, а с другой камень с могилы Лермонтова. Тогда же Столыпин отдал батюшке и деньги, и икону; а мы тогда же черновую рукопись „Героя нашего времени“, оказавшуюся в столе в рабочей комнате Лермонтова, на память по листкам разобрали» (*Н. П. Раевский*).

На могилу был положен небольшой камень, как временный памятник, на котором значилось: «Поручик Тенгинского пехотного полка Михаил Юрьевич Лермонтов».

Александр Арнольди зарисовал дом в Кисловодске, где происходило действие повести «Княжна Мэри», веранду дома в Пятигорске, где они с Лермонтовым часто сидели вместе, и временную могилу Михаила Юрьевича.

У Арнольди хранилась картина маслом, написанная Лермонтовым — кавказский вид снеговых гор при закате солнца, а также черкесский пояс с серебряной «жерничкой» покойного, который он получил на память о поэте. Все эти вещи он передал через несколько лет генерал-майору Бильдерлингу в Лермонтовский музей, устроенный в школе юнкеров.

В юности Михаил Юрьевич мечтал о такой же судьбе, как у Байрона. И это сбылось. Его поэтический гений встал вровень с гением Байрона, заслужив мировую славу. Так же, как Байрон, он умер не в бою, хоть оба были уверены, что погибнут в сражении.

Как истинный друг человечества, уважавший и понимавший все народы и все религии, Михаил Юрьевич, пусть и невольно, но был отпет тремя священниками: католическим, лютеранским и православным. Это ли не протянутая к нему рука Бога! И первый, кто откликнулся стихами на его смерть, был осетинский поэт Коста Хетагуров.

* * *

Письмо П. Т. Полеводина к неустановленному лицу:

«Теперь 6-й день после печального события, но ропот не умолкает, явно требуют предать виновного всей строгости закона, как подлого убийцу. Пушкин Лев Сергеевич, родной брат нашего бессмертного поэта, весьма убит смертью Лермонтова, он был лучший его приятель. Уверяет, что эта дуэль *сделана против всех правил и чести*».

Москва первая узнала о смерти Лермонтова. Генерал Ермолов гневно воскликнул: «Уж я бы не спустил этому Мартынову! Если бы я был на Кавказе, я бы спровадил его; там есть такие дела, что можно послать, да вынувши часы считать через сколько времени посланного не будет в живых. И было бы законным порядком. Уж у меня бы он не отделался. Можно позволить убить всякого другого человека, будь он вельможа и знатный: таких завтра будет много, а этих людей не скоро дождётся».

Из письма А. Я. Булгакова П. А. Вяземскому. Москва, 31 июля.

«Не знаю, известно ли уже у вас в Петербурге о смерти Лермонтова. Он убит — и убит не черкесом, не чеченцем, а убит русским на дуэли. Сообщи тебе подробности, кои мне известны и кои слышал от Путяты. Мартынов подошёл к самому Лермонтову и выстрелил ему прямо в сердце. Удивительно, что секунданты допустили такой бесчеловечный поступок. Слышно также, что Мартынов хотел бежать в Одессу, а другие говорят, что к горцам, как будто Одесса не та же Россия. Секунданты на гауптвахте, а Мартынов посажен в острог. Армия закавказская оплакивает потерю храброго своего офицера, а Россия одного из лучших своих поэтов. Не стало Лермонтова!..»

Из письма П. А. Вяземского А. Я. Булгакову:

«В нашу поэзию стреляют удачнее, нежели в Людвиг-Филиппа. Второй раз не дают промаха. Да, сердечно жаль Лермонтова, особенно узнавши, что он был так бесчеловечно убит. На Пушкина целила, по крайней мере, французская рука, а русской руке грешно было целить в Лермонтова».

«Государь по окончании литургии в дворцовой церкви, войдя во внутренние покои кушать чай со своими, громко сказал: „Получено известие, что Лермонтов убит на поединке. Собаке — собачья смерть!“ Сидевшая за чаем великая княгиня Мария Павловна вспыхнула и отнеслась к этим словам с горьким укором. Государь внял сеestre своей (на десять лет его старше) и, вошедши назад в комнату перед церковью, где ещё оставались бывшие у богослужения лица, сказал: „Господа, получено известие, что тот, кто мог заменить нам Пушкина, убит« (М. В. Воронцова).

Командующий войсками Кавказской линии и Черномории П. Х. Граббе — начальнику штаба войск Кавказской линии и Черномории А. С. Траскину:

«Несчастливая судьба нас, русских. Только явится между нами человек с талантом — десять пошляков преследуют его до смерти».

Аудитор начальника штаба войск — командиру Кавалергардского полка: «Надо вам рассиропить историю полка, а то ведь у вас только два убийцы — Дантес и Мартынов».

* * *

О смерти любимого Мишеньки Елизавета Алексеевна узнала спустя почти месяц: из Москвы приехал Алексей Лопухин. По его убитому виду Арсеньева всё поняла. Велела пустить ей кровь. И уже после попросила Лопухина сказать всю правду. Тихо, покорно приняла она страшную весть. У неё в это время жила Мария Акимовна Шан-Гирей, собираясь вместе с Акимом ехать в Тарханы, и Елизавета Алексеевна решила уехать с ними.

Варенька Лопухина слегла, узнав о смерти Лермонтова.

«Последние известия о моей сестре Бахметевой поистине печальны. Она вновь больна, её нервы так расстроены, что она вынуждена была провести около двух недель в постели, настолько была слаба. Муж предлагал ей ехать в Москву — она отказалась, за границу — отказалась, и заявила, что решительно не желает больше лечиться. Быть может, я ошибаюсь, но я отношу это расстройство к смерти Мишеля, поскольку эти обстоятельства так близко сходятся, что это не может не возбудить известных подозрений (М. А. Лопухина, из письма Верещагиной).

У Елизаветы Алексеевны отнялись ноги. Запретила при ней произносить не только имя внука, но даже слово «поэт».

Кое-как она добралась до Тархан, где Мария Акимовна объявила о смерти Михаила Юрьевича. Страшный плач стоял по селу! От всеобщего неподдельного горя с Арсеньевой случился припадок. После того стало резко снижаться зрение. Все вещи, тетради, игрушки внука она раздала, — их вид вызывал у неё бурные слёзы. Псалтырь, на обложке которого десятилетний Миша написал: «Сия книга принадлежит М. Lermantoff. М. Лермантов», Арсеньева подарила Акиму Шан-Гирею. «Екиму Павловичу Шан-Гирей. Знаю, что тебе приятна будет эта книга — она принадлежала тому, кого ты любил. Читай её, мой друг. Е. А. 1841». На том же листе Шан-Гирей написал: «Лермонтов 15-го июля 1841 убит на дуэли».

Образ Спасы Нерукотворного, которым её благословил ещё дед, и которому она ежедневно молилась о здравии Мишеньки, Арсеньева велела отнести в церковь, сказав: «И я ли не молилась этому образу, а он всё-таки его не спас...»

Всеми силами она теперь добивалась вернуть тело внука в Тарханы.

* * *

Михаил Глебов, как военный, был поначалу посажен на гауптвахту, но почти сразу, принимая во внимание, что его рана ещё в опасности, отправлен под домашний арест. Васильчиков тоже выпросил относительную свободу: «Меня перевели по моей просьбе в Кисловодск, потому что нарзан мне необходим. Я живу здесь в слободке скромно, вдвоём с Столыпным. Меня выпускают в ванны и на воды с часовым».

Глебов больше всех переживал за своё участие в дуэли. Сын мелкопоместного дворянина, без связей, он знал, что ему не избежать сурового наказания, в то время как Васильчиков, сын председателя Государственного совета, отделается легко. Догадывался, что осторожный Мартынов не стал бы убивать Лермонтова, если бы не имел надежды на заступничество. Глебов теперь прилагал все усилия, чтобы выкрутиться.

Мартыновым и секундантами занималось жандармское министерство, вёл допросы подполковник Кушинников, усиленно добиваясь: была ли дуэль по всем правилам, или было убийство? И ещё один человек добивался того же — плац-майор Унтилов.

Мартынов и секунданты имели возможность переписываться, и Глебов наставлял Мартынова: «Посылаем тебе брульон 8-й статьи. Ты к нему можешь прибавить по своему уразумению; но это сущность нашего ответа. Прочие ответы твои совершенно согласуются с нашими, исключая того, что Васильчиков поехал верхом на своей лошади, а не в дрожках беговых со мной. Ты так и скажи. Лермонтов же поехал на моей лошади: так и пишем».

Как ни вертели Мартынов и секунданты, выгораживая себя, Унтилов им не верил. Почувствовав это, Мартынов решил признаться: «По условию дуэли, каждый из нас имел право стрелять когда ему вздумается, стоя на месте или подходя к барьеру. Я первый пришёл на барьер; ждал несколько времени выстрела Лермонтова, потом спустил курок».

Свои показания он переправил Васильчикову и Глебову. Друзья разошлись: «Признаться тебе, твоё письмо несколько было нам неприятно. Я и Васильчиков не только по обязанности защищаем тебя везде и во всём, но и потому, что не видим ничего дурного с твоей стороны в деле Лермонтова и приписываем этот выстрел несчастному случаю (все это знают, судьба так хотела, тем более, что ты в третий раз в жизни своей стрелял из пистолета; второй, когда у тебя пистолеты рвало в руке, и этот третий), и совсем не потому, чтобы ты хотел пролить кровь, в доказательство чего приводим то, что ты сам не походил на себя, бросился к Лермонтову в ту секунду, как он упал, и простился с ним. Что же касается до правды, то мы отклоняемся только в отношении Трубецкого и Столыпина, которых имена не должны быть упомянуты ни в каком случае».

Все трое уверяли следственную комиссию в виновности Лермонтова: он привязывался к Мартынову с самого приезда в Пятигорск, на вечере у Верзилиных смеялся над ним, и когда Мартынов его попросил прекратить, он ответил: «Ты не можешь мне запретить говорить про тебя то, что я хочу».

Допрошенные слуги Мартынова и Лермонтова в один голос уверяли, что никаких ссор или размолвок между Лермонтовым и Мартыновым не было «жили дружно, и даже в тот день, 15 июля, никаких ссор не происходило».

Окружной суд обратился к Мартынову с вопросами: «Ваши ли были размерен барьер или же секундантами и по вашему ли с Лермонтовым согласию было назначено это расстояние для выстрела? Чьи были пистолеты и заряды и сами ли вы заряжали оные или кто другой? Не заметили ли вы у пистолета Лермонтова осечки или он выжидал вами произведённого выстрела, и не было ли употреблено с вашей стороны или секундантов намерения к лишению жизни Лермонтова?»

Узнав об этих вопросах, Васильчиков перепугался: «Непременно и непременно требуй военного суда. Гражданским тебя замучат. Полицмейстер на тебя зол, и ты будешь у него в лапках. Проси коменданта, чтобы он передал твоё письмо Траскину. Столыпин судился (после дуэли Лермонтова с Барантом. **Н. Б.**) военным судом».

Мартынов ответил: «Узнай от Столыпина, как он это сделал? Комендант был у меня сегодня; очень мил, предлагал переменить тюрьму, продолжить лечение и впускать ко мне всех знакомых и проч. А bestия стряпчий пытал меня, не проболтаюсь ли. Когда увижу тебя, расскажу, в чём».

Исполняющий должность стряпчего Пятигорска Ольшанский был уверен, что дуэли не было, было убийство. «... Для Ольшанского ясно, что поединка, как такового, не было». (Из анализа материалов следствия).

...Здесь нужно вернуться к медицинскому заключению, выданному 16 июля 1841 года ординатором Пятигорского военного госпиталя И. Е. Барклаем-де-Толли: «Пистолетная пуля, попав в правый бок ниже последнего ребра при

срастании рёбер с хрящом, пробила правое и левое лёгкое, поднимаясь вверх, вышла между пятым и шестым ребром левой стороны и при выходе порезала мягкие части левого плеча».

В семидесятые годы 20-го века в печати появились предположения, что выстрел был сделан одним из казаков, сидевших в засаде, нанятым чуть ли не государем, — иначе бы пуля прошла напрямую, а не под углом в 35 градусов. Было и такое предположение: Лермонтов подъехал верхом на условленное место, но не успел слезть с седла, как стоявший на земле Мартынов выстрелил в упор снизу-вверх; отсюда и траектория полёта пули.

Однако у офицеров, бывших в то время в Пятигорске, таких подозрений не возникло, хотя все они были осведомлены о медицинском заключении Барклая-де-Толли. Не возникло таких подозрений и у комиссии, проводившей расследование, так как для круглых свинцовых пуль, тем более выпущенных из пистолета, возможен любой раневой канал из-за маленькой энергии и низкой стабильности.

Стряпчий Ольшанский, убеждённый, что поединка, как такового, не было, имел в виду отказ Лермонтова стрелять (о чём уже знал весь Пятигорск). По подсказке Васильчикова, Мартынов отправил письмо Бенкендорфу: «Сиятельнейший граф, милостивый государь. Бедственная история моя с Лермонтовым заставляет меня утруждать Вас всепокорнейшею просьбою. По этому делу я передан теперь гражданскому суду. Служивши постоянно до сих пор в военной службе, я свыкся с ходом дел военных ведомств и властей и потому за счастье почёл бы быть судимым военными законами. Не оставьте, Ваше Сиятельство, просьбу мою благословенным вниманием. Я льщу себя надеждою на милостивое ходатайство Ваше, тем более что сентенция военного суда может доставить мне в будущем возможность искупить проступок собственной кровью на службе Царя и отечества».

Это письмо для отправки в Петербург Мартынов передал через кого-то Глебову, разяснив письменно: «Чего я могу ожидать от гражданского суда? Путешествия в холодные страны? Вещь совсем не привлекательная. Южный климат гораздо полезнее для моего здоровья, а деятельная жизнь заставит меня забыть то, что во всяком месте было бы нестерпимо моему раздражительному характеру».

Между тем Кушинников и Ольшанский продолжали задавать ему вопросы, на которые трудно было ответить. Например, почему, измученный насмешками Лермонтова, Мартынов не обратился в суд? Пришлось Мартынову сочинять более вескую причину дуэли: якобы Лермонтов вывел его сестру княжной Мэри в романе «Герой нашего времени», чем глубоко оскорбил не только её, но и его, Мартынова.

Допустить причиной только несчастную «княжну Мэри» было нельзя. Об этом ему прямо заявил Кушинников. И Мартынов припомнил пропавший пакет! Присовокупив, что с письмами в нём находился дневник Натальи Мартыновой, он повернул дело так, что Лермонтов, безответно влюблённый в его сестру, знал о наличии дневника и был заинтересован прочесть его.

Не было дневника! Стоит вспомнить письмо Мартынова к матери и её ответ:

«Триста рублей, которые вы мне послали через Лермонтова, получил, но писем никаких, потому что его обокрали в дороге, и деньги эти, вложенные в письмо, также пропали; но он, само собою разумеется, отдал мне свои. Если вы помните содержание вашего письма, то сделайте одолжение — повторите; также и сестёр попросите от меня...»

«Как мы все огорчены, что наши письма, писанные через Лермонтова, до тебя не дошли. Он освободил тебя от труда их прочитать, потому что в самом деле тебе бы пришлось читать много: твои сёстры целый день писали их».

О «пропавшем дневнике» Кушинников отправил донесение Дубельту в Петербург, нисколько не веря этому вымыслу. И если бы дело Мартынова продолжало вести жандармское министерство, Кушинников бы докопался до истины. Но Бенкендорф снизошёл к раболопной просьбе Мартынова: дело передали военному суду. Мартынова перевели из тюрьмы на гауптвахту.

«Когда его перевели на гауптвахту, которая была тогда у бульвара, то ему позволено было выходить вечером в сопровождении солдата подышать чистым воздухом, и вот мы однажды, гуляя на бульваре, встретили нечаянно Мартынова. Это было уже осенью; его белая черкеска, чёрный бархатный бешмет с малиновой подкладкой произвели на нас неприятное впечатление. Я не скоро могла заговорить с ним, а сестра Надя положительно не могла преодолеть своего страха. Васильчикову и Глебову заменили гауптвахту домашним арестом. Они все трое бывали у нас каждый день до окончания следствия и выезда из Пятигорска. Старательно мы все избегали произвести имя Лермонтова, чтобы не возбудить в Мартынове неприятного воспоминания о горестном событии» (Э. А. Верзилина).

Дружеские отношения Верзилиных с убийцами поэта дали повод горожанам думать, что в дуэли был всё же виновен Лермонтов. Мартынов не упускал возможности рассказать о несчастной своей сестре и «пропавшем дневнике», и за Лермонтовым пополз шлейф непорядочного человека. Как тут не вспомнить его строки:

*За всё, за всё Тебя благодарю я:
За тайные мучения страстей,
За горечь слёз, отраву поцелуя,
За мечь врагов и клевету друзей;
За жар души, растраченный в пустыне,
За всё, чем я обманут в жизни был...
Устрой лишь так, чтобы Тебя отныне
Недолго я ещё благодарил.*

Пятигорский окружной суд непременно потребовал бы переписку Мартынова, в которой ни он, ни его мать, ни о каком дневнике, вложенном в пакет, не упоминали. Но дело Мартынова по требованию военного министра было передано Траскину, да к тому же с указанием императора закончить как можно скорее. Закончили в 4 дня. По совету Траскина, переданному через Васильчикова и Глебова, Мартынов исключил из своих показаний упоминание об условиях дуэли. «Покамест не упоминай об условии трёх выстрелов, — пишет Глебов, — если позже будет о том именно запрос, тогда делать нечего, надо будет сказать всю правду».

Глебов при допросе дополнил: «О старой же вражде между ними, нам, секундантам, не было известно. Мартынов и Лермонтов нам об этом не говорили». Тем самым он подтвердил «княжну Мэри» и «пропавший дневник». С количеством секундантов Васильчиков и Глебов запутали комиссию. Сперва секундантом был один Глебов, потом добавился Васильчиков, потом оказалось, что командовали на дуэли то Столыпин, то Трубецкой.

Суд вынес решение: «Подсудимых — отставного майора Мартынова, за произведение с поручиком Лермонтовым дуэли, на которой убил его, а корнета Глебова и князя Васильчикова за принятие на себя посредничества при этой дуэли, лишит чинов и прав состояния».

Согласно установленному порядку, окончательное решение принимал император, и Николай I вынес свою резолюцию: «Майора Мартынова посадить в крепость на

гауптвахту на три месяца и предать церковному покаянию, а титулярного советника князя Васильчикова и корнета Глебова простить, первого во внимание к заслугам отца, а второго по уважению полученной им в сражении тяжёлой раны».

Постановление военного суда гласило: Мартынову отбыть трехмесячный арест на Киевской крепостной гауптвахте; срок церковного покаяния для него назначит Киевская духовная консистория. Васильчиков и Глебов были прощены.

* * *

Священник Василий Эрастов через месяц после похорон Лермонтова затеял тяжбу с настоятелем Павлом Александровским за то, что «он, погребши в июле месяце тело убитого на дуэли Лермонтова, в статью метрических за 1841 год книг его не вписал, и данные 200 рублей ассигнациями в доходную книжку причта не внёс». В результате, 15 декабря 1841 года было начато «Дело по рапорту Пятигорской Скорбященской церкви Василия Эрастова о погребении в той же церкви протоиереем Павлом Александровским тела наповал убитого на дуэли поручика Лермонтова».

В это же время Арсеньева добилась перезахоронения тела любимого Мишеньки. Из документа, разрешающего провоз тела и выправленного в Чембаре 12 февраля 1842 года, Иван Вертюков был в числе тех, кого Арсеньева послала за останками Михаила Юрьевича. Кроме него значились Андрей Соколов и Иван Соколов. До Пятигорска они добрались в середине марта. 22 марта гроб с телом Лермонтова был вырыт из могилы.

«Ранней весной 1842 г. офицер Куликовский посетил могилу Лермонтова. Камень с надписью, по вырытии праха поэта, лежал рядом с могилой, которая оставалась незакопанною. Вдруг пронёсся слух, что кто-то хотел похитить этот камень, и благодетельное начальство приказало зарыть его в могилу. „Через несколько дней по увозе тела Лермонтова из Пятигорска, в одну из родительских суббот, я сам видел, — говорил упомянутый выше офицер, — камень был сброшен уже в могилу и стоял в ней торчком, где его после и зарыли. Теперь нет никакого следа могилы, немногие старожилы узнают это место, по углублению в земле, но я уже указать вам не могу“» (П. К. Мартынов. «Всемирный труд», 1870 г.).

25 дней слуги везли тело Лермонтова. Задолго до Тархан крестьяне Арсеньевой сняли с телеги гроб, запаянный в тяжёлый свинцовый ящик, накрытый чёрным бархатом, и понесли своего Михаила Юрьевича на руках. Когда дошли до Тархан, слышалось похоронное пение деревенского хора. Лицо бабушки было как каменное, глаза от постоянных слёз уже ничего не видели. Дотронулась рукой до холодного ящика, спросила: «Здесь ли мой Мишенька?..»

Состоялось отпевание Михаила Юрьевича. Были Мария Акимовна, Павел Петрович, Аким и Катя Шан-Гирей, Евреиновы, множество соседей и все крестьяне Тархан. Из церкви к часовне Елизавета Алексеевна шла за гробом тихо, низко опустив голову. Аким Шан-Гирей и Павел Евреинов вели её под руки. Михаил Юрьевич был погребён в фамильном склепе рядом с дедом и матерью, о чём урядник Москвин отрапортовал пензенскому губернатору. Над могилой поэта установили памятник из чёрного мрамора; на лицевой стороне его под позолоченным лавровым венком значилось: «Михайло Юрьевич Лермонтов», на левой стороне: «Родился 1814 года, 3 октября», справа: «Скончался 1841 года, 15 июля».

Время перезахоронения Михаила Юрьевича совпало с наступающими Пасхальными праздниками, но Арсеньева объявила по селу траур, и, снисходя к её горю,

священники не стали проводить обязательной праздничной службы. За что получили выговор от епископа.

Вместе с прахом Лермонтова были доставлены из Пятигорска его вещи и рукописи, которые Монго оставил под ответственность Василия Ивановича Чилиева. Разбирая их, Аким Шан-Гирей обнаружил записную книжку В. Ф. Одоевского, подаренную поэту перед отъездом его из Петербурга, в ней были стихотворения Лермонтова. Последним стояло «Нет, не тебя так пылко я люблю» — предсмертная память о Вареньке Лопухиной. Она пережила Михаила Юрьевича на десять лет, и тихо утасла. Похоронили её в Малом соборе Донского монастыря.

*...для прекрасного могилы нет!
Когда я буду прах, мои мечты,
Хоть не поймёт их, удивлённый свет
Благословит. И ты, мой ангел, ты
Со мною не умрёшь. Моя любовь
Тебя отдаст бессмертной жизни вновь,
С моим названьем станут повторять
Твоё... На что им мёртвых разлучать?*

М. Ю. Лермонтов, «1831-го июня 11 дня».

После перезахоронения Мишеньки, над тремя дорогими могилами Арсеньева выстроила часовню. Перед входом в неё распорядилась посадить дуб — как хотел её Мишенька.

*Надо мной чтоб вечно зеленея
Тёмный дуб склонялся и шумел.*

Крестьяне вырыли в лесу несколько молодых дубков, посадили вблизи часовни, но прижилось только одно деревце — возле входа.

Елизавета Алексеевна умерла в 1845 году в возрасте 72 лет, и была похоронена в той же фамильной часовне. По её духовному завещанию владельцем Тархан стал её брат Афанасий Алексеевич Столыпин. Ему же она завещала раздать 300 тысяч рублей нескольким родственникам. «Другим наследникам и родственникам до вышеобъяснённого имения и денежного капитала дела нет и ни почему не вступаться в сие моё приобретение».

За два года до смерти, Арсеньева дала вольную Андрею Соколову, но он никуда не ушёл, жил в маленьком флигеле на барской усадьбе, продолжая исполнять обязанности слуги.

«На дворе, в ста шагах от дома, построен маленький флигелёк, где давно уже проводит свои грустные дни бывший слуга Лермонтова, дряхлый, слепой старик, когда-то всей душой преданный поэту. Если вы спросите у него, помнит ли он своего барина? — Андрей Иванович привстанет с своего места и весь задрожит. „Портрет, — усиливается он произнести, — портрет“... и несёт показать вам сделанный масляной краской снимок лица, чей образ ему так мил и дорог» («Пензенские губернские ведомости», 1867 г.).

Андрей Иванович умер в 1875 году в возрасте 80 лет и был погребён в Тарханах. До конца своих дней он свято берёт вещи М. Ю. Лермонтова. Только благодаря ему часть вещей сохранилась: шкатулка орехового дерева с бронзовой отделкой, эполеты корнета с одной звёздочкой, сафьяновые чувяки с серебряным позументом

черкесской работы, купленные Лермонтовым на Кавказе. Но не сохранился портрет Михаила Юрьевича.

* * *

В 1844 году Аким Павлович Шан-Гирей, служивший адъютантом начальника полевой конной артиллерии, подал в отставку. Уехал в Пятигорск и приобрёл небольшое имение неподалёку от города. Семь лет спустя женился на Эмилии Александровне Верзилиной, дружески принимавшей Мартынова после убийства поэта. Шан-Гирею было 32 года, Эмилии 36. Репутацию она имела весьма нехорошую. За два года до роковой дуэли она сошлась с князем Барятинским, а потом избавлялась от «плода любви», — Барятинский выслал ей в возмещение 50 тысяч. Эта дама была, очевидно, доступной, иначе бы не составили на неё стишок «за девицей Эмили молодёжь как кобели», перефразировав экспромт Лермонтова. Однако смогла околпачить Шан-Гирея. В семье родились сын и дочь.

Аким Павлович занимался ирригационными работами на Кавказе, открыв месторождение серы в Нахичеванском уезде. Бывал у Святослава Раевского в Пензе, и вместе они подготовили ряд документов о Лермонтове, которые предполагалось издать.

Раевский горячо любил и по-настоящему понимал Лермонтова. Ценные, хоть и короткие сведения передал он пензенскому учителю Хохрякову, собирателю материалов о Лермонтове. Ими пользовались потом первые биографы Лермонтова, в том числе П. А. Висковатов.

При жизни Михаила Юрьевича был издан единственный томик его стихов. В 1843 году Краевский переиздал его роман «Герой нашего времени». С 1842 по 1844 г. вышло расширенное издание стихотворений поэта, а в 1847 г. — двухтомник «Сочинения Лермонтова».

С 1856 года стали выходить заграничные издания произведений Михаила Юрьевича, в 1873 году были напечатаны его письма, переизданные в 1880, 1882, 1887 годах. К 1891 году Павел Александрович Висковатов подготовил биографию поэта, которая вошла в шестой том его собрания сочинений.

«Я не знаю языка лучше, чем у Лермонтова. Я бы так сделал: взял его рассказ „Тамань“ и разбирал бы, как разбирают в школах, по предложениям, по частям предложения. Так бы и учился писать. Не могу понять, как мог он, будучи мальчиком, сделать это! Вот бы написать такую вещь, тогда бы и умереть можно!» (А. П. Чехов).

Стихи Лермонтова перекладывались на музыку, по его поэме «Демон» Григорий Рубинштейн написал оперу. После Революции 1917 года интерес к творчеству М. Ю. Лермонтова ещё усилился. По его произведениям были поставлены фильмы, в театрах играли «Маскарад». Нет человека в России, кто не читал бы его произведений.

Особое место в его творчестве занимают стихи о Родине. Как сильно отозвались они в русских сердцах во время Великой Отечественной войны, когда фашисты рвались к Москве! На всех газетных полосах и плакатах были словно вот только что написанные строки из «Бородина»: «Ребята! Не Москва ль за нами?» Никогда ни один из поэтов не был так близок и дорог людям, готовящимся сдержать клятву верности и ценой своей жизни спасти свою землю.

В 1974 году из Шипово в Тарханы был перевезён прах Юрия Петровича Лермонтова и перезахоронен рядом с часовней, где упокоились его жена и гениальный сын.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Алексей Аркадьевич Столыпин (Монго) уехал из Пятигорска, как только окончил лечебный курс. Находился в полку, но вскоре подал в отставку. Во время крымской компании вновь поступил на службу, храбро дрался под Севастополем, участвовал в его обороне, за боевое отличие получил золотое оружие и чин майора. В тот же период у него обнаружили признаки чахотки. Попросил Николая I разрешить лечение за границей; император отказал. Согласие было получено позже, благодаря поддержке лейб-медика Мандта, но было упущено время. В Париже Монго перевёл на французский язык роман «Герой нашего времени». Хотел ли он этим загладить вину перед Лермонтовым или имелась другая побудительная причина, но он дал редакции основание написать: «Господин Лермонтов недавно погиб на дуэли». Это было первое печатное сообщение о дуэли Лермонтова. В России истинная причина смерти поэта не упоминалась, как не упоминалось и о дуэли Пушкина.

Умер Монго во Флоренции, в возрасте 44 лет. Прах был перевезён в Петербург и захоронен на Лазаревском кладбище Александро-Невской Лавры, где нашли упокоение все Столыпины.

Сергей Васильевич Трубецкой был выслан из Пятигорска к месту службы сразу после дуэли Лермонтова, и вскоре переведён в Апшеронский пехотный полк. В 1843 году в чине штабс-капитана **«уволен за болезнью, для определения к статским делам»**. Несколько лет о «шалостях» князя ничего не было слышно, но в 1851 году он ушёл от нелюбимого мужа Лавинию Жадимирскую, которая в своё время отвергла ухаживания государя. Гнев Николая был страшен — он поднял на ноги всю жандармерию, и беглецов схватили под Тифлисом. Несколько месяцев Трубецкой отсидел в Алексеевском рavelине Петропавловской крепости, затем был отдан в солдаты с лишением титула, чинов и состояния. Эта трагическая судьба влюблённых послужила материалом для романа Булата Окуджавы «Путешествие дилетантов».

В 1854 году за особые отличия Трубецкого произвели в прапорщики, что давало возможность просить о помиловании. Николай I удовлетворил прошение. Сергей Васильевич поселился в своём имении в Муромском уезде, где под видом экономки стала жить вместе с ним горячо им любимая Лавиния Жадимирская. Умер Сергей Трубецкой в 1859 году, было ему 44 года.

Михаил Павлович Глебов, излечившись от ранения, отправился на Кавказ адъютантом командира Отдельного Кавказского корпуса. 28 сентября 1843 года в районе Ставрополя был захвачен горцами в плен, и томился в плену два месяца. Для освобождения молодого офицера генерал Нейдгардт подкупил «своих» горцев, и они выкрали его. В 1843–1845 годах в Тифлисе Глебов встречался с немецким литератором Боденштедтом, которому передал для перевода 17 стихотворений М. Ю. Лермонтова, ныне утраченных. На Кавказе заслужил множество наград, славу отчаянного храбрца и неустрашимого воина. 9 августа 1847 года ротмистр лейб-гвардии Конного полка Михаил Павлович Глебов был убит выстрелом в голову при перестрелке в осаде аула Салты. В момент своей гибели сидел на коне перед готовящимся к атаке батальоном. Было ему, как и Лермонтову, 26 лет.

Руфин Иванович Дорохов продолжал служить на Кавказе в небольших офицерских чинах и погиб в 1852 году во время одного из сражений, изрубленный незаметно подкрадывшейся партией горцев. Очевидец рассказывал: «На моих глазах было, когда он погиб. Кстати, как удивлён я был, читая „Войну и Мир“ Толстого лет 30 тому назад! Ведь его Долохов написан с моего старого знакомого Руфина Ивановича Дорохова! Толстой мог знать его в самый последний год его жизни, так как Дорохов был убит год спустя по прибытии Льва Николаевича на Кавказ. Но, несомненно, что все

характеристические черты и особенности Долохова взяты Толстым с Дорохова. Да, это был человек даже на Кавказе среди отчаянно храбрых людей поражавший своей холодной, решительной смелостью».

Александр Иванович Арнольди участвовал в 1842 году в Ичкерийской экспедиции в составе Моздокского казачьего полка. Через год возвратился в Гродненский полк, прослужив в нем свыше двадцати лет. В 1849 году участвовал с полком в Венгерском походе. В 1877–1878 годах во время русско-турецкой войны командовал 4-й кавалерийской дивизией и стал первым русским губернатором болгарской столицы Софии.

Александр Илларионович Васильчиков долгое время жил в благополучии, родил троих детей, но когда в печати стали появляться статьи о дуэли Лермонтова с Мартыновым, забеспокоился. В 1867 году вышла книга А. Любавского «Русские уголовные процессы», где автор как опытный юрист добросовестно привёл два варианта описания дуэли, воспользовавшись ответами Васильчикова и Мартынова на вопросы следственной комиссии. Васильчиков показывал, что один из секундантов подал знак рукою, и дуэлянты, по сему знаку сойдясь к барьеру, остановились. Мартынов же показывал иное: «он, Мартынов, первый подошёл к барьеру, ждал несколько времени выстрела Лермонтова, потом спустил курок». Публика заговорила об убийстве поэта, тучи над Мартыновым и Васильчиковым сгустились.

И мёртвый поэт торжествовал над ними!

Васильчиков написал пространные воспоминания, обеляя себя со всех сторон, но добился обратного: ложь его скоро была раскрыта и стали говорить, что он-то и был инициатором убийства.

Николай Соломонович Мартынов был помещён на три месяца на гауптвахту в Киеве, после чего Киевская духовная консистория определила ему покаяние сроком в 15 лет. Но уже 11 августа 1842 года Мартынов подал прошение в Святейший Синод, ходатайствуя, «сколько возможно, облегчить участь». Срок был сокращён до семи лет, после чего Мартынов обратился в духовную консисторию с «покорнейшею просьбою о смягчении приговора, о дозволении во время церковного покаяния иметь жительство, где домашние обстоятельства того потребуют». Просьба была удовлетворена.

«Мне случилось в 1843 году встретиться в Киеве с тем, кто имел несчастье убить Лермонтова; он там исполнял возложенную на него епитимию и не мог равнодушно говорить об этом поединке; всякий год в роковой его день служил панихиду по убиенном, и довольно странно случилось, что как бы нарочно прислали ему в тот самый день портрет Лермонтова; это его чрезвычайно взволновало» (*А. Н. Муравьев*).

Напрасно Муравьев поверил стенаниям Мартынова: Николай Соломонович отмечал роковую дату не панихидой по Лермонтову, а очередным прошением о сокращении срока покаяния.

Андрей Иванович Дельвиг тоже встречал Мартынова в Киеве:

«У генерал-губернатора Юго-Западного края Бибикова было несколько балов, на которых танцевал, между прочим, Мартынов, убивший на дуэли поэта Лермонтова и посланный в Киев на церковное покаяние, которое, как видно, не было строго, потому что Мартынов участвовал на всех балах и вечерах и даже через эту несчастную дуэль сделался знаменитостью».

«Мартынов обыкновенно ходил с какой-то дамой, не очень молодой, небольшого роста и достаточно черноватой; при них было двое детей. Об этом тоже ходили какие-то разговоры... Кстати, передам об одном случае с Мартыновым; о том рассказал мне мой отец, который, кажется, сам даже был свидетелем этого случая. После обедни в церкви Киево-Печерской Лавры митрополит Филарет вышел с крестом, к которому все стали прикладываться. Мартынов, перед тем разговаривавший

с дамами, подошёл за ними ко кресту и, наскоро проделав подобие крестного знамения, хотел, в свою очередь, поцеловать крест. „Не так“, — громко заметил ему митрополит. Мартынов сконфузился, но очень скоро перекрестился и снова наклонился к кресту. „Не так!“ — снова сказал митрополит и прибавил: „Спаситель заповедал нам креститься таким образом: ‘Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь’“. При этом митрополит весьма истово перекрестился. Мартынов в свою очередь так же истово прочёл молитву и перекрестился. Тогда святитель глубоко вздохнул и сказал: ‘Так’, дал поцеловать крест и удалился в алтарь. Об этом случае долго шумел в то время весь Киев» (А. И. Маркевич).

Было с чего шуметь: человек, который не первый год находился на покаянии, а значит, бывший на всех церковных службах, не знает, как правильно перекреститься и что нужно сказать, прикладываясь к кресту. Как же смотрели за ним святые отцы? И как же он «каялся»? Такой лицедей не мог не убить Лермонтова. Знал, что Лермонтов рано ли поздно выведет его на чистую воду. Вот и причина убийства.

Лицедейство было, как видно, семейной чертой Мартыновых. То мамашины стоны о «прочитанных» письмах, то «княжна Мэри»; а 1852 году младшая сестра Мартынова в разговоре с Я. К. Гротом утверждала, что *Мартынов вынужден был выйти в отставку из-за дуэли с Лермонтовым*. Не много и лет-то прошло, чтобы ей запамätовать.

В 1846 году Мартынов был полностью избавлен от епитимьи. За год до этого он женился на дочери киевского губернского предводителя. После Киева поселился в Москве в отчем доме. При посредничестве Васильчикова записался в Английский клуб, играл в карты и был, вероятно, счастлив встречаться в клубе с Бахметевым, мужем Вареньки Лопухиной, который всей душой ненавидел Лермонтова.

За годы совместной жизни супруги Мартыновы родили пять дочерей и шестерых сыновей. Мартынов несколько раз пытался в печати обелить себя. Его, как и Васильчикова, пугали появлявшиеся расследования дуэли. Злился, что слава Лермонтова растёт с каждым днём: выходят книги в России и за границей, стихи учат во всех гимназиях, готовится к постановке опера «Демон», романсы на стихи Лермонтова исполняют знаменитые певцы — русские и зарубежные, гастролирующие в России.

Пророчески сказал Лермонтов в восемнадцать лет:

*Я рождён, чтоб целый мир был зритель
Торжества иль гибели моей.*

«Мне было уже пятнадцать лет, и я был страшно поражён, что слышу о Лермонтове, как о лично знакомом говорящему... Я встречал Мартынова в Париже. Мы, тогда молодые люди, окружили его, стали дразнить, обвинять:

— Вы убили солнце русской поэзии! Вам не совестно?!

— Господа, сказал он, — если бы вы знали, что это был за человек! Он был невыносим. Если бы я промахнулся тогда, то я бы убил его потом. Когда он появлялся в обществе, единственной его целью было испортить всем настроение. Все танцевали, веселились, а он садился где-то в уголке и начинал над кем-нибудь смеяться, посылать из своего угла записки с гнусными эпиграммами. Поднимался скандал, кто-то начинал рыдать, у всех портилось настроение. Вот тогда Лермонтов чувствовал себя в порядке...» (А. А. Игнатъев).

Молодой граф Игнатъев поверил, что Мартынов говорит искренне, и до конца своих дней ненавидел Лермонтова. Из уст его родственников, из уст его друзей и покровителей шла молва о несносном характере Михаила Юрьевича.

Владимир Михайлович Голицын хорошо помнил Мартынова:

«Жил он в Москве уже вдовцом, в своём доме в Леонтьевском переулке, окружённый многочисленным семейством, из коего двое его сыновей были моими университетскими товарищами. Я часто бывал в этом доме и не могу не сказать, что Мартынов-отец как нельзя лучше оправдывал данную ему молодёжью кличку „Статуя командора“. Каким-то холодом веяло от всей его фигуры: беловолосой, с неподвижным лицом, суровым взглядом. Стоило ему появиться в компании молодёжи, часто собиравшейся у его сыновей, как болтовня, веселье, шум и гам разом прекращались и воспроизводилась известная сцена из „Дон-Жуана“. Он был мистик, по-видимому, занимался вызыванием духов, стены его кабинета были увешаны картинами самого таинственного содержания, но такое настроение не мешало ему каждый вечер вести в клубе крупную игру в карты, причём его партнёры ощущали тот холод, который, по-видимому, присущ был самой его натуре».

Умер Николай Мартынов в 1875 году в возрасте 60 лет и был похоронен в фамильном склепе возле подмосковного села Иевлево. В 1924 году в этой усадьбе разместилась колония для беспризорников. Прошедшие огонь, воду и медные трубы, колонисты дружно разорили склеп, изъяв то, что нашли ценного, а кости Мартынова вместе с костями всех остальных, кто покоился там, утопили в пруду.

К 90-ЛЕТИЮ В. М. ШУКШИНА

ВАСИЛИЙ КИЛЯКОВ

«И ОХЛАДЕЕТ В ЛЮДЯХ ЛЮБОВЬ...»

* * *

Среди современных писателей имя Василия Килякова занимает особое место. По кругу литературных героев его можно отнести к когорте деревенских прозаиков. По накалу коллизий и заостренности идей — к интеллектуалам городского типа. По проникновенности исповедальных записок он кажется потомком тех публицистов, что, подобно Достоевскому, сплавили в искреннем книжном слове традиции светской справедливости и духовной ответственности.

Ему досталась нелёгкая творческая судьба. В молодые годы он входил в литературу вместе с Олегом Павловым и молодыми авторами этого круга. Но если у всех остальных книги выходили пусть и с житейскими трудностями, но последовательно, как бы продолжая одна другую, у Килякова на протяжении десятилетий была только одна издательская свобода — исключительно журнальная. Так случается, что писатель пишет много и самое разное. Но книготорговец и редактор все более погружены в сиюминутные заботы. Их близорукие глаза, кажется, не видят, глухие уши — не слышат, а бойкие руки неустанно переключаются с места на место сочинения сугубо либеральные.

Василий Киляков, в самом начале 90-х неожиданно ставший лауреатом западной радиостанции «Немецкая волна», сегодня оказался фигурой совершенно отдельной. Писатель-почвенник, он погружён в тонкую нравственную рефлексию. Хорошо образованный гуманист, он склонен обращаться к вещам простым и всем понятным, дабы судить о сложном. Православный русский человек, глядя на нестроения окружающего мира, он во многом винит самого себя.

И вот эта (отчасти похожая на примеры монастырских старцев) строгость к своим поступкам и своему бездействию разительно отличает Килякова от многих литературных ораторов, готовых яростно судить мир и расчётливо молчать о своих собственных неподобающих шагах. О таком свойстве Василия Килякова обязательно нужно помнить, когда читаешь его рассказы и повести, когда следишь за его рассуждениями о самом дорогом и больном.

Исповедь — не мазохизм, а горякая трезвость по отношению к своей жизни, печальное понимание того, что ты, скорее всего, не достоин похвалы и прощения — не только Бога, которого и представить себе не можешь, но и всякого честного, искреннего человека. Вместе с тем такое состояние души не вступает в противоречие с человеческим достоинством, с сердечной силой — той самой, которая подразумевается в апостольском слове, когда говорится о «тёплом» и «горячем». Именно горячее чувство негодования, жажда справедливости, так свойственная русской душе, пронизывает каждую страницу прозы и критики Василия Килякова. Этим он похож на Шукшина, которого почитает и любит, которого принимает как духовного тезку и не даст в обиду никому.

Вячеслав ЛЮТЫЙ, литературный критик

...Странно это наше время нынешнее. Оно как будто предсказано всем творчеством В. М. Шукшина. Вчитаемся глубже в его рассказы и попробуем проследить, понять что говорит он всем нам, читателям, — о чём напоминает неким тайным, скрытым «вторым планом» многих рассказов. Он словно давно, задолго до своего ухода, предчувствовал, что в недалёком будущем люди станут... холодны и неинтересны друг другу. Неинтересно станет читать, неинтересно слушать: «и охладет Любовь...».

Не интересно не только оттого, что скучно станут писать, о незначительном, о неважном... Многое перевернётся с ног на голову. И вот мы видим обилие «фентези», постмодерн сплошной, порой скучнейший. Где же литература, предметная, ведь именно такой, «той» подлинной литературой и славна Россия? Премии же за «Большую книгу» — сегодня, в основном, раздают за исследования, а не за собственно литературу. Быков о Пастернаке, Варламов о Горьком, Лев Данилкин о Ленине. Или «Лев Толстой: „Бегство из Рая“ Басинского... Премии есть, а где же литература? Неинтересен стал сам по себе человек, не о чем стало писать? Настоящим большим писателям был всегда интересен Человек. Живая проза сегодня дышит, она есть. Но только в глубинке России, и это несомненно, — но кто её оттуда выведет? Кто представит её читателю? Сколько ещё просуществует эта подмена, что будто бы „Петровы в grippe...“ или „Русская канарейка...“ — это и есть „национальный бестселлер!»

Так что же: человек и впрямь неинтересен им, грантами отмеченным, не единожды приглашённым на разговор к президентам? Или это от бесталанности? Или и то и другое вместе и — пришлые всё это люди, являющие нам свою «самодостаточность», рассчитанную на пиар и поклонение «своих». Им будто бы «независимым», категорически — не «почвенникам», перевирающим и передирающим русский язык, что им?.. «Перекасти-поле», что оно знает о корнях своих? Ценит ли оно отпавшие за ненадобностью корни? Можно ли ценить то, чего нет? Оно, это причудливое растение, «прыгает, как мяч», по слову А. Фета, где-то — да и прибьётся... Ему, этому «перекасти», любая пустыня хороша. И чем дальше, тем лучше.

Но Россия — она сама «корневая система», симбиоз наций и культур, взаимно обогащающих и дополняющих друг друга. Краски на палитре не кладут кое-как, а уж тем более — на холсте. Русская литература всегда была делом совести. Вспомним раскаяние шукшинского Егора (Горе) в «Калине красной»: покаяние — белая церковь — на втором плане. Церковь утонувшая, заброшенная — и при выходе его из уз кутузки... Да и последние кадры, просьба его: «Воды». Не крещение ли подразумевал, а с ним и отпущение грехов (по вере Церкви) — не это ли «второй план» всего творчества Василия Макаровича...

Перечитывая В. М. Шукшина, и меряя его аршином сегодняшнее — ясно видишь, что требования к языку сегодняшних авторов — до смешного невысоки. Книги пустые, огромные фолианты — по тысяче рублей штука... (Ну, а как же, новые «великие» их лично подписали!). «Срезали» классиков, так им и надо... Спрос же есть.

Между тем, в корне не верно, будто бы спрос и только спрос определяет предложение. Вот, Америка страдает тотальным ожирением и иными страшными болезнями от пользующегося спросом фаст-фуда, поп-корна, к которым так привыкла. Кто формирует этот «вкус» и «спрос»? На деле же ситуация обратная: везде, и в сфере книжной, предложение определяет спрос, формирует читателя, «культивирует» его взгляды, его пристрастия и воззрения. Инициативы по внедрению в массы «бестселлеров» последовательны, и небескорыстны. И то — зачем «русскому индейцу» свой собственный язык, великая, на традициях основанная литература. Прямо «Ноль-ноль целых» Шукшина, живие!

И когда я перечитываю рассказы, повести, сценарии Шукшина — каким же далёким и родным предстаёт он мне, ровесник по годам, по чувству, по совести

и страданию, часто — до сердцебиения! Зачем же мне предлагают (а иные уже и осуществляют) поход совсем в другую сторону — противоположную от той, куда стремился всей жизнью и своим талантом Василий Макарович Шукшин. Если есть у Василия Макаровича картинка, то она — живая. Если есть роса, луна, солнечный закат, — они тоже оригинальны по чувству и языку, а главное — и это особенно присуще таланту Шукшина — по настроению. Оригинальность, разумеется, — но и мера таланта тоже: всё хорошо в меру, или по пословице — «Душа меру знает». Много я встречал подделок под оригинальность, но — плохих: повестей, даже романов. Как метко сказано у Ю. Кузнецова: «Я один, остальные — обман и подделка». Это — об эпигонах. Шли вослед и Шукшину, сколько их было — заблудились... Но он остался и останется.

Его рассказы можно разделить на две группы: городские и деревенские. Деревенские понятней и ближе. В деревенских — два типа людей: те, что смогли уехать в город, и те, что не смогли (деление это, конечно, весьма условно). Но всех их, этих городских и уехавших, роднит одно: у них болит душа, и за них, за персонажей, и у читателя тоже болит душа. Не может не болеть. Скажут: сколько их написано, таких рассказов о «простых душах», начиная с француза Флобера, повесть которого, предварившая «Госпожу Бовари», так и называется: «Простая душа». Ан, нет, нужно было почувствовать, открыть миру именно русскую боль — и явился Шукшин...

В истории русской литературы как только не изображали крестьян: были «богосноscopy», «совестливые» — Глеб и Николай Успенские описали их... Были мужички-подлиповцы, мужички Н. Слепцова и И. Тургенева — «те, что могут и Бога сожрать, дай им только волю», по словам Тургенева... Был Писарев, утонувший молодым, в 28 лет, но, несомненно, своей «боевитостью» (всё пустить вразнос) — гипнотически повлиявший на Горького. До Горького мужику, крестьянину всё же сочувствовали, мужика любили, мужику «мозоль в пятку, точно ладанку вставляли» — упрекал Сергей Есенин в своих статьях-размышлениях братьев-писателей, — и «любовались ею». После Писарева, этого «литературного крёстного» Горького — Максима Пешкова, — о мужике стали писать так, что его впору стало ненавидеть. Мужику словно мстили — иные притворно, просто потому, что так стало модно. И вот уже читаем, как «бомж», босяк Челкаш мог украсть мануфактуру — и, с широкого плеча, снизойдя к бесхарактерному крестьянскому парню, — подарить безвозмездно ему всё добытое. Прославление волонтаризма, неприкрытое нищестанство сквозит и в горьковском романе «Мать» — романе крайне слабом, но (по Ленину) «своевременном»...

Горький не знал крестьян. Бродяги и пьяницы у него раскрашены странными яркими цветами, с пятнами и блёстками, с некоей претензией на исключительность. Писал, в основном, о тех, кого не знал, и Петров-Скиталец, по-первобытному бродивший с Горьким и с гусями вдоль Волги. И это видно тотчас по опубликованным ими рассказам: «Челкаш», «Море смеялось»... Потом этих самых «челкашей» Иван Бунин выведет в своих «Окаянных днях». Он при первой же встрече назвал Горького «некто в помятой шляпе». Были и другие, «развенчивавшие» мужика-крестьянина, торопившиеся разбить «становой хребет» России (так в 1990-е очень верно скажет Б. Можаяев).

Но это отношение — брезгливое, сарказмом города заражённое — это настроение перенято и подражательно используется и сегодня. Оно, небось, и грантами оплачено. Знаем, было в наши девяностые: кто выпишет мужика скотиной, да не раз, и не два, а хорошенько — те получали годовую стипендию. Так, например, подозрительно-презрительно, по-лютерански, пишет о деревне и сегодня В. Пьецух, да и не он один. Что ни книга о деревне — зарубили топором предпринимателя, или на вилах подняли. Почвенники переживали это по-своему, по-особому. Вот как писал мне Валентин Яковлевич Курбатов 20 июля 1999 года об этой «Руси уходящей», о деревенской

прозе, скорбя всем существом: «Дорогой Василий! Я прочитал Ваши рассказы (деревенские. — В.К.) и вполне понимаю Ваше смятение. Так подметают двор, когда уже всё убрано. Это уже собирание остатков, завтра на этой „территории“ будет чисто. Как-то В.Г. Распутин очень точно сказал мне: „Я ведь всё время вынужден в своё тесто дрожжец подбрасывать, чтоб всходило. А у Виктора Петровича (Астафьева) оно само из квашни прёт, и ему всё уминать приходится, чтобы через край не валило. Правда, это уж давно сказалось. Теперь и Виктору Петровичу приходится дрожжей прищипывать. Сегодня всем деревенщикам так. Деревня уходит стремительно, вытесняется «хозяевами» (персонаж моего городского рассказа, приехавший из деревни, «вписавшийся» в город. — В. К.), а новые родиться не торопятся. Как и вообще русский человек сегодня. Простор сегодня — ‘интеллектуалам’, записным книжкам, да мешанам, а здоровому прозаику с чувством живого — труднее всех...».

«Мещане» нынешние — из грязи в князи угодили совсем неожиданно.

А писать правду, действительно, труднее всего. И не потому, что, напечатай книгу в «АСТ» или «ЭКСМО», — не станут читать, а потому, что разрекламированы иные, «запущен» в оборот — и давно — совсем иной механизм, другие имена на слуху. Потоки эти «подводные» не раз описаны в частности, Олегом Павловым. А в шорт-листе премий всё те же премианты и стипендиаты, о которых я упоминал выше. Они выстроились дружно за «писателем» Коэльо...

В советской прозе «развитого соцреализма», в рассказах — тоже наговорено много лишнего, написано о горемыках-жуликах, страдальцах, «боссяках» нового типа. А вот у Шукшина — то, да не то, — и «болит душа»... А почему болит — ни один мудрец так и не дал ответа. И сам автор не сказал. Но есть прорывы, подлинные открытия, и они — в покаянии героев у автора. Читаешь, и чувствуешь, как у него самого болела душа. А иначе зачем бы ему и говорить такую фразу: «Что с нами происходит?». Фраза эта так проста, так часто повторяема была, что всякий пройдоха норовил ею воспользоваться — и тем очевидней только обострялась проблема человека. «Что с нами происходит?» — повторяли многие всуе, — а в душах своих так и не разобрались, даже оставили, бросили эти попытки — «разобраться».

Так что же с нами происходит? С душами людей нераскаянных, завистливых. Почему — тех воров, что по мелочам тащили, тогда, в 1980-х, называли «несунами», а крупных воров сегодня — «олигархами» величают. Латифундии куплены ими и огорожены с охраной, не подойдёшь. Или мы вернулись в средние века, вспять потащились? Прелюбодеяние, блуд — называют нынче «гражданским браком»; подразумеваемую с обманом прибыль — профитом или «маржой»... И так во всём. Ничего не изменилось с тех, восьмидесятых, разве усугубилось. «Вот она и болит, душа-то, что она, пряник, что ли?» — говорит один из героев рассказа Шукшина супруге. И что же он получает в ответ: «Пузырь... Душа у него болит...», и т.д.

Шукшин с пристрастием и зоркостью увидел наши сегодняшние проблемы — зараннее, на расстоянии сорока-пятидесяти лет. В его рассказах много персонажей, ушедших в города, — но до города так и не дошедших. Они, эти как будто простые, на первый взгляд, ущербные натуры, одним словом «чудики» ушли и устроились в городах: кто в бараках с клопами, общими коридорами, туалетами, а кто и того хуже. Жили с драками, плясками под гармонь, с заёмом «трояка» до полочки — но в сути своей так и остались деревенскими, а значит, с душой. И она изнывала эта душа — до невозможности, до греха смертного (вспомните Кольку Паратова из рассказа «Жена мужа в Париж провожала», покончившего с собой!)

Были и другие — те, что занимали квартиры, «отдельные секции», выучили детей в университетах, правдами и неправдами накупили столько вещей, что страшно

показать посторонним (недолго и погореть), ибо ведь не все же «эти, с юридическим образованием, сопляки», которых шукшинский персонаж Николай Гаврилович обводил вокруг пальца (рассказ «Выбираю деревню на жительство»)… И жили, и воровали, и квартиры правдами и неправдами приобретали — не для себя же, для детей. И на глазах детей. И по-своему обосновывали им, своим детям, такие свои устои жизни. А те их в свою очередь усвоили. Нацеленность на «отдельные секции», ещё лучше — на квартиру, да чтобы копейку зашибить — это вам не челкаши. Тут смотри дальше, шире смотри. Корысть — она воспитывалась, перековывала (и перековала) деревенских, переехавших в города, — в трёх поколениях. Шукшин заметил и написал, как менялась сама цель жизни, смысл существования. Несколько сборников его рассказов — стоят всей эпопеи «Руггон-Маккары» Эмиля Золя и «Утраченных иллюзий» Бальзака, вместе взятых. Потому что они понятней нам, ближе, и великие истины, которые говорят через слезу, сказаны Василием Макаровичем с горьким юмором.

Мир кухонь, складов и продмагов — не книжный мир, «настоящий»… Но тем, первым, которые уходили из деревень в города, — им тоже надо было как-то обосновываться. И тут-то герои, подобные Николаю Гавриловичу Кузовникову из названного рассказа, с виду те же «чудики», прищемлённые, ущербные (те же, да не те!), давали сто очков вперёд коренным городским жителям. Сегодня читаешь эту прозу, и думаешь, что, не торопясь Шукшин с публикациями тогда, сорок лет назад, дотянул он, докопайся до сокровенного тех «чудаков»-героев, — дотянули бы они до неизбежаемых характеров, до прозрений — и многое было бы понятней и в наш сегодняшний день… Кое-что они, эти недописанные «типы» Шукшина, и впрямь объясняют нам сегодня в нашем «случайном», либеральном мире многое, но не всё. А так, как написаны, эти кладовщики, бухгалтеры не до конца понятны и до сих пор: ни критикам из столиц, ни читателям из деревни. Если и читают о них сегодня, то не с удивлением, а узнавая этих типов в своих дедах, отцах, и — для отдыха, с усмешкой, по-простому, с «зубокальством». Сначала и я так читал.

«Если у нас нет сил переделать жизнь, то надо иметь мужество хотя бы передумать её», — это одна из последних записей в книге Фёдора Абрамова (тоже почвенника) — в «Траве-мураве». Следуя этому завету мудрого, много повидавшего на свете, травленного критиками архангельского писателя, порой и впрямь хочется передумать свои и чужие рассказы, сравнить свои строчки — со строками близких мне по духу писателей. И тогда — вот тогда — какой же непростой кажется мне лёгкая, «на прилёг» или «присест», проза Шукшина!

Так «что же с нами происходит?» — или произошло уже, и последствия необратимы? По-разному можно объяснить этот, сегодняшний кризис смысла жизни. Кризис понимания долгожданных либеральных свобод — и их результатов. За этой свободой и рвались в города — в Москву, в Питер — из деревень: туда, где откроешь кран — и вода горячая! Точно по пророку Иеремии: «Отдам сокровища твои на разграбление… за грехи отцов ваших…». И кто же станет отрицать, что жертвы не были принесены? И вот, вырвавшись из восьмидесятилетнего плена вавилонского, народ тотчас попал под другой, едва ли не худший: «отдан на разграбление». Теперь уже, без милости и без возврата. Шукшин, писатель «от земли», предупреждал — его не услышали.

Творческому пути В. М. Шукшина именно публикации последних лет подводят черту. И теперь уже ясна та сокровенная мысль его, та настойчивость, с которой пробивал писатель и сценарист своего «Степана Разина». Монтаж коротких сцен ужасал даже издавших виды критиков и режиссёров: разрубание икон, плоты из трупов казачков… «Если изъять жестокость и кровь, то, учитывая происходящее, характер действующих лиц, ситуацию, мгновенный прорыв — что и случилось, видимо, — нельзя

решить эту тему. Её лучше и не решать, потому что тогда потеряем представление о цене свободы. Эту цену знает всё человечество. Русский народ знает, чем это явление оплачивается», — писал Шукшин в ответ на отрицательное решение о судьбе фильма на худсовете 16 февраля 1971 года. Похоже на роковое предупреждение: он будто бы знал, видел, чувствовал то, что назревало... И совсем «не так просто», как это писалось и объяснялось «соцреализмом», — видел во всём ужасе и глубине. А соцреализм показывал по телевизору «Юркины рассветы», или — твердил о преимственности сталеваров в городах Электростали и Магнитогорске. Уже тогда он, Шукшин, видел, что жизнь, действительность как бы распадалась на сиюминутные дела, на истину явную и некую другую, скрытую. Непонятную. И странно было (и тогда казалось странным!..): по советским меркам материально обеспеченные люди правдами и неправдами занимали не только «отдельные секции» в городах, а — и в Москве — трёхкомнатные квартиры, с прислугой, выучили детей, сыновей (в том числе, и собственным примером жизни) в вузах. А что-то ни прибыли у них, ни счастья, ни радости — какое-то странное чувство пустоты мешает им жить дальше. И хочется выговориться, чтобы хоть кто-нибудь в этом чужом и чуждом мире — сострадал бы, кивал бы головой, сочувствовал. Какой-то не материальный, а душевный, даже духовный, уже тогда назревший кризис... Он и лечиться мог только духовно. «Выговориться» значило: исповедоваться, разделить страдание, очистить душу. Но церкви нет, есть зато вместо церкви упорствующий «Крепкий мужик», разваливший единственный храм двумя тракторами, есть «изящный чёрт», рвущийся мимо всех к алтарю (и прорывающийся!), вместе со всей силой бесовской (сказка «До третьих петухов»). И вот — изгнаны монахи из храма, но и этого мало. Изящный чёрт «изящно» требует переписать и иконы в храме. Вот вам уже — и не храм, а сахаровский центр с выставкой «Осторожно, религия». Или я ошибаюсь?

И тут Шукшину нет равных, тут — целое открытие в литературе — эти циклы рассказов о страдающих нераскаянных душах (и в сказке, и в недописанном романе «Любовины»), которым и каяться-то негде — только друг другу да самим себе. «Каются» они так: выпьют стакан водки без закуски и идут для беседы на вокзал (рассказ «Выбираю деревню на жительство»), или — прямо к «Николаю Угоднику» — тестю (рассказ «Билет на второй сеанс»), или — к старухе-сторожихе Марии, или просто плачут у могилы («Случай на кладбище»), излагают грех свой и боль — кресту да земле под вечерним равнодушным небом и луной («Счастье ли, горе ли здесь, на земле — сияет»)..

Три очень похожих рассказа условно объединены мной в один цикл.

О нём, об этом цикле, и поведу речь. Таких рассказов — не три, не четыре, их много. Более того, один сюжет рассказа, как бы дополняется вторым и третьим (сборник рассказов «Беседы при ясной луне»). Сборник называется по наиболее яркому одноимённому рассказу. Вступление, зачин его — не броский, не триллерский, естественный: «Марья Селезнёва работала в детсадике, но у неё нашли какие-то палочки и сказали, чтоб она переквалифицировалась». И тут два абзаца не для главного персонажа: зачем писать, да ещё в зачине, вступлении, как попала в сторожа Марья? А не лучше ли начать прямо и броско: «И стала она сторожить сельмаг». Но и тут Шукшин идёт от правды. «Нашли палочки», — и вот уже верится, что была и впрямь такая Марья, и всё, что с ней происходит впоследствии, — тоже было. Подробность — великая сила, а у Шукшина — особенно: она жизненна. Это — не модерн, тем более — не постмодерн, пусть и западный, где, перегревшись на солнце, какой-нибудь француз-нищанец может пристрелить негра, просто от странно упавшей тени на глаза... Итак: «И повадился к ней ночами ходить старик Баев». Главное: интерес читателя мгновенно перекидывается с Марьи на Баева, — метод, знакомый литературе.

Тип этот, Баев, узнаваемый — и всё же чисто шукшинский. Автор посмотрелся на них вдосталь, видел этих умников. Они не давали ему покоя, верно, пока не были им «выписаны» на бумагу. Мальчишкой, потеряв отца, он пошёл работать. Жил трудно, голодно, а эти — вот они: посиживают вокруг складов, тихие, сытые, незаметные в своих бухгалтериях и кладовых, умники — и сами при деле, и детишки устроены... «Тепло, светло, и мухи не кусают». И тут кульминация начинает высвечиваться, и играть внутренний характер — через внешнее.

Баеву очень хочется выговориться, рассказать, вот хотя бы и этой Марье, какой он умный, прозорливый, удачливый, а ведь никто до сих пор так и не заметил, не оценил его. Да теперь уже, пожалуй, и не заметит никогда. Сам он жил тихо, не спорил, на глаза не лез, «не залупался», как сказал сам автор про такого же в другом своём рассказе.

Что же он делал, этот Баев? Тут следует послушать автора: «Баев всю свою жизнь проторчал в конторе — то в сельсовете, то в заготпушнине, то в колхозном правлении — всё кидал и кидал эти кругляшки на счётах»; «наверное, с целый дом накидал», — не без намёка шутит Шукшин. А сколько честных работяг в жизни маялись, трудно жили «без угла», без дома, по общежитиям да в примаках, хоть и работали, «пахали», уж верно, почище этого Баева, — и где же правда?.. «Он любил спокойных мужиков», — пишет Шукшин об одном из своих героев, любил их — и это тотчас видно — и сам автор.

Эта обида говорит о многом. А «простецкая» исповедь Баева — и того больше. И, если знать жизнь деревни того времени, — бросает в дрожь, — о многом расскажет. Бабушка моя по матери, Пелагея Тимофеевна, с двумя детьми на руках — одна, как раз об это время (баевского бухгалтерства) вдовствовала, умирала с голоду, но вынуждена была сдавать молоко государству. Да и собеседница Баева Марья — и она знает тяжкий труд в колхозе не понаслышке, говорит прямо и просто: «Да оно бы и все-то так посиживали — в тепле да в почёте». «Садись! — воскликнул с сердцем Баев. — Что ж ты тут заместо мужика торчишь ночами? Садись в контору и посиживай».

И тут рассказ «Беседы при ясной луне» начинает распадаться как бы на два плана: Баеву, тепло прожившему жизнь, надо рассказать, какой он значительный — уже тем, что жить старался всегда незаметно, и не зря повторяет автор: «не высовывался». Людям свойственно говорить о себе. Почему бы вот и ему, Баеву, имевшему хороший дом, выращившему двух дочерей, сына — и это в трудное-то, совсем голодное время — отчего же и ему не погордиться? Вот он и ходит к Марье выговориться, благо есть его, Баева, «состоявшегося», пример неоспоримый. Да и сами читатели, многие знают таких учителей по жизни. А Марья — слушает, даже кивает и поддакивает. И тогда Баев «раскручивает» себя (как теперь модно говорить, «пиарится»). В самом деле, когда всё уже позади, можно и «высунуться». Все его «умные» поступки, конторские дела говорят о том, как он заискивал перед начальством, обманывал сельчан с одной-единственной целью: устроиться самому, устроить детей — это один план, рассчитанный, если не ошибаюсь, на известного рода читателей. Тут и все подробно: советовал начальству, как объегорить сельских жителей с госпоставками молока, занижая жирность и требуя поднять объём этого самого сдаваемого крестьянами для государства молока в ущерб собственным детям. И кому, как не ему, Баеву, было не знать, что сдают жители его деревни последнее, порой отнимая у голодных ребятешек. Ясно, что от выполненных госпоставок хорошо было не только колхозному начальству, но и умному Баеву. Он учил Марью, как «надо от работы отталкиваться»; словом, среди умных — умник, «он редкого ума человек». Никто даже из колхозного начальства до этого не додумался!..

В рассказе, по этому первому его плану, собрано, кажется, всё, чтобы читателя заинтересовать, задержать: и старые анекдоты про сбор пота идут в ход, пробирку под мышку и накрыться матрацами, и «анализы», и упрощённое отношение к молодёжи — «дрыгать научились»... И, в конце концов, — мелкая трусливая душонка, отчётливо, вот она, открылась — и весь Баев перед нами, уже недвусмысленно понятен. Спрятавшись за спину старухи (как он и прожил, скрываясь за бабьими да вдовьими, сиротскими спинами, всю свою жизнь).

«Стреляй! — тихо крикнул Баев Марье. — Стреляй! Через окно прямо!». И ведь выстрели старуха по его подсказке в парня-алкоголика, пришедшего с похмелья и перепутавшего день с ночью, убей или рань его — старуху засудили бы. Засудили бы её — а Баев, конечно, давал бы показания, и опять он наверху, не при чем. Такой умник!.. И мог бы после процесса над старухой, отряхнуться и сказать себе: «Молодец, и в тюрьме не сидел, и в войну не укокошили». Тут надо ещё и то понимать, как подбирает автор фамилии, не спроста или по случаю, и тут — «Баев» (от «баять», «заговаривать», забалтывать. Кот такой, «баюн»). Или — Неверов. В другом рассказе — Ненароков, Бронька Пупков, Сразов, или Сураз (от старого «суразный»), или вот — Ванька Тепляшин...

«Ночи стояли дивные», — пишет Шукшин, — как и всё дивно в этом мире Божьем, в его промысле о нас, грешных, но мы-то каковы? «Мы — баевы...», «Эх, мы... Это в таком-то мире...». И этот укор отчётливо слышен читателю. И тут сама профессия актёра-Шукшина озаряет строчки, играет в повествовании. Всё видишь, как в кино: жесты, мимику, движение — и это тоже одна из его редких особенностей. Хочется и смеяться, и не думать о главном. Но главное всё равно находит читателя, западает в душу, не даёт покоя и долго потом прорастает, оживает, не отпускает: «Как же мы живём!».

Смею утверждать, что именно для этого, для второго плана и написаны рассказы и сценарии Шукшина. Морализаторством, прямым показом и резонёрством «высоколобого» советского читателя, «физика и лирика» и тогда было — не пронять. Но у Василия Макаровича почему-то увидели только «развлекуху», «чудиков» — главного не увидели. Или не хотели увидеть. Невыгодно было тогда видеть — всё это «по существу» и сегодня, по большей части — некому и незачем. Читают прозу, вообще любую, в наше время (по статистике) только четыре процента населения, а тогда читали — едва ли не девять десятых. Михаил Шолохов сказал о нём, о Шукшине: «Он появился удивительно вовремя».

Какова же скрытая идея многих его рассказов — и разбираемых, и существующих, но не затронутых здесь в качестве примера? В них всегда есть нечто главное — по сути человеческого бытия, по смыслу человеческого существования. Василий Макарович Шукшин — не «баев». Рассказать нам, повеселить или удивить своим талантом, знанием народа и народца, покрасоваться — словом, «просиять», как сиял, рассказывая, передавая свои подвиги Марье, Баев, — это не все. Цель автора — не удивить (и тем подняться в наших глазах), а — показать сокровенное через внешнее... Но все ли видели, чувствовали это при жизни Шукшина? Обидно, что при жизни его ценили мало, при том, что писали о нём нередко (чаще — равнодушно, скучно или с укором за приземлённость, мелкотемье, поверхностность).

Марья знала Баева и до этих бесед. Умно, хитрого ловкача Баева, отчего-то мучила бессонница: «Последнее время, — читаем мы, — Баева мучила бессонница, и он повадился ходить к сторожике Марье — разговаривать». И вот тут вторая «сверхзадача»: все эти «почему» поставлены едва ли не во всей прозе В. М. Шукшина.

Я выбрал три рассказа. Можно бы разобрать и другие: и «На кладбище», и «Страдания молодого Ваганова», и «Как помирал старик». Везде присутствует этот второй

план, это «почему». Надо сказать, ни одна философия мира не разгадала причины этой тревоги и бессонницы, этого вечного вопроса о мятущейся душе человеческой.

В рассказе «Выбираю деревню на жительство» некто «Кузовников Николай Григорьевич вполне нормально и хорошо прожил»... «Когда-то, в начале тридцатых годов, великая сила, которая тогда передвигала народы, взяла и увела его из деревни. Он сперва тосковал в городе, потом присмотрелся и понял: если немного смекалки, хитрости и если особенно не залупаться, то и не обязательно эти котлованы рыть, можно прожить легче.

И он пошёл по складскому делу — стал кладовщиком, и всю жизнь кладовщиком был, даже в войну. И теперь он жил в большом городе в хорошей квартире (отдельно от детей, которые тоже вышли в люди), старел, собирался на пенсию». И тут тип уже знакомый, родственник Баеву, с похожим характером. Философия жизни его не идёт дальше обывательского мировоззрения: «ушёл из деревни и понял...». Канва первого плана в общих чертах уже ясна: воровал, «ни разу не поймали его, ни один из этих, с университетским значком». Тоже, как и Баев, устроился сам, квартира, дети живут отдельно, он — со старухой. Но рассказчик не был бы так талантлив и самобытен, если бы не ставил (исподволь) всё тот же вечный вопрос, разрешения которому нет ни у главного героя, ни у автора — ни у кого. «Но была одна странность у Николая Григорьевича, которую он сам себе не сумел бы объяснить». И всё же пытался. Как же? А вот как: выпивал стаканчик и ехал на вокзал. Почему именно на вокзал, и с кем он там разговаривал? С мужиками, как ему казалось, проще говорить, лучше поймут. Надо выговориться, выкинуть из сердца всё, что волнует. В конце концов, и узнать жизнь современной ему деревни: что изменилось? — мысленно сравнить её с той, которую помнил, цену которой знал на свой лад. Много надо было узнать хорошо пристроившемуся в городе кладовщику.

А для того нужно было завязать живой разговор, всё об одном и том же: кругом в городе хамство, воровство, ложь. Пива не доливают, и прочее.

И тут надо бы Николаю Григорьевичу переоценить все ценности и в себе самом: «Сам тоже ругался во всю на шофёров, на грузчиков, к самому тоже не подступись с вопросом каким. Это всё как-то вдруг забылось, а жила в душе обида, что хамят много, ругаются, кричат и оскорбляют». И вновь канва рассказа не сверкает, её надо разглядеть, увидеть. Пьющий в одиночку человек настораживает. Мы их редко видим, не у всех у них, но у многих, чаще всего, есть некая боль и желание выговориться. У этих пьющих в одиночку, часто и благополучных внешне — внутренне всё не так уж благополучно, что-то происходит в душе человека, разлад какой-то, противоречие. «Никуда Николай Григорьевич не собирался уезжать». То, как он жил, живёт, и будет жить дальше, — ясно по прочтении рассказа. Ну, сходил и сходил к проезжавшим мужикам на вокзал. Поговорил раз, другой, третий, потрепался в этом закуренном и заплёванном туалете — и будет же. А он всё ходил, и это стало потребностью: «Он теперь не мог без этого». Тайна души... И здесь неясность: зачем?

Попытка выявить тайну души человеческой через его, человека, поступки — вот второй план, — суть многих замыслов Шукшина, своеобразие его таланта. Много ли сегодня таких находок, которые ставили бы — вопросы?.. Задача писателя — ставить вопросы. Отвечать или не отвечать на них — каждый решает по-своему. Возможен ли сегодня Николай Гаврилович? Станет ли кто-нибудь бить себя в грудь, разговаривать с таким Николаем Гавриловичем — сегодня? Нет! И не только в туалете, а и вообще где бы то ни было. Есть ли сегодня, остались ли такие разговорчивые мужики? Не знаю, сомневаюсь, и сильно сомневаюсь. Время то ушло, народ стал ещё жёстче, ещё недоверчивей, непримиримей, что ли. Хоть кажется порой, что вот, и церкви

пооткрывали. Но не хватает церквей. И вот вопрос вопросов: почему с ним, с Николаем Григорьевичем, не станут говорить сегодня, объяснять, сочувствовать и понимать?.. Не прошло и сорока лет со дня написания рассказа.

Рассказ «Билетик на второй сеанс» своим заглавием говорит о многом. Жизнь прожита не так, как хотелось бы главному герою рассказа, Тимофею Худякову. Ему «...опостылело всё на свете. Так бы вот встал на четвереньки и закричал бы, и залаял, и головой бы замотал. Может, заплакал бы». Как, знакомо?! Сколько сегодня тех, у которых «всё есть», и не только «отдельные секции», а и яхты, и «БМВ», и «Инфинити»... — их тысячи, у них полный достаток. И не сравнить их по достатку с этим Худяковым — а жизни нет. «Пил со сторожем, у себя на складе», пил и изливал всю боль сторожу Ермолаю, жаловался — да так, как понял и смог сказать только Шукшин: «Судьба — сучка... — и дальше сложно: — Чтоб у ней голова не качалась... Чтоб сухари в сумке не мялись...». Это эксклюзивный, как сказали бы сегодня, чисто авторский стиль Шукшина. И сегодня пьют с «излиянием души», не только на складах, а — пьют и плачут. Даже и на Мальдивах, в Куршевелях... Даже на «Авроре» в Питере — сильные мира сего, взявшие много на себя, пили и плакали, даже прыгали с борта неглиже, — не помогло и это. Лучше, легче не становится. Почему? И вот здесь — тайна. И Тимофеев таких немало. Удивляет не персонаж — персонаж в общих чертах уже знаком. Монолог случился, а не диалог. Почему? А что глупому сторожу Ермолаю скажешь? Поймёт ли он, как накопело, как она, жизнь, внешне одарив, — обидела! Беспощадно! Как она не состоялась? А могла бы состояться. Но в каком случае? Вот откуда начинаются догадки.

Дело, кажется, даже не в подлинности чувства, выраженного в забористом монологе, — дело в средствах раскрытия характера, подлинно русского, мятущегося... а с чего — и сам не поймёт он, этот Худяков. Вот краешек-частица русской души, где, в какой литературе, какой страны найдёшь этакое страдание без видимой причины? И тут Шукшин — продолжатель национальных традиций в своих рассказах — открытиях характеров, судеб, со всеми их изъянами-ошибками. Оттого и получила такой резонанс его «Калина Красная», этот «зов души», зов к сочувствию, которое отмечал ещё Лев Толстой. Боль эта, повторяю, пожалуй, характерна только для русского, и понятна одному только русскому. Голос этот не заставляет, не обрекает — только будит, мучит и требует проснуться. Откуда эта тоска? «А что, Антоныч, — вдруг спросил весёлый Авдеев Панова, — бывает тебе когда скучно?» — «Какая же скука?» — неохотно отвечал Панов. — «А мне другой раз так скучно, так скучно, что, кажись, и сам не знаю, что бы над собой сделал». — «Вишь ты!» — сказал Панов. — «Я тогда деньги-то пропилил, ведь это всё от скуки. Накатило, накатило на меня, думаю: дай пьян нарежусь». (Л. Н. Толстой. «Хаджи-Мурат»). Но дело не только и не столько в скуке, это понятно.

У Шукшина сторож Ермолай притворялся, что не понимал кладовщика Худякова, но, верно, знал, думал про себя: «Совесьть тебя, дьявола, заела: хапал всю жизнь, воровал. И не попался ни разу, паразит!». «Разлад, Ермоха... Полный разлад в душе. Сам не знаю отчего». — «Пройдёт». — «Не проходило». И все эти разные «кающиеся» ищут слушателя, совершают поступки непредсказуемые: таково их внутренне состояние. Домой ему, кладовщику, идти не хочется, «там тоже тоска, ещё хуже: жена начнёт нудить». Погода тоже под стать настроению. Автор даёт броские, яркие, краткие и оригинальные детали: «Несильно дул сырой ветер, морщил лужи. А небо с закатного края прояснилось, выглянуло солнце. Окна в избах загорелись холодным жёлтым огнём. Холодно, тоскливо. И как-то противно-ясно...». Всё ясно и читателю. Без обиняков. Тимофей шёл и раздумывал. О чём? Всё о том же: «Вот — жил, подошёл к концу».

«А Ермоха, — сравнивал Тимофей, — например, всю жизнь прожил валиком — рыбачил себе в удовольствие: ни горя, ни заботы». Ермолай завидует нищему по сравнению с ним. Странно? Завидует спокойствию, с которым тот прожил, возможности его, Ермолая, собой заниматься, своей душой, любимыми делами, не размениваться на... И пошёл он к Поле Тепляшиной, «крутили» когда-то преступную любовь. Но там, как говорят, от ворот поворот. Поля даже удивилась: «Вона! Вот так гость. За чем это?». И пить отказалась с ним она, давняя приятельница, и разговор получился нехороший: укоряли друг друга, свара. Тимофей заключил: «Что ведь и обидно-то, дорогуша моя: кому дак всё в жизни — и образование, и оклад дармовой, и сударка пригожая, с сахарными зубами. А Тимохе, — ему с кривинкой сойдёт, с гнильцой...». Вот что он говорит в лицо ей, бывшей возлюбленной, — так жмёт в груди восставшая, мучающая душа. И откуда эта боль, не понять никак. А боль духовная, не душевная даже, а духовная — как её руганью с людьми да водкой унять — нет, никак невозможно. Всё это характерно для рассказов и вообще для творчества Шукшина. Читателю кажется, что эта боль от ненасытности, от зависти, от многих неисполненных запросов и ожиданий, от жизни. Так нет, ясно: имей герой в сто, в тысячи раз больше, чем он имеет, — боль не ушла бы, даже возросла бы с удвоенной, утроенной силой. Вот, сегодня гремят грандиозные попойки в куршевелях детей этих кладовщиков, плоть от плоти, и чиновников, бывших «партийных», — их пляски нагишом на «Авроре». И — новый кризис, и выкупы ими, детьми кладовщиков, — знаменитых изделий Фаберже и икон («чёрных досок», как они называют иконы), а толку — пшик. Деньги сберегли, а душа всё равно болит, требует чего-то иного.

И опять удивляешься, как понята, найдена им, Шукшиным, эта боль, которая в наши дни, спустя полвека, уже начнёт так выворачивать, так чистить непокорные и неверные души, что — им «и в церкви всё не так, всё не так, как надо». От этого, быть может, и взрываются метро и аэропорты — всё от той же, от несмолкающей боли души: «И охладет любовь». И если бы речь шла только о непонятном, не понятном, как «о крашеном яичке на Пасху»! А и любовь-то ему, Тимофею, представляется «убогой», «ублюдочной», — словами автора. По Сеньке и шапка, как говорят. Или ещё так: «Какой идёт, такая и встречается». Но он — и это тоже общее правило — ищет ответа во внешнем, не в себе. Искать ответ на свои вопросы в себе самом — об этом нет и мысли.

В развязке рассказа характер раскрывается и вовсе в интересном ракурсе. С пьяных глаз Тимофей будто бы принял тестя за Николая Угодника: «Белый, невысокого росточка, игрушечный старичок». «Угодник», как ему и положено всё знать, — знает, и сразу берёт «быка за рога»: «С чего тоска-то?» — «Тоска-то? А Бог её знает! Не верим больше, вот и тоска».

Тимофей не сразу открывается «Угоднику», призраку, всё разговор идёт вокруг да около: «Церкви позакрывали, матершинничаем, блудим... Вот она и тоска». Разговор с «Угодником» напоминает ссору с Полиной: «спаскудился народ», «пьют, воруют»... «Я и то приворовываю на складе», «родиться бы мне ишо разок! А?».

Как же видит Тимофей своё второе рождение и «второй сеанс»? До самого превращения Николая Угодника в тестя идёт перечисление всех желаний Тимофея, впережку с жалобами: «любовь, что чирей на одном месте», «мне бы в начальстве походить». И это — после осуждения общей жизни и мнимого сокрушения о закрытии церковей — тут ни капли покаяния. Желания Тимофея в этой сценке с Николаем Угодником не взлетают до понимания истинных причин тоски. Ясно, что, если бы и пожаловал ему Угодник «второй сеанс», в жизни — всё было бы то же, что и на «сеансе первом». Ходит Тимофей в прокуратурах, берёт взятки, жена, хоть и «с сахарными

зубами», — а счастья нет, и он похаживает к другой. Не было бы, разве, битья окон: всё же прокурор. Да и то как сказать...

Но вот происходит превращение Угодника в тестя. Желание Тимофея «законопатить» тестя за язычину его — чудесным образом совершило превращение, и вот он обернулся — и перед ним тесть. «Вот тебе, а не другую жись! Вот тебе билетик на второй сеанс!». Все выглядело бы поспешным, и наивным, и смешным — но читатель готов принять и это: боль ведь у человека. Другой писатель, не Шукшин, тут бы и окончил рассказ.

У Шукшина же вот ради каких слов написан рассказ — а они в самом конце и скрывают этот кураж, притворство — последние слова: «Прости великодушно». И тотчас ясно, что за Угодника он тестя и не принимал, и что всё это было то же: придурь, шутка от боли, притворство — от сомнений и угрызений совести. Вот где подлинная исповедь: «В том-то и дело, что не знаю. Не знаю, тестюшка, не знаю. Я б всё честно сказал, только не знаю, что такое со мной делается. Пристал, видно, так жить. На-смерть пристал. Укатали сивку... Жалко. Прожил как песню спел, а спел плохо. Жалко — песня-то была хорошая. Прости за комедию-то. Прости великодушно». Лишь здесь безысходность закончена и заменена истиной: «Прости» (так же ваньку валял и Егор Прокудин, в его, Шукшина, «Калине красной»).

В один ряд с рассмотренными тремя шукшинскими рассказами можно поставить и другие. В некоторых — персонаж с зачина становится в строй «тоскующих», «мучимых» совестью и терзаниями собственной души.

«По воскресениям наваливалась особенная тоска. Какая-то нутряная, едкая... Максим физически чувствовал её, гадину: как если бы неопрятная, не совсем здоровая баба, бессовестная, с тяжёлым запахом изо рта, обшаривала его всего руками — ласкала и тянулась поцеловать.

— Опять!.. Навалилась.

— О!.. Господи... Пузырь: туда же, куда и люди, — тоска, — издевалась жена Максима, Люда, неласковая, рабочая женщина: она не знала, что такое тоска. — С чего тоска-то?».

Кажется иногда, что помимо воли самого автора впадают в кощунство его персонажи. И всё от одного и того же — от поиска выхода из обыденки тусклого и мертвящего существования. Автор, как в цирке, возводит неприступную стену — тяжело смотреть, потом, на глазах у зрителей, не перепрыгивает эту стену, как ожидали, не перелетает её на крыльях, а перелезает, под смех и рукоплескания довольной публики. Тут и персонаж, и автор — актёры.

Присутствие автора ощущается во всех рассказах Шукшина. Дистанция «автор — герой», порой совершенно стёрта, неприметна. Местами автор спешит — пишет и пишет, словно слыша биение собственного сердца, которое с каждым ударом отмеряет ему время жизни. И от этой спешки (по его прозе) создаётся впечатление, что и в жизни автор равен герою: всё то же — неустроенность быта, рытьё котлованов, поиски радости, поздняя семья и большая душа. Потому что то, отчего так она «свербит», так «наваливается», эта самая тоска (чего никак не понимают ни жена, ни тёща, ни друзья), — нам, пожалуй, никто не объяснил, не смог объяснить ни до Шукшина, ни после его ухода.

Оттого так трогают его произведения, что они выстраданы. С ним самим — даже и не с автором, а с человеком — случилось то же, что и с его героями: тяжёлые годы учёбы, медные деньги, метания между писательством (по ночам, на кухне, с пельницей, полной окурков, и крепким кофе) — и семьёй, литературой — и актёрством, режиссурой с долгими отлучками... Высокие требования к себе, поспешное

самообразование (на недостаток времени для образования более предметного он так часто сетовал), первый успех — и вновь непонимание. Всё это сожгло жизнь замечательного, оригинального писателя, убило на взлёте, в самом начале успеха. И тогда кинулись писать о нём: и Александр Чаковский, и неизвестный никому тогда молодой Владимир Коробов. Но более всего — за его русскость, черты, дорогие нам в С. Есенине, А. Пушкине, Ф. Тютчеве, — мстили ему, и особенно «сладостно» и безнаказанно, — после его гибели. Некто Фридрих Горенштейн в статье «Алтайский воспитанник московской интеллигенции (Вместо некролога)» написал — что называется, «срезал»: «Что же представлял из себя этот рано усопший идол? В нём худшие черты алтайского провинциала, привезённые с собой и сохранённые, сочетались с худшими чертами московского интеллигента, которым он был обучен своими приёмными отцами. Кстати, среди приёмных отцов были и порядочные, но слепые люди, не понимающие, что учить добру злодея — только портить его. В нём было природное бескультурье и ненависть к культуре вообще, мужичья, и — сибирская хитрость Распутина, патологическая ненависть провинциала ко всему, на себя не похожому, что закономерно вело его к предельному, даже перед лицом массового явления, необычному юдофобству. От своих же приёмных отцов он обучился извращённому эгоизму интеллигента, лицемерию и фразе, способности искренне лгать о вещах ему незнакомых, понятиям о комплексах, под которыми часто скрывается обычная житейская пакостность. Обучился он бойкости речи, хоть бойкость эта и была всегда легковесна...».

За что же такая мстительность? И почему сегодня никто не напишет о Шукшине «толстую книгу» на премию за многие миллионы, этаким «грассбух»?.. Заказа нет? Не из-за того ли, что точно известно, что сегодня Василий Макарович Шукшин сказал и написал бы о нашем, нынешнем времени (сахаровских центров, «болотных» улиц и площадей, гнусных треков, отрешённых в Храме Христа Спасителя для «Пуси-Райет» — название, которое и произнести, и на русский-то язык перевести и прочесть — дико!..) Он написал бы о совести, о душе, о «владельцах заводов, дворцов, пароходов». И известно, на чьей он был бы сегодня стороне, со своей всеотзывчивостью подлинно русской души. Не простят Шукшину и того, что он предпочитал говорить со своим народом на равных: «Художник и тот, к кому он приходит со своим произведением, говорят на родном языке, на равных» (статья «Нравственность есть правда»). И ещё: «Человеческие дела должны быть в центре внимания рассказа. Это не роман — места мало, времени мало, читают на ходу» («Как я понимаю рассказ»). Шукшин прожил недолго, сама его жизнь была коротка и вся на виду, как и его рассказы — любимый им, признанный им как «неисчерпаемый» жанр.

«Критическое отношение к себе — вот что делает человека по-настоящему умным. Так же и в искусстве, и в литературе: сознаёшь свою долю честно — будет толк» (Василий Шукшин).

И сам я, когда «накатывает» тоска, когда тревожит что-то душу, — не пристаиваюсь к толпе торопящихся на очередную премьеру, а иду в храм Божий. Или, если не складывается — беру с полки Шукшина Василия Макаровича. Беру и перечитываю...

ОНТОЛОГИЯ — ЭТО ПРОСТО

О книге философа Фана Валишина «Проблема начала и стратегия динамизма»

*Ложь — религия рабов и хозяев,
Правда — бог свободного человека.*

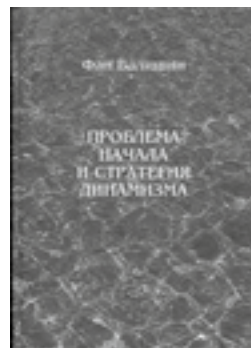
М. Горький

О казанском философе Фане Валишине первым написал Диас Валеев — ещё сорок лет тому назад. О Валишинском учении о динамизме на всемирных философских форумах заговорили только в XXI веке. Фан Талгатович успешно выступал с докладами в Стамбуле и Сеуле, в Афинах и Пекине. В Греции его приняли в международную ассоциацию «Космос и Философия», а теперь приглашают в Китай преподавать в университете... Подтверждается старая истина: нет пророков в своём Отечестве. Вот и монография Фана Валишина издана не в Казани, а в Москве (М., «Энциклопедист-Максимум», 2018).

Между тем, сам автор в предисловии настаивает на том, что именно в Казани ныне рождается новая Россия, новая земная цивилизация! Не случайно с Казанью связаны имена Исходных Правителей — Ивана Грозного и Владимира Ульянова-Ленина, Исходных Творцов — Николая Лобачевского (Исходный Математик на Земле, автор Воображаемой Геометрии), Николая Четаева (академик, лауреат Ленинской премии, автор теории устойчивости движения!), Александра Бутлерова (с него начиналась органическая химия). В литературе и искусстве к числу творцов, которые не повторяли былых открытий, а создали «собственную вселенную», Фан Валишин относит Льва Толстого и Велимира Хлебникова, Габдуллу Тукая и Мусу Джалиля, Салиха Сайдашева и Рустема Яхина, Фёдора Шаляпина и Константина Васильева — их творческий путь начинался в Казани. Что позволяет говорить о «Казанском Очаге».

Творение художника можно воспринять во всей полноте, не общаясь с автором. Постичь философию вне встречи с её создателем, к сожалению, бывает сложно. Философ творит концентрированную мысль, его книга часто лишь скелет, контур мысли, наиболее плотный её элемент. Сам Фан Валишин — живая книга, гораздо более ёмкая, чем изданная монография.

Философия — это не интеллектуальное развлечение, не беллетристика, которая может нравиться или не нравиться. Философская система не должна превращаться в нагромождение мысленных узоров, становясь символом сложности и причудливости игры и блужданий человеческого ума. Не сводится она и к тому, что принято называть мировоззрением.

Философия во все времена пыталась решить самые сложные вопросы, и настоящий философ всегда находится на самом острие восприятия действительности.

Философская система должна обладать живой силой, способствуя разрешению проблем современности, то есть быть Методологией. Хочу отметить эту особенность монографии: наличие двух частей — феноменологической, то есть ведущей по пути становления метода, и собственно онтологической, в которой метод и система предстают уже в развёрнутом виде, позволяет воспринимать книгу как живой процесс, как движение, а не застывшую систему, а именно таковыми предстают, как правило, книги по философии. Благодаря этой особенности читатель может увидеть, как из неотёсанного философского камня скульптор мысли создаёт своё творение — стратегию динамизма.

Современная либеральная догма, пронизывающая в том числе и философию, в сложных вопросах вообще признаёт лишь веер различных мнений, то есть фактически отрицает возможность установления истины. Фан Валишин часто раздражает оппонентов тем, что не признаёт споров, опровергая известную максиму «в споре рождается истина». К счастью, истина проста, в своей исходности она не допускает множества интерпретаций. Спор возникает, когда ни одна из сторон не обладает пониманием ситуации. Спор ведёт только к ссоре. Два дальтоники могут сколько угодно спорить о том, какого цвета трава.

Истина существует — вот мысль, которая выкристаллизовывается в первой части книги. Человек, познавший истину в некой сфере, автоматически становится Учителем в ней. Учитель не спорит с учениками, он пытается донести до них знание истины, и иногда вынужден проявить строгость.

Истина существует в любом вопросе, в любой проблеме. Кроме того, большинство проблем являются вторичными, их можно свести к одной главной проблеме, которая как правило находится в тени рассмотрения. Скажем, конкретный вопрос: Сталин — это благо для России или нет? Об этом сегодня много говорят и спорят... И опять «истина где-то рядом». Спорщикам полезнее было бы задаться рядом дополнительных вопросов: что такое благо, что такое Россия. Пожалуй, исходным в данном ряду является вопрос: что есть российская традиция? Если мы ответим на него, то поймём, что есть благо для России, соответственно, и роль Сталина станет однозначна.

Таким образом, задача философии заключается в правильной постановке исходных вопросов и проблем современности, и в разработке общей методологии их решения. А конкретное решение ищется уже внутри сфер — в науке, технике, искусстве, политике, экономике. В одной небольшой главе автор в очень плотном виде фактически даёт историю всей философской мысли — историю попыток разрешения основной проблемы реальности за все время существования земной цивилизации.

Мысль автора, с каждым шагом всё более концентрируясь, идёт дальше. Окажется, все проблемы вообще сходятся в одной точке — Проблеме Начала! Фан Валишин уточняет, что есть Начало и что есть Проблема — эти понятия, имеющие вполне обыденное значение, становятся квинтэссенцией всех вопросов, сутью сути. Все философы во все времена пытались разрешить именно эту проблему. Различными были только текущее состояние накопленного опыта земной цивилизации, но вопрос этот должен раз за разом разрешаться с учётом этого опыта, и тем самым обеспечивать его продолжение. В дальнейшем автор выявляет несколько очагов мысли (онтологических очагов), в которых удалось полностью разрешить Проблему Начала в свою историческую эпоху, а также обозначает тех, кто был близок к её разрешению, обнаруживая исходную, монистическую (онтологическую) традицию. И в этом состоит колоссальная заслуга перед мировой философией.

В первой части монографии читатели знакомятся с базовыми понятиями динамизма: Реальность (Естество, Абсолют, Монизм, Полнота) как сопряжённость Сущности и Существования, Единого и Единичного, Движения и Природы, Волны и Траектории, Метода и Системы. Человеческая жизнь предстаёт как сопряжённость Труда (Творчества) и Жития, Учителя и Ученика, Духа и Духовности, Народа и Интеллигенции. Автор раскрывает механизм разрушения этой связи — отрыва Системы от Метода, Жития от Труда, превращения человека в обывателя, возникновения мира раба-господина (майи — в терминах индийской философии). Обывателем человек становится, не выдержав испытания в поле Образования, и вместо внутреннего Учителя рождается Раб, а внутренний Ученик утрачивает способность к познанию, теряет ощущение Вселенскости, и превращается в Господина. В мире обывателя понятия многократно расщепляются и искажаются, из этих наслоений автор пытается донести их первоначальный смысл.

Онтологическим синонимом реальности является Исходная Простота. Если в первой части книги искушённый читатель может обнаружить некоторое стилистическое сходство с немецкой классической философией, то во второй части традиционный философский язык заменяют онтологические формулы. Абсолют предстаёт перед нами в первозданной Простоте, избавившись, так сказать, от немецкой витиеватости. Запутанные вопросы получают простое, но в то же время строгое обоснование, привычные понятия раскрываются в своей онтологической сути. Интеллигент — тот, кто сумел сохранить восприимчивость Ученика, подлинный аристократ — тот, кто имеет мужество не считаться с миром обывателя. В незамутнённой Реальности понятия возникают как тени Единого, но они сохраняют сопряжённость с ним.

Основные философские течения — идеализм и материализм — предстают как примат Метода в ущерб Системе, и наоборот, то есть как проявление маятника дуализма внутри философии. Символ маятника дуализма разъясняется во второй части книги. Дуализм возникает при разрыве цепочки Мифология-Онтология, когда земной опыт расщепляется на два антагонистических начала. В общем виде это религиозный и эмпирический опыт, фундаментализм и либерализм, в самой острой форме — война и мир. Религия возникает как реакция обывателя на потерю Естества, попытка вновь обрести Абсолют, попытка всегда безуспешная, и приводящая к появлению непреодолимой дистанции между Богом и человеком, к спекуляциям на якобы неизбежном тёмном начале в человеке, на его первородной ущербности. При этом в мировых религиях абсолютизируется Единое, и формируется пренебрежение к Единичному (Природе), в язычестве же обожествляется Природа. Позитивизм, как воплощение эмпирического опыта — это примирение обывателя с собственной неполноценностью, отрицание Сущностной стороны Реальности (Единого), имеет спектр от классического гуманизма до постмодернистского нигилизма. Либеральная среда обеспечивает комфортное существование для обывателя этого рода. Однако либерализм не решает проблему свободы, либеральная свобода — это свобода раба в выборе хозяина. И хозяином становятся статусы и виртуальная реальность, страсти и неги, страхи и иллюзии... Подлинная свобода — это ощущение ритма Единого, достигается человеком, оседлавшим свою Мечту, в свободе Творчества (Труда).

На тропу дуализма философию вывел ещё Аристотель в античные времена, отделив метафизику от физики и тем самым нарушив онтологическую линию, идущую от Пифагора, которую пытался сохранить Платон. Аристотель фактически заложил программу построения современной науки, которая, будучи эмпирической по своей сути, не обладает полнотой Абсолюта (Естества), и становится предметом критики со стороны религии. Тем не менее, возможна принципиально иная программа построения науки, попытки её создания предпринимали, например, Лейбниц и Четаев.

Безнадёжны упования позитивистов на то, что с научно-техническим прогрессом религия сойдёт на нет. Как и надежды либералов на исчезновение диктатур, и гуманистов на прекращение войн. Война неизбежна, пока раскачивается маятник, пока игра противоречий служит источником жизни, пока сам мир вдохновляется войной. В свою очередь, та же структура внутри эмпирического опыта проявляется как прогресс и глобализм. Внутри религиозного опыта — как Бог и Вера. В искусстве — модерн и постмодерн. В логике — абстрактное и конкретное, общее и частное. В математике — бесконечное и конечное, непрерывное и дискретное. Наиболее рельефно дуализм фиксируется в физике, как корпускулярно-волновой дуализм. Между тем, маятник, который воспринимается как норма (даже воспевается и романтизируется — в пафосе борьбы и жертвы), есть извращение земного опыта. Дуализм не является неизбежностью, он имеет альтернативу в исходной монистической традиции. И вся жизнь Фана Валишина — попытка донести это до людей.

Стратегия динамизма и есть монистическая традиция в её современной форме. Онтология — это фактически новая технология, которая позволяет переносить структуры Реальности на любую сферу без потери полноты.

Монизм — это не синтез, не золотая середина, не попытка склеить осколки противоположных начал. В свете динамизма таковой предстаёт диалектика, как теория, на базе которой ничего так и не было создано. Зацикленность на диалектическом материализме в конечном итоге погубила СССР.

Монизм — это подлинная альтернатива, которая в конечном итоге способна обеспечить управляемость исторического процесса. В то же время, стратегия динамизма не является утопией, розовой мечтой о золотом веке, каким нам пытались, например, преподнести коммунизм. Критерием оценки является работающая методология, позволяющая решать проблемы в самых различных сферах. В приложениях к монографии представлены статьи по физике и математике. Именно на решении узловых проблем физики стратегия динамизма прошла апробацию, и здесь удалось получить наиболее сильные результаты. Я, например, проводя исследования в области оснований математики, вижу, что динамизм работает и здесь. Одна и та же структура, пронизывающая всю реальность, любую природную единицу, включая человека, обнаруживается в математике и различных её разделах.

Стратегия динамизма очень долго пробивала себе дорогу... Но ведь идеи Коперника тоже утвердились в обыденном понимании обывателя лишь триста лет спустя! Хочется верить, что Фану Валишину не придётся ждать признания столько.

ВЛАДИМИР МИЛОВАНОВ

МОЗГ И СОЗНАНИЕ

*Психическая и физиологическая составляющие здоровья человека **

*«Есть тайна страшная в твореньи,
Её не разгадать вовек
Ни логикой, ни умозреньем,
И эта тайна — ЧЕЛОВЕК»*

Кирилл Померанцев

ВВЕДЕНИЕ

Проблема соотносительности мозга и сознания, материального и психического всегда была и остаётся актуальной. Наши мысли, мышление, психические функции и процессы в нашем мозге не идентичны, но они взаимообусловлены и неразрывно связаны. Активность нейронов организуется мыслью, а изменения в активности нейронов могут вызывать изменения в поведении и мыслях человека. Нет ни одного психического процесса, который не был бы каким-то образом локализован в мозговых структурах. А поставленная субъектом психологическая задача определяет систему мозговых процессов, которые будут задействованы при решении данной задачи. Материальными носителями наших эмоций являются определённые химические вещества, которые вырабатываются в мозге. Поэтому, если есть пути направленного воздействия на процессы в мозге, то можно вызвать нужные эмоции и чувства, то есть ими можно управлять. Так работают колдуны, маги, целители, которые нашли пути направленного воздействия на процессы в мозге. Если учесть двустороннюю связь между материальным и психическим, между мозгом и сознанием, то можно говорить о воздействии психики (мыслей, эмоций, настроений, речи, ...) на работу мозга, на физиологию, а, следовательно, и на наше здоровье. Здоровье человека складывается из двух составляющих — психической и физиологической. Действие этих составляющих на здоровье человека обсуждается в данной статье.

ВЛИЯНИЕ МЫСЛЕЙ И ЭМОЦИЙ НА РАБОТУ МОЗГА.

Неотъемлемая двусторонняя связь между процессами, происходящими в мозге, и психикой приводит к очень важным последствиям. В реальной жизни, в каждом конкретном случае мы об этом забываем, что может принести много неприятностей. Авиценна рассматривал чувства, как важнейший фактор нашего благополучного существования. Он писал:

* Вторая статья автора на данную тему. Первая опубликована в №2 (28) 2018 г. под названием «Восьмое чудо света»

*Великий гнев нас повергает в жар,
 Пылает мозг — и может быть удар.
 Испуг пронзает сердце зимним хладом,
 Испуг и смерть порою ходят рядом.
 От радости цветёт, ликуя, плоть,
 Но полноту старайся побороть.
 Печали и заботы хилых косят,
 А тучным исцеление приносят.*

Мозг одинаково реагирует на то, что мы видим, чувствуем, ощущаем или о чём фантазируем. Для него всё равно — объективная реальность это или наше воображение, ибо воображение и фантазии связаны с мыслительными процессами мозга, что ведёт к таким же результатам на уровне нейрофизиологии, как и реальность.

Поэтому хотя мозг и управляет человеком и работой его организма, но его можно «заставить» работать так, как нужно нам. Фантазия становится реальностью, если мы верим наверняка, что это панацея. Примером может служить прямой и обратный эффект плацебо. Таким образом, человек своими мыслями сам может запрограммировать себя на что угодно. Как говорит психолог Полина Сухова: «Прежде чем подумать — подумайте!» По сути сам человек может формировать как негативную, так и позитивную реальность, формировать свой внутренний мир, свою судьбу. Мозг сначала моделирует мысль, а затем её реализует. «*Будьте внимательны к своим мыслям — они начало поступков.*» (Лао-Цзы) Поэтому любое наше самовнушение, перейдя в убеждение, ведёт к формированию новых нейронных связей, к формированию задуманной реальности.

*Время жить и время умирать.
 И, покуда не сомкнулись вежды,
 Нам дана возможность выбирать
 Между адом и лучом надежды.
 Евгений Санин*

При помощи управляемого воображения можно корректировать и сценарий собственной жизни, и даже проводить «мысленные» эксперименты, что часто используется в науке. Это же касается и эмоций, которые связаны с нашими мыслями. Каждая эмоция «ощущается» вследствие выброса определённого набора химических веществ, что приводит к зависимости от них нашего организма.

Мужчина смотрит на красивую женщину или представляет её мысленно. И в том, и в другом случае, в предвкушении удовольствия, его захлёстывают положительные эмоции, «материальными носителями» которых являются определённые химические вещества, позитивно действующие на физиологию. Женщина, уделяющая много внимания своему гардеробу, бижутерии, косметике, делает это не ради «Васи», как в юмореске Семёна Альтова, а ради себя. Создавая с помощью этих средств красивый, стильный, эффектный образ, она формирует бессознательно посыл в мозг, приводящий к положительным эмоциям, к подъёму настроения, к радостному восприятию жизни. Это всё даёт положительный эффект и на физиологическом уровне. От этого у женщин улучшается и физическое и моральное состояние, это придаёт ей уверенности в себе. Любая хорошая новость, любая конструктивная мысль или грёзы о светлом будущем, любые положительные эмоции способны улучшить наше физическое состояние прямо здесь и сейчас. Ибо это связано с высоким уровнем серотонина (гормон радости) в крови. Как говорил персонаж Олега Янковского: «Улыбайтесь, господа, улыбайтесь...»

По этой же причине в критической ситуации мы можем притянуть к себе болезнь, а можем с ней справиться. Дело в том, что положительные эмоции на уровне физиологии ведут к усилению противовирусной защиты, к увеличению активности противовоспалительных факторов, к усилению иммунной системы. Уверенность и вера в своё выздоровление в виде мысленного посыла в мозг, приводят к положительным эмоциям, а затем к положительному лечебному эффекту. Мозг, приняв информацию, «загрузившись» поставленной задачей, постарается сделать всё для её выполнения, если это в принципе возможно. Ведь главное назначение мозга — это обеспечить наше существование, наш гомеостаз, правильную работу нашей физиологии. Недаром всю свою работу мозг организует таким образом, чтобы получить лучшую эмоциональную оценку. Возможности нашего организма, функционирующего под «управлением» мозга, очень велики.

Отрицательные эмоции, стрессовые ситуации нарушают штатный режим работы мозга, что может привести к шизофрении, к снижению защитных свойств, к ослаблению иммунной системы. Отрицательные эмоции связаны с другими химическими веществами — адреналином и норадреналином. Негативные мысли создают стресс и беспокойство сами по себе, даже если нет реальной на то причины.

Особую тревогу вызывает небывалый всплеск психических, онкологических, сердечно-сосудистых и других заболеваний в результате воздействия на мозг отрицательных эмоций: негатива, ненависти, сцен насилия, зла, идеологических войн, религиозных распрей, социальной политики и т.д. Они ведут к нарушению нормального режима работы мозга, «включают» другую биохимию, являются для нас «ядом» и укорачивают нашу жизнь. Они могут приводить к внешне необъяснимым скандалам, истерикам, разводам, гипертоническим кризам, вплоть до суицидов. Никогда ещё не рождалось столько детей с отклонениями. Мозг уходит в депрессивное состояние, вызывая болезни и смерти. Мы имеем принцип бумеранга на нейрофизиологическом уровне. Сознание человека значительно изменяет и процесс его старения. Пребывание в стрессовом удручённом состоянии сильно сокращает срок его пребывания на Земле. Восточная мудрость гласит: «Обижаться и негодовать, это всё равно, что выпить яд в надежде, что он убьёт твоих врагов».

Для здоровья человека очень важно, чтобы позитивные эмоции преобладали над негативными. Даже простое созерцание природных пейзажей благоприятно действует на организм и умственную деятельность. Настоящее искусство также пробуждает у человека массу положительных эмоций и может вызвать слёзы счастья и радости. Позитивные люди с хорошим настроением испытывают радость бытия, в их организме вырабатываются гормоны счастья. Это приносит истинное наслаждение жизнью не только им, но и окружающим. В критических ситуациях, когда человеку тяжело, необходимым фактором являются слёзы печали, утрат. Они облегчают на нейрофизиологическом уровне состояние организма. Это «выход» отрицательных эмоций, это «вывод» негатива из организма, его самоочищение. По этой же причине в тяжёлых ситуациях человеку нужно выговориться. Люди, которые молчат и держат всё в себе, находятся под серьёзным психологическим и психиатрическим рисками.

Несколько иная ситуация с медитацией, йогой, трансом и гипнозом. Все они связаны с изменённым состоянием сознания. При медитации главным условием является «снятие на время контролирующей функции мозга». Йога — это технический термин, обозначающий вполне определённый нейрофизиологический процесс. Он указывает на наличие предварительных условий для перехода к состоянию запредельного. Дело в том, что мозг создан для адекватного отображения нашей реальной действительности (макромира). Это ведёт к тому, что материальная природа мозга накладывает некоторые жёсткие, пока до конца не изученные, ограничения на процесс мышления. Существует некая биологически

защитая ограничивающая программа. При изменённых состояниях сознания тормозятся функции самоконтроля и защиты мозга человека, свойственные для обычного сознания. Любая терапия, направленная на изменение работы организма, может иметь побочные эффекты. Поэтому использование нетрадиционных методов в лечебных целях должно контролироваться специалистами, пока это — «тонкая материя».

Принципиальные возможности нетрадиционной медицины никто не отрицает, она может привести к удивительным изменениям в физиологии организма. Её элементы использует иногда сам организм. Примером является 90-минутный биоритм активности нашего организма. Его называют «циклом коммуникации сознания и подсознания» или «основным циклом покоя-активности». Он сводится к тому, что из 90 минут 70–80 минут приходится на активную фазу, а 20–10 минут — на пассивную фазу, релаксацию, которая соответствует спонтанному трансу. Этот биоритм соответствует внутренним биологическим часам, которые оптимизируют работу мозга и организма. Он считается естественным для всех здоровых людей. Спонтанный транс приводит к снижению тревожности, к состоянию внутреннего покоя и гармонии. Он связан с моментом синхронизации работы правого и левого полушарий. Поэтому спонтанный транс — это естественный процесс, который полезно осознать и использовать.

Задача традиционной медицины, задача психолога — «заставить» больного поверить в свои силы, вселить в него веру, надежду и оптимизм. Эти положительные эмоции, как «пусковой курок», «запустят» в нужном направлении защитную программу, защитный механизм и на уровне мозга, и на уровне физиологии.

Мы не можем иногда освободиться от навязчивой мысли, от внутреннего настроя, который определяет работу мозга. Каждый видит и слышит то, на что он запрограммировал свой мозг, о чём он думает больше всего. Это становится основой нашего жизненного опыта. В рассказе О. Генри «Последний лист» великолепно показано, как болезненная фантазия героини, связавшей свою смерть с последним осенним листом на старом плюще, рвёт все нити, связывающие её с жизнью и людьми. И только изображение художником этого листа на старой кирпичной стене помогает героине выйти из этого состояния. Таким образом, чтобы выбраться из стрессовой ситуации, надо перепрограммировать мышление на позитив самому или с помощью извне. Мозг, получив такую установку, обязательно «откликнется» и постарается помочь найти выход из ситуации.

Главное — сделать первый шаг, первый посыл. Есть очень хороший, простой и доступный психологический приём для обретения душевного равновесия. Он называется «Дневник радости». Суть его состоит в том, что каждый вечер нужно вспомнить и записать несколько приятных моментов, которые порадовали нас в течение дня. Со временем число таких приятных и радостных событий, происходящих в вашей жизни, будет увеличиваться, а негативные будут уходить на второй план. Постепенно будет происходить выбор в пользу радости, счастья, гармонии.

Влияние эмоций на работу мозга подтверждается также следующим экспериментом. Были взяты два контрольных, средних по уровню знаний, класса. В одном классе в процессе обучения школьникам «вдалбливали» при каждом возможном случае, что они тупые и нерадивые, что, естественно, вызывало у них отрицательные эмоции. В другом, напротив, при каждом удобном случае хвалили и говорили, что они умные и талантливые. Это, естественно, вызывало у них положительные эмоции. После нескольких месяцев такой «обработки», проведение контрольной работы с регистрацией активности мозговой деятельности показало следующее. Если в первом случае активизировались только некоторые отдельные зоны мозга, то во втором случае активизировался практически весь мозг. Мозг, будучи уверенным в своих возможностях, для реализации поставленной задачи «бросил» все свои резервы, что сказалось на результате.

Причина позитивного воздействия на мозг и организм положительных эмоций и негативного воздействия — отрицательных, скорее всего связана с изменением уровня постоянного потенциала. Как показали исследования в Институте мозга человека, повышение уровня постоянного потенциала связано с отрицательными эмоциями, а понижение — с положительными, что использовали при лечении больных электрическими стимуляциями. Если учесть, что нервный импульс представляет собой скачок потенциала внутриклеточной среды нейрона относительно внешней («разряд») в результате открытия ионных каналов, то очевидна связь эмоций с работой нейронов и мозгом в целом.

Мозг не видит разницы между реальностью и воображением. Тем не менее исследователи мозга пытаются выяснить, есть ли в нашем мозге нейроны, которые передают человеку информацию о том, настоящее это проявление или воображаемое. Если такие нейроны будут найдены, то это позволит получить новые методы лечения шизофрении и других расстройств, при которых пациенты не отличают реальность от иллюзий.

Поскольку мы говорим об эмоциях и об их влиянии на работу мозга, то хотелось бы упомянуть о так называемом «эмоциональном заражении», хорошо знакомом из реальной жизни. Речь идёт о зеркальных нейронах, которые на основании сенсорной информации способны зеркально отображать не только поведенческие намерения других людей, но и их эмоциональное состояние. Мы не только имитируем поведение других, но и вступаем в резонанс с их чувствами, с их внутренним мыслительным потоком. Зеркальность работает для всех сенсорных каналов. Всё — зрение, звуки, запахи ... настраивают нас на внутреннее состояние другого. Поэтому участники демонстраций, митингов, как единомышленники, быстро объединяются на нейрофизиологическом, подсознательном уровне. Они начинают составлять единое целое. Этим опасна толпа, которую объединяет какая-либо идея. Она представляет собой единый механизм. Это необходимо знать и контролировать своё поведение в таких ситуациях. Сфера действия зеркальных нейронов весьма широка — семья, школа, вечеринки, различного рода шоу, стадионы, театры, тюрьмы и т.д. Главное, чтобы это было «не случайное» сообщество. Поэтому близкие люди по взгляду, вздоху, движению, как говорят, «с полуслова», понимают друг друга. Этим объясняются разные «ауры» церкви, театра и тюрьмы. В тюрьме трудно остаться человеком, и вряд ли осуждённый выйдет на свободу «с чистой совестью». Это касается и обслуживающего персонала.

Влияние психики на работу мозга подтверждают также «детекторы ошибок», представляющие собой структуры мозга, которые предупреждают нас от ошибок. Это популяции нейронов, реагирующие на ошибочное выполнение задания. Они сигнализируют в плане импульсной активности о возможно совершённой ошибке. Физиологический механизм сводится к постоянному мониторингу и сравнению информации о текущем состоянии с моделью, находящейся в памяти. Как пишет Н. П. Бехтерева: «Когда вы уходите из квартиры, они (детекторы ошибок) не дают вам оставить в ней возможность для пожара. Вы стоите у дверей и вам кажется, что вы что-то забыли, только неизвестно что, то ли это не выключенный утюг, то ли газ... Есть выбор: либо вернуться и всё посмотреть, либо сказать себе: „Я прав, у меня всё хорошо, я пошёл...“ Какая из этих двух тактик правильная? Если с вами такое бывает редко, правильно вернуться и проверить, это детектор ошибок бережёт вас. Но если это становится привычкой, то решите ту проблему, которая вас беспокоит, как следует и скажите механизму: „Не ты хозяин, я хозяин, я пошёл“. А почему это важно? ...Наш страж от ошибок может стать нашим командиром. Он может вызвать тяжелейший невроз, если мы позволим ему стать хозяином.» Так что мозг и его структуры, в силу теснейшей связи психического и материального, могут в равной мере быть для нас и «хозяином», и «слугой». Такое их диалектическое единство.

ВЛИЯНИЕ МОЛИТВЫ НА РАБОТУ МОЗГА

В критические трудные моменты каждый человек обращается к Богу. Атеистов, по моему, вообще не может быть, так как наше пребывание на Земле ограничено во времени. ПРИРОДА совместила в человеке несовместимое — Сознание и Смерть. Рано или поздно, независимо от статуса и положения каждый человек на подсознательном уровне обращается с последней надеждой к Богу. В критические моменты и вера становится истинной, так как положение безвыходное. Вера в Творца, в какой бы ипостаси он ни был, вера в какое-то своё предназначение облегчает всё наше существование, придаёт смысл жизни, порождает позитив. Действительно, эти обращения к Богу часто помогают. Слушаев самоисцеления и самовыздоровления с помощью молитвы множество.

Мы прибегаем к молитве, надеясь разделить свою проблему с Богом. В этот момент, как истинно верующие, мы верим, что молитва будет услышана. При молитве человек как бы освобождается на время от земных забот, от невротических ситуаций, от травмирующей его действительности, от страхов. С точки зрения религии, молитва является актом коммуникации между Богом и человеком.

С точки зрения психологов, чудотворное её влияние объясняется силой самого человека — самовнушением. Человек настраивает себя на благоприятный лад и про-сит конкретно о том, что ему особенно важно в данный момент. Молитва — это не абстрактное убеждение, а конкретный призыв к реализации той или иной просьбы. Молитва — мощный психологический инструмент.

Исследователи мозга отмечают, что влияние молитвы на мозг приводит к повышению активности в лобных долях и в зоне мозга, отвечающей за речь. Для мозга молитва Богу схожа с общением с людьми. В этом вопросе наиболее интересны исследования нейрофизиологов.

Как заявляет Валерий Слезин, профессор Санкт-Петербургского психоневрологического НИИ им. В. М. Бехтерева: «Многим психиатрам и неврологам известен трудно объяснимый с рациональной точки зрения феномен, когда после молитвы облегчаются душевные расстройства, а больные, считавшиеся неизлечимыми, порою выздоравливают... До сих пор было принято выделять три основные фазы работающего мозга: быстрый сон, медленный сон и бодрствование. Каждой из этих фаз свойственен свой ритм биотоков. А как выяснилось в ходе эксперимента, во время молитвы ритм биотоков головного мозга замедляется настолько, что становится возможным говорить о существовании четвёртого состояния сознания — „молитвенного бодрствования“. В этом состоянии мозг фактически выключается: прекращается активная мыслительная деятельность... На ЭЭГ феномен выглядит следующим образом. В моменты бодрствования кора головного мозга взрослого человека генерирует альфа- и бета- ритмы биотоков с частотой от 8-ми до 30-ти гц. Когда же наши обследуемые погружались в молитву, то происходило замедление ритма биотоков до частоты всего лишь 3 гц. Эти медленные ритмы носят название дельта-ритмов и наблюдаются только у младенцев до 2–3-х месяцев... У некоторых обследуемых энцефалограф показывал полное отсутствие альфа- и бета- ритмов, только дельта-ритмы. С точки зрения нейрофизиологии молящиеся люди как бы впадают в детство... Мы считаем, что во время молитвы разрушаются патологические связи между нейронами мозга, потому что человек перестаёт думать о болезни. Порой это приводит к полному выздоровлению смертельно больных людей... Только верить и молиться надо по-настоящему, истово, от сердца, иначе лечебного эффекта не будет».

В обычном состоянии дельта-волны наиболее активно «вырабатываются» во время глубокого сна и обеспечивают восстановительные стадии. Они преобладают также, когда человек глубоко погружается в своё внутреннее состояние, в состояние

глубокой медитации. Они соответствуют бессознательному уровню, оставаясь «включёнными» даже тогда, когда остальные волны мозговой активности «выключены». Это радары, работающие на инстинктивном уровне. Они на глубинном уровне являются индикатором опасности. Люди с большой амплитудой дельта-волн обладают развитой интуицией, обострённым восприятием. Самое главное состоит в том, что именно в «дельта-состоянии» мозг продуцирует большое количество гормона роста, а в организме интенсивно идут процессы самовосстановления и самоисцеления. Это самые загадочные из всех типов волн. Эти биоритмы, дельта-волны, и преобладают во время молитвы. Как показывают исследования, молитва тогда становится целебной, когда она и вера истинные. Только тогда происходит «отрешение», полное расслабление и принятие существующей реальности, как данные Богом. В таком естественном для них состоянии находятся малые дети, у которых преобладают дельта-ритмы. С этих позиций молитва ближе к медитации, при которой происходит в какой-то мере «отрешение от мыслей».

То, что молитва улучшает эмоциональное состояние человека, нормализует пульс, давление, выравнивает дыхание, помогает диабетикам доказано многими экспериментами. За несколько минут снижается уровень холестерина в крови и нормализуются обменные процессы. Молитва особенно помогает тем, кто впадает в депрессию или страдает маниакально-депрессивным психозом.

Исследователи в Герцогском университете (США) пригласили нескольких монахов, сестёр и священников помолиться за 700 пациентов, страдающих сердечными недугами. В течение нескольких дней врачи делали заметки о состоянии этих больных, а когда эксперимент завершился, все данные передали экспертам. У 500 пациентов темпы выздоровления увеличились на 93%.

Как угодно можно относиться к верующим и к религии. И не важно, какой механизм воздействия молитвы — зеркальные нейроны, перестройка нейронных связей, отключение коры мозга, замедление ритмов биотоков, самовнушение, медитация, воздействие положительных эмоций и позитивных мыслей, но факт нормализации многих процессов в организме, факт укрепления психического и физического здоровья человека в результате молитвы не отрицают ни нейрофизиологи, ни психологи. Недаром В. М. Бехтерев при обходе своих пациентов давал такие указания: «Этим — лекарства, а этим — молиться».

Учёных поражает целесообразность ПРИРОДЫ в целом и БИОСФЕРЫ в частности. Они пронизаны гармонией, ничего лишнего. Даже синергетика (порядок из хаоса) великолепно вписывается в эту гармонию. Практически вся наука изучает эту целесообразность, пытаясь связать всё воедино и «нарисовать» картину МИРА. Возможно, что религия и вера в Бога, в Творца являются неотъемлемой частью человека и человеческой культуры, как единственный выход из ситуации — «Сознание и Смерть». Человеку тяжело осознавать, что с момента рождения он движется к смерти. Невольно возникают вопросы о смысле жизни, о предназначении человека. Поэтому истинная вера во многом облегчает наше существование не только на физическом уровне, но и на психологическом.

Речь идёт об истинной вере. Она не совместима с межрелигиозными распрями. Её нельзя использовать для манипуляций социумом и управления государством, что наблюдается на протяжении всей истории. Эти сложные взаимоотношения выражены наилучшим образом следующими строками русских поэтов.

*О, Господи, лютой пылая враждой,
Два стана давно уж стоят пред тобой;*

*О помощи молят тебя их уста,
Один — за Аллаха, другой — за Христа;
Без устали дружно во имя твоё
Работают пушка, и штык, и ружьё...*
Алексей Алухтин

*К Господу приходят в одиночку,
Толпами к убожеству идут...*
Николай Алешков

Как они точно отражают всю историю человечества...

ВЛИЯНИЕ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ НА ФИЗИОЛОГИЮ И ПСИХИКУ

Язык, слово, речь — это то, в чём проявляет себя отчасти сознание и сущность человека. Они несут в себе энергию и в рамках своей волновой природы и энергию, которая обуславливает коммуникации. Даже в животном мире криками, звуками происходит обмен информацией. У человека, обладающего высокоразвитой речью, естественно они связаны с мышлением, с работой нейронов, с сознанием. Как говорил святой Иоанн Дамаскин, звуки делают явными сокровенные мысли. Слова — это одежда наших мыслей. Слово проявляет свою деятельность в звуке, оно есть вестник мысли. *«Не зная, что говорят люди, нельзя узнать людей» (Конфуций).*

Последние исследования Штырова Ю. Ю., профессора Центра исследований мозга и познавательных процессов в Кембридже, показали, что в восприятии и понимании речевой информации мозгом человека участвуют не только традиционные речевые области, но и другие зоны мозга. Так формируется сеть нейронов, которая становится мозговым представителем слова, физиологически связывая его звучание и произношение с теми действиями и ощущениями, которые оно означает. Так что слова и концепции представлены в мозге в виде распределённых сетей нейронов, которые активируются практически мгновенно и автоматически при восприятии речи, что обеспечивает быструю обработку речевой информации. Мы имеем топографическую конфигурацию репрезентаций (представительств) слов в мозге. Опять нейроны и нейронные сети. Поэтому, естественно, слово, как и мысль влияет на нейрофизиологические процессы. Человеческое слово выражает в каждом акте его волю и его энергию. Слово может не только окрылить, спасти и осчастливить, но и оскорбить, ранить, принести много бед и даже убить. Один из многих примеров — трагическая смерть Марины Цветаевой. Несмотря на сложную жизненную ситуацию, на то, что она «давно примеряла смерть», именно слова горячо любимого сына явились для неё роковыми.

Большие исследования в этом направлении были проведены немецким психотерапевтом Носсратом Пезешкианом, номинантом 2009 г. на Нобелевскую премию, основателем направления позитивной психотерапии. Главный упор в ней делается на возможностях человека как главнейшем способе его исцеления от страданий и недугов. Он показал экспериментально на большой статистике, что некоторые слова и выражения могут программировать болезни и материализовать их в теле, то есть влиять на физиологические органы человека. Их он объединил под названием «органическая речь». Их разрушительная энергия способна подорвать любое крепкое здоровье. Используя и употребляя ёмкие метафоры, мы, не думая, отдаём мозгу такие чёткие команды, которые он не смеет не выполнить. Подобными словами-разрушителями, выражениями-разрушителями мы закладываем программу конкретной болезни, которая затем реализуется.

Вновь прослеживается связь психического и материального. Механизм воздействия, в принципе, такой же, как и в случае воздействия на физиологию эмоций и мыслей. Приведём несколько примеров таких выражений-разрушителей из исследований доктора Н. Пезешкиана, которые могут заложить программу будущих заболеваний.

— Что-то сидит в почках, моча в голову ударила, нет сил, смертельно устал... — урологические заболевания.

— Найти отдушину, перекрыть кислород, чихать на кого-то или на что-то, дать волю своему гневу... — бронхиальная астма и гипервентиляционный синдром.

— Высасывает кровь, выжимает соки, это вошло в мою плоть и кровь... — заболевания крови.

— Сердце разрывается, удар в самое сердце, принимать близко к сердцу... — инфаркт миокарда.

— Глаза бы тебя не видели, страшно смотреть, смотря зачем, свет не мил, непроглядный... — заболевания глаз. И т.д.

Сам факт присутствия в активной речи подобных выражений закладывает и поддерживает программу болезни. Так что необходимо следить за своей речью. Подобные выражения необходимо заменить на нейтральные синонимы.

Даже когда мы просто «в сердцах», находясь в удручённом состоянии, говорим: «Я не могу больше», «Я устал», «Да лучше умереть», «Я не умею», «Это выше моих сил», «Это невозможно», «Я не выдержу», «У меня никогда не получится», — это может вызвать негативные последствия. Это не просто выражения и слова, это мысли, реализованные в слова. Они могут служить посылом, неким «приказом» для их исполнения на нейрофизиологическом уровне. Они запускают в мозге негативные процессы, определённую биохимию, определённые команды на реализацию. Они ограничивают наши возможности, нашу жизненную миссию. Если кто-то говорит: «Я стар, я устал, я не в состоянии что-либо делать», то соответствующей будет реакция и мозга, и организма. Организм будет готовиться к смерти. Подобные слова и выражения Н. Пезешкиан называет «слова-кандалы». Практикующие хирурги отмечают, что ложиться на операцию с негативными мыслями и настроением, это практически обречь себя.

А есть другие слова и выражения, которые Н. Пезешкиан называет «слова-крылья». Они вызывают обратную реакцию, делают нашу жизнь более полной и радостной, обогащают нашу жизненную миссию, стимулируют нашу деятельность, раскрывают наши таланты, заставляют мыслить продуктивно. Это: «Я могу», «Я сумею», «У меня всё получится», «Я преодолею», «Я бодр и здоров» и т.п. Контролируя свой язык и свою речь, мы контролируем свой организм и своё тело. В принципе человек способен совершить то, о чём он говорит.

Н. Пезешкиан, говоря о словах-кандалах, использует часто частицу «НЕ». Есть точка зрения, что частица «НЕ» не воспринимается подсознанием. Да, в психологии есть такая проблема. Действительно в некоторых случаях возникает эффект игнорирования частицы «НЕ». Тогда, если мы формулируем некую установку, используя частицу «НЕ», то психика человека интерпретирует её с точностью до наоборот. Но это в некоторых случаях! Они все подробно рассмотрены в учебниках. Психика будет воспринимать всё верно, если то, что необходимо воспринять, в неё гармонично вписывается. Это обеспечивается знаниями, интегрированным подходом, контекстом, критическим мышлением, памятью и другими факторами. Тем более, что восприятие любого слова связано с работой нейронов и с частотной обработкой информации.

Очевидно и то, что вместо запрета с частицей «НЕ», который не даёт вариантов действий, лучше использовать позитивные формулировки. Желательно избегать негативных утверждений. Какие лучше использовать фразы-выражения: «Я не хочу

болеть» или «Я хочу быть здоровым»? Конечно, приоритет у второй фразы. Есть ключевые слова. В первом случае это «болеть, болезнь», вызывающие отрицательные эмоции. Во втором случае это «здоровым, здоровье», вызывающие положительные эмоции. А для мозга это уже руководство к конкретному действию.

МАНИПУЛЯЦИИ СОЗНАНИЕМ

Говоря о связи мозга и сознания, необходимо учесть возможность манипуляции нашим сознанием. Речь идёт о восприятии информации. Для этого используется, в частности, метод прайминга. Прайминг — это предварительная подготовка, «преднастройка» аудитории к восприятию нужной информации. Поступающая информация может активировать понятия или знания, приобретённые в прошлом и хранящиеся в нашей памяти, если они имеют отношение к содержанию новой информации. Отдельные мысли и чувства, сохраняющиеся в памяти, вспоминаются и ассоциируются с новой информацией. Аудитория склонна иметь мысли, содержание которых подобно увиденному, или семантически сходные мысли. Если у нас в долговременной памяти «зафиксирована» какая-то определённая информация, то, воспринимая новую информацию, ассоциативно близкую к ней, но нужную нам, эта новая информация воспринимается более легко и более эффективно на подсознательном уровне. Это и есть «преднастройка», предподготовка. Аудиторию вначале «готовят», а затем «преподносят» ей нужную информацию.

Метод прайминга широко используют для управления нашим социальным поведением и процессом принятия решений. Мы думаем, что это мы сознательно принимаем решение, это наша воля. На самом деле в результате проведённой «преднастройки» нас подводят к принятию именно этого решения. Наиболее ярким примером бессознательного прайминга является всем хорошо известный «25-й кадр». Эта неосознанная «жертвой» информация, вынуждает её совершить нужные действия.

Медиа прайминг — это социологическая концепция, когда активация в сознании индивида одной мысли может вызвать активацию мыслей, близких ей, что и используется для манипуляции общественным сознанием. Главное, используя маскировочное пространственно-временное информационное поле, эффективно и ненавязчиво подать соответствующую информацию. Это очень эффективный метод манипуляции общественным сознанием. Его используют при проведении выборных кампаний, все заказные СМИ во время зрелищных и спортивных мероприятий, при освещении политических вопросов и т.д. Прайминг охватывает все сферы деятельности человека и социума: маркетинг, воспитание, обучение, тренинг, политику, управление, рекламу. Его эффективность объясняется тем, что он базируется на соотношении сознательного и бессознательного. Это умное и тонкое управление массами.

Особенно этот метод широко используется на телевидении, так как визуальная информация является самой результативной. Воспоминания телезрителей, как правило, определяют реакцию на сообщения в новостях. Можно перед политической рекламой правящей партии осветить плачевное состояние экономики, а можно — успехи на Олимпийских играх. Результаты будут отличаться существенно. Предыдущая информация, выполняя функцию прайминга или антипрайминга, определяет эффективность последующей рекламы. Примером может служить также тот факт, что объявление о поэтапном повышении пенсионного возраста в России было сделано Медведевым Д. А. 14 июня 2018 г. во время открытия чемпионата мира по футболу, а 16 июня этот законопроект был внесён правительством в Госдуму.

Приведём некоторые примеры прайминга, связанные с различными видами образной памяти — зрительной, слуховой, обонятельной, осязательной и вкусовой:

— Запах чистящего средства стимулирует желание чистоты и в таких помещениях мусорят гораздо меньше.

— Использование изображений глаз и видеокамер намного снижает уровень анти-социального поведения людей.

— Одна фирма гарантирует 90% Успеха, другая информирует о возможных 10% Неудачи. При одинаковом риске пользователь выберет первую фирму.

— Сцены насилия мотивируют асоциальное поведение человека. После выхода фильма «Первая кровь» наблюдался всплеск убийств молодыми людьми, которые подражали Рембо.

— Хотите увеличить продажу французских вин в магазине, включите неназойливую известную французскую музыку. И т.д.

Примеров можно привести множество. Мы живём в мире прайминга. Это неотъемлемая часть функционирования социума и государства. Поэтому фраза «Это моё мнение, моё решение» чаще всего вызывает улыбку. С точки зрения нейрофизиологии людьми управлять не так уж сложно. Главное, создать иллюзию самостоятельности действия и решения. С точки зрения нейрофизиологии объяснение прайминга простое. Экспериментально установлено, что реакция мозга на знакомые стимулы отличается от реакции на незнакомые меньшим потреблением энергии, и при восприятии повторяющихся процессов вовлечено меньше нейронов, чем при восприятии новизны. То есть, это есть результат оптимизации процессов приёма информации при распознавании образов.

Анализ телевизионных программ и всех средств массовой информации, с позиции прайминга, приводит к грустным размышлениям. Приоритет низкопробного материала, связанного с низменными человеческими инстинктами; сплошные криминальные сериалы с обязательными сценами насилия и убийств; различные шоу низкого качества и сомнительного содержания; одностороннее засилье политических программ; открытая пропаганда культа денег; практически полное отсутствие научных и познавательных программ и т.п. — всё это присуще современным СМИ. Тот факт, что на центральных каналах по полгода «муссируются» личная жизнь А. Джигарханяна, С. Мишулина и других известных людей, говорит о многом. Всё вышеперечисленное позволяет сделать вывод, что «качество» человека и его гуманитарная культура катастрофически падают.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы рассмотрели фактически одну из главных проблем философии — проблему соотносительности мозга и сознания, которой более двух тысяч лет, и убедились, что это не абстрактная проблема. Для нас она выливается в проблему соотносительности психологии и физиологии. Именно они определяют всё наше земное существование и наше благополучие. Как оказалось, они теснейшим образом связаны друг с другом, и психология во многом определяет физиологию. Знание нейрофизиологии мозга, физических, химических и биологических процессов, происходящих в его структурах, позволяет по-другому взглянуть на окружающий мир, на природу, на социум и на взаимоотношения между людьми.

Человек пытается понять свою сущность и своё место во Вселенной. Это сложно, так как пространственные и временные масштабы не соизмеримы. Мы с вами «пишем» книгу жизни и одновременно её «читаем». Анри Гидель писал, что парадокс чтения состоит в том, что «оно уводит нас от реальности, чтобы наполнить реальность смыслом». Я бы хотел, чтобы наше отношение к реальности, к жизни было не просто формальным, а приобрело смысл. Удачи Вам и здоровья!!!

ДЕЛО БЫЛО В ЕЛАБУГЕ

ИСПОВЕДЬ ЭКСКУРСОВОДА

Если бы мне лет 30, да даже 20 назад предсказали, что я буду водить экскурсии по своему маленькому городку, я не покрутил бы пальцем у виска, но отнёсся бы к этому с невероятным сомнением.

А вдруг взяло да и случилось! Москва и Санкт-Петербург хоть и были в моей жизни, но растаяли как мираж. То есть города-то остались, а вот моё желание вырваться из Елабуги и жить именно в Москве, которую я посещал на пути к бабушке в Калужскую область, равно как и появившееся позже страстное желание жить именно в городе на Неве с его сыростью, туманами и домами-колодцами как раз и пропало. Сказать, что растаяло, словно мираж — это слишком просто. Даже вроде как-то примитивно. За этим таянием миража лежит нечто большее, чем простая романтика или дикое желание «В Москву!»: там боль, там потери, разочарование и философские размышления над тем, что всё-таки, может, то именно и верно, что где родился, там и пригодился. Но и тут не всё верно, ибо тогда мне вообще надо вернуться в Магадан на свою историческую родину...

Сошлись там звёзды или рассыпались, как десяток кеглей в боулинге при первом же страйке, но я пригодился не там, где родился, и не в белокаменной с её Красной площадью, и уж тем более не в городе белых ночей, а в прикамской Елабуге, которую застал ещё до её 200-летия. Застал запущенную, мало кому интересную, с несколько непривычным и даже странным разделением на «город» (верхняя часть с её пятиэтажками) и на «деревню» (соответственно, нижняя часть), а ещё с будоражащими тогда, в начале 1980-х годов, лично моё воображение урбанонимами «Угол дураков» и «Китайская стена». Сегодня эти и другие урбанонимы, «Шанхай», к примеру, или «Пентагон» уже не вызывают во мне тех ярких эмоций, что прежде, и связано это с тем, что я уже могу рассказать, пояснить, почему эти городские объекты так именуют. А тогда — не мог! К тому же эта информация порой оказывается не менее, а, пожалуй, более интересна, чем ФИО известных людей, чьи судьбы тесно переплетены с Елабугой.

И вот я в автобусе с туристами. Их может быть 10–16, а может быть и 40–45: всё зависит от невероятно очевидной вещи — от того, какой это автобус. И вот они сидят, они приехали в город, где «Их всегда ждут!» и теперь надо их, выдавших-повыдавших если не все, то очень многое, познакомить с Елабугой. Я не ставлю перед собой цель влюбить туристов в мой город — я просто знакомлю их с домами, улицами, памятниками, людьми. Но перво-наперво я, конечно же, поприветствую наших гостей, поинтересуюсь, из каких они городов. То есть мне любопытно, откуда они родом, где

живут и где, если уж на то пошло, пригодились. Так начинается моя игра «Судебная нить», суть которой очень проста: найти и желательнее всего максимально ярко продемонстрировать связь тех городов, из которых прибыли мои туристы, с Елабугой. Ну, тут вообще никаких заковырок нет с Магаданом, Ленинградом-Санкт-Петербургом (лучше избегать слова «Питер», общаясь с коренными жителями Северной Венеции), с Москвой. Без труда свяжу свою Елабугу с их Алуштой, Казанью, Кировом, Можгой, Пермью, Волгоградом, Екатеринбург, Челябинском, Берлином, Америкой (в первую очередь с Сан-Франциско)... А потом мы едем от музея к музею, причём в каждом из музеев я, как и почти все наши экскурсоводы, отдыхаю, то есть почти молчу, давая возможность хозяевам на местах самим познакомить со своим богатством тех, кого я к ним привёл. И вот по прошествии трёх-шести часов утомлённый турист покидает Елабугу. Бывает и так, что осознаёт — не забыть ему теперь этот город никогда. Как поют в пырьевской музыкальной комедии 1941 года дуэтом Марина Ладынина и Владимир Зельдин:

*И в какой стороне я ни буду,
По какой ни пройду я траве,
Друга я никогда не забуду,
Если с ним подружился в...*

И те редкие моменты, когда действительно оказывается, что ни город, ни тебя не забыли — это моменты невероятно вкусного коктейля, в котором в равных пропорциях смешаны радость и гордость. Эти моменты дают о себе знать весьма своеобразно: в сентябре 2013 года Рафаэль Айдаров из Перми, узнав от меня, что в Перми есть улица Елабужская, нашёл эту маленькую улицу и сделал, и прислал мне несколько фотографий. А вот сделать фотографии картины Ивана Шишкина «Танайский лес близ Елабуги», что в Пермской картинной галерее, ему не разрешили (невероятно приятно, что он это пытался сделать для меня). Но что не получилось у него, то получилось у другой пермячки — Кузнецовой Светланы Михайловны, которая в том же 2013 году сфотографировала для меня эту шишкинскую картину. В 2015 году Владимир из Нижнего Новгорода прислал мне фотографию парохода «Елабуга», которую нижегородец увидел в альбоме «Нижний Новгород и нижегородцы в старинных фотографиях» (местное издательство «Кварц», 2012 г.) и прислал мне. Все бы ничего, но я знакомил Владимира с Елабугой в 2010 году, а фото он для меня подготовил спустя 5 лет. А вот 26 апреля, в день рождения Тукая, ещё один сюрприз, как эхо из 2010 года. Тогда в одной из групп (москвичи и петербуржцы) меня спросили, а смогу ли я найти связь между Парижем и Елабугой. Отшучиваясь, что, дескать, недалеко от нас на реке Вятка стоит город Мамадыш, правда не Вятской (как у нас) губернии, а Казанской, а в этом городе в ходу шутка-прибаутка — «В Мамадыш через Париж», а от нас до Мамадыша всего-то километров 40, я вспомнил первый трансконтинентальный автопробег по маршруту Пекин-Париж — в мае 1907 года несколько автомобилей этого пробега заехали и в Елабугу. И вспомнив, что наша кавалерист-девица лихо воевала с французами в Отечественную войну 1812 года, я ещё припомнил французского барона Жозефа де Бая. Рассказывая о том, как де Бай связан с Елабугой, я поведал (очень коротенько) о том, как в Москве в книжном магазине на Новом Арбате в отделе антикварной книги я увидел в продаже увесистый том в кожаном переплёте, цена которого была без преувеличения с пятью нулями, а на обложке из кожи было вытеснено, знакомое мне имя *Le Vaon de Baye*. К гадалке не ходи — купить эту книгу я не мог. Да и сегодня, наверное, она мне не по карману. Но полистать-то

можно! Спросил — разрешили. И увидел я в той книге фотографию, где этот самый парижский барон сидит в карете-тарантасе чуть ли не в обнимку с одним из наших знаменитых в прошлом купцов Ушковых. Фотоаппарата с собой, а тем паче смартфона у меня тогда не было, а стало быть, что глаза увидели, то и запомнил.

Вот что я тогда рассказал своим туристам, один из которых — москвич Николай — спустя столько лет вспомнил о Елабуге и обо мне, и том моём монологе про фото парижанина Де Бая с нашим Ушковым, и нашёл и прислал мне это фото. Вот такая она — память о Елабуге!

Р. С. Про французского археолога барона Жозефа де Бая я как-нибудь ещё напишу.

ЩЕПЕТИЛЬНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Я один из тех многих, кто в Елабуге живя, если и не многим обязан, то уж точно за многое благодарен Наталье Александровне Вердеревской, ушедшей от нас в конце марта этого года. В середине 1990-х годов я стал студентом историко-филологического факультета Елабужского государственного педагогического института. В 1996 году на елабужском рынке у продавцов аудиокассет с записями популярных исполнителей из динамиков звучал и очередной хит Евгения Осина «Студентка-практикантка». Не многие знают, что в основе этой песни лежит городской фольклор, доработку которого для Евгения Осина, а точнее для проекта «Женя Осин», построенного на багаже песен 1970-х годов, осуществил А. Алексеев (я, кстати, так и не разобрался кто именно из двух братьев-музыкантов Алексеевых — Александр или Алексей — причастны к «Практикантке», но это в данном случае не суть как важно). Не так важно и то, что песня «Студентка-практикантка» появилась в 1976 году в репертуаре ВИА «Самоцветы», с которой (я имею в виду песню) вариант Евгения Осина схож примерно так же, как схожи меж собой река Тойма и Кама, что близ Елабуги. В общем, ключевое в моём повествовании на данном этапе то, что в основе «Студентки-практикантки» лежит городской фольклор. Об этом я, кстати, узнал от Натальи Александровны Вердеревской, но как это произошло — об этом чуть позже.

Итак, в самой середине 1990-х годов фольклор нам, студентам, читала Вердеревская. Я помню, как она впервые вошла в нашу группу в аудиторию № 43: тихо и неспешно. Села за стол и опять-таки тихо начала свой рассказ. Нет, она не читала нам лекцию, она именно рассказывала. Её манера подачи материала меня заинтересовала и одновременно заинтриговала. Лет через 10 после ЕГПИ я по-особому оценил, например, такой приём общения, со студентами, когда она давала для прочтения вслух совершенно незнакомый текст. Мне лично тогда досталась повесть о Бове Королевиче: ох и напортачил я тогда при чтении вслух данного мне фрагмента! Сотни раз я вспоминал (и вспоминаю) следующее её правило, которое она очень чётко перед нами обозначила: «Как бы вы здесь не учились, какие бы оценки не получали и как бы успешно или не успешно не сдавали зачёты и экзамены, принцип самообразования никто никогда не отменял». Когда мы ещё в мои студенческие годы общались один на один, Наталья Александровна часто говорила простую фразу: «Читай. Много читай! И обязательно прочитанное обсуждай с кем-нибудь». Тогда же я узнал, что в роду у Натальи Александровны есть дворяне; узнал, что её отец — Александр Дмитриевич Вердеревский — был репрессирован в 1937 г. и расстрелян в 1938 г., как враг народа (реабилитирован в 1957 г.). Эти «нюансы» нами особо не обсуждались, но в моём роду по линии матери было нечто похожее. Но всё-таки к теме репрессий мы с Натальей Вердеревской в 2008 году подошли ох как плотно: Елабужский государственный музей-заповедник (ЕГМЗ) готовил к печати её книгу «Мы дети тридцать седьмого» а я выступал в этой работе одним из редакторов и дизайнеров издания.

Тема — безусловно больная, но совместная работа позволила мне кое-что из истории своего рода рассказать Наталье Александровне. А то, что тема **ОЧЕНЬ БОЛЬНАЯ**, я особенно понял через год после выхода этой книги, когда, оказавшись по рабочим вопросам в Самаре, посетил областной историко-краеведческий музей имени Петра Алабина. В этом музее в экспозиции «Операция „Большой террор“» я увидел фотографию председателя ульяновского горсовета Александра Дмитриевича Вердеревского, которого весной 1938 г. и расстреляли в Куйбышеве (кто не знает, но именно так называлась Самара с 1935 по 1991 гг.) вместе с членами куйбышевского обкома. Я тогда сделал несколько фото той карточки в витрине на свой фотоаппарат, но так и не решился показать эти снимки Наталье Александровне.

В 2011 году нас с Натальей Вердеревской вновь свела нос к носу совместная работа над книгой «Из-под кустика, из-под камешка», в которую вошли старинные русские народные песни, записанные в 1960–80-х годах в Елабужском и Менделеевском районах Татарии. В этом проекте я выступил как один из редакторов и предложил для обложки взять фрагмент картины Бориса Кустодиева «Деревенский праздник (Осенний сельский праздник)». Вот тут уж мы вдоволь набалаболились на тему фольклора! Вспомнили и Бову Королевича, и сборник Кирши Данилова, но особый акцент был сделан на частушках. Вот тут уж я позволил себе полюбопытствовать и получить всё-таки ответ на вопрос, который меня начал волновать лишь после того, как я пришёл работать в ЕГМЗ и стал достаточно часто пересекаться с Натальей Вердеревской, которая очень трепетно относилась к библиотеке Серебряного века. К слову, отмечу, что эта любовь была взаимной.

Вопрос же был таким: «Почему Вы тогда покраснели?». Тут, конечно же, читателю надобно кое-что разъяснить. Не скажу, что с удовольствием, но я это сделаю. Итак, когда в те, казалось бы, далёкие лихие 90-е, мы вышли на фольклорную практику, Наталья Александровна дала мне так сказать «особое задание». «А ты, Андрей, — сказала она мне — собери мужской фольклор. Частушки запиши». Тут мне понадобилось уточнить, правильно ли я понял, что мне надобно будет сделать акцент на той части частушек, где используется ненормативная лексика, или, попросту говоря, мат. Такое интересное и, признаюсь, несколько щепетильное предложение, Наталья Александровна объяснила так: «Ты постарше всех будешь, поэтому отнесёшься именно к теме более серьёзно».

Я и отнёсся серьёзно. И собрал. Именно собрал и записал, а не переписал из какой-нибудь фольклорной книги. Тогда ещё даже в нашем дворе единственного в Елабуге кооперативного дома мужики, стуча костяшками домино, бывало и частушки выдавали, а не только анекдоты. Нередко это сдабривалось водочкой или самогоном. Всего-то надо было набраться наглости и подсесть к игрокам, взяв предварительно с собой не только тетрадь да ручку-карандаш, но «пузырь», как тогда говорили — напитки позволяли бы раскрыться талантам мужиков-частушечников. Иных записывающих устройств в моём распоряжении тогда не было, а тащить с собой катушечный магнитофон «Яуза-207» не хотелось. В общем, как бы то ни было, но у себя во дворе я записал всего три частушки. Ещё несколько частушек с подачи моих друзей записал у их дедушек да бабушек. И вот тут нарисовалась проблемка, для решения которой я отправился к Наталье Вердеревской. Суть моего обращения к руководителю фольклорной практики была проста: «В том, что я записал, столько неприличных слов, что я не знаю как мне их записать — буква в букву, или первой буквой с многоточием!». Наталью Александровну устроил вариант с первой буквой и точками, но, когда я принёс ей свои записи, она несколько раз то и дело спрашивала меня: «А это что за слово? А здесь?». В общем, опуская эти нюансы, скажу, что всё-таки она мне разрешила написать все слова именно так, как я их услышал.

И вот он — первый день после практики, когда мы (не все конечно, но те, кто справился с поставленной задачей) сдали свои тетради с записями. Неважно, кто, как и что записал, мне было теперь, сидя в аудитории, где сорок с лишним студентов, особо интересно наблюдать за Натальей Александровной, которая, просматривая сданные нами тетради, зачитывала вслух тот фольклор, что ей показался интересен. И вот в руки она взяла мою тетрадь, фамилию озвучила «Андрей Иванов». И наступила гробовая тишина, потому что все знали, что я записывал мужской фольклор. А хотелось узнать всем!

Я стал пристально смотреть на лицо моего учителя и, ёшкин кот, лицо сверху вниз стало буквально на моих глазах краснеть. Не как помидор, но всё-таки. Из всего, что я перенёс из дворов и с улицы в тетрадь, она прочитала тогда вслух только две частушки, даже скорее не прочитала, а в свойственной ей манере исполнила. Это был 1996 год, а в 2011-м я вернулся к этому событию через обозначенный выше вопрос: «Почему Вы тогда всё-таки покраснели?». Ответ был таким (почти дословно): «Я конечно много разных частушек с крепким словцом слышала, но таких елабужских на тот момент ещё не приходилось, а учитывая то, что читала я их впервые, то я и не справилась со смущением». Вот такая щепетильная история, которая, кстати (чуть не забыл) началась именно с песни Евгения Осина «Студентка-практикантка», которую Наталья Александровна знала в пяти вариантах.

Ну а вошли мои частушки в какой-никакой фольклорный сборник, или нет, я не знаю. Не знала этого и Наталья Вердеревская, но она сказала, что отправила их куда-то. Может, ещё и встречу свои частушки. А может и Вы, уважаемый читатель, встретите. Их легко будет узнать, уверяю вас. По знакомым словам, «Елабуга» или «Танайский лес».

Р.С. По понятным причинам (цензура, знаете ли) собранные мной частушки, из коих я чётко помню лишь три (но остальные при желании могу восстановить), я в этом материале использовать не могу.

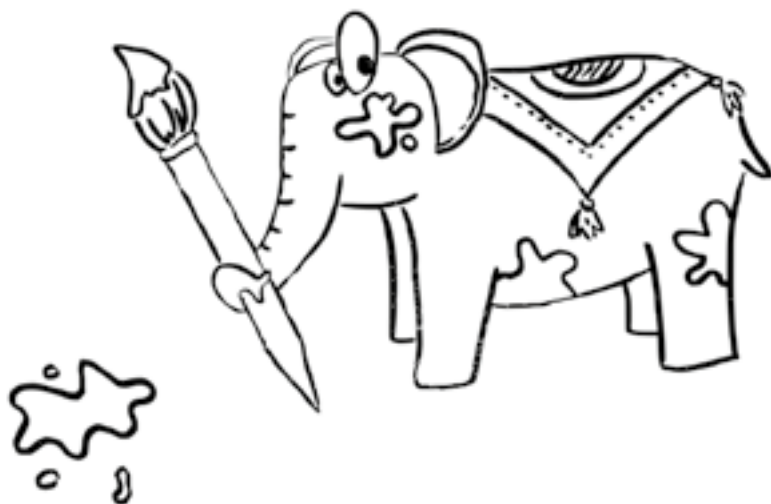
От редакции. Маша Губанова — наша землячка, она живёт в Зеленодольске и учится в 7 классе гимназии № 10. У Маши — это вторая публикация в журнале «Аргатак» — нам очень уж понравились её озорные стихи и рисунки.

ПЕРЕМЕНКА

ЖЁЛТЫЙ СЛОН

Села я учить уроки,
Математику взяла,
Я задачки порешала —
Ничего не поняла.
По ИЗО нарисовала
Ярко-жёлтого слона
И по русскому писала
Кривоватые слова.
Я немножечко устала
И решила отдохнуть.
С полки ёжика достала
Поиграть хоть пять минут.
Из коробки под диваном

Я жирафчика взяла,
Зацепилась сарафаном —
Сарафанчик порвала.
Я решила взять иголку,
Чтобы дырочку зашить.
Долго мучилась без толку —
Мне заплатку не пришить.
Посмотрела я в окно,
Ну, а там уже темно...
Вот и жизнь моя темна,
Заблудилась, как в лесу.
Только жёлтого слона
Завтра в школу принесу.

СЮРПРИЗ

Я Серёжке под подушку
Подложил на днях лягушку,
Притаился, подождал –
Очень долго он визжал.
А чего он ожидал?
Сам же списывать не дал!

РАДОСТЬ

Сегодня в школу рано
Принёс пакет конфет.
Чтобы ребятам в классе
Раздать их на обед.
Сегодня радость в доме –
Родился младший брат.
Хоть он ещё в роддоме,
Пусть будет каждый рад!

ТВОРЧЕСКИЕ МУКИ

Рифма в строчках заблудилась.
Муза в ямку провалилась.
Не могу писать пока,
Дай-ка выпью молока.
И ещё поем варенье.
Где же это вдохновенье?
Может быть, на потолке?
Или где-то в уголке?
Спряталось за шкаф в прихожей?
На него это похоже.
Раз, два, три, четыре, пять –
Я иду тебя искать!

КОЛЯ, САШКА И ТАРАС

Коля, Сашка и Тарас
Зашли сегодня молча в класс.
Обычно прыгают, кричат,
А тут загадочно молчат.

Исчезли сразу все догадки,
Когда раскрылись их тетрадки.
Они работы не решили,
По жирной двойке получили.

МИШКА В СЕРОМ ПИДЖАКЕ

Сидит на полке в уголке
Мой мишка в сером пиджаке.
Смотрю я с грустью на него,
Нам поиграть не суждено.
Уроков задали вагон,
Сижу, как загнанный бизон.
Сидит мой мишка в уголке.
Помочь ничем не может мне.

ТЮЛЕНЬ

Пару дней за мной он ходит,
На уроках глаз не сводит,
Мне вкусняшки покупает
И до дома провожает,
Двери все мне открывает,
И в столовой пропускает,
Носит сумку целый день,
Смотрит глупо, как тюлень,
Но не нужен мне такой
Санчо Панса удалой.
Класс уж весь над ним хохочет,
Лучше б выучил предмет.
Физику списать он хочет
Вот и носит мне конфет.
Я всё сразу поняла,
Но списать так не дала.

КОТ

Могу на стол запрыгнуть
И в шкаф залезть в прихожей,
Дугою спину выгнуть –
Поберегись, прохожий!

Могу диван царапать,
Шипеть, как три гадюки,
Легко мне птичку сцапать,
Легко вцепиться в брюки.

Могу я распушиться,
Не надо меня трогать,
Люблю поест ущицы
И заточить свой коготь.

В комод люблю забиться –
Никто здесь не мешает.
Клубочком там скрутиться
Пока никто не знает.

Я лапкой умываюсь,
Проснувшись на рассвете,
И с мячиком играюсь,
Как маленькие дети...

ЗАВОДНОЙ КРОКОДИЛ

Заводного крокодила
Мама дочке подарила.
Я с ним вечер проходила –
Полюбила крокодила.
Запускала, заводила

Своего я крокодила.
В детский сад его носила,
Весь там ключик искрутила
У игрушки-крокодила
И пружинку повредила.
Он теперь не заводной,
Но любимый и родной.

ЛЕДЕНЕЦ

Катя в красном сарафане
Подбежала утром к маме,
Попросила леденец,
А ей дали голубец.
Полились ручьём слезинки
У капризной Катеринки.
Есть не хочет голубец,
Слёзно просит леденец.
Слёзы губки оросили,
Леденца они просили.
Катерина не сдавалась,
Мама долго продержалась,
Но дала ей леденец.
И слезам пришёл конец.

Наши авторы

стр. 120 АНАШКИН Эдуард Константинович — член Союза писателей России, прозаик, эссеист. Родился в 1946 году в Забайкалье. Закончил Усольский сельскохозяйственный техникум и историко-филологический факультет Ульяновского пединститута. Автор прозаических книг «Вовкин поцелуй», «Запрягу судьбы я в санки» (с предисловием Валентины Распутина), а также книг эссеистики «На литературных перекрестках», «Лети, мой блистательный снежке», книги «В. Г. Распутин. Документальная повесть о дружбе с писателем». Издавался в Москве и Самаре. Автор многих публикаций в центральных и региональных изданиях России. Лауреат Всероссийской премии «Имперская культура». Лауреат Всероссийской литературной премии «Традиция» Правления Союза писателей России. Лауреат самарских региональных премий им. Гарины-Михайловского и им. Шукшина. А также лауреат премий журналов «Русское эхо» (Самара) и «Сура» (Пенза). Живёт в Самарской области.

стр. 85 БИРЮЛИН Виктор Владимирович родился в 1951 году в городе Астаре Азербайджанской ССР в семье военнослужащего. Окончил филологический факультет Саратовского государственного университета. Автор сборников литературно-критических статей «Душа обязана трудиться!..», «Время отвечать на вопросы», книг публицистики «Народный полководец», «Человек, которого обманули», очерка «Война без победителей!» и книг эссе, рассказов «Размышления в саду», «Золотой блеск форели». Печатался в журналах «Волга», «Москва», «Наш современник», «Молодая гвардия», «Волга — XXI век», «Сура», «Иные берега» (Финляндия), «Ковчег», «Симбирск». Член Союза писателей России с 1988 года. Живёт в Саратове.

стр. 166 БОЙКО Нина Павловна. Родилась 23 октября 1950 года в городе Губахе Пермского края. Окончила Пермское музыкальное училище по классу фортепиано. Жила и преподавала на Урале, Алтае и в Грузии. Член Союза писателей России (1998). Публиковалась в различных периодических изданиях. Автор нескольких книг. Основные литературные жанры: проза, публицистика, документалистика. Лауреат первой премии Всероссийского журналистско-литературного конкурса «Моя малая Родина» (2002), литературной премии им. А. Платонова (2011), дипломант Международного фонда славянской письменности и культуры (2005), лауреат года журнала «Молодая гвардия» (2011), обладатель звания «Серебряное перо Руси» (2010), кавалер ордена им. Достоевского (2014). Живёт в Губахе.

стр. 243 ИВАНОВ Андрей Николаевич родился 28 февраля 1974 года в Магадане. Школу, училище культуры (режиссёрское отделение) и институт (историко-филологическое отделение) окончил в Елабуге, где и живёт в настоящее время. С 1991 года занимается краеведческой деятельностью; с 2003 года еженедельно в газете «Вечер Елабуги» публикует краеведческие материалы. С 2007 года работает в Елабужском государственном музее-заповеднике. В настоящее время — директор Би-

блиотеки Серебряного века. Автор книг «Притчи и истории для тренера и консультанта» (Санкт-Петербург, «Речь», 2007), «Николай Пинегин: очарованный Севером» (Елабуга, 2010), «123 и еще 3 байки, способные изменить вашу жизнь» (Елабуга, 2011). Награжден орденом «Общественное признание» (2014). Автор проекта «Документальный театр МИФ: Музей. История. Факты», получившего в 2014 году грант Фонда Тимченко в рамках Всероссийского конкурса «Культурная мозаика малых городов и сёл».

стр. 8 КАН Диана Елисеевна родилась в советском городе-гарнизоне Термезе в Узбекистане в семье кадрового офицера, этнического корейца. В 1980 году переехала в Оренбург, на родину матери, потомственной яйцой казачки. Закончила факультет журналистики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова и Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А. М. Горького. Член Союза писателей России, автор семи стихотворных книг. Дважды лауреат ежегодной премии журнала «Наш современник», лауреат всероссийских литературных премий «Традиция», «Имперская культура», Самарской губернской премии в области литературы, Самарской региональной премии им. поэта Виктора Багрова, дипломант Всероссийского конкурса молодых поэтов им. Сергея Есенина, премии имени Валериана Правдухина альманаха «Гостиный Двор» (2010), лауреат премии им. Марины Цветаевой (Елабуга, 2016). Живёт в Оренбурге.

стр. 153 КАШИРИН Сергей Иванович, родился в 1928 году на Брянщине в семье учителя. По законам того времени «кочевал» — проживал в различных деревнях и сёлах, пять классов закончил в белорусской школе. В годы фашистской оккупации за содействие партизанам зондеркомандой расстреляна его мать. Заменяв её, был связанной партизанского отряда, сам однажды, чудом, буквально из-под прожужжавшей над головой пули избежал расстрела. Удрал, благодаря мальчишеской прыти, петляя, как заяц. О чём, стыдись котуствием в том героизма», никому старался и не рассказывать.

В 1945 году, сразу после освобождения местности от немецких оккупантов, вступил в комсомол, и, опять же, «зайцем», то бишь без билета, пересаживаясь с поезда на поезд, за неимением хлеба, с двумя картофелинами в вешмешке, добрался до города Курска и поступил в Курскую спецшколу Военно-воздушных сил № 4. Затем с 1948 по 1951 — курсант Энгельсского военного училища лётчиков. С 1951 года — военный лётчик. Служил в строевых авиачастях на различных военных аэродромах в Германской Демократической Республике и СССР.

Романтика полётов на многих типах боевых самолётов с переходом от винтомоторных на реактивные, романтика службы «дозорным родного неба» в горячие годы «холодной войны» и побудила рассказать о том стихами. Первое стихотворение было напечатано в 1946 году в газете Приволжского военного округа «За Родину». Первый рассказ — в центральной авиационной газете «Сталинский

сокол». Затем стихи, очерки и рассказы публиковались в журналах «Крылья Родины», «Советский воин», «Авиация и космонавтика», «Знаменосец», в газетах «Красная звезда», «Правда», «Советская Россия» и другой периодике.

В 1959 году в «хрущёвскую оттепель» случилось «сокращение военной авиации». Каширина переводит с лётной работы на газетную. Сначала — корреспондентом армейской газеты «Боевая тревога», а потом в редакцию газеты Ленинградского военного округа «На страже Родины». Одновременно закончил факультет журналистики Ленинградского Государственного Университета. Стихи, рассказы и публицистику печатал в «толстых» литературно-художественных журналах «Нева», «Звезда», «Молодая гвардия», «Наш современник», «Неман», «Звезда Востока», «Дальний Восток», «Аврора» и в коллективных сборниках.

Сформулировкой «За многолетнюю плодотворную работу в советской печати» в 1968 году награждён Почётной Грамотой Верховного Совета РСФСР. В 1970 году в Лениздате вышла первая книга документальной прозы. В 1976-м в Москве в Воениздате — вторая. В 1978-м уволился в запас. Издал более двух десятков книг стихов и прозы. Лауреат ряда литературных премий, награжден орденом Святого князя Александра Невского, удостоен Диплома Царицынского Православного Александро-Невского фестиваля СМИ, сертификата международной премии «Филантроп». Кавалер литературной медали Сергея Есенина, медалей «Защитник Ленинградского неба», «Маршал Жуков» и других. Почётный гражданин древнего русского города Гдова.

В Союз писателей заявления о вступлении не подавал. Принят в члены Союза писателей СССР в 1981 году по приглашению правления Ленинградского отделения СП СССР. Теперь — член Союза писателей России и Международной ассоциации писателей баталлистов и маринистов, действительный член Петровский академии наук и искусств. Живёт в городе Гдове Псковской области.

стр. 215 КИЛЯКОВ Василий Васильевич родился в 1960 году в Кирове. После окончания Московского политехникума работал мастером на заводе в г. Электросталь, служил в армии. Окончил Литературный институт им. М. Горького. Печатался в журналах «Новый мир», «Октябрь», «Юность», «Молодая гвардия» и других изданиях. Лауреат литературной премии имени Б. Полевого и Всероссийской литературной премии «Традиция». Член Союза писателей России. Живёт в г. Электросталь Московской области.

стр. 134 ЛИМОНОВА Инна Валерьевна. Родилась в 1955 году в Челябинске. Приехала на КамАЗ в 1972 году, работала плиточницей на стройке, диспетчером на литейном заводе, корреспондентом газеты «Камские Зори». Окончила Литературный институт им. Горького. Член Союза писателей СССР. Автор нескольких книг поэзии и прозы. Живёт в Москве.

стр. 138 МАЗИТОВА Роза Кадыровна, родилась в 1927 году, доктор экономических наук, профессор КНИТУ-КАИ, академик Российской Академии гуманитарных наук, заслуженный деятель науки Республики Татарстан, почётный член Союза писателей РТ.

стр. 232 МИЛОВАНОВ Владимир Николаевич родился в 1947 году в исправительно-трудовой колонии в Ютазинском районе ТАССР, куда была депортирована его мать по национальному признаку из Республики немцев Поволжья. Отец — участник финской войны, участник обороны Ленинграда, инвалид ВОВ.

Детство и юность прошли в г. Бугульма. В 1965 г. окончил школу с золотой медалью, в 1970 г. — физический факультет Казанского государственного университета (отделение астрономии) с красным дипломом.

Научной работой начал заниматься в студенческие годы. С 1970 по 1982г работал в Астрофизическом институте АН Каз ССР (г. Алма-Ата). Занимался исследованиями Солнца и солнечной активности на Высокогорной солнечной обсерватории в горах Заилийского Алатау. В 1979 году был признан лучшим молодым учёным Казахстана. В 1980г защитил кандидатскую диссертацию в Главной астрономической обсерватории АН СССР (Пулково, г. Ленинград).

С 1982 года работал в г. Набережные Челны в политехническом институте на кафедре физики научным руководителем лаборатории волновой оптики и квантовых явлений. После присоединения института к Казанскому Федеральному университету продолжил работу в Набережночелнинском институте КФУ. Стаж научно-педагогической работы — 50 лет. Автор почти 100 научных работ и учебно-методических пособий. Кандидат физико-математических наук, доцент. Сфера научных интересов — от астрофизики и космологии до синергетики и философских проблем естествознания. Последние годы занимается концептуальными проблемами квантовой механики.

стр. 125 НЕСТРУГИН Александр Гаврилович родился в 1954 году в селе Скрипниково Воронежской области. Окончил юридический факультет Воронежского государственного университета. Публиковался в журнале «Подъём», «Наш современник», «Молодая гвардия», «Роман-журнал XXI век» и других. Автор десяти книг поэзии и прозы. Лауреат нескольких литературных премий. Живёт в райцентре Петропавловка Воронежской области.

стр. 49 ПАХОМОВА Людмила Евгеньевна родилась 23 августа 1958 г. в городе Куйбышеве Татарской АССР (ныне г. Булгар). С двух лет по настоящее время проживает в Елабуге.

Окончила физико-математический факультет Елабужского педагогического института, отделение журналистики Казанского государственного университета. В журналистике с 1981 года. В настоящее время редактор Информационного центра Елабужского государственного музея-заповедника. Лауреат национальной литературной премии «Золотое перо Руси».

стр. 108 ПРИЩЕПОВА Ирина Александровна. Родилась 1 февраля 1963 года. Окончила Иркутский государственный педагогический институт. Долгие годы работала учителем. Всю жизнь живет на Байкале, в маленьком посёлке, который тоже носит название Байкал. Пишет стихи, рассказы, эссе, очерки. Печататься начала летом 2015 года. Публиковалась в литературных журналах «Москва», «Наш современник», «Молодая гвардия», «Огни Кузбасса», «Сибирь», в «Литературной газете», в «Литературной

России» и других отечественных изданиях. Член Союза журналистов России.

стр. 67 ТИТОВ Александр Михайлович (1950–2019) родился в селе Красное Липецкой области, окончил Московский полиграфический институт и Высшие литературные курсы. Работал в районной газете, корреспондентом на радио. Публиковался в журналах «Подъём», «Волга», «Север», «День и Ночь», «Литературная учеба», «Новый мир», «Молодая гвардия», газетах «Литературная Россия», «Литературная газета» и др. Автор семи сборников рассказов и повестей, дипломант литературного конкурса им. Н. Островского (1980), 5-го Волошинского конкурса (2007). Финалист национальной литературной премии для детей и юношества «Заветная мечта-2008». По мотивам его повести снят полнометражный фильм «Ангел» – Москва, киностудия «Ракурс», 2011). Лауреат областной литературной премии имени Е. Замятина (2010), областной литературной премии имени И. Бунина (2011), премии областного липецкого журнала «Петровский мост» (2012).

стр. 74 ХУЗАХМЕТОВА Рауза Менгалимовна, 62 года. Образование – высшее экономическое. Преподавала экономические дисциплины в университете (Димитровград Ульяновской области). С 2015 года живёт в Казани. Победитель I международного литературного конкурса «Рух» (Казахстан, 2017 г.) в номинации «Поэзия: сборник стихов», серебряный призёр конкурса «Премия имени Александра Куприна» в номинации «Лучшее стихотворение или поэма» (2018 г.), финалист конкурса Open Eurazia (Лондон, 2018 г.). Автор книги стихов и рассказов «На крыльях мечты» (изд. «Фолиант» Астана, Казахстан, 2018 г.).

стр. 46 ЦЫГАНКОВ Дмитрий Васильевич родился 17 июня 1971 года на Украине в городе Конотоп. После окончания школы устроился работать слесарем-ремонтником на городскую ТЭЦ. Проработав два года, уволился и занялся частным предпринимательством. В начале двухтысячных годов начал пробовать себя в литературе. Публиковался в литературных журналах «Аргатак», «Простор». Автор книг «Среди людей» и «Туманы родины». Член Союза российских писателей. Живёт в Набережных Челнах.

стр. 130 ЭРАСТОВ Евгений Ростиславович родился в 1963 году. Окончил Горьковский медицинский институт и Литературный институт им. А. М. Горького. Доктор медицинских наук. Автор шести поэтических и четырех прозаических книг, а также многочисленных публикаций в периодике. Произведения переводились на английский, немецкий, испанский, македонский и болгарский языки. Лауреат премий Нижнего Новгорода (2008), Нижегородской области им. А. М. Горького (2014), имени Ольги Бешенковской (Германия, 2014), литературной премии имени Марины Цветаевой (Татарстан, Елабуга, 2014), победитель нескольких международных поэтических конкурсов, в том числе конкурсов православной поэзии «Рождественская звезда» (Мордовская митрополия Русской Православной Церкви, 2011), «Цветаевская осень» (Украина, Одесса, 2011), имени Сильвы Капутикян (Армения, Ереван, 2013), «Лёт лебединый» имени Петра Вегина (США, Лос-Анджелес, 2014), «Я не мыслю себя без России» имени Игоря Григорьева (Санкт-Петербург, 2014). Член Союза писателей России.

СОДЕРЖАНИЕ

НА ВСЕ ВРЕМЕНА

ЖИВОТВОРЯЩЕЕ СЛОВО 5

СОБЫТИЯ

АЛЕКСАНДР ВОРОНИН

ЮБИЛЕЙНЫЙ ЗАЕЗД «АРГАМАК» 9

С ЮБИЛЕЕМ, «АРГАМАК»!

ИАНА КАН, НИКОЛАЙ АЛЕШКОВ

КОГДА ПОЭТЫ, РАСПРИ ПОЗАБЫВ 18

НАШИ ИНТЕРВЬЮ

НИКОЛАЙ АЛЕШКОВ

ТАТЬЯНА ОКОМЕНЮК: «САМЫЕ ТАЛАНТЛИВЫЕ ПИСАТЕЛИ ЖИВУТ В РОССИИ» ... 27

ЛИЛИЯ ЮСУПОВА: «КОГДА ТАК КРАТОК ПУТЬ ЗЕМНОЙ...» 30

СТИПЕНДИАТЫ

КАСТАЛЬСКИЙ КЛЮЧ 33

НИКОЛАЙ АЛЕШКОВ 33

НАТАЛЬЯ ПЕРВОВА 34

ОЛЕГ ЛОНШАКОВ 35

СВЕТЛАНА ЛЕТЯГА 36

ОЛЬГА КУЗЬМИЧЕВА-ДРОБЫШЕВСКАЯ 37

ВЕРА ХАМИДУЛЛИНА 38

ЭДУАРД УЧАРОВ 39

ФИЛИПП ПИРАЕВ 40

ГАЛИНА БУЛАТОВА 41

ЕКАТЕРИНА БЕЛЯЕВА-ЧЕРНЫШЁВА 42

СВЕТЛАНА ПОПОВА 43

ЕЛЕНА СТЕПАНОВА 45

ДМИТРИЙ ЦЫГАНКОВ

СОН В РУКУ 46

ЛЮДМИЛА ПОХОМОВА

ТРИАДА ТВОРЧЕСТВА, ЖИЗНИ И СМЕРТИ 49

ЗВАННЫЕ ГОСТИ

СЕРГЕЙ ЩЕГЛОВ

КОГДА СЕРДЦЕ САМО ПОДБИРАЕТ СЛОВА 58

ГЕННАДИЙ СМИРНОВ 59

АЛЕВТИНА САГИРОВА 60

АЛЕКСАНДР КОКОВИХИН 62

ИГОРЬ КАРПОВ

ТАЙНА 63

ЯНА ПАВЛОВА

НАДЕЖДА 64

ПРОЗА

АЛЕКСАНДР ТИТОВ

ДВА КАПИТАНА 67

РАУЗА ХУЗАХМЕТОВА

ДОРОЖНЫЕ ИСТОРИИ 74

ПОЭТЫ УХОДЯТ, СТИХИ ОСТАЮТСЯ

НИКОЛАЙ ПЕРОВСКИЙ

ПОЛЁТ НЕ ТРЕБУЕТ НАГРАД 78

РОДИНА МОЯ

ВИКТОР БИРЮЛИН ДАЛЁКИХ МОЛНИЙ НЕ БЫВАЕТ	85
ИРИНА ПРИЩЕПОВА БАЙКАЛЬСКИЕ ЗАРИСОВКИ.....	108

ИМЯ В ПОЭЗИИ

ЭДУАРД АНАШКИН В СВОЕЙ СТИХИИ.....	120
АЛЕКСАНДР НЕСТРУГИН НА ДОНСКОМ БЕРЕГУ	125
ЕВГЕНИЙ ЭРАСТОВ ОСТАЛСЯ Я ВЕРЕН ПРИСЯГЕ.....	130
ИННА ЛИМОНОВА БОЯРЫШНИК.....	134

РЯДОМ С НАМИ

РОЗА МАЗИТОВА ГЕРОИЧЕСКАЯ ПЕСНЯ ШАГИНУРА.....	138
---	-----

НА ВСЕ ВРЕМЕНА

СЕРГЕЙ КАШИРИН ЭФИОП? ИЛИ ВСЁ-ТАКИ РУССКИЙ?.....	153
НИНА БОЙКО «ПРОТИВ ВСЕХ ПРАВИЛ И ЧЕСТИ...».....	166

К 90-ЛЕТИЮ В. М. ШУКШИНА

ВАСИЛИЙ КИЛЯКОВ «И ОХЛАДЕЕТ В ЛЮДЯХ ЛЮБОВЬ...».....	215
---	-----

НА ПУТИ К ИСТИНЕ

АЛЕКСАНДР МАКЛАКОВ ОНТОЛОГИЯ – ЭТО ПРОСТО.....	228
ВЛАДИМИР МИЛОВАНОВ МОЗГ И СОЗНАНИЕ	232

У КОНОВЯЗИ

АНДРЕЙ ИВАНОВ ДЕЛО БЫЛО В ЕЛАБУГЕ.....	243
--	-----

ПРОБА ПЕРА

МАРИЯ ГУБАНОВА ПЕРЕМЕНКА	248
--	-----

НАШИ АВТОРЫ

.....	251
-------	-----

ПЕРВАЯ СТРАНИЦА ОБЛОЖКИ: ПАМЯТНИК А. С. ПУШКИНУ В БОЛДИНО.

**АВТОРЫ: НАРОДНЫЙ ХУДОЖНИК РСФСР СКУЛЬПТОР ОЛЕГ КОМОВ
И АРХИТЕКТОР НИНА КОМОВА**

ПЕРВАЯ ЦВЕТНАЯ ВКЛЕЙКА: ФОТОВЕРНИСАЖ «СВЕТ ПУШКИНА СИЯЕТ НАД РОССИЕЙ».

АВТОРЫ: ДМИТРИЙ КАШКАНОВ, АННА МУХРЕЕВА, ДИАНА КАН

ВТОРАЯ ЦВЕТНАЯ ВКЛЕЙКА: ЛЮБИТЕ ЖИВОПИСЬ, ПОЭТЫ! КАРТИНЫ ЛИЛИИ ЮСУПОВОЙ

ЧЕТВЁРТАЯ СТРАНИЦА ОБЛОЖКИ: ПАМЯТНИК М. Ю. ЛЕРМОНТОВУ В ТАРХАНАХ.

**АВТОРЫ: НАРОДНЫЙ ХУДОЖНИК РСФСР СКУЛЬПТОР ОЛЕГ КОМОВ
И АРХИТЕКТОР НИНА КОМОВА**

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

Аргамак

ТАТАРСТАН

Учредитель

АО «Татмедиа»

420016, г. Казань, ул. Декабристов,
д. 2. Тел.: (8-843) 222-09-84

Адрес редакции:

423812, г. Набережные Челны,
Московский проспект, 95, офис 253, 254;
тел. (8-8552) 58-13-71.

Издатель:

**Татарстанское отделение
Союза российских писателей**

423812, г. Набережные Челны,
Московский проспект, 95, офис 253, 254;
тел. (8-8552) 58-13-71.

Представительство в Москве:

8-966-380-04-00

Ларина Ксения Владимировна

Подписано в печать 08.08.2019 г.

Формат 70x100^{1/16};

Печать офсетная. Бумага ВХИ.

Усл. печ. л. 18,15 . Тираж 1000 экз.

Заказ

Цена свободная

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного
электронного оригинал-макета
в типографии филиала

АО «ТАТМЕДИА»
«ПИК «Идел-Пресс»

420066, Казань, ул. Декабристов, 2

Со всеми номерами литературного журнала «Аргамак. Татарстан» можно познакомиться на сайте Татарстанского отделения Союза российских писателей www.srpkn.ru, в соцсетях, в «Журнальном зале» и эссе-клуба «НООБИБЛИОН».

Рукописи принимаются по адресу: anp45@mail.ru. Желательны фотография и краткая биографическая справка.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Читательские письма и предложения могут быть опубликованы в альманахе. Ответственность за достоверность информации несут авторы материалов. Мнения авторов могут не совпадать с мнением редакции. При перепечатке материалов ссылка на журнал «Аргамак. Татарстан» обязательна.

Для приобретения номера и размещения рекламы социальной направленности обращайтесь: e-mail: anp45@mail.ru, тел.: (8-8552) 58-13-71; 8-927-241-01-19.

С ЮБИЛЕЕМ!

**Скачи, наш «Аргамак»,
Сквозь мрак лихой халтуры.
Вздымай словесный флаг
Родной литературы.
Пегасу ты подстать,
Твой бег сквозь все бураны
Не в силах обуздать
Всех марок графоманы.
Не выпустит из рук,
Уздцы сжимая строго,
Поэтов звёздный круг,
Прозаиков от Бога,
И радостей, и бед
Изведал, не помешкав,
В седле уж десять лет
Твой Николай Алешков.
Да будет только так!
Презрев земные крыши,
Скачи, наш «Аргамак»,
Вперёд и -**

выше, выше!

**Николай Рачков,
г. Тосно Ленинградская обл.**

